АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

2

МАРТ–АПРЕЛЬ

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

Издается с участием

ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС

И

ГЛАВНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

К сведению авторов:
Рукописи редакцией не возвращаются.

Технический редактор *Н. А. Колгурина*

Адрес редакции: Москва, Г-19, Волхонка, 14, тел. Б 8-81-42.

Подписано к печати 26/III 1959 г. Т-00092 Формат бумаги 70×108$^{1}/_{16}$. Бум. л. 8$^{1}/_{4}$
Печ. л. 22,6+2 вкл. Зак. 1324 Уч.-изд. листов 26,0 Тираж 3975 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ДОКУМЕНТЫ

ДОКУМЕНТЫ В. И. ЛЕНИНА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСПЛАНА И УПРАВЛЕНИИ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

(апрель 1921 г.)

Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

С начала 1921 г. молодая Советская республика, вступившая на путь мирного хозяйственного строительства, должна была решать сложнейшие вопросы восстановления промышленности, транспорта, сельского хозяйства, разоренных и доведенных до полного упадка империалистической, а затем гражданской войной. Решение этих задач невозможно было без изменения и улучшения созданного в первые годы существования Советской России государственного аппарата управления, а также без всестороннего учета материальных ресурсов страны, без единого плана восстановления и развития народного хозяйства.

В. И. Ленин в своих статьях, в докладах и выступлениях на съездах и конференциях Коммунистической партии, перед различными группами советских работников неоднократно останавливался на работе государственного аппарата, его участия в подъеме производительных сил страны. Его мысли по улучшению работы государственного аппарата нашли наибольшее, концентрированное выражение в наказе Совета Труда и Обороны местным советским учреждениям, широко обсуждавшемся и утвержденном ВЦИК 30 июня 1921 г.

Публикуемые документы являются дополнением к публиковавшимся в свое время материалам о деятельности Совета Труда и Обороны в области создания и улучшения советского государственного аппарата, призванного организовывать выполнение задач по подъему и восстановлению промышленности, сельского хозяйства и других отраслей народного хозяйства. Дополнением к ранее опубликованным документам по вопросу создания Государственной общеплановой комиссии[1] являются документы №№ 1—3, утвержденные Советом Труда и Обороны и подписанные В. И. Лениным 1 апреля 1921 г.

Основным положением организации Государственной общеплановой комиссии при СТО (см. док. № 1) предусматривался порядок работы, структура, кредитование Госплана, права и обязанности его членов.

---

[1] Ленинский сборник XX, стр. 19—26.

Список членов Госплана (см. док. № 2), ранее опубликованный как проект [1], публикуется как утвержденное постановление СТО. Состав его членов разнится с первоначальным проектом, к списку добавлены новые фамилии; кроме того, 1 апреля был решен вопрос с составе президиума.

На этом же заседании был принят и третий документ — об условиях обеспечения плодотворной работы членов Государственной общеплановой комиссии. Это решение явилось результатом обсуждения особой комиссии, состоящей из представителей нескольких наркоматов. Данный документ свидетельствует о том, что Советское государство активно стремилось привлечь старых специалистов к плодотворной работе, к участию в составлении единого государственного плана. В. И. Ленин указывал, что для строительства социализма государство рабочих и крестьян вынуждено пользоваться помощью старой буржуазной интеллигенции, но он требовал от нее полной отдачи. В письме Г. М. Кржижановскому В. И. Ленин писал 4 июля 1921 г.: «и, главное, засадить 70% членов Госплана за работу по 14 часов в сутки (пусть наука потерпит: пайки дали хорошие, надо заставить работать)» [2].

Документы №№ 4—6 показывают, что многие вопросы управления хозяйственной жизнью в период перехода страны на мирные рельсы подвергались пересмотру и изменению, как в области снабжения промышленности сырьем, материалами, топливом, так и в области управления отдельными отраслями промышленности и хозяйства.

На протяжении 1918—1921 гг. Совет Труда и Обороны множество раз обсуждал на своих заседаниях вопросы, связанные со снабжением страны топливом. На IX Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин говорил, что топливный план на вторую половину 1921 г. был значительно уточнен, пересмотрен и что «малейшее преувеличение здесь недопустимо» [3].

Созданное Главное управление по топливу при ВСНХ обязано было объединить все отрасли топливоснабжения, поставить разработку добычи и снабжения топливом на научную основу.

* * *

Публикуемые документы хранятся в Центральном партийном архиве ИМЛ в фонде В. И. Ленина (ф. 2), в фонде СНК и СТО (ф. 19) они имеются в копиях в виде приложений к протоколам заседаний СТО. Автографы В. И. Ленина (подписи, надписи и пометки) выделены в публикации полужирным шрифтом. Публикация подготовлена к печати М. С. Веселиной.

№ 1

Основные положения организации Общеплановой Государственной комиссии при Совете Труда и Обороны (Госплан)[4]

1 апреля 1921 г.

1. Руководство деятельностью Госплана и установление внутреннего распорядка его работ возлагается на Президиум Госплана.

2. Во главе Президиума стоит председатель Госплана, направляющий работы Президиума в соответствии с получаемыми от председателя Сов[ета] Труда и Обороны указаниями.

[1] Ленинский сборник. XX, стр. 24.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 474.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 140.
[4] Заголовок документа.

3. Президиум Госплана производит расходование отпущенных в распоряжение Госплана кредитов. Президиуму предоставляется право разрешать поступающие на рассмотрение Госплана срочные, не терпящие отлагательства дела, доводя о принятых решениях до сведения общего собрания Госплана.

4. Президиуму предоставляется организовывать в составе Госплана секции, подсекции и подкомиссии, представляя об этом на утверждение Совета Труда и Обороны. Ему предоставляется также организовывать особые рабочие группы специалистов для подготовки дел, вносимых в Госплан по районам.

Примечание 1-е: Президиуму Госплана поручается выработать к 1 июня с. г. минимальные штаты постоянного состава сотрудников и своего рабочего аппарата.

Примечание 2-е: О каждом случае организации особых рабочих групп специалистов и составе их Президиум Госплана доводит до сведения СТО.

5. Президиуму предоставляется привлекать к работам Госплана постоянных сотрудников и консультантов, а также поручать специалистам разработку отдельных вопросов и докладов на началах сдельной платы в размере, устанавливаемом Президиумом. В случае приглашения названных лиц в заседания Госплана, они пользуются правом совещательного голоса.

Примечание: Президиум Госплана ежемесячно доводит до сведения СТО о производимых специалистами расходах с точным указанием, когда и в каком размере они произведены.

6. Дела, вносимые на рассмотрение в Госплан, поступают в Президиум. Распределение дел по секциям и подкомиссиям производится председателем или его заместителем.

7. Все сношения с высшими государственными и центральными учреждениями и установлениями в Республике по делам Госплана производятся председателем или его заместителем.

8. В общих собраниях Госплана председательствует председатель или его заместитель.

9. На Президиум Госплана возлагается разработка подробного наказа для общих собраний Госплана, его секций, подсекций и комиссий и представление такового на утверждение Совета Труда и Обороны.

10. На первое время Госплан разделяется на секции: 1) энергетическая (электрификация, топливо, водная сила), 2) промышленности добывающей и обрабатывающей, 3) транспорта, 4) сельского хозяйства.

При Госплане состоят образуемые из его членов подкомиссии: 1) плановых предположений ближайшего года, 2) учета и распределения хозяйственных ценностей, рабочей силы и организации труда. Распределение членов Госплана по секциям и подкомиссиям и в президиумы их представляются Президиумом Госплана на утверждение Совета Труда и Обороны.

11. Все вносимые в Госплан, его секции, подсекции и подкомиссии доклады, сообщения, заключения и отчеты должны быть изложены в письменной форме, за подписью докладчика и должны иметь: в начале краткое изложение содержания представляемого материала, а в заключительной части — краткие основные положения и выводы, вносимые на обсуждение собрания.

Председатель СТО **В. Ульянов (Ленин)**

Утв.
1—IV—21 г.

ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 17980.— Подлинник.

№ 2

Список членов Госплана [1]

1 апреля 1921 г.

Президиум:

5 членов Президиума	**Председатель**	**Г. М. Кржижановский**
	Зам. Председателя	**П. С. Осадчий**
	Члены	**Александров**
		Долгов
		Крицман

Список членов Госплана:

	Инж. Н. Н. Вашков	— Заведующий Электроотделом ВСНХ.
	В. Я. Свердлов	— Председатель КГС.
Член Президиума	Проф. И. Г. Александров	— Председатель Технико-экономического совета КГС.
	Проф. Г. О. Графтио	— От Управления электрификации НКПС.
	Проф. К. А. Круг	— Проф. электротехники МВТУ.
	Проф. Л. К. Рамзин	— Кафедра теплотехники МВТУ.
Заместитель председателя	Проф. П. С. Осадчий	— Петроградский электротехнический институт.
	Проф. М. А. Шателен	— Кафедра электротехники Петроградского электротехнического института.
	Инж. Е. Я. Шульгин	— (спец. электротехник), КГС.
	Инж. А. Г. Коган	— КГС.
Председатель	Инж. Г. М. Кржижановский	— Государственная электрическая станция «Электропередача».
	Проф. И. А. Калинников	— Технология металлов.
	[А. А.] Бачманов	— Петросовнархоз.
	Инж. И. И. Федорович	— Горный инженер. **Главуголь**,
	И. М. Губкин	— Председатель Главсланца при ВСНХ.
Член президиума	Проф. А. Н. Долгов	— Зам. председателя ЦПК при ВСНХ.
	А. А. Нольде	— Специалист по льняной промышленности. **Главтекстиль**.

[1] Заголовок документа.

	Проф. [В. Н.] Ипатьев	— Химия.
	Проф. С. П. Ланговой	— Химическая технология. **Химотдел.**
	Проф. С. А. Федоров	— Технология волокнистых веществ.
	Проф. [Я. Я.] Никитинский	— Технология питательных веществ.
	Инж. А. А. Неопиханов	— Член Технического комитета НКПС.
	Инж. Б. Н. Ведenисов[1]	— Член Технического комитета НКПС.
	Инж. Е. Э. Кениг	— Водные пути сообщения.
	Инж. В. [Н.] Толстопятов	— НКПС.
	Проф. Д. Н. Прянишников[2]	— Петровская академия.
	Проф. [В. Р.] Вильямс	— » »
	Проф. [М. И.] Придорогин	— » »
	Проф. [В. Ю.] Ган	— » »
	С. П. Середа	— Член президиума ВСНХ. Председатель ЦПК.
	П. И. Попов	— Заведующий Цусом.
	[В. З.] Есин	— Заведующий Электроземом НКЗ.
	С. Г. Струмилин	— Заведующий отделом статистики НКТ.
	Н. А. Ларин	— Экономист, член ВСПС.
Член Президиума	Л. Н. Крицман	— Комиссия использования.

1. IV. 1921 Утв. СТО

Председатель СТО В. Ульянов (Ленин)

ЦПА ИМЛ, ф. 2., оп. 1, ед. хр. 17984. — Подлинник.

№ 3

Условия обеспечения плодотворной работы членов Государственной общеплановой центральной комиссии[3]

21 апреля 1921 г.

1) Члены Комиссии снимаются со всех продовольственных пайков и получают академический паек для себя и по совнаркомскому пайку для каждого члена своих семейств, находящегося на их иждивении.

Для постоянного аппарата Комиссии и ее постоянных консультантов Комиссия рабочего снабжения НКПрода отпускает по заявке Президиума Центральной общеплановой комиссии определенное количество пайков ответственных советских работников центральных учреждений, причем за основу принимается количество ответственных работников и постоянных консультантов Комиссии. Все продовольствие согласно настоящего пункта отпускается в распоряжение Президиума Комиссии.

[1] В тексте ошибочно: «Б. Л. Веденисов».
[2] В тексте ошибочно: «Д. М. Пряничников».
[3] Заголовок документа.

2) В распоряжение Президиума Комиссии отпускается на каждое полугодие необходимый фонд из предметов обмундирования и предметов широкого потребления для обеспечения членов Комиссии, ответственных работников, постоянных консультантов и членов их семейств.

Размеры этого фонда каждый раз устанавливаются по соглашению между Президиумом Комиссии, Учетно-распределительным отделом НКПрода и Отделом нормирования ВЦСПС.

3) Члены Комиссии за работу в Комиссии получают по 100 000 руб. в месяц, независимо от окладов жалованья по другим местам своей службы.

Кроме того члены Комиссии и приглашаемые консультанты получают пожетонное вознаграждение в размере 3000 рублей за каждое заседание.

4) Для вознаграждения сотрудников Комиссии и производящим сдельные работы по поручению Комиссии, в распоряжение Президиума Комиссии предоставляется особый фонд из продовольственных припасов, обуви, верхней одежды, мануфактуры, предметов широкого потребления и т. д., размеры которого специально устанавливаются Отделом нормирования ВЦСПС по соглашению с Учетно-распределительным отделом НКПрода и Президиумом Комиссии.

Утв. СТО 1/IV—1921

Председатель СТО В. Ульянов (Ленин)

ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 17992.— Подлинник.

№ 4

Постановление Совета Труда и Обороны об организации Главного управления по топливу

23 апреля 1921 г.

В целях объединения дела топливоснабжения Республики и поднятия его на должную высоту, Совет Труда и Обороны постановил:

1. Для руководства топливным делом Республики создается в составе ВСНХ Главное управление по топливу.

2. Главному управлению по топливу подчиняются, как все топливозаготовляющие, топливодобывающие главки, так и Главный комитет по топливу (бывш. Главтоп) с их областными и местными органами, а также органы совнархозов и областных экономических советов, ведающих топливным делом.

3. Во главе Главного управления по топливу стоит начальник, назначенный СТО, из числа членов Президиума ВСНХ, причем он имеет право непосредственного сношения и доклада по топливным вопросам в СНК и СТО, с ведома, каждый раз, председателя ВСНХ.

4. Подробное положение, схемы и инструкции в развитие настоящего постановления вырабатываются Главным управлением по топливу в установленном порядке.

5. В подчинение Главного управления по топливу переходят:

а) Тепло-технический институт,

б) Высшая коллегия по постройке топливных ветвей,

в) Топливно-лесная инспекция.

Председатель Совета Труда и Обороны **В. Ульянов (Ленин)**

Секретарь Совета Труда и Обороны

Москва, Кремль
23 апреля 1921 г.

ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 18348.— Подлинник.

№ 5

Постановление Совета Труда и Обороны об упорядочении института уполномоченных СТО по топливу

27 апреля 1921 г.

В целях устранения параллелизма в работе органов, осуществляющих наблюдение за производством, перевозками, распределением и потреблением топлива СТО постановляет:

1. Упразднить всех особоуполномоченных и уполномоченных СТО по топливу и все существующие при СТО совещания и комиссии по топливу.

Примечание 1-е. Порядок ликвидации определяется Главтопом и поручается ему в месячный срок просмотреть все мандаты, выданные СТО отдельным лицам, и внести в СТО проект постановления об аннулировании тех или иных мандатов.

Примечание 2-е. Впредь до ликвидации все особоуполномоченные и уполномоченные СТО по топливу подчиняются непосредственно Главтопу и работают по его директивам.

2. Упразднить все организованные в центре и на местах чрезвычайные и временные органы по топливу, тройки, пятерки, оперативные штабы, топливные комиссии профсоюзов и т. д., созданные в связи с топливным кризисом, с передачей всех их дел в центре — Главтопу, а на местах — губтопам или в соответствующие топливные органы.

3. Сохранить уполномоченных Главтопа в НКПС на железнодорожных и водных путях для проведения планов Главтопа и НКПС и объединения работ по топливоснабжению в районе данного железнодорожного и водного пути с постепенным их превращением в постоянные органы Главтопа.

Примечание 1-е. Уполномоченные назначаются, перемещаются и смещаются исключительно Главтопом и мандаты выдаются за совместными подписями Главтопа и НКПС.

Примечание 2-е. Уполномоченные подчиняются НКПС лишь в части, касающейся круга ведения НКПС.

4. Обследования, контроль и ревизия всех топливных органов, подчиненных Главтопу, осуществляются соответствующим вышестоящим топливным центром, а в отношении к проверке расхода топлива контроль над всеми предприятиями и учреждениями Республики принадлежит Главтопу и его местным органам.

Примечание. Ведомства, учреждения и организации, имеющие надобность проверить действия топливных органов других ведомств, должны осуществлять это только через органы Рабоче-Крестьянской Инспекции в установленном порядке.

Москва, Кремль
27 апреля 1921 г.

Председатель Совета Труда и Обороны **В. Ульянов (Ленин)**
Управляющий делами Совета Труда и Обороны
Секретарь Совета Труда и Обороны

ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 18427.— Подлинник.

№ 6

Постановление Совета Труда и Обороны об управлении морскими торговыми портами республики

27 апреля 1921 г.

Для урегулирования взаимоотношений между ведомствами, заинтересованными в деятельности торговых морских портов, Совет Труда и Обороны в отмену изданных до сего времени распоряжений постановляет:

1) Портовая территория и портовые воды со всеми находящимися на ней сооружениями находятся в хозяйственном и административном ведении НКПС в лице начальника торгового порта.

Примечание. Действие настоящего постановления не распространяется на Петроградский порт, находящийся в ведении НКВТ.

2) Запрещается какое бы то ни было вмешательство со стороны каких бы то ни было ведомств в административную и техническо-хозяйственную деятельность начальника торгового порта.

3) Предоставление складов, помещений, права пользования причалами и пр. производятся распоряжением начальника порта по заявкам ведомств, согласованным в Комитете по портовым делам (§ 4). Передача имущества во временное пользование производится по особым инструкциям, преподанным начальникам портов НКПС и утвержденным ВСП.

4) При начальнике торгового порта под его председательством создается Комитет по портовым делам из представителей НКПС, НКВТ, предст[авителя] местного исполкома, ВСНХ, РКИ, НК по военным делам.

5) Права и компетенция их определяются положением, разработка которого, согласование с ведомствами и внесение в Совет Труда и Обороны по утверждению ВСП возлагается на НКПС в недельный срок.

Председатель Совета Труда и Обороны **В. Ульянов (Ленин)**
Управляющий делами Совета Труда и Обороны
Секретарь Совета Труда и Обороны
Утверждено В. Аванесов

27 апреля 1921 г.

ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 18431.— Подлинник.

ОТВЕТ В. И. ЛЕНИНА НА ПИСЬМО И. И. СКВОРЦОВА-СТЕПАНОВА

(Март 1914 г.)

Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Публикуемые ниже документы — письмо В. И. Ленина, являющееся ответом на письмо И. И. Скворцова-Степанова, и письмо последнего — представляют большой научный интерес. В них содержатся новые данные, свидетельствующие о процессе «полевения» либеральной буржуазии в начале 1914 г. в связи с резким поворотом правительственного курса вправо и нарастанием революционного подъема, о заигрывании в это время некоторых групп либералов с левыми партиями, в том числе и с большевиками. Из письма В. И. Ленина видно его отношение к этим фактам.

В письме И. И. Скворцова-Степанова (на котором имеется надпись В. И. Ленина: «Получено 22/III—1914») автор сообщает о нелегальных противоправительственных совещаниях, происходивших в начале 1914 г. в Москве в кругах либеральной буржуазии, кадетов и прогрессистов совместно с представителями социал-демократов. И. И. Скворцов-Степанов описывает свои встречи и переговоры с либералами и обращается к В. И. Ленину за советом и указаниями в отношении дальнейших шагов в этом направлении.

Из письма мы впервые узнаем от непосредственного участника встреч с либералами — большевика о политических настроениях либеральной буржуазии в начале 1914 г., в условиях назревавшего в стране глубокого политического кризиса, когда начинался «процесс новой будораги», как пишет автор письма.

В своих рассуждениях И. И. Скворцов-Степанов исходит из твердо установившейся в большевистской партии оценки либеральной буржуазии и в беседе с представителями либералов прямо говорит о том, что не ждет от совещаний с ними «практических результатов», что «цели встреч исключительно информационные».

Чрезвычайно интересным и ценным является ответ В. И. Ленина на письмо И. И. Скворцова-Степанова, написанный сразу же по получении письма, 24 марта (н. ст.) 1914 г. В. И. Ленин считал очень важными сведения, сообщенные ему Скворцовым-Степановым. В своем ответе В. И. Ленин отмечает, что важно быть информированным «о настроениях колеблющихся и даже врагов», и вместе с тем указывает, что цель большевиков состоит также и в том, чтобы «подтолкнуть на всякое активное содействие революции».

В своем письме В. И. Ленин наметил примерный круг вопросов, на которые желательно было бы получить откровенные ответы от участников встреч. Он советовал расспросить, на какие средства борьбы с правительством согласны идти либералы, что могут они внести во внедумскую борьбу, способны ли дать деньги, создать нелегальный орган и т. д. Постановка этих вопросов представляет большой интерес, письмо содержит некоторые конкретные данные о тактике большевиков по отношению к отдельным группам либералов в период нового революционного подъема. В. И. Ленин рекомендовал Скворцову-Степанову выступить на встречах с докладом, обещая просмотреть тезисы доклада и высказать о них свое мнение.

В. И. Ленин обращает особое внимание на то, нельзя ли достать денег у лиц, с которыми велись в то время переговоры. Деньги были крайне нужны для ведения партийной работы: для организации объездов местных организаций доверенными лицами Центрального Комитета, для ведения подготовки к партийному съезду, для выпуска нелегальной литературы и т. п. Это было то реальное, что можно было рассчитывать получить от либералов.

Письмо В. И. Ленина было переписано Н. К. Крупской и 30 марта (н. ст.) 1914 г. отправлено из Кракова по конспиративному адресу: Москва, Мало-Успенский пер. (близ Арбата), камера арбатского мирового судьи, Егору Федоровичу Матвееву [1]. Было ли оно получено Скворцовым-Степановым, не установлено. Известно лишь, что оно было перлюстрировано полицией; копия письма сохранилась в делах Департамента полиции, где оно считалось письмом Н. К. Крупской [2].

Московское охранное отделение предполагало, что действительным получателем письма является Н. Н. Яковлев, который бежал в начале 1914 г. из Нарымского края и проживал нелегально в Харькове под фамилией И. О. Старикова, где и был арестован 23 марта 1914 г. [3].

В настоящее время установлено, что письмо В. И. Ленина предназначалось И. И. Скворцову-Степанову.

* * *

Автограф письма В. И. Ленина, а также подлинник письма Скворцова-Степанова с ленинскими пометками и подчеркиваниями вместе с другими документами Краковско-Поронинского архива В. И. Ленина были получены Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС от ЦК Польской объединенной рабочей партии.

Письмо В. И. Ленина было частично опубликовано в статье М. В. Стешовой «Краковско-Поронинский архив В. И. Ленина» [4].

Публикация подготовлена А. М. Володарской и М. В. Стешовой.

---

[1] Конспиративный адрес Е. Ф. Матвеева служил для пересылки из-за границы писем и денег, передававшихся по назначению через «Алю» — А. С. Романова, оказавшегося провокатором (см. журн. «Исторический архив», 1959, № 1, стр. 19 и 31 — примечание 70).

[2] См. ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1914 г., д. 5, ч. 46, лит. Б, лл. 22—23.

[3] См. там же, л. 77 и об.

[4] См. «Вопросы истории КПСС», 1957, № 3, стр. 177.

24/III 1914

Дорогой коллега! Извините, что пришлось переконспирировать, я долго не мог узнать, кто Вы.

За сообщение очень благодарен. Оно очень важно. По-моему, при указанных Вами условиях Ваше участие было вполне правильно и даже было необходимо. Вашу просьбу (заявить в случае надобности, что Вы не вели никакой игры за спиной единомышленников) я охотно исполню, разумеется, располагая неподробной информацией с Вашей стороны. Повторяю, дело очень важно в смысле симптома; Ваше замечание насчет „огромного интереса, который вызывает процесс новой буржуазии" безусловно правильно. Информировать нас насчет этого процесса в высшей степени необходимо.

Ошибкой считаю я с Вашей стороны лишь признание „крупного" и т. д. „с уважением отношусь к [illegible]", до „щепетильности корректного" и т. д. „В случае нужды он заявит, — нищий Вы — их я держал на вожжах". Я думаю, что сіи господа абсолютно иначе понимают корректность, чем мы. Что раз они не способны понять, что значит предать (рабочих) буржуазии, то Вам защиты подобного субъекта никогда не понадобится: для доказательства [illegible] мотивы о такой защите Вы приведете (напротив, совсем напротив) своего смысла или характера Вашей позиции и т. д. и этим цели и смысл Вашего участия в выборах. Лица, способные непосредственно информировать центр организованной силы, информирующие о настроениях колеблющихся и даже врагов [illegible] (превращая эти в „силы"!!) интеллигентика, неспособного буржуазии в его антипода, не надо было именно из этого, вероятно, кривотолки, сплетни, склоки.

Но эта ошибка не существенная. Самое дело (Вашей и нашей информации) много важнее.

Очень прошу писать чаще и для этого наладить правильные сношения. Отвечайте скорее: Калмыков ли от „Ведомостей" достать деньги? Очень нужно. Можно 10.000 р. брать на свой ответ. Далее со–

Письмо В. И. Ленина И. И. Скворцову-Степанову. 24 марта 1914 г.

обширѣ, насколько откровенно ЦК может относиться а) с экзекутивой б) с его отдѣльными представителями и знакомыми, собесѣдниками и прочее в) со всѣми участниками „Азефа".

По моему, надо выдѣлить тѣх, с кѣм можно „говорить откровенно" и им откровенно поставить вопросы в родѣ слѣдующих: аа) ли идете до таких-то средств борьбы; намѣрены ли информировать, до каких вы? неоформировавшихся, привлекших!! бб) или вносите то-то в смыслѣ сил, средств и пр.; намѣрены ли информироваться, что способны внести вы в „вспомогательную" борьбу. Или же говорить: экзекутива находит, что „рано вступление лишить(?) фронт(?) в 1905 году, — вот и „информирование" — вы ли так смотрите и на какой срок примерно предполагаете открыть практику фронта (конечно, не во времени, не в срокѣ можно открыть, а в новых периодах).

вв) способны ли дать деньги?

гг) „ „ создать нелегальный орган?

и т. д.

Наша цѣль информировать и подготовить ко всякое активное содѣйствие революции с возможно болѣе прямой и откровенной постановкой вопроса (для а или для б или даже для в. Как это видно будет) значения нашей революции. Если можно, хорошо бы и Вам встрѣтиться с докладом, о чем Вас бы с удовольствием выслушали, в случаѣ надобности, свое мнѣние.

Письмо В. И. Ленина И. И. Скворцову-Степанову

24/III—1914

Дорогой коллега! Кажется, Вы чуточку переконспирировали, и я долго не мог отгадать, кто Вы.

За сообщение очень благодарен. Оно очень важно. По-моему, на указанных Вами условиях Ваше участие было вполне правильное и для дела полезное. Вашу просьбу (заявить в случае надобности, что Вы не вели никакой игры за спиной единомышленников) я охотно исполню, разумеется, рассчитывая на *подробную* информацию с Вашей стороны. Повторяю, дело очень важно в смысле симптома; Ваши замечания насчет «огромного интереса наблюдать процесс новой будораги» безусловно правильны. Информироваться нам насчет этого процесса в высшей степени необходимо.

Ошибкой считаю я с Вашей стороны лишь приглашение «крупного» и т. д. «с большим уклоном к меньшевикам, до щепетильности корректного» и т. д. «В случае нужды он заявит,— пишете Вы,— как я держался на встречах». Я думаю, что сии господа абсолютно иначе понимают корректность, чем мы. Это раз. Они не способны понять, что значит предать рабочих буржуазии. Далее, Вам защита подобного субъекта *никогда* не понадобится: даже допущением мысли о такой защите Вы признаете (напрасно, совсем напрасно) свою слабость или шаткость Вашей позиции и т. п. Этим извращается цель и смысл Вашего участия в встречах. Лицо, способное непосредственно информировать центр организованной силы, информируется о настроениях колеблющихся и даже врагов. Тут нет ничего дурного, окромя хорошего. Но приглашать (превращая этим в «силу»!!) интеллигентика, неспособного отличить буржуазию от ее антипода, не надо было. Именно из этого выйдут, вероятно, кривотолки, сплетни, склоки.

Но эта ошибка не существенная. Самое дело (Вашей и нашей информации) много важнее.

Очень прошу писать чаще и для этого наладить правильные сношения. Ответьте скорее. Нельзя ли от «экземпляра» достать денег? Очень нужны. Меньше 10 000 р. брать не стоит. Ответьте. Далее сообщите, насколько откровенно Вы можете беседовать: а) с экземпляром, б) с его отдельными приятелями и знакомыми, собеседниками и прочее, в) со всеми участниками «встреч». По-моему, надо выделить тех, с кем можно говорить откровенно и им откровенно поставить вопросы вроде следующих: аа) мы идем до таких-то средств борьбы; нельзя ли информироваться, до каких вы? Неофициально, приватно!! бб) мы вносим то-то в смысле сил, средств и пр.; нельзя ли информироваться, что̀ способны внести вы в «внедумскую» борьбу. Вы же говорите: экземпляр находит, что рано изменили фронт либералы в 1905 году,— вот и «информироваться» — все ли так смотрят и *на какой срок примерно предполагают отсрочить перемену фронта* (конечно, сие не во времени, не в сроке можно выразить, а в политических переменах).

вв) способны ли дать деньги?
гг) » » создать нелегальный орган?
и т. д.

Наша цель информироваться и подтолкнуть на всякое активное содействие революции с возможно более прямой и откровенной постановкой вопроса (для *а* или для *б* или даже для *в*: Вам это видно будет) именно насчет революции. Если можно, хорошо бы и Вам выступить с докладом, о тезисах коего я бы с удовольствием высказал, в случае надобности, свое мнение.

На документе надпись Н. К. Крупской:
30/III Через Ал[ю]

ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 23809, л. 1 и об.— Автограф.

Письмо И. И. Скворцова-Степанова В. И. Ленину

Март, ранее 9(22) 1914 г.

Обстоятельства так досадливо складываются, что не знаю, когда удастся увидеться с Вами. В последний раз, как Вы верно припомните, виделись мы весной 1908 г. [1], когда я должен был доехать до Капри, но вместо того проболтался в Мюнхене, а потом задержался у Вас в Женеве. Одной из последних вестей, дошедших потом от Вас до меня, было едва ли не «благоволение», выраженное за мою статью о Муромцеве. Тогда признали (как мне передавалось), что это было лучшее, что появилось по тому поводу в России.

Простых обменных приветов я, конечно, не считаю за «вести».

Напомнив Вам об этих пустяках, перехожу прямо к делу. В либеральных кругах наблюдается любопытное явление. Все начинают уверять, что они утратили надежду на, скажем, органический исход и выход. И все упорнее начинают говорить, что надо быть готовыми «к над-органическому» или скажем «сверх-органическому» решению. Отдельные экземпляры наделены хорошим темпераментом, при котором они чувствуют себя гадко среди своих приятелей по либерализму, лишенных всякого темперамента. Но социальное положение, фамильные традиции, воспитание и т. д. не дают этим экземплярам возможности оторваться от своих приятелей. Лишенные возможности оторваться, они пока что принуждают себя верить, что могут как-нибудь изменить природу своих приятелей.

В разговоре со мною один из любопытнейших «экземпляров с темпераментом» так выразил свои минимальные пожелания. В прошлом, говорил он, когда совершалось над-органическое решение, его социальные приятели сделали крупную ошибку. Они, напуганные активною силой, с которой были совсем не знакомы, уверили себя, что «над-органическое решение» уже совершилось, и отпали и повернулись спиной. Пусть этого не будет во второй раз. И чтобы предотвратить это, необходимо, чтобы произошло хотя некоторое чисто личное [2] ознакомление; необходимо, чтобы мои приятели поняли, что представляет из себя активная сила, и не покидали бы так быстро арены (или точнее не изменяли бы фронта). Необходимо разнородным элементам по временам встречаться между собой просто для того, чтобы информировать друг друга о том, что происходит в разных социальных слоях.

Заметьте, это говорит человек, социальный вес и влияние которого измеряется... многими миллионами рублей (беру мерило адэкватное современному обществу), а со своими ближайшими приятелями дает, вероятно, за много миллионов рублей.

И вот к этому-то экземпляру кадеты обратились с предложением: созвать общественных деятелей душ 50—70, кадетов и прогрессистов, которые должны были выслушать доклад одного из виднейших думских каде-

---

[1] Здесь и далее воспроизводятся подчеркивания в тексте письма, сделанные В. И. Лениным, а также вопросительные знаки, поставленные его рукой в двух местах над словами.

[2] Против этих слов на полях пометка В. И. Ленина: «ха-ха!».

тов о думских делах и одного видного университетского кадета об университетских делах и, пожалуй, еще один доклад прогрессиста на желательную ему тему. Ответом было: это значит вариться в собственном соку и не понимать смысла грядущих событий.

Несомненно, в основе такого ответа было и нечто личное. Мой экземпляр терпеть не может кадетов за то, что они чванятся своей будто бы большею левизной, чем он. При своем темпераменте он прав в своих обидчивых чувствах. Понятно, ему хочется расстроить кадетскую затею. Но, опираясь на своих мягкотелых приятелей, он ничего не может поделать. Отсюда такой ход: «чем вариться в собственном соку, пригласим-ка левых!» Вы можете представить себе, какой ужасный переполох вызвало это среди кадетов. Карта была бита! Это экземпляр-то, приятель мягкотелых, приглашает левых! Начались возражения: они не пойдут, а если и пойдут, то только все нарушат и разрушат.

Маленькое отступление. Первое мое знакомство с «экземпляром» состоялось года $3^1/_2$ тому назад, у одного общего знакомого, за совершенно не политическою «чашкой чаю». Мы проговорили с ним весь вечер о текстильной и о тяжелой промышленности, о крестьянстве и проч. Он произвел на меня прекрасное впечатление: ясная голова, достаточно широкий кругозор и очень, очень развитое сознание интересов своего класса. На этот счет нет места каким-либо иллюзиям. Вскоре я узнал, что впечатление было, скажем, обоюдное. Отмечу, кстати, что при новейшей встрече он показался мне несколько обмякшим. Теперь Вам понятно, почему он вспомнил сразу обо мне, и только обо мне.

Обсуждая с ним его предложение пойти на совещание, я высказал следующее. Мечты о возрождении чего-нибудь подобного допотопному «Befreiungsbund» [1] считаю неосуществимыми. С тех пор из первобытного хаоса выделились организованные формы с вполне определенными очертаниями и определенно друг от друга отграниченные. Возвратиться к первобытному хаосу немыслимо. Теперь, при известных условиях, теоретически мыслимы были бы лишь соглашения между сплотившимися организованными формами,— притом именно лишь соглашения от случая к случаю. Но они и заключаться должны организованно: полномочными представителями оных организованных форм. Помимо же этого может получиться лишь один результат: к экземпляру и его приятелям для соглашений пойдет «оппозиция» сплотившимся партиям,— те люди, которые заявляют: «я, мол, скажем, последовательный демократ, но в германском смысле, а у нас это искажение истинных принципов и т. п. А потому я, мол, сторонюсь от наших последовательных демократов».— Значит, к Вам для соглашений пойдет «оппозиция» или, говоря проще, отбросы. Но для вас, говорил я, они не представляют никакого интереса, так как сами они представляют одиночек, не являются выразителями организованных сил.

Про себя лично я сказал, что уже около 18 лет чувствую себя в общем и целом солидарным с одной определенной коллективностью; оппозицией по отношению к ней не был и мне было бы тяжело попасть в положение оппозиции именно потому, что ее воззрения в существенном близки к моим — ближе чем воззрения других коллективностей. А потому я не отказался бы от встречи лишь при том условии, если не будет никаких соглашений, директив, резолюций.

[1] Союз освобождения.

Не вдаваясь в подробности, изложу окончательные выводы. Лица приходят и выступают при встречах со своими *личными* мнениями. Во вступительном слове прямо будет заявлено, что они — не представители партий; что цели встреч исключительно информационные; что все встречающиеся после встреч, как и до встреч, сохраняют полную самостоятельность, никаких директив; исключительно взаимное ознакомление лиц, соприкасающихся с различными общественными слоями; не допускается обсуждение деятельности различных фракций в думе и партий в стране. Взаимоознакомление, мол, необходимо ввиду грядущих событий. Оно, мол, может раскрыть, что разные силы идут в одном направлении, хотя и применяют различные средства.

Конечно, я сказал, что при такой постановке встреч не будет никакого предмета для совещаний. Но, мол, и вообще не жду от них практических результатов. Очень огорчил таким скептицизмом. Но не мог же смотреть на дело иначе.

Вы видите, я влетаю в «грязное дело». Мне плохо здесь, ибо я — чего утаивать истину! — одинок. Излагать дело нашим депутатам — считаю мало целесообразным: самостоятельно они едва ли разберутся в деле. А с другой стороны, оно по самому своему существу не допускает огласки.

Чтобы до известной степени подготовиться к возможным в будущем нападкам меньшевиков, я провел в совещания крупного литератора-художника, с большим уклоном к меньшевикам, но совершенно вне-фракционного. Он известен как до щепетильности корректный человек и пользуется таким уважением, что его свидетельство будет вполне достаточно: в случае нужды [1] он заявит, конечно, как я держался на встречах и было ли допущено с моей стороны что-либо такое, чего не следовало допускать.

Но я не хочу, чтобы эти шаги, которые я теперь делаю, внесли какую-нибудь муть в отношения с близкими мне по воззрениям лицами. А потому я извещаю Вас об этих шагах. Если Вы мне напишете, чтобы я пресек похождения, я немедленно это сделаю. Пусть я буду считать Ваше мнение неправильным, мне будет легче отказаться в этом случае от правильной, по моему мнению, линии, чем нарушать солидарность, существовавшую в крупных вопросах в течение почти 10-летия. И еще одно: не подумайте, что мне хочется разделить с Вами ответственность. Решительно заявляю: поскольку дело пойдет о меньшевиках, мне в высокой степени наплевать на их нападки (хотя очень сомневаюсь, чтобы дело дошло до их нападок). Но я попрошу у Вас только одного: в случае надобности [2] Вы должны будете заявить, что я не вел никакой игры за спиной единомышленников и вообще ничем не заслужил того, чтобы лишиться права на доверие, каким пользовался раньше.

И в заключение очень важная просьба. Пусть все это остается пока исключительно между нами. Беря на себя всю ответственность за описанные деяния, я имею право просить Вас об этом. И во всяком случае: пока что безусловно недопустимо литературное использование сообщаемых в этом письме сведений. Помимо всего прочего: заметьте, что я пока единственный из могущих корреспондировать Вам человек, знающий всю закулисную историю подготовки к встречам.

[1] Текст со слов: «в случае нужды» до конца фразы перечеркнут В. И. Лениным тремя наклонными чертами.

[2] Текст со слов: «в случае надобности» до конца фразы перечеркнут В. И. Лениным тремя наклонными чертами.

Мне хотелось бы, чтобы Вы почувствовали, какой это огромный интерес: наблюдать процесс новой будораги с самого ее зарождения. Нисколько не сомневаюсь, что тот характер, который по всей вероятности очень быстро примут встречи, скоро сделает для меня невозможным их продолжение. Или же первая будет и последней, ибо выяснится их бесплодность. Но пока можно наблюдать, не компрометируя себя и приятелей — почему не наблюдать? Очень хотелось бы, чтобы Вы дали такой же ответ. Но повторяю, если отрицательно отнесетесь ко всей этой «грязной истории», первая встреча (она, вероятно, произойдет раньше, чем поспеет ответ) будет и последней.

Маленькая иллюстрация одиночества. Месяца 3—3$^1/_2$ тому назад пошел было обсудить один ? остро тогда волновавший вопрос с одним приятелем и милейшим человеком, который по своему положению должен бы самостоятельно разбираться в вопросах. Сразу почувствовал, что он преподносит мне статьи из газеты и преподносит соображения из этих статей как-то странно, точно опасаясь сбиться и уклониться. Я рассмеялся. Я, мол, превосходно знаю, что официальная-то линия такова, но знаю также, что она не всеми разделяется целиком. И мне-то интересно знать, что вы сами думаете на этот счет. И только, когда я изложил свои соображения, он начал соглашаться, что да, их мол следует принять во внимание.

Ну, что может дать такой человек в таком деликатном деле, которое я излагаю? Здесь, ведь, часто будет требоваться быстрое решение, а не просто «исполнение». Исполнитель он хороший, но в сложных делах я не пойду к нему за советом.

Над текстом письма надпись В. И. Ленина:
«Получено 22/III 1914.»

ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 23807, лл. 1—3.— Автограф.

* * *

Во вводной статье к настоящей публикации отмечено, что действительным получателем письма, посланного Н. К. Крупской 30 марта (н. ст.) 1914 г. из Кракова в Москву по конспиративному адресу, до настоящего времени считался Н. Н. Яковлев — видный большевик, один из руководящих работников Московской большевистской организации. Источником этой версии явилось донесение начальника Московского охранного отделения в Департамент полиции по поводу упомянутого письма. Однако никаких доказательств в подтверждение того, что письмо предназначалось Яковлеву, в донесении не приведено.

На основе этих данных письмо В. И. Ленину из России (полученное из материалов Краковско-Поронинского архива В. И. Ленина), не имеющее подписи, было приписано Н. Н. Яковлеву[1].

При изучении этого вопроса у нас возникло сомнение в правильности утверждения охранки. Казалось мало вероятным, чтобы Яковлев, совершивший побег из Нарымской ссылки и проживавший нелегально в Харькове, мог приезжать в Москву и принимать участие во встречах с представителями либеральной буржуазии.

С другой стороны, содержание донесений Московского охранного отделения о нелегальных совещаниях представителей кадетов и прогрессистов, происходивших в Москве в марте 1914 г. с участием социал-демократов, подало мысль, не является ли автором интересующего нас письма И. И. Скворцов-Степанов, проживавший

[1] См. «Вопросы истории КПСС», 1957, № 3, стр. 176—177.

в Москве, который, как сообщалось в ряде донесений, присутствовал на этих совещаниях и принимал в них активное участие [1].

Известным толчком в поисках правильного решения этого вопроса явилось утверждение Г. И. Петровского в беседе со мной в сентябре 1957 г. о том, что в 1914 г. он, Петровский, вместе с И. И. Скворцовым-Степановым ездил к прогрессисту А. И. Коновалову по вопросу о получении от него денег для организации большевистского партийного съезда.

Сравнение содержания обсуждавшихся на совещаниях вопросов с текстом письма, автором которого считался Яковлев, подтвердило предположение, что письмо писал Скворцов.

Анализируя содержание этого письма, следует отметить, что автор написал его настолько конспиративно, что даже В. И. Ленин с трудом догадался, от кого письмо. В своем ответе Владимир Ильич отмечает: «Дорогой коллега! Кажется, Вы чуточку переконспирировали, и я долго не мог отгадать, кто Вы». Тем не менее в письме были приведены отдельные факты, давшие возможность В. И. Ленину в конце концов установить, кто автор письма [2].

В письме указывается, что 1) «в последний раз... виделись мы весной 1908 г.», в Женеве; 2) что позднее автор письма получил известие о том, что В. И. Ленин положительно оценил его статью о Муромцеве [3], и наконец, 3) автор письма пишет, что «уже около 18 лет» он примыкает к социал-демократам. Необходимо было сопоставить эти факты с биографическими данными Н. Н. Яковлева и И. И. Скворцова.

Начнем с последнего факта. Н. Н. Яковлев, родившийся в 1886 г., не мог писать о себе в 1914 г., что он уже около 18 лет социал-демократ, так как в 1896 г. ему было всего лишь 10 лет; в революционное движение он вступил в 1905 г.

Что касается И. И. Скворцова-Степанова, то он родился в 1870 г., в 1890 г. окончил Московский учительский институт и с этого времени стал принимать участие в революционной борьбе, примыкая вначале к народникам. В 1895 г. он был арестован и выслан в Тулу, где примкнул к социал-демократам. С 1896 г. он — социал-демократ и, следовательно, к 1914 г. он действительно уже 18 лет был социал-демократом.

С биографическими данными Скворцова-Степанова совпадают и остальные факты, упомянутые в письме. Ему принадлежит статья Сергей Андреевич Муромцев» [4], впервые напечатанная в газете «Наш путь» (№ 6, 24 октября 1910 г.). Впоследствии автор статьи, характеризуя обстановку, в которой была им написана эта работа, писал: «Через несколько недель мы получили от Ленина и других товарищей, вынужденных жить за границей, самый теплый отзыв об этой статье» и сообщал, что весной 1908 г. он два месяца находился за границей и «около недели прожил в Женеве, где почти ежедневно встречался с Лениным, Иннокентием Дубровинским и Надеждой Константиновной» [5].

Что касается Н. Н. Яковлева, то он на протяжении 1907—1909 гг. находился в тюремном заключении; за границу выехал в августе 1911 г. и до 1913 г. жил в Германии. В конце марта 1913 г. Яковлев выехал из Германии в Россию и по пути заехал в Краков к В. И. Ленину [6]. Следовательно, Яковлев виделся с Лениным за границей в 1913 г., а не в 1908 г. и не в Женеве, а в Кракове.

В заключение следует сказать, что сличение интересующего нас письма по почерку с рукописями И. И. Скворцова-Степанова, хранящимися в его личном фонде в ЦПА ИМЛ, полностью подтверждает его авторство.

Таким образом, не остается ни малейшего сомнения в том, что автором этого письма является И. И. Скворцов-Степанов — один из старейших участников русского революционного движения, видный партийный и советский государственный деятель, литератор-марксист, историк и экономист.

А. М. Володарская

[1] См. «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 13, а также ЦГИАМ, ф. Московского охранного отделения, 1914 г., разработка, д. 49, лл. 51—52 и др.

[2] Эти же данные помогли и нам окончательно установить автора письма.

[3] С. А. Муромцев — один из видных деятелей кадетской партии, председатель I Государственной думы.

[4] Перепечатана в сборнике: И. Степанов. «От революции к революции», ГИЗ, 1925, стр. 218—224.

[5] Там же, предисловие автора, стр. 13 и 14.

[6] См. сборник «Они боролись за власть Советов», Новосибирск, 1957, стр. 277—278.

1

Система Тэйлора —
порабощение человѣка машиной

Капитализмъ ни на минуту не может стоять на мѣстѣ. Он долженъ идти вперед и впе-ред. Конкуренція, особенно обостряющаяся въ эпохи кризиса, подобная нашей, заставляетъ изобрѣтать все новыя средства для удешевле-нія производства. А господство капитала пре-вращаетъ всѣ эти средства въ орудія дальнѣйшаго угнетенія рабочаго.

Система Тэйлора — одно изъ такихъ средствъ.

Недавно въ Америкѣ сторонники этой системы примѣняли такіе пріемы.

Къ рукѣ рабочаго прикрѣпляютъ электри-ческую лампочку. Фотографируютъ движенія ра-

Автограф статьи В. И. Ленина «Система Тэйлора — порабощение человека машиной». (Первая страница рукописи; на обороте — последняя страница.)

нибудь при принципѣ разумнаго (2
распредѣленія общественной работы,
когда она избавлена будетъ отъ порабо-
щенія ея капиталомъ.

М. М.

О РУКОПИСИ В. И. ЛЕНИНА «СИСТЕМА ТЭЙЛОРА — ПОРАБОЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА МАШИНОЙ»

Коллекция «Вещественные доказательства» (ф. 1167), хранящаяся в Центральном государственном историческом архиве СССР в Москве, мало используется исследователями и далеко еще не изучена. Об этом свидетельствует недавняя находка рукописи В. И. Ленина «Система Тэйлора — порабощение человека машиной». Четыре описи по документальным материалам коллекции «Вещественные доказательства» включают более 15 тысяч единиц хранения, в том числе рукописные материалы редакций большевистской печати: газеты «Правда», журнала «Просвещение» и многих других.

Автограф статьи В. И. Ленина обнаружен среди рукописей редакции газеты «Путь Правды» за 1914 г. (оп. 1, ед. хр. № 3959).

Статья В. И. Ленина за подписью «М. М.» впервые была опубликована в большевистской газете «Путь Правды» № 35, 13 марта 1914 г., а рукопись, написанная чернилами на тонкой бумаге, мелким бисерным почерком, без помарок, с пометкой редактора «корпус» для наборщика, после опубликования была положена в архив номера газеты.

Статья В. И. Ленина «Система Тэйлора — порабощение человека машиной» широко известна советской общественности по Сочинениям Ленина, [1] в которых она опубликована по тексту газеты «Путь Правды», а не по рукописи, так как до настоящего времени рукопись была неизвестна. Теперь рукопись передана в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и в пятом издании Сочинений указанная статья В. И. Ленина впервые будет опубликована по рукописи.

Почему эта статья оказалась в ЦГИАМ СССР?

Рукопись статьи В. И. Ленина, как и многие другие документы редакции газеты «Правда», была изъята Департаментом полиции как вещественное доказательство антиправительственной деятельности газеты «Правда».

Находка рукописи В. И. Ленина явилась серьезным стимулом для тщательного изучения материалов коллекции.

Сотрудники ЦГИАМ СССР проводят большую работу по изучению ценнейших документов коллекции «Вещественные доказательства» для их научного использования: составляются новые описи; все документы берутся на карточный учет для тематического каталога по истории революционного рабочего движения и истории КПСС.

С. Т. Беляков

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 134—136.

*

ПИСЬМА ЖЕНЫ И ДОЧЕРИ К. МАРКСА Л. КУГЕЛЬМАНУ

(1867—1873 гг.)

Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Публикуемые ниже письма жены К. Маркса, Женни Маркс и его дочери Женни члену I Интернационала, другу К. Маркса и Ф. Энгельса, врачу Людвигу Кугельману, проживавшему в Ганновере, охватывают период с декабря 1867 по май 1873 г.

Это был один из самых насыщенных событиями и напряженных периодов в деятельности Маркса по руководству Интернационалом, сочетаемый с усиленной теоретической работой над II томом «Капитала» и редактированием второго немецкого и первого французского изданий I тома этого гениального труда. Когда в 1871 г. в Париже произошла первая в мире пролетарская революция и была образована Парижская Коммуна, Маркс с исключительным вниманием следил за ходом событий, переживая их как непосредственный участник борьбы, и оказывал помощь коммунарам своими советами. После поражения Коммуны Маркс, наряду с огромной работой по обобщению ее опыта, развертывает кипучую деятельность в защиту Коммуны от потоков лжи и клеветы, изливавшихся на нее буржуазной прессой. Вместе с тем Маркс организует все мероприятия Генерального совета Интернационала по оказанию материальной помощи и устройству эмигрантов Коммуны. В публикуемых письмах находят отражение все эти стороны деятельности Маркса.

В то время, когда рабочая печать не была еще широко развита и выходила небольшими тиражами, к тому же цензурные условия ограничивали возможность ее использования, одним из способов распространения идей научного коммунизма, выработки единой тактики пролетарской партии и укрепления связей между рабочими организациями являлись не только письма Маркса и Энгельса, но и письма членов семьи Маркса и его ближайших друзей. Высказываемые в письмах жены и дочери Маркса положения и оценки в основном соответствуют взглядам Маркса. Эти письма писались с его ведома, а иногда и по его указанию. В них содержится информация о деятельности Генерального совета Интернационала, о событиях во Франции и французском рабочем движении, о национально-освободительном движении Ирландии и по ряду других вопросов. В письмах дочери Маркса, начиная с октября 1871 г., находит отражение напряженная борьба сторонников Маркса с анархистами, открыто выступившими

после Лондонской конференции 1871 г. против Генерального совета и пытавшимися захватить руководство Интернационалом.

Значительный интерес представляет ряд писем, показывающих отношение Маркса, его семьи и Энгельса к Ирландии, к фенианскому движению (см. док. №№ 3, 5, 7, 8 и др.). В письмах имеются указания на то, что Энгельс работает над книгой по истории Ирландии; к письму от 17 июля 1870 г. приложены неизвестные ранее заметки Энгельса об ирландской народной поэзии[1] (см. док. № 8).

Отражая сочувственное отношение К. Маркса к ирландскому национально-освободительному движению, его дочь Женни пишет: «Все мы без исключения — убежденные фении» (см. док. № 5). В одном из писем она сообщает, что Маркс присутствовал на ирландской демонстрации в Гайд-парке (см. док. № 3). Ряд писем говорит о предпринятых с ведома Маркса активных попытках его дочери Женни привлечь внимание общественного мнения к фенианскому движению в Ирландии, организовать кампанию протеста против тяжелого положения заключенных в тюрьмы фениев. В связи с этим представляют интерес содержащиеся в письмах сведения о переписке Женни Маркс с женами заключенных фениев, в том числе с женой одного из их руководителей — Росса, о попытках опубликовать в европейской печати сведения о заключенных. В одном из писем Женни говорит о своем намерении через Кугельмана опубликовать портрет Росса в немецкой печати: «Его опубликование,— пишет она,— очень досадило бы Джону Булю, ибо английское правительство больше всего на свете боится, что на континенте станет известно об его постыдном обращении с заключенными фениями» (см. док. № 8). Пометка Кугельмана на этом письме свидетельствует о том, что полиция (английская или немецкая) изъяла портрет Росса, посланный ему Женни Маркс.

Письма дают картину огромной научно-теоретической работы Маркса, сочетавшейся с кипучей практической деятельностью, несмотря на его частые болезни, иной раз очень тяжелые и затяжные. В письме от 27 июня 1872 г. Женни пишет об огромной корреспонденции Маркса в связи с делами Интернационала, об еженедельных заседаниях Генерального совета, в которых активно участвовал Маркс, о том, что все остальное время он уделяет работе над «Капиталом» (см. док. № 18).

В этой напряженной революционной и научной деятельности ближайшими помощниками Маркса являлись члены его семьи. Так, в письме от 27 декабря 1869 г. дочь Маркса Женни пишет, что она «просмотрела несколько сот газет, чтобы сделать из них для Мавра выписки о мошеннических проделках финансовых компаний» (док. № 5).

Во всех письмах, охватывающих период в семь лет, мы находим лишь несколько упоминаний о том, что Маркс отдыхает. Так, в одном из писем Женни с радостью сообщает, что удалось уговорить Маркса на пять дней бросить работу и поехать отдохнуть к морю (см. док. № 13). Из писем видно, что Маркс очень редко позволял себе даже такой, весьма незначительный отдых, хотя и крайне ему необходимый. Единственным отдыхом Маркса были длительные прогулки с его ближайшим другом и соратником Энгельсом.

Письма содержат новый материал, дополняющий известные нам данные об активной работе К. Маркса по организации помощи эмигрантам Коммуны. Они показывают, что Маркс руководил не только всей деятельностью Генерального совета Интернационала по оказанию помощи коммунарам, выступал в печати в защиту их от клеветы реакции, разоблачал замыслы английского правительства о высылке эмигрантов Коммуны, но

[1] Эти заметки Энгельса предполагается опубликовать во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

и принимал активное личное участие в оказании им материальной помощи, подыскивании жилища, работы и т. д. В этом Марксу помогала вся его семья. В письме от 21—22 декабря 1871 г. Женни Маркс пишет: «Можете представить себе, дорогие друзья, как все эти трудности и тревоги беспокоят бедного Мавра. Ему не только приходится сражаться со всеми правительствами господствующих классов, но впридачу еще вести рукопашные схватки с «толстыми, белокурыми и сорокалетними» квартирными хозяйками, которые нападают на него из-за того, что тот или другой коммунар не заплатил за квартиру. Как только он погружается в *abstrakten Gedanken* [1], врывается г-жа Смит или Браун» (док. № 15).

В письме от 18 апреля 1871 г., отражая настроение всей семьи Маркса, Женни пишет: «Не могу сидеть сложа руки, когда храбрейшие и лучшие умерщвляются по приказу свирепого клоуна Тьера... Многие наши друзья участвуют в Коммуне. Некоторые из них уже пали жертвами версальских палачей» (док. № 12). Женни Маркс участвует в напряженной работе по изысканию средств для помощи эмигрантам Коммуны. «Последние три недели,— пишет она,— бегаю из одного лондонского предместья в другое (что в этом огромном городе — немалое дело), а потом нередко до часу ночи пишу письма. Цель этих поездок и писем — добывать средства для помощи эмигрантам» (док. № 15).

Тяжелое материальное положение, полицейские преследования, нападки реакционной прессы на Маркса и его семью характерны для всего жизненного пути основоположника научного социализма. Жена Маркса, описывая те поистине невообразимо тяжелые условия, в которых Маркс создавал свое гениальное произведение «Капитал», пишет: «Поверьте мне, дорогой господин Кугельман, вряд ли какая-нибудь книга писалась в более тяжелых условиях, и я вполне могла бы написать тайную историю ее создания, в которой открылось бы много, бесконечно много скрытых забот, тревог и мучений» (док. № 1). Даже в «свободной» Англии полиция организовала негласную слежку за Марксом и Энгельсом, письма их по сговору с реакционными правительствами Европы вскрывались. В этом отношении некоторые новые данные имеются в письме дочери Маркса, в котором она сообщает, что английское правительство собирается внести законопроект о высылке из Англии коммунаров и членов Интернационала и что в связи с этим перед семьей Маркса встал одно время вопрос о необходимости переезда из Европы в США (см. док. № 15).

Однако никакие трудности и преследования не могли сломить жизнеутверждающего оптимизма, веры в правоту своего дела и в его грядущее торжество, которыми дышат все публикуемые письма. Дочь Маркса Женни пишет: «Наше изгнание, годы изоляции и т. д., и т. д., и т. д.— это жертвы великому делу пролетариата, о которых я не жалею» (док. № 11).

Этот оптимизм, умение стойко переносить любые трудности и невзгоды было характерно для всей семьи Маркса, и прежде всего для самого Маркса. Об этом замечательно сказано в письме Энгельса Бернштейну, в противовес выдумкам буржуазных литераторов о «горемыке Марксе». Энгельс пишет: «Если бы эти ослы имели возможность прочесть переписку между Мавром и мною, они бы просто остолбенели. Поэзия Гейне — детская игрушка по сравнению с нашей дерзкой, жизнерадостной прозой. Мавр мог приходить в ярость, но ныть — никогда» [2].

В публикуемых письмах содержится большой и яркий материал для всесторонней характеристики Маркса. Перед нами встает живой образ

---

[1] отвлеченные размышления.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 318.

Маркса — мыслителя, борца и человека большого личного обаяния. Письма рисуют дружную, сплоченную семью Маркса, а также дружбу и сотрудничество Маркса и Энгельса.

* * *

Письма публикуются в переводе с немецкого языка (письма жены Маркса) и с английского языка (письма дочери Маркса) с фотокопий оригиналов, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в фондах жены и дочери К. Маркса (фф. 6 и 7). Впервые письма были опубликованы на итальянском языке в журнале «Movimento Operaio», 1955, № 2. Некоторые из этих писем напечатаны частью в извлечениях) на украинском языке (см. «Український історичний журнал», 1958, № 2).

Публикация подготовлена Н. Ю. Колпинским и Ф. М. Решетниковым под руководством И. А. Бах.

№№ 1—2

Письма Ж. Маркс (жены К. Маркса)— Л. Кугельману

№ 1

Лондон, 24 декабря 1867 г.[1]
Модена Виллас 1 Мейтленд-парк[1)]

Дорогой г-н Кугельман!

Вы не можете себе представить, какую большую и неожиданную радость Вы нам вчера доставили. Я даже и не знаю, как благодарить Вас за всю Вашу дружбу и внимание, а теперь еще и за последнее доказательство того, что Вы помните о нас — за отца богов Зевса, который ныне замещает в нашем доме «младенца Христа». Рождественские праздники у нас в этом году опять сильно омрачены, так как моего бедного мужа снова уложило в постель его старое недомогание. Снова были две вспышки, одна из которых довольно сильная и болезненная, так что Карл мог лежать только на боку. Надеюсь, что мы скоро справимся с недугом и в следующем письме Вы уже не увидите временного личного секретаря.

Вчера вечером мы все вместе сидели в подвальном помещении, т. е., по английской планировке здания, в кухонном ведомстве, откуда исходят все «земные блага» для вышележащих этажей, и со всей основательностью и добросовестностью занимались приготовлением рождественского пудинга. Тут чистили изюм (препротивная липкая работа), крошили миндаль, апельсинные и лимонные корки, измельчали почечный жир на атомы и изготовляли из всего этого, вместе с яйцами и мукой, замечательную смесь. Вдруг звонит звонок, у дверей останавливается повозка, слышатся таинственные шаги вверх и вниз по лестнице, весь дом полон какого-то шопота, шороха; наконец, сверху раздается: «Прибыла большая статуя». Если бы мы услышали: «Пожар, пожар, горим, фении!», и то мы не могли бы ринуться наверх в большем волнении и замешательстве,— а там перед нашими изумленными, восхищенными взорами предстал в своем исполинском величии, в своей идеальной чистоте, нетронутый, неповрежденный (только чуть-чуть обломился краешек пьедестала), сам древний Jupiter tonans![2] После того как волнение несколько улеглось, мы прочли Ваше дру-

[1] Дата проставлена рукой Кугельмана.
[2] Юпитер (Зевс) — громовержец.

жеское сопроводительное письмо, пересланное нам через Боркгейма [2] и, поблагодарив Вас от всей души, немедленно начали дебаты о том, где найти наиболее достойную нишу для нового «отца нашего, иже еси на небеси и на земли». По этому важному вопросу мы до сих пор не пришли ни к какому решению, и еще будет сделана не одна попытка, прежде чем гордая глава обретет свое почетное место.

Благодарю Вас сердечно также и за большой интерес и неустанные старания о книге Карла [3]. По-видимому, немцы предпочитают выражать свое одобрение замалчиванием и полным безмолвием. Вы основательно расшевелили всех тех, кто мешкает. Поверьте мне, дорогой господин Кугельман, вряд ли какая-нибудь книга писалась в более тяжелых условиях, и я вполне могла бы написать тайную историю ее создания, в которой открылось бы много, бесконечно много скрытых забот, тревог и мучений. Если бы рабочие имели представление о жертвах, которые пришлось принести для завершения этой работы, написанной лишь для них и в защиту их интересов, они, вероятно, сами проявили бы несколько больше интереса. Лассальянцы, видимо, раньше всех захватили книгу, чтобы соответствующим образом извратить ее. Впрочем, не беда.

Прежде чем закончить, мне нужно еще расправиться с Вами. Почему Вы обращаетесь ко мне так официально — «милостивая» («gnädige»), ко мне, старому ветерану, седовласому участнику движения, честному сподвижнику и сотоварищу?

Я с таким удовольствием навестила бы этим летом Вас, Вашу милую жену и Френцхен [4], о которой мой муж не перестает говорить с такой любовью и теплотой. Я так хотела бы вновь, спустя 11 лет, увидеть Германию! В минувшем году я много болела и к тому же за последнее время, к сожалению, утратила немало своей «веры» и жизненной энергии. Мне зачастую трудно становилось держаться прямо. Но так как мои девочки совершили большое путешествие: они были приглашены к родителям Лафарга в Бордо, то в это же время моя поездка не могла состояться, и следовательно, мне остается лишь надежда, что эти прекрасные мечты осуществятся в будущем году.

Карл шлет Вашей жене и Вам самый сердечный привет, к которому от всей души присоединяются девочки, а я издалека протягиваю руку Вам и Вашей милой жене.

Ваша Женни Маркс, но не «милостивая» и не «божьей милостью».

На письме пометка Л. Кугельмана:
Ответ послан Марксу 3 января 1868 г.

ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 67.

№ 2

Лондон, 15 сентября 1869 г.

Дорогой г-н Кугельман!

Я бы уже давно ответила на Ваши дружеские строки из Карлсбада, если бы не надеялась со дня на день получить более определенные вести от наших дорогих путешественников. После их первого и последнего письма из Льежа мы совершенно потеряли их след. Однако теперь, я думаю, они на этой неделе после всех скитаний попадут к вам [5] и поэтому посылаю Вам для совместного чтения сегодняшний номер «Times» и более ранний номер «Pall Mall Gazette».

По поводу конгресса здесь в печати царило гробовое молчание, если

не считать ужасно путаной, вздорной статьи в «Pall Mall», которую я Вам посылаю. Сегодня впервые лед был сломан газетой «Times», опубликовавшей очень доброжелательную, дельную и сжатую статью, которая в связи с речью американского делегата вызовет большой интерес здесь и особенно во Франции. Мне кажется, что во многих оборотах, выражениях и «эккариадах» чувствуется наш «Георг», если ему вообще можно приписать столько такта.

Здесь тем временем накопился целый арсенал газет и писем, и я даже не знаю, стоят ли они тех трудов и расходов, которых потребует их пересылка за море. Содержание их теперь уже по большей части устарело. Лесснер написал три очень дельных подробных отчета о конгрессе, а Либкнехт два письма, заполненных чепухой, так что их лучше не читать. Эккариус сообщил любопытный факт, переданный ему одним американцем, который якобы слышал его от корреспондента «New York Tribune» в Лондоне г-на Слэка, что «Брайт написал во все редакции лондонских газет и просил их не принимать *никаких* сообщений о наших заседаниях». Может быть этим в какой-то мере объясняется молчание прессы.

Если «Times» поместит еще несколько сообщений, то за этой газетой, как бараны, последуют другие, и тогда успех конгресса обеспечен. Во всяком случае, он будет иметь лучшие последствия, чем Эйзенахский конгресс, результаты которого, по-видимому, сводятся лишь к тому, что у «нашего великого учителя Фердинанда», наряду с его официальным «Moniteur» в виде газеты «Social-Demokrat», появился еще один официоз — листок Либкнехта [6)]. Даже в Базеле они пытались снова вытащить на передний план злосчастный скандал со Швейцером, так что могло показаться будто Интернационал не имеет другой задачи, кроме *интернационализации* принципов «железного», но без *строгой организации* [7)].

Несколько интересных частных писем я сразу же пошлю в Ганновер, как только узнаю, что мои милые «бродяги» прибыли к Вам. Сегодня как раз ровно четыре недели, как Лаура с мужем и премилым маленьким человечком находятся у нас. Они начинают готовиться к возвращению в Париж. К сожалению, мать и сын не так здоровы, как мне хотелось бы. Милый малютка болеет, у него режутся первые зубы со всеми обычными симптомами. Его приветливое личико стало совсем худеньким и маленьким, а сияющие глазки кажутся такими большими, такими огромными на бледном личике! Он такой веселый нежный мальчуган; нам будет очень скучно без этой крошки.

Передайте мой сердечный поклон Вашей милой жене, поцелуйте Френцхен и примите самый дружеский привет от

Вашей Женни Маркс

ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 69.

№№ 3—20

Письма Ж. Маркс (дочери К. Маркса) — Л. Кугельману[1]

№ 3

Лондон, 30 октября 1869 г.

Дорогой доктор!!!

Большое Вам спасибо за письмо и копию портрета Вашей милой матери. Копия удивительно хороша — лучше подлинника, и я была очень рада получить ее.

[1] Письма №№ 7, 9, 12, 15, 18, 19 и 20 адресованы Л. и Г. Кугельманам.

С удовольствием узнала, что Вы чувствуете себя лучше — пусть время постепенно примирит Вас с понесенной Вами тяжелой утратой. Подумайте: «Спокойно после бури жизни спит она — ничто уже не может причинить ей боль» [8]. Разве в этой мысли нельзя почерпнуть некоторое утешение?

Г-же Менке [9] я написала записку. Очень обязана Вам за своевременное напоминание, хотя к чести своей должна сказать, что еще до получения Вашей записки я уже думала написать «Марихен»..., но, так или иначе, разумеется, дорога в ад, говорят, вымощена благими намерениями. Мавр тоже написал ей несколько строк. Здоровье его гораздо лучше, он почти избавился от мучительного кашля, который так изводил его в Ганновере.

Мавр шлет Вам сердечный привет и просит простить ему, что он Вам не пишет, так как в настоящее время он очень занят: читает книгу (она только что появилась на русском языке и чтение ее доставляет Мавру немало затруднений) о положении русского крестьянства [10], которое, оказывается, прямо противоположно тому, как представляет его наделенный богатым воображением Кэри [11],— а именно, отнюдь не завидное: «Счастье не растет в России». Книга эта появилась как раз во-время, она очень важна. Факты, которые в ней содержатся, Мавр намерен обнародовать в своем втором томе.

Тем временем французский перевод первого тома неуклонно подвигается [12]. Через месяц третья глава будет готова к правке перевода — так, по крайней мере, пишет Поль (Лафарг), побывавший у переводчика несколько дней назад. «В бедном доме, в еще более бедной комнате, где имеются только два стула, стол, кровать и несколько полок для книг»,— пишет нам Поль, он нашел г-на Келлера (переводчика), поглощенного своей работой. Он молод, умен, полон энтузиазма. Поль от него в восторге и особенно восхищается его «огромной работоспособностью и энергией». Да и в самом деле, кто бы не разделил этого восторга? Ради своих занятий (он занимается многими науками, но главным образом общественными) этот молодой человек живет в сравнительной бедности. Отец его — богатый фабрикант, чьей фабрикой он управлял семь лет, но, почувствовав отвращение к этому «ремеслу тюремщика», отказался от должности.

У г-на Келлера Поль встретил еще двух социалистов. «Социалистическая партия,— пишет он нам,— создается в Париже и начинает выдвигаться на первое место; хотя она не имеет газеты, она устраивает собрания и ведет агитацию». Несомненно, социалистическая партия возникла на останках Симонов, Пельтанов, Банселей, Гамбетт [13]. Французы поняли, что больше всего шума — от самых пустых горшков; они видели, как обращаются в бегство эти хвастливые, напыщенные проповедники, и не поверят в их благие намерения, в их надежды на то, «что тот, кто убегает, до новой битвы доживает».

В Лондоне главным событием недели была фенианская демонстрация, устроенная с целью просить правительство об освобождении заключенных ирландцев [14]. Так как Тусси [15] вернулась из Ирландии еще более стойкой ирландкой, чем когда-либо, то она не успокоилась, пока не уговорила Мавра, маму и меня пойти с ней в Гайд-парк, где был назначен сбор. Этот крупнейший в Лондоне парк представлял собою сплошную массу мужчин, женщин и детей. Даже деревья до самых макушек были усыпаны людьми. Число присутствовавших составляло, по данным газет, около 70 тысяч человек, но так как газеты эти английские, то цифра, несомненно, слишком низка. Некоторые демонстранты несли красные, зеленые и белые знамена с самыми разнообразными девизами, например: «Держите порох сухим!», «Неповиновение тиранам — долг перед богом». А выше флагов вздымалась масса красных якобинских колпаков, и нес-

шие их демонстранты пели «Марсельезу»; зрелище это и эти звуки, вероятно, сильно помешали завсегдатаям клубов наслаждаться портвейном.

На следующий день, в понедельник, все газеты яростно напали на проклятых «иностранцев» и проклинали день, когда те высадились в Англии, чтобы развращать здравомыслящего Джона Буля своими кроваво-красными флагами, шумными хорами и другими гнусностями...

Время пить чай, а я обещала поджарить для Тусси каштаны, так что благодарите свою счастливую звезду или, вернее, каштаны за то, что эти каракули не продолжаются до бесконечности. (Вы, наверно, думали, что я так никогда и не кончу.) С самыми сердечными приветами от всех домашних

искренне Вам, милый «доктор» [1], преданная

Женни Маркс

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/1.

№ 4

23 декабря 1869 г.

Дорогой доктор!

Мне очень хотелось послать Вам «Племянника Рамо» и речи Камилля Демулена, но, к несчастью, французские книготорговцы распродали все экземпляры. Сделаю это в другой раз.

Сердечно жму руку

Женни Маркс

На письме пометка Л. Кугельмана:

Лондон, 23.XII.69.

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/2.

№ 5

Лондон, 27 декабря 1869 г.

Дорогой доктор!

Надеюсь, Вы не думаете, что, верная заветам некоторых моих предков, я предаюсь духу мести. Единственная причина, по которой я так долго не отвечала на Ваше очень милое письмо, заключается в том, что я не располагала ни одним свободным часом. До двух часов, как Вы знаете, я ежедневно занята; затем, так как нашей бедной Елене [17)] очень нездоровилось, я часто тратила дневное время на домашнее хозяйство, а кроме того, просмотрела несколько сот газет, чтобы сделать из них для Мавра выписки о мошеннических проделках финансовых компаний и т. д. (Кстати, Оверенд и Герни [18)] только что оправданы. Буржуазия по всей стране встречает ликованием освобождение этих «мучеников», которые, заявляет она, больше пострадали от чужих грехов, чем грешили сами. Я бы вовсе не удивилась, если бы в один прекрасный день эти прилично одетые воры оказались избранными в парламент, чтобы издавать законы для своих соотечественников. Пристрастие судьи к обвиняемым было столь вопиющим, что поразило даже тупиц-присяжных, а по одному поводу вызвало с их стороны протест.)

---

[1] Вас, кажется, удивляет, что я Вас величаю Вашим звучным титулом. Поверьте, я не упрекаю Вас за него. В «нашем новом обществе» не будет большой нужды в жрецах. Врачующие тело жрецы потерпят крах наряду со своими собратьями, врачующими души, а пока желаю Вам наслаждаться своим саном — покуда он существует! Прилагаю фотографию Веерта [16)].— *Примечание документа.*

Видите, у меня есть чем оправдать мое молчание. Но тем не менее, признаюсь, хотя Вы и были правы, полагая, что я не поклоняюсь богу мести, я столь же мало склонна боготворить Lämmerschwänzchen [1]. Дабы доказать Вам, что не в моих привычках платить «добром за зло», я в наказание присудила Вас к поглощению весьма неудобоваримой смеси — истинно английского плум-пудинга, за совершение какового подвига Вам будет даровано отпущение всех грехов.

Все домашние шлют Вам наилучшие новогодние пожелания, к которым я от всего сердца присоединяюсь. Мы очень огорчились, узнав о Вашей болезни, и надеемся, что теперь Вы уже вполне оправились от ее последствий. Мавр в настоящее время чувствует себя неплохо,— разумеется, относительно. На этих днях у нас несколько часов пробыл Энгельс. Он заехал к нам по пути в Бармен, где собирается провести рождественские праздники со своей матерью. Выглядел он прекрасно и очень радовался тому, что ему удалось сбежать из конторы, где он чувствовал себя, как рыба на песке.

Он усердно работает над книгой об Ирландии [19)]. На Ваши вопросы относительно этой книги я не могу ничего ответить, так как совершенно не знаю ее содержания. Полагаю, что она будет своего рода дополнением к его «Положению рабочего класса в Англии». Мы с большим удовольствием узнали, что Вы разделяете наши взгляды по ирландскому вопросу. Все мы без исключения — убежденные фении. В тот день, когда пришло известие об избрании Донована [20)], мы все плясали от радости — Тусси вообще неистовствовала.

Можете вообразить, какую панику вызвало в Англии сообщение об избрании фения. Сперва пресса, за исключением «Reynolds» и «National Reformer» [21)], в состоянии была только вопить хором: «Избран осужденный преступник — ужас! ужас!». Затем, повторив совместно на все лады эти магические для нее слова, продажная шайка перессорилась: торийские газеты стали поносить Гладстона, объявляя это избрание плодом его политики, а органы вигов напыщенно говорили о неблагодарности и оплакивали участь страны, где посланиям мира и доброй воли дают такой ответ, где изменники, не таясь, разгуливают среди бела дня, а убийцы восхваляются. Английское правительство немедленно отправило на братский остров тысячи солдат.

Следует признать, что, как говорят тори, гладстоновские меры по отделению церкви от государства [22)] уже принесли плоды. Религиозный фанатизм умирает естественной смертью, вражде католиков и протестантов приходит конец, в лагере оранжистов [23)] — раскол, оранжисты, риббониты [24)] и фении объединяются против общего врага, английского правительства. Вследствие этого влияние священников сходит на нет, ирландское движение более не находится в их руках, и, действительно, избрание Донована Росса произошло прямо *вопреки* клерикальной партии. Так, например, эти джентльмены, будучи противниками освобождения политических заключенных, созывали собрания для того, чтобы состряпать какой-нибудь билль о земле, но народ силой срывал эти собрания, заявляя, что не пойдет ни на какое соглашение с английским правительством, пока узники не освобождены. Так как правительство оставалось глухо к митингам, требовавшим амнистии и т. д., народ избрал фения Донована Росса в парламент, бросая вызов английскому правительству и ирландским профессиональным агитаторам, светским и духовным, чью неискренность он, наконец, обнаружил.

А между тем благороднейшие ирландцы изнывают в английских тюрьмах. Страдания этих людей невозможно описать. Донована Росса однаж-

[1] Овечий хвостик, здесь в смысле — овечью кротость.

ды продержали 35 дней в темной камере, причем руки его ночью и днем были закованы за спиной и их не освобождали даже для принятия пищи — водянистой похлебки,— которую оставляли для него на полу камеры. В общем, милый доктор, Англия ныне — страна ужасов. В лондонском Ист-Энде вспыхнул голодный тиф — в работных домах бедняков умерщвляют массами. Врачи, не довольствуясь более *трупами* бедняков, проделывают свои опыты над *живыми*, а ведь в моей памяти еще свежо время, когда английская печать выражала величайшее негодование по поводу вивисекции животных во Франции.

На прошлой неделе в Уэльсе произошел случай, от которого волосы становятся дыбом. Один уэльсский фермер распустил слух, что его дочь, девочка *12 лет*, два года прожила без пищи. Хотя этот бедный валлиец и получал деньги за выставление своего ребенка напоказ, возможно (в Уэльсе еще существует вера в ведьм и т. д.), что он полусумасшедший и верил в свои россказни. Но чтобы в них поверили врачи лучших лондонских больниц — представляется невероятным. Как бы то ни было, они образовали комиссию и послали в Уэльс сиделок из больницы Гая для двухнедельного наблюдения над этой так называемой постящейся девочкой. Ежедневно те же врачи выпускали для публики бюллетени о состоянии девочки. *Шесть* дней они продержали ее без пищи, а на седьмой несчастный ребенок умер. В ночь перед смертью девочки доктор Дэйвис сказал ее отцу, что опасности нет, а на допросе этот джентльмен заявил, что он не рекомендовал пищи, потому что не хотел *«оскорбить»* отца. Ах, как вежливо и чутко!

Постараюсь добыть для Вас все дело. Оно, безусловно, не внушает большого уважения к представителям медицины в Англии. Я уверена, что объяви кто-нибудь о своем умении ходить по раскаленному железу, *не обжигаясь*, или прыгать из окна,— и тогда нашлись бы врачи, готовые исследовать этот вопрос. В один прекрасный день мы еще вернемся к суду ордалий! [25)]

С лучшими пожеланиями к Новому году

Искренне Ваша Женни Маркс

На письме пометка Л. Кугельмана:

Ответ 11.I.70.

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/3.

№ 6

Лондон, 30 января 1870 г.

Дорогой доктор!

Пишу эти строки, чтобы объяснить, почему Мавр не ответил на Ваши письма. Уже около трех недель у него подмышкой карбункулы, которые вызывали такую боль, что бедный Мавр не мог шевельнуть рукой. Врач дважды вскрывал их. Эта операция приносила почти немедленное облегчение. Я счастлива сообщить, что в настоящий момент наш дорогой больной снова почти совсем здоров, хотя, конечно, чувствует себя очень слабым — неизбежное следствие перенесенных им больших страданий. Теперь, когда все прошло, я думаю, хорошо, что болезнь дошла до кризиса,— ведь Мавр мучился несколько месяцев. Вы помните, что в Ганновере он отнюдь не был здоров, и вот в таком же состоянии он находился до последнего времени — иногда немного лучше, иногда хуже.

Ваша переписка с Якоби очень его позабавила [26)]. Судя по бессвязному ответу этого почтенного джентльмена, Ваше письмо, должно быть, довольно основательно задело его.

Должна также подтвердить получение Вашего письма, содержание которого немало меня изумило и возбудило во мне сильную жажду узнать окончательное решение филистеров из «Союза художников». Если учесть, что в этот союз входят сливки ганноверского общества, то «культурой» высших классов, в силу которой они считают себя куда выше рабочего класса, поистине можно гордиться! Жаль только, что эти болваны имели возможность надоедать Вам и отняли у Вас так много времени.

Должна попросить у Вас и дорогой Милочки [27)] прощения за то, что до сих пор не сообщила вам о прибытии в семью Лафарга маленькой незнакомки. Второго января Поль уведомил нас о появлении на улице Шерш-Миди девочки. Она ровно на год моложе [1] брата, так как у обоих детей дни рождения приходятся на одно и то же число. Несколько дней назад Лаура писала нам, что заметно окрепла.

К письму ее была приложена большая пачка очень интересных французских газет — «Marseillaise», «Cloche», «Réforme», «Rappel» и «Pays». Газеты эти дают полное представление о нынешнем состоянии Франции. Шум и возбуждение, царящие в столице, невероятны. Все партии, да и все отдельные деятели, ссорятся между собой. Рошфор [28)] — на ножах со своими прежними друзьями и сторонниками Верморелем [29)], Вильмесаном [30)] и т. д. и т. д., которых он открыто обвиняет в том, что они — полицейские агенты, а те в своем органе «Figaro» платят ему, в свою очередь, той же монетой. Что касается Банселей, Гамбетт, Пельтанов, Фавров и т. д., то эта порода болтливых хвастунов, провозглашающих громкие фразы, вообще исчезла — их нет нигде.

Опыт научил народ, чего ему следует ожидать от хвастливой «левой». Ни один из них не рискнул показаться на похоронах Виктора Нуара [31)] или поднять голос в парламенте. Рошфор с помощью храброго старого Распайля [32)] уничтожил их — превратил их в живые трупы. Как бы там ни возражал Либкнехт, Рошфор верховодит всем в Париже, и теперь каждому стало ясно, как благоразумно он поступил в день похорон, предотвратив столкновение с войсками. Если бы Либкнехт читал «Pays», он убедился бы в том, что *Кассаньяк* [33)], а следовательно, и правительство не скрывают своей ярости по поводу того, «что народ *не сумел умереть* за свои убеждения», «что они не подняли красного знамени».

Прежде, вопит свирепый клоун Кассаньяк, «революционеры были людьми отважными, людьми с принципами, людьми, которые *сражались* за идеи и знали, что ни пушки, ни ружья, ни штыки не устоят против *обнаженной груди* народа, требующего своих прав».

Эта «обнаженная грудь», действительно, была бы желанной мишенью для пушек и ружей «героя декабря» — тем более, что те были размещены на окраинах Парижа, где баррикад построить нельзя и где, следовательно, 100 000 солдат не подверглись бы, как на узких парижских улицах, опасности рукопашной схватки с народом.

Затем «Volksstaat» неверно освещает стачку в Крезо [34)]. Неправда, что рабочие требуют повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Они попросту просили, чтобы заведывание их больничным фондом находилось в их собственных руках, а не в руках г-на Шнейдера, далее, они просили, чтобы оставили на работе их товарища — рабочего *Асси* и уволили притеснявшего их надсмотрщика. Вот истинные причины этой стачки. Французское правительство и официальная пресса объявляют стачки следствием «искусственного возбуждения». Г-н Геру [35)] из «Opinion nationale» «показывает всесилие тайных обществ, дающих лозунги и инструкции». Эти общества, разумеется,— Интернационал, от

---

[1] В письме описка: «старше».

которого Асси, руководитель стачки, якобы получил 55 000 франков. «Times» перепечатывает эти заявления и подтверждает их. Если бы они были верны! Очень жаль, что Интернационал в своей деятельности не может угнаться за блестящими выдумками этих достойных людей.

Многозначительный факт — некоторые солдаты, посланные в Крезо, сразу стали брататься с шахтерами. Четверо из них должны предстать перед судом за то, что пытались привлечь своих товарищей на сторону народа.

В Йоркшире тоже произошла забастовка. Рабочие потребовали права самим заведывать своим собственным больничным фондом и протестовали против отказа предпринимателей разрешить рабочим объединиться. Поскольку право союзов узаконено в Англии с 1824 г. [36], хозяева, по существу, действуют в прямом противоречии с законами страны, и тем не менее правительство, по их просьбе, предоставляет им солдат.

Подробности забастовки совершенно такие же, как и в Крезо — между свободной конституционной Англией и угнетаемой деспотом Францией разницы нет: обе страны держат наготове солдат, чтобы расстреливать рабочих, имеющих мужество утверждать, что они считают себя достаточно разумными для управления своими собственными средствами — сбережениями, добытыми их тяжелым трудом.

По подсчетам корреспондента одной из английских газет, находящегося в *Крезо,* рабочие теряют из-за стачки *8 000* фунтов в день (заработную плату), а предприниматели терпят убытки на *40 000* фунтов!!! в день.

Передайте, пожалуйста, Милочке мой самый горячий привет и благодарность за письмо. Я очень скоро напишу ей. Скажите ей также, пожалуйста, что я прошу ее передать некий маленький браслет «Совушке», для которой он предназначался. Будучи заклятым врагом коммунистов, она сумеет оценить мое уважение к частной собственности. Но шутки в сторону: мне бы действительно не хотелось, чтобы этот браслет носила Милочка — слишком уж он «прост».

Сердечный привет от Мавра «госпоже графине», Совушке и мастеру пластического движения [37].

Остаюсь искренне Вашей

Женни Маркс

На письме пометка Л. Кугельмана:

Ответ 14.II. Сдан на почту 15.II.

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/4.

№ 7

Лондон, 8 мая 1870 г.

Большое, пребольшое спасибо, дорогие мои г-н и г-жа Кугельман, за прекрасные подарки, которые вы мне прислали. Не знаю, что восхищает меня больше, гравюры или песни,— глаза мои и уши заняты одинаково. Запонки доставили Мавру большое удовольствие, и цветы, действительно, сделаны с большим искусством. Он также в восторге от ковра Лейбница [38], для которого уже нашел место в своем кабинете, где его и прибили к стене над камином. К сожалению, синяя бумага от ковра повредила прекрасную гравюру с изображением смерти Цезаря, покрыв ее синей краской. Вообще, гравюры повреждены упаковкой — «История» Каульбаха немного порвана. Однако мы надеемся, что мастер сможет восстановить ее. Ящик прибыл только вчера (в субботу) днем — так что он, вероятно, путешествовал очень долго.

Последнее по счету, но не по важности — должна поблагодарить Вас также за любезные письма и добрые пожелания ко дню моего рождения.

Я с сожалением узнала, что Вы, милый «доктор», опять нездоровы, и надеюсь скоро получить лучшие вести. Мавр тоже далеко не так здоров, он очень сильно простужен. Все остальные обитатели Модена Виллас, в том числе четыре кошки и собака, здоровы, но находятся в сильном возбуждении, которое началось в прошлое воскресенье, когда из Парижа пришла весть о раскрытии заговора, имевшего целью убийство Бонапарта. Вы, конечно, уже знаете из немецких газет, что слабоумное французское правительство сперва попыталось впутать в это дело Интернационал и что множество членов Интернационала, составляющих его парижскую и лионскую секции, арестованы [39)]. Лакействующая английская и французская пресса воспользовалась, конечно, этим поводом, чтобы обрушить яростные нападки на Интернационал и потребовать от своих правительств запрета этого отвратительного общества, являющегося корнем всех зол. Несмотря на все это, французское правительство все же было вынуждено заявить, что Интернационал не имеет с заговором ничего общего, а преступление, за которое преследуются его члены, состоит исключительно в том, что они принадлежат к «недозволенному обществу». Мавр написал заявление, единогласно одобренное Генеральным советом, в котором отвергает всякую причастность Интернационала к этому делу [40)].

По утверждению французского правительства, в заговоре сильно замешан г-н Гюстав Флуранс [41)], а так как этот человек находится в Англии, то французское правительство тайно просило английское правительство выдать его; но г-н Гладстон, который отлично знает, что это стоило бы ему поста премьера (как случилось с Пальмерстоном в деле Симона Бернара [42)], заявляет, что министерство не может ничего предпринять по этому делу, не получив новых доказательств вины г-на Флуранса. В действительности же, у французского правительства нет никаких улик против г-на Флуранса, ибо если даже считать доказанным, что он посылал в Париж деньги для вооружения народа бомбами на случай, если вспыхнет восстание, то это не значит, что он имел какое-либо отношение к покушению на убийство императора. В прошлое воскресенье (день моего рождения), когда до нас дошла весть о раскрытии «complot» [1], г-н Флуранс был у нас, поэтому, как Вы легко можете догадаться, день моего рождения отнюдь не был ни спокойным, ни веселым. Мы тогда даже не знали, не грозит ли г-ну Флурансу немедленный арест. Г-н Флуранс — сын известного натуралиста Флуранса, сам он также написал книгу по этнографии и читал лекции в Коллэж де Франс. Он представляет собой необычайное сочетание ученого и homme d'action [2].

Заговор принес ту пользу, что он вынудил «героя декабря» сбросить либеральную маску и показать себя в истинном свете. В Париже царит режим «blanche terreur» [3]. Вчера все оппозиционные газеты были конфискованы, народ доведен до отчаяния. Неизвестно, что произойдет сегодня.

Я продолжаю писать в «Marseillaise» [43)], несколько моих писем цитировалось в «Irishman», ирландской национальной газете. Сейчас я жду вестей из Ирландии относительно обращения с политическими заключенными. Если в ближайшее время не получу ответа, придется думать, что письмо, посланное мною женам узников, перехвачено английским правительством. Как на зло, я подписалась своим настоящим именем!

Пора сдавать почту. Поцелуйте за меня милую Френцхен, добрая моя Милочка, и примите множество благодарностей за Вашу доброту.

Сердечно ваша

Женни

---

[1] заговора.
[2] человека действия.
[3] «белого террора».

Мама и Тусси шлют самый горячий привет.

Забыла сказать вам, что д-р Гунц навестил нас три раза. Он прислал нам билеты на несколько спектаклей в оперу.

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/5.

№ 8

Лондон, 17 июля 1870 г.

Дорогой доктор!

Надеюсь, Вы не думаете, что мое молчание хоть в малейшей степени было вызвано ленью или небрежностью. Дело в том, что, получив Ваше письмо, я немедленно написала г-ну Пиготту, редактору «Irishman», чтобы узнать, где можно раздобыть фотографию О'Донована Росса. Г-н Пиготт ответил мне, что не может дать никаких сведений по этому вопросу (английское правительство запрещает продавать портреты фениев), но что он переслал мое письмо г-же Росса, так как, быть может, ей удастся достать для меня фотографию своего мужа. Так вот, я со дня на день ждала письма от г-жи Росса — но тщетно, и так как я думаю, что дальше ждать бесполезно, то пишу эти строки, чтобы спросить Вас, не пригодится ли г-ну Риссе прилагаемый оттиск [1], появившийся некоторое время назад в «Irishman». Это, безусловно, очень плохой портрет — но все же лучше, чем ничего.

Было бы очень жаль отказаться от превосходной идеи опубликовать портрет Росса. Его опубликование очень досадило бы Джону Булю, ибо английское правительство больше всего на свете боится, что на континенте станет известно об его постыдном обращении с заключенными фениями. В самом деле, расследование состояния тюрем было предпринято исключительно с целью замять просачивавшиеся неприятные истины. Накануне этого расследования, целью которого, якобы, является освещение подлинного положения дел, узников охраняют *строже, чем когда-либо,* с тем, чтобы они не смогли сообщить друзьям об обращении, которому они подвергаются. Несколько дней назад жена одного из заключенных, г-жа Луби [44)], навестила мужа, чтобы сообщить ему о смерти его матери (скорбь о страданиях сына ускорила смерть г-жи Луби), и хотя несчастная женщина не видела мужа целых *три* года, им не дали встретиться с глазу на глаз, а лишь под наблюдением тюремщика. Г-жу Луби ввели в огромную железную клетку с толстой железной решеткой, Луби привели из его камеры в другую клетку с такой же решеткой, находившуюся на расстоянии от той, в которой была его жена. Рядом с узником стоял начеку тюремщик, готовый вмешаться, если бы тот проронил хоть слово относительно обращения с заключенными.

Но несчастному Луби незачем было жаловаться — его бледное, осунувшееся, сморщенное лицо слишком красноречиво рассказывало ужасную повесть. И в самом деле, г-жа Луби даже не узнала своего мужа, настолько он изменился и постарел. Поскольку друзей заключенных таким образом тщательно отстраняют, а заключенные лишены возможности дать показания, нетрудно догадаться, что вся комиссия окажется от начала до конца сплошным надувательством. И так как в предстоящем расследовании тюремное начальство, тюремщики, стражники будут излагать дело по-своему, то все сведется к тому, что продажные газетные писаки получат возможность расписывать радужными красками прелести английской тюремной жизни и поносить заявления О'Донована Росса, как ложь!

[1] В начале письма — пометка Кугельмана: «Портрет Росса отсутствует».

По поводу замечаний, необходимых для предисловия к книге г-на Риссе [45], я обратилась к Энгельсу, который со свойственной ему любезностью и аккуратностью сразу же прислал мне прилагаемые заметки, представляющие, я думаю, интерес для немецких читателей.

Что касается Карлсбада, то должна с сожалением сказать, что из-за этого злосчастного парижского шулера [46] наша уже давно предполагавшаяся поездка расстроилась. Путешествовать без паспорта при нынешнем положении дел, конечно, невозможно, а о получении паспорта тоже не может быть и речи. Даже натурализованным англичанам английское правительство отказывает в паспортах. Но об этом Мавр сам Вам напишет. Скажите Милочке, что я и ей напишу через несколько дней, чтобы излить свое разочарование, и передайте, пожалуйста, ей, что она, по-моему, чересчур обленилась. Я уже несколько месяцев ничего от нее не получаю.

Что Вы думаете о войне? [47] Мы еще не оправились от изумления и негодования по поводу того оборота, какой приняли события. Нелегко примириться с мыслью, что вместо борьбы за разрушение империи французы жертвуют собою ради ее расширения, что вместо того, чтобы повесить Бонапарта, они готовы встать под его знамя. Кто мог бы вообразить такие вещи несколько месяцев назад, когда революция в Париже казалась фактом? Это возрождение шовинизма в XIX веке представляет собой поистине отвратительный фарс!

Пора отправить это длинное письмо. Итак, посылая сердечнейший привет дорогим Милочке и Френцхен, остаюсь, дорогой «доктор», искренне Вашей

Женни Маркс

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/6.

№ 9

Лондон, 19 ноября 1870 г.

Дорогие друзья!

После получения вашего милого письма я уже раз десять садилась писать вам, но каждый раз меня прерывал чей-нибудь приход. Наш дом стал вроде улья, наполненного эмигрантами из Франции. Дней шесть у нас прожил один молодой человек, который, хотя он и провел всю жизнь во Франции и не может связать двух слов по-немецки, получил приказ покинуть Францию в течение 4 часов, потому что его отец, умерший, когда он был ребенком, был пруссаком. Королям и министрам удалось, наконец, разжечь свирепые националистические страсти. Они могут быть довольны.

Я очень огорчилась, узнав из вашего письма, что вы беспокоились за нас, и очень досадую на себя, что своим молчанием вызвала ваше беспокойство. Быть может, дорогие мои «доктор» и Милочка, вы будете сердиться на меня меньше, чем я сама сержусь на себя, когда узнаете, что в течение двух месяцев после нашего возвращения со взморья [48] я была очень больна — так серьезно, как еще ни разу в жизни. У меня был острый плеврит, который так меня ослабил, что я едва могла подняться и сесть за письмо. Уже несколько недель я медленно, но верно поправляюсь и надеюсь, что скоро снова буду совсем здорова. Однако при нынешнем состоянии моего здоровья я не могла бы предпринять путешествие в Ганновер (даже если бы мне не мешали мои утренние занятия), так что я не могу принять ваше любезное приглашение. Но от всего серд-

ца благодарю вас за него и, если не могу навестить вас in propria persona [1], то буду с вами мысленно и стану таким образом путешествовать взад и вперед между Лондоном и Ганновером.

Что касается кажущейся лени Мавра, то не буду пытаться обелить его. Он должен отвечать за себя сам и напишет вам через день-два. En attendant [2] я счастлива сообщить вам, что причиной его молчания была не болезнь. Здоровье его, в общем, лучше, чем обычно в это время года,— и это, несомненно, в большой мере вызвано энергичными мерами, принятыми нашим добрым врачом Энгельсом. Энгельс — или, как мы его теперь окрестили, «Генеральный штаб» (званием генерала он обязан своим великим военным подвигам на страницах «Pall Mall Gazette» [49], а прозвищем «Штаб» — забавной ошибке «Figaro», когда эта газета проявила свое грубое невежество, говоря о генеральном штабе как об одном человеке) — живет теперь совсем близко от нас и приносит Мавру больше пользы, чем любые лекарства, совершая с ним продолжительные прогулки. Мы видим «генерала» каждый день и очень весело проводим с ним вечера. Недавно вечером у нас дома состоялось большое патриотическое представление. Наряду с прочими увеселениями, Мавр и Штаб исполнили «Стражу на Рейне» на мотив «Крамбамбули».

В последнем Вашем письме, дорогая моя Милочка, за которое я еще должна поблагодарить Вас и сообщить, что оно прибыло вполне благополучно, Вы любезно справляетесь о Лауре и Лафарге. Они уехали из Парижа до того, как битва при Седане положила конец «жестокому фарсу империи», и с тех пор живут в Бордо. Поль приложил большие усилия, чтобы расшевелить сонных обитателей Бордо и с этой целью издавал газету под названием «La défense nationale». Однако его усилия были тщетными, и газета его скончалась. Обитатели Бордо, эти буржуа par excellence [3], расходуют весь свой энтузиазм на наживание денег, еду и питье, и им совершенно безразлично, поддерживается ли общественный порядок прусским игольчатым ружьем или французским ружьем-шаспо. В ужас приводит их только видение, преследующее каждого из них и днем и ночью,— красный призрак. Вообще, везде во Франции, по-видимому, правящие классы гораздо больше стремятся искоренить «красных», чем «пруссаков».

Судя по письмам одного члена Интернационала, этот «marchand de phrases» [4] Гамбетта делал все от него зависящее, чтобы не допустить вооружения пролетариата. Однако сейчас он уже этого делать не может, так как был вынужден объявить всеобщее ополчение. Лафарг пишет нам относительно этой меры следующее: «Всеобщее ополчение организует и вооружит весь рабочий класс, а так как ему не будет противостоять никакая организованная армия, то рабочие смогут, если не диктовать свои условия, то, по крайней мере, оказать большое влияние при выработке будущей конституции. Я думаю, что потрясение, испытанное буржуазным организмом, настолько сильно, что отныне падение его во Франции произойдет очень быстро». Аминь — скажу я.— Но, увы, тень французского крестьянина омрачает эту радостную картину!

Что Вы скажете о действиях России? Московиты слишком хитры даже для Бисмарка. «A corsaire corsaire et demi!» [5]. Возможность войны с Россией вызывает в Лондоне большое возбуждение.

---

[1] собственной персоной.
[2] Пока.
[3] в истинном смысле слова.
[4] торговец фразами.
[5] «На разбойника — полтора разбойника»; французская пословица, означающая: «Нашла коса на камень».

Сердечный привет от всех домашних. Поцелуйте Френцхен покрепче. Привет от меня Ф. Краузе. Остаюсь, дорогие мои друзья,

преданной Вам Женни Маркс

Я была очень рада, узнав, что вы довольны своим пребыванием в Карлсбаде и что оно принесло вам всем большую пользу.

P. S. Папа получил чудесный подарок от г-на Хаусмана и напишет ему, чтобы поблагодарить за подарок. Несколько недель назад я получила очаровательное письмо от моего учителя Дицгена.

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/7.

№ 10

Лондон, 27 января 1871 г.

Дорогой «доктор»!

Нечего и говорить Вам, что прилагаемые необычайные признания «Spectator» (одной из самых «респектабельных», исполненных чувства собственного достоинства лондонских газет) доставили мне большое удовольствие, и я уверена, Вас и дорогую Милочку тоже позабавит зрелище семи мудрецов из «Spectator», кающихся в своих прегрешениях. Несколько месяцев тому назад этот самый «Spectator» отчитывал, как умеют отчитывать только высокопоставленные сановники, газету «Marseillaise», осмелившуюся поверить, что «наказание Росса превосходит наказание обычных заключенных». Это наказание, заявляет теперь «Sprectator», «было пыткой, не менее жестокой, чем небывалая по сю сторону экватора пытка колодками».

Однако в то время как «Spectator» имеет, по крайней мере, мужество обнародовать раскрытые комиссией факты, дешевая, грязная газетка «Daily Telegraph» и фарисейская «Daily News», которые поносили выдвинутые обвинения, как «наглые выдумки» стремящихся к сенсации писателей, как «апокрифические небылицы», теперь не говорят *ни слова* и надеются таким образом скрыть свою собственную ложь, ложь святого Гладстона и его подручного Брюса, ложь тюремного начальства, надзирателей и тюремных врачей. Но теперь не так важно, что говорит или о чем умалчивает продажная, применяющаяся к обстоятельствам печать. Это не может изменить того великого факта, что Росса и большинство его товарищей свободны и отправились в путь — ибо они высланы в Америку. Ура!

Английское правительство, опасаясь проявлений восторга, которыми пылкие ирландцы встретили бы своих освобожденных соотечественников, постаралось спровадить фениев без шума и не позволило им ступить на ирландскую землю. Однако, несмотря на эти предосторожности, благородный отряд «каторжников» встретил, по словам «Irishman», «такой волнующий прием, что он не поддается описанию». Целый день в гавани Корка сновали большие и малые пароходы, лодки, да и вообще суда всякого рода, а когда «Куба» приблизилась и можно было рассмотреть стоявших на палубе узников, дружно раздались пылкие восторженные возгласы. Так как «Куба» стояла на некотором расстоянии от других судов, Росса не вытерпел: не дождавшись, пока протянут канаты и спустят сходни, он спрыгнул с парохода в одно из суденышек, и друзья заключили его в свои объятия. Последние его слова при расставании с ними были: «Да здравствует наше дело!» Итак, Вы видите, жестокость английского

правительства не сокрушила дух этих людей, и в Америке они примутся за работу с еще большей энергией, чем когда-либо.

Несколько дней назад в Америку отправилась вторая партия освобожденных фениев. Каждый из них получил в подарок от ирландцев пальто, плед и десять фунтов стерлингов. В Нью-Йорке на *одном* митинге ирландцы собрали для заключенных 5 000 фунтов стерлингов. Если ирландцы — самый бедный, то зато, конечно, и самый щедрый народ. Если бы немцы делали для своих политических заключенных хоть четверть того, что делают ирландцы для своих! Стыдно подумать, что семьям заключенных авторов Брауншвейгского манифеста и женам Бебеля и Либкнехта [50)] не оказывается почти никакой помощи.

Я очень, очень огорчилась, дорогой друг, узнав, что Вы были так тяжело больны, и надеюсь, что Вы скоро сообщите нам, что поправляетесь. Раз Вы не пишете о Милочке и Френцхен, я полагаю, можно заключить, что они здоровы. Все мы чувствуем себя хорошо, насколько это возможно в наши скверные времена. Мы буквально подавлены последними известиями из Франции. Бретонские мобили внутри Парижа и прусские орды за его стенами объединяются для уничтожения революционеров Монмартра, Бельвиля и Ла Виллет! Мы знаем из верного источника, что орлеанистский иезуит Трошю не хочет начинать *энергичного наступления*, опасаясь, что в его отсутствие Париж перейдет в руки «красных». Он предпочитает Бисмарка Бланки. Трошю — больше прохвост чем глупец; это *его* вина, если пятьсот тысяч человек должны будут сдаться двумстам двадцати тысячам.

Самые сердечные приветы всем,

остаюсь искренне Вашей

Женни

Мавр напишет завтра. Выходит, что номер «Daily News», который он послал Вам, так и не дошел по назначению.

Прекрасная вышивка Милочки вызывает восхищение.

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/8.

№ 11

Лондон, 3 апреля 1871 г.

Дорогой д-р Кугельман!

Признаюсь, письмо Ваше несколько удивляет меня, и не знай я, что оно продиктовано искренней дружбой к Мавру, я рассердилась бы на Вас. Право, я не знаю, чем заслужила проповедь, которую Вы мне читаете. Если я иногда шутила, если осмеливалась посягнуть нечестивой рукой на священную медицинскую профессию, поскольку она притязает на жречество, то могу заверить Вас (странно, что Вы нуждаетесь в подобных заверениях), что когда речь идет о здоровье моего отца, то «шуткам» конец. Вы читаете мне нотацию о необходимости завершения Мавром его великой работы, выполнения им его миссии. Будьте уверены, дорогой друг, *я в таком подстегивании не нуждаюсь;* мизинец отца для меня драгоценнее всех книг, которые когда-нибудь были или будут написаны. А как раз именно эта книга и мешает радикальному лечению.

Убедившись в том, что все лекарства, которые принимает Мавр, не приносят ему пользы, я часто просила его поехать с Тусси и со мной в Пиренеи — но *он не желает прерывать свою работу!* Наше изгнание, годы изоляции и т. д., и т. д., и т. д.— это жертвы великому делу пролетариата, о которых я не жалею. Однако я все же признаюсь, что у меня есть еще

некоторые человеческие слабости и что здоровье отца для меня важнее, чем завершение второго тома «Капитала», первый том которого, кстати, «великая» германская нация даже не соблаговолила прочесть.

Передайте мой привет дорогой Милочке. Я благодарна ей за письмо, но недостаточно хорошо себя чувствую, чтобы написать ей сегодня. Передайте также мой привет Френцхен и верьте, прошу Вас, в искренность моих чувств.

Ваша Женни Маркс

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/9.

№ 12

Лондон, 18 апреля 1871 г.

Дорогие друзья!

Простите меня за молчание. Мне давно следовало ответить на ваши милые письма, и на *Ваше* в особенности, дорогой доктор! Однако, признаюсь, у меня не хватило энергии даже на письмо — мужество изменило мне. Не могу сидеть сложа руки, когда храбрейшие и лучшие умерщвляются по приказу свирепого клоуна Тьера, который, со всеми своими ордами вышколенных головорезов, никогда не победил бы необученных граждан Парижа, если бы не помощь его прусских союзников, гордящихся, по-видимому, своей ролью полицейских. Даже лондонские газеты, которые, будучи верными своей почетной задаче, сделали все возможное, чтобы оклеветать парижских пролетариев, *теперь* вынуждены признать, что никто еще не сражался за идею с таким мужеством и отвагой.

Вчера, дорогая Милочка, я получила от сестры письмо, которое сильно нас встревожило. Поль, как вы, вероятно, знаете, поехал в Париж, чтобы получить от Коммуны «des pleins pouvoirs» [1] на организацию революционной армии в Бордо, и с неделю назад написал нам, что едет домой, где, мы полагали, он и находится цел и невредим. Но вчера мы узнали от Лауры, что ей ничего не известно о муже с момента его отъезда. Если Поль ей писал, то письма его, очевидно, перехвачены Версальским правительством, которое, желая скрыть действия Коммуны от «ruraux», или «ruminaux» [2], как их теперь называют, не пропускает из Парижа газеты и письма. В добавление к огорчениям Лауры ее младший ребенок опасно болен. Когда я получила ее письмо, первым моим побуждением было немедленно отправиться в Бордо, и, *entre nous* [3], могу сознаться, что в случае возражений со стороны родителей я готова была уехать тайком. Однако потом я узнала, что Орлеанская железная дорога перерезана, что Пикар объявил страну на осадном положении, что никому нельзя передвигаться без паспорта и т. д. Теперь мне ничего не остается, как только ждать медленной, но верной поездки пароходом и добираться по плану Мавра и Штаба.

Штаб с сентября расположился в Лондоне. Кажется, я уже давно сообщила вам об этом. Они с Мавром совершают длительные прогулки, когда это позволяет здоровье Мавра. С его кашлем немного лучше, но у него сильная желтуха и вообще он далеко не здоров. Наш доктор регулярно навещает его. Наш дорогой Мавр тяжело переживает нынешнее положение дел и это, несомненно, является одной из главных причин его болезни.

Многие наши друзья участвуют в Коммуне. Некоторые из них уже

---

[1] полномочия.

[2] «деревенщина», «жвачные» — прозвища депутатов версальского Национального собрания.

[3] между нами.

пали жертвами версальских палачей. Гюстав Флуранс в действительности был *умерщвлен, а не пал в бою,* как сообщает печать: дом, в котором находилась его штаб-квартира, был указан жандармам каким-то шпионом, окружен, и его убили. И подумать только, что лишь год тому назад мы ходили с ним в Хэмпстед, обсуждая, что можно сделать для заключенных ирландцев! Те из писем О'Донована Росса, которых не перевела я, перевел Флуранс. Мне кажется, что я еще слышу его голос, когда он говорил: «Je vous le promets, je ferai tout pour O'Donovan Rossa» [1], — он готов был отдать жизнь ради освобождения фениев.

Я с огорчением поняла из Вашего письма, милый доктор, что вы воображаете, будто я *воюю* против Вас. Поверьте, дорогой друг, «ich grolle nicht» [2]. Жалею, если последнее мое письмо могло привести к такому выводу. В оправдание должна сказать, что в тот день, когда я писала это письмо, я получила печальные вести и чувствовала себя в состоянии *войны* со всем и вся. Крепко поцелуйте Френцхен. Остаюсь, дорогие мои друзья, искреннейше вашей

Женни Маркс

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/10.

№ 13

Лондон, 3 октября 1871 г.

Дорогой доктор!

Большое спасибо за портреты, которые Вы любезно прислали нам. Это — превосходные снимки. Совершенно согласна с Вами насчет иллюстрированной газеты; но так как, к сожалению, мы с вами имели только *два* голоса, а против нас голосов было много, то, уверяю Вас, мне пришлось выдержать не одну упорную битву и, в конце концов, удалось только добиться компромисса: оба снимка посланы художнику, который намеревается опубликовать портрет, и он должен сделать между ними выбор или использовать и тот и другой [51]).

Рада сообщить Вам, что удалось уговорить Мавра бросить на пять дней работу и поехать к морю. Сегодня он должен вернуться, так как предстоит заседание Интернационала [52]): мама, которая поехала с Мавром, пишет, что эти несколько дней отдыха принесли ему большую пользу. А он так нуждался в отдыхе! Мне кажется чудом, как он смог вынести все труды и тревоги последних месяцев.

Работы было ужасно много, и сейчас ее не меньше. Возьмите, например, сегодняшний день. Рано утром пришло письмо от одной из итальянских секций Интернационала. В нем говорится, что Товарищество делает в Италии замечательные успехи (Вы, полагаю, видели письмо Гарибальди об Интернационале) [53]), и содержится просьба о совете и помощи. Потом прибыли письма из разных частей Франции и, наконец, сумасбродное послание от какого-то шведа, который, по-видимому, сошел с ума. «Он призывает» le grand maître [3] «зажечь факелы на горах в Швеции» и т. д. Не успел почтальон уйти, как раздается звонок. Приехал кто-то из Франции — из России — или из Гонконга! Число эмигрантов растет здесь с каждым днем. Бедняги находятся в такой нужде, что сердце надрывается: они не научились искусству Баденге [54]), Орлеанов, Гамбетты и К° запасать на черный день и приехали сюда раздетые, без гроша в кармане. Зима здесь будет ужасная.

---

[1] Обещаю Вам, я сделаю все для О'Донована Росса.
[2] «я не сержусь» (Гейне. Из цикла «Лирическое интермеццо»).
[3] великого учителя.

Ваши опасения насчет ввоза из Франции шпионов весьма и весьма обоснованы. К счастью, Совет принял свои меры. В доказательство того, насколько эти меры предосторожности оказались успешными, достаточно сказать, что с 17 по 23 сентября Интернационал проводил конференцию [55)] и ни одна газета о ней не знала. 24-го конференция завершилась банкетом. Мавра заставили председательствовать на этом празднестве (совершенно против его воли, как Вы можете себе представить), и он имел честь быть соседом героического польского генерала Врублевского, сидевшего справа от него. С другой стороны Мавра сидел брат Домбровского. Присутствовало много членов Коммуны. Из Швейцарии прибыли делегатами Утин и Перре [56)], из Бельгии — де Пап [57)] и пятеро других, из Испании — Лоренцо [58)], очень серьезный, преданный человек. Либкнехт и Бебель не могли приехать за недостатком денег.

Конференция проделала очень большую работу. В числе других вопросов всплыла, разумеется, вечная швейцарская склока. Для обсуждения разногласий была выбрана специальная комиссия. Решения, к которым она пришла, положат, надо надеяться, конец закулисным махинациям клики Бакунина — Гильома — Робена [59)]. Вот некоторые решения по швейцарскому делу:

«Принимая во внимание:

что *«Альянс социалистической демократии»* объявил о своем роспуске;

что на своем заседании 18 сентября конференция постановила, что все *существующие* организации Международного Товарищества отныне должны именоваться и конституироваться исключительно как отделения, секции, федерации и т. д. Международного Товарищества рабочих с прибавлением названий соответствующих местностей;

что вследствие этого всем существующим секциям и обществам запрещается впредь именоваться сектантскими названиями, как, например, мютюэлисты, позитивисты, коллективисты, коммунисты и т. д.;

что впредь ни одному уже принятому отделению или обществу не будет позволено продолжать образование сапаратистских групп под названиями «секций пропаганды», Альянса и т. д., претендующих на выполнение особых задач, отличных от общих целэй, преследуемых массой воинствующего пролетариата, объединенного в Товарищество;

что Генеральному совету Международного Товарищества впредь надлежит в этом духе толковать постановление Базельского конгресса: „Генеральный совет имеет право принимать новыэ секции и группы или отказывать им в приеме, оставляя за ними право обжаловать это решение на очередном конгрессе"» и т. д., и т. д.

Меня зовет Тусси — поэтому надо кончать письмо. Хотела написать также дорогой Милочке, но, оказывается, сегодня не смогу. Поэтому передайте ей, пожалуйста, мои извинения и скажите ей, что в сообщении (в немецкой газете) относительно нашего ареста *нет ни слова правды.* В Люшоне мы вовсе не объявляли своих имен: напротив, все письма посылались нам на фамилии Вильямс или Лафарг. Мы жили в полном уединении, никто нас не навещал, кроме врача, в котором мы — увы! — нуждались во время всего нашего пребывания там. Пребывание же наше было поистине печальным, ибо младший ребенок Лауры все время болел и после ужасных страданий умер в конце июля — 26 числа.

Через несколько дней после смерти ребенка, как раз когда Лафарги уже могли немного выходить, г-н де Кератри [60)] начал против нас свою guerre à outrance [1]. Лаура, приехавшая к мужу в Босост (в Испании), много выстрадала: ее старший ребенок заболел так сильно, что она думала,

[1] беспощадную войну.

он умрет,— он болел дизентерией, которая так распространена в этой части Испании,— и не могла уехать, так как испанская и французская полиция следили за ней, чтобы ее арестовать. Ребенку теперь немного лучше.

Тем временем Поль тайными тропами бежал в центр Испании. Нас с Тусси задержали по возвращении из Бососта, арестовали, продержали несколько дней дома под строгой охраной, а потом перевели в жандармские казармы. Письмо, найденное у меня, было написано мной О'Доновану Росса. Оно было ответом на *постыдное* осуждение им в газете «Irishman» движения коммунаров. Я выражала удивление по поводу того, что *именно он* поверил постыдной клевете на коммунаров, сочиненной гнусными полицейскими органами «Le Figaro», «Paris-journal» и т. д. Я призывала к его сочувствию (он теперь в Нью-Йорке — сила) и сочувствию его соотечественников героическим борцам за лучшее общество — ибо, писала я, ирландцы, меньше, чем кто-либо, заинтересованы в продолжении нынешнего положения вещей и т. д.

Самый горячий привет Милочке и Френцхен.

Остаюсь, милый доктор, искренне Вашей

Женни Маркс

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/11.

№ 14

Понедельник, 16 октября 1871 г.

Дорогой друг!

Мы только что получили третий пакет с фотографиями. Примите нашу большую благодарность за все труды, которые Вам, вероятно, пришлось приложить, чтобы так быстро доставить нам снимки. Некоторые из них превосходны. Особенно мне нравятся снимки в овальной рамке. Как только появятся французское и английское издание портретов, я пошлю их Вам. Я только что послала краткий очерк общественной деятельности Мавра (его труды, политическая деятельность) к «Папаше Дюшену», иначе говоря, Вермершу [61)], который собирается написать биографию.

Я была немало удивлена, узнав, что последнее мое письмо чуть было не попало в Россию. Немецкая «культура» принимает тревожные размеры. Даже если бы слово «Россия» было написано посредине конверта, неужели почтовые служащие не знают, в какой части света расположен *Ганновер!*

Относительно объявления в «Volksstaat» [62)] я полагаю, что это, вероятно, порождение богатой фантазии Либкнехта: никто иной не мог бы додуматься до сочетания Лиссагарэ, Бержере и Тейса. Бержере, как будто, издает еженедельник. Если его можно достать в Лондоне, то я Вам пошлю.

Достославный Дюран [63)] вернулся в Англию из поездки в Париж. К счастью, Мавр был предупрежден, следовательно, вооружен, и ему удалось не допустить Дюрана к участию в конференции.

Если европейские правительства имеют свою международную полицию, то и у Интернационала есть своя контрполиция!

Извините за эту краткую и торопливую записку. Я очень спешу: должна поспеть на поезд, чтобы поехать в одно из лондонских предместий.

Посылая горячий привет дорогой Милочке от себя и поклоны всему семейству от Мавра, мамы и Тусси,

остаюсь искренне Вашей

Женни Маркс

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/13.

№ 15

Лондон, 21—22 декабря 1871 г.

Дорогие друзья!

Прежде всего позвольте мне поблагодарить Вас за Ваше милое письмо, дорогой доктор, и попросить у Вас прощения за то, что я не ответила на него раньше. Если бы Вы знали, как много у меня было дел в последнее время, Вы простили бы меня. Последние три недели я бегаю из одного лондонского предместья в другое (что в этом огромном городе — немалое дело), а потом нередко до часу ночи пишу письма. Цель этих поездок и писем — добывать средства для помощи эмигрантам. До сих пор наши старания — увы! — успеха не имеют. Подлая клевета бессовестных газетчиков так настроила англичан против коммунаров, что все смотрят на них с нескрываемым ужасом. Наниматели не хотят иметь с ними дела. Люди, которым удалось получить работу под вымышленными именами, подвергаются увольнению, как только обнаруживается, кто они такие. Бедные г-н и г-жа Серрайе [64]), например, получили работу в качестве преподавателей французского языка. Однако несколько дней тому назад им сообщили, что услуги бывшего члена Коммуны и его жены более не требуются. Да я могу говорить о таких вещах и по личному опыту. Монро [65]), например, порвали со мной всякую связь, так как сделали ужасное открытие, что я — дочь главаря поджигателей, защищавшего противозаконное движение коммунаров.

Раз эмигранты не могут найти работы, то можете вообразить, до какой нужды они доведены. Страдания их неописуемы: они буквально умирают с голода на улицах этого огромного города, который довел принцип «каждый за себя» до высшего совершенства. Нет ничего удивительного в том, что на англичан, считающих случаи голодной смерти неотъемлемой частью своего великолепного государственного устройства, рассматривающих свободу умирать с голоду как привилегию, которой следует гордиться, что на них не производит большого впечатления несказанная нищета иностранцев, которым они совершенно не симпатизируют. Уже более пяти месяцев Интернационал содержит, точнее говоря, поддерживает между жизнью и смертью большинство эмигрантов. Но теперь средства его исчерпаны. В этом отчаянном положении мы напечатали прилагаемый *негласный* циркуляр. Его составила я, и Вы увидите, как тщательно там избегаются все слова и выражения, которые могли бы возмутить филистеров.

Можете представить себе, дорогие друзья, как все эти трудности и тревоги беспокоят бедного Мавра. Ему приходится сражаться не только со всеми правительствами господствующих классов, но вдобавок еще вести рукопашные схватки с «толстыми, белокурыми и сорокалетними» квартирными хозяйками, которые нападают на него из-за того, что тот или другой коммунар не заплатил за квартиру. Как только он погружается в *abstrakten Gedanken* [1], врывается г-жа Смит или Браун. Если бы только об этом знала газета «Figaro» — какой фельетон преподнесла бы она своим читателям.

Из-за всяческих помех Мавр с величайшим трудом нашел время подготовить первую главу своей книги ко второму изданию. Теперь он надеется, что так или иначе сможет послать ее издателю до конца следующей недели. Он значительно упростил некоторые части ее. Но я рада

---

[1] отвлеченные размышления.

сообщить, что несмотря на такое великое множество забот, здоровье папы довольно хорошее, лучше, чем бывает обычно в это время года. Несколько недель тому назад у него появился нарыв подмышкой, но не злокачественный и скоро был излечен. Кашель тоже у него почти прошел — он кашляет только по утрам (раньше, Вы помните, он иногда кашлял целыми ночами).

Преемники покойного Альянса не дали Генеральному совету ни минуты покоя. В течение нескольких месяцев им удалось завести свои интриги во всех странах. Они развили такую бешеную энергию, что одно время будущее Интернационала выглядело очень неутешительно[66]. Испания, Италия, Бельгия, казалось, встали на сторону бакунистских абстенционистов и против резолюции о необходимости участия Интернационала в политической борьбе. Здесь в Англии клика абстенционистов завела интриги с Бредло, Оджером и их приверженцами. Они даже не постеснялись использовать шпионов и провокаторов Тьера и Баденге... Их органы, «Qui Vive» в Лондоне и «Révolution sociale» в Женеве, старались перещеголять друг друга в клевете на «авторитариев», «диктаторов», «бисмарковцев» из Генерального совета. Г-н Бредло прибег к самым отъявленным искажениям, чтобы оклеветать «великого главу этого совета». В течение многих недель он занимался тайными инсинуациями на частных сборищах, а под конец открыто провозгласил на публичном собрании, что Карл Маркс был и остается бонапартистом. Утверждения его основаны на том месте в «Гражданской войне», где показано, что империя *«была единственно возможной формой правления»,*— здесь Бредло останавливается, опуская заключительные слова: «в то время, когда буржуазия уже потеряла способность управлять нацией, а рабочий класс еще не приобрел этой способности»[67].

Впрочем, успех этих интриганов был только *кажущимся,*— в действительности они нигде успеха не имели. Все их хитроумные заговоры и маневры ни к чему не привели.

В Женеве, этом рассаднике интриг, съезд, представлявший тридцать секций Интернационала[68], высказался за Генеральный совет и принял резолюцию, смысл которой заключается в следующем: раскольнические клики отныне не могут рассматриваться как составные части Интернационала, поскольку их действия ясно показали, что цель их — дезорганизация Товарищества; эти секции, представляющие собой лишь обломок старой клики Альянса под другим названием, продолжая сеять раздоры, наносят ущерб интересам федерации. Резолюция эта была единогласно принята собранием, на котором присутствовало 500 человек. С бакунистами, приехавшими на съезд из самого Невшателя, обошлись бы очень плохо, если бы не люди, которых они величают «бисмарковцами», «авторитариями» — Утин, Перре и др. Они спасли их и попросили собрание предоставить им слово. (Конечно, Утин отлично знал, что лучшее средство совершенно уничтожить их — это позволить им произнести свои речи.)

В Бельгии, по словам Де Папа, новости столь же хороши. В воскресенье в Брюсселе должен состояться съезд[69].

Испанский федеральный совет тоже принял все резолюции делегатов конференции и разоблачил вероломство раскольнической клики.

В Америке эта публика, представленная 12-й секцией[70], бессильна. Все, на что она способна,— это срывать собрания других секций.

Французская секция в Лондоне[71] перестала существовать — гробовщиком ее явился Вермерш («Папаша Дюшен»).

Боюсь, что я уже отняла у вас слишком много времени — однако должна прибавить несколько слов в ответ на Ваше письмо, милый доктор.

Папа держится того мнения, что в случае войны между Россией и Пруссией Австрия будет козлом отпущения и что волки помирятся на том, что угостят друг друга куском ягненка.

Я огорчилась, узнав, что вы не получили иллюстрированной газеты: во-первых, я огорчилась потому, что ее трудно достать, а во-вторых, потому, что, как это ни грустно, вы все время думали, что я забыла послать вам эту газету. Поверьте мне, дорогие «Милочка» и «Венцель» 72), вы были первыми, кому она была послана. Я послала ее вам даже раньше, чем Лаура получила экземпляр. Портрет появился также в одной итальянской газете, в «London Illustrated Times» и будет вскоре опубликован в испанской «Illustration». Как видите, он совершает le tour du monde[1]. Спасибо за немецкую «Illustration». Портрет мне не очень нравится. Пытаясь приукрасить черты лица и т. д., художник пожертвовал всем характерным. Один наш друг говорит, что если бы ему случилось увидеть этот портрет в витрине, он сказал бы: «Voilà un bel homme qui ressemble à M. Marx»[2]. Я пошлю вам другой экземпляр парижской «Illustration» как только смогу его получить из Парижа — здесь, в Лондоне, эту газету достать нельзя[3].

Что касается книги Бержере, то я ее не посылала. Ее не стоит читать. За одним исключением, все появившиеся до сих пор книги о Коммуне — просто вздор. Единственное исключение из общего правила — работа Лиссагарэ, которую вы получите вместе с этим письмом.

Возвращаясь к досадному вопросу о заблудившемся письме, которое проехало до самой России, прежде чем попасть к Вам, я должна заметить, что Вы ошибаетесь, предполагая, будто я в самом деле досадовала, когда шутила насчет немецкой «культуры». Да разве посмею я, *французский варвар*, критиковать культурную *германскую нацию*, эту вели-и-и-кую нацию! Но так как Вы, по-видимому, решились поднять воображаемую перчатку (воображаемую, уверяю Вас,— ведь обе мои перчатки у меня в кармане), я должна попросить Вас не пользоваться против меня нечестным оружием. Если Вы посмотрите на приложенный адрес, то увидите, что я никогда не писала «Hanover» с ударением над «о». На конверте я написала «Hannover»; а когда я пишу по-английски, то ставлю *одно «n»* — по-английски так и следует писать. Но пожмем друг другу руки (как хотела бы я, чтобы мы могли это сделать в действительности!), потому что не годится ссориться под Новый год.

К Новому году шлю вам всем наилучшие пожелания здоровья и счастья, и, самое главное, надеюсь, что в этом году мы увидимся с вами. Поскольку наша семья не может рискнуть поехать на континент и, следовательно, нельзя рассчитывать на наш визит к вам в Германию, вы должны во что бы то ни стало приехать сюда к нам, ибо, позвольте предупредить вас: если вы не соберетесь приехать в Лондон этой весной или летом, то можете нас здесь уже не застать, так как английское правительство принимает тайные меры, чтобы внести законопроект о высылке коммунаров и членов Интернационала. Перспектива поселиться в стране «Янки Дудль Денди» 73) не очень привлекает нас. Впрочем, довлеет дневи злоба его!

Еще раз шлю пожелания счастья от всех домашних и прошу передать крепкий поцелуй милой Френцхен, которая будет совсем взрослой девицей к тому времени, когда я опять увижу ее (надеюсь, этим летом).

Остаюсь, дорогие друзья, вашей всегда преданной

Женни Маркс

---

[1] кругосветное путешествие.
[2] «Вот красивый мужчина, похожий на г-на Маркса».
[3] В этом месте письма пометка Кугельмана: «21/12. 71».

22 декабря... Мы только что получили ваши письма. Не знаю, как благодарить вас за всю вашу доброту. Вы слишком нас балуете... Ящик еще не прибыл и, распаковывая его, мы будем буквально следовать вашим наставлениям.

Относительно Вашего любезного приглашения, дорогая Милочка, примите мою живейшую благодарность за него. Однако боюсь, что мне нельзя будет уехать из дому нынешней зимой. В настоящий момент я могу принести здесь кое-какую пользу, а кроме того, я уже в этом году уезжала из дому на четыре месяца, и они показались мне вечностью. Мне кажется, что я только что вернулась из этого долгого изгнания. Обещайте же приехать повидаться с нами в будущем году, дорогая Милочка!

Между прочим, я позабыла высказать вам свое мнение об О'Доноване Росса: к сожалению, я верю, что в сообщениях о нем много правды. Он не ответил на письмо, которое я ему послала, но больше на коммунаров не нападал, а это все, чего я добивалась.

Лондонские ирландцы вступают в ряды Интернационала. В разных частях Ист-Энда образуются ирландские секции. Однако вы, наверное, уже думаете, что этому невероятно длинному посланию конца не будет — да, пожалуй, и не было бы, если бы мое перо положительно не отказывалось писать. Итак, привет всем.

Остаюсь вашим искренним другом

Женни Маркс

Ящик только что прибыл. Я поистине не знаю, какими подарками больше восхищаться. Медальон я приберегу к первому же *торжественному случаю,* а для портрета Шекспира сейчас же раздобуду рамку. Это — лучший его портрет, какой я когда-либо видела. Мавр очень доволен своими книжными полками. Тусси и мамы нет дома!

На письме пометка Л. Кугельмана:

Ответ 25.12.71, 15.1.72.

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/14.

№ 16

Лондон, 22 января 1872 г.

Дорогой доктор!

Боюсь, что Ваш план относительно эмигрантов неосуществим. Воспользовавшись малейшим предлогом, их передали бы в руки версальских палачей. Ведь даже здесь, в Англии, правительство тайно готовится внести законопроект об их выдаче. Если дело до этого не дошло, то лишь потому, что как только намерение правительства обнаружилось, о нем сразу же довели до сведения английского народа, который теперь, будучи предупрежден, не даст застигнуть себя врасплох и не станет смотреть, сложа руки, на то, как позорят его страну подобным поступком. Не знаю, писала ли я Вам, что папа первым получил сведения об этих планах правительства — через своего знакомого, связанного с министерством внутренних дел,— и что он немедленно сообщил о них Генеральному совету, после чего известие это было опубликовано в «Eastern Post» [74].

И все же, даже столкнувшись со столь осязательными доказательствами того, что политическая и дипломатическая деятельность Генерального совета для него абсолютно необходима, жалкая клика интриганов, пре-

тендующих на звание членов Интернационала, продолжает неутомимо подкапываться под Совет. По бельгийскому съезду Вы увидите, что они уже пожали первые плоды своих интриг. Они приняли резолюцию, цель которой — превратить Генеральный совет в справочное бюро. Де Пап, который писал Совету за некоторое время до бельгийского съезда и с содержанием письма которого я Вас познакомила, совершенно ошибался в оценке положения дел!

В Лондоне всю эту грязную работу проделывает Бредло вместе со своим приспешником Ле Любе [75)]. Они не останавливаются перед самыми подлыми средствами для достижения своих целей. Последняя уловка м-ра Бредло заключалась в распространении слуха, будто Карл Маркс — полицейский агент. Но вместо того, чтобы входить в подробности этого дела, лучше я пошлю Вам номера «Eastern Post», в которых содержится связанная с этим переписка.

Папа отослал уже Мейснеру больше половины своей книги [76)]. В первой главе он произвел большие изменения и, что важнее всего, он сам этими изменениями доволен (это бывает не так часто). Работа, проделанная им за последние несколько недель, огромна, и просто чудо, как она не подорвала его здоровья (оно по-прежнему хорошее).

Entre nous, дорогой друг, должна сказать, что Мейснер, на мой взгляд, ведет себя по отношению к папе очень дурно: вместо того, чтобы сообщить ему о предстоящем выпуске второго издания, по крайней мере, за четыре месяца, предоставив ему таким образом соответствующий срок, Мейснер заставляет его проделать всю эту работу в последний момент.

К сожалению, папа сейчас вынужден также готовить первую главу для французского переводчика, который должен приняться за работу немедленно, так как Лафарг встретил первоклассного французского издателя, который очень хочет издать «Капитал». Переводчик — не Келлер, которому другая работа помешала закончить перевод. Шарль Лонге, один из бывших членов Коммуны, нашел другого переводчика — кажется, его фамилия Леруа,— который очень умело перевел несколько работ Фейербаха [77)]. Говорят, что ему в значительной степени удалось передать на французском языке, с его строго определенными формами, движение немецкой мысли, а это задача нелегкая. Книга должна выходить в виде livraisons [1] — кажется, тридцати.

Не забыть бы сказать Вам, что Лафарга опять потревожила полиция. Он был вынужден покинуть Сан-Себастьян и теперь живет в Мадриде. Итак, Лаура осталась одна с ребенком в чужой стране. Мы не можем представить себе, под каким предлогом Лафарга опять выслали, поскольку Интернационал, секции которого он организовывал, сейчас в Испании не преследуется.

Я хочу отправить это письмо сегодня и поэтому должна теперь попрощаться с Вами. Надеясь скоро получить давно обещанное письмо от Милочки и посылая горячий привет ей и Совушке,

остаюсь, дорогой доктор, преданной Вам

Женни Маркс

Не только в Германии постоянно теряются книги, газеты и письма. Не знаю, происходит ли это благодаря так называемым почтовым ящикам на улицах. Когда я в следующий раз пошлю Вам что-нибудь, то отправлять буду с почты.

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/15.

---

[1] выпусков.

№ 17

Лондон, 3 мая 1872 г.

Дорогой друг!

Зная, какой глубокий интерес Вы проявляете ко всему, касающемуся папы, спешу сообщить Вам, что он только что получил первые листы корректуры публикуемых на французском языке выпусков. К сожалению, потеряно много времени из-за того, что издатель, г-н Лашатр [78)], настаивал на том, чтобы поместить в первом выпуске портрет автора «Капитала». Быть может, следует простить Лашатру то, что он придает столь большое значение напечатанию портрета, если принять во внимание то обстоятельство, что русское правительство разрешило издавать «Капитал» [79)], но наложило вето на портрет автора! Как бы то ни было, но из-за портрета, который нужно было сперва снять, а потом выгравировать, произошла большая задержка.

Перевод первой части книги не так хорош, как можно было рассчитывать, судя по славе переводчика, г-на Руа, который очень успешно перевел Фейербаха. Папа вынужден вносить бесчисленные поправки, ему приходится переписывать не только отдельные предложения, но и целые страницы. Этот труд, наряду с правкой корректуры из Германии и с колоссальной работой в Интернационале, чрезмерен даже для папы, хотя его Arbeitskraft [1], как Вы знаете, необычайна. Поэтому, надеюсь, Вы простите его за то, что он не пишет Вам чаще. Для него это совершенно невозможно. Я очень боюсь, как бы он скоро опять не заболел,— с наступлением жаркой погоды такое обилие работы будет невыносимо. В настоящее время здоровье у него неплохое.

Вы, вероятно, видели из немецких газет, что Интернационал подвергся жестоким нападкам в палате общин? Прилагаю ответ, опубликованный Генеральным советом, который ни одна лондонская газета (за исключением «Eastern Post» [80)]) не захотела непечатать, хотя бы из элементарного чувства справедливости.

Несмотря на то, что английское правительство вынуждено было заявить, что не может выполнить желаний г-на Тьера и открыто воспрепятствовать деятельности Интернационала, втайне оно проделывает всю требуемую от него грязную работу. Г-н Гладстон предоставляет г-ну Тьеру переписку Генерального совета с континентом. К примеру, на прошлой неделе Утин написал нам из Женевы, что письмо, посланное ему моим отцом о делах Интернационала, явно было вскрыто и что, как ни странно, на лондонском почтамте слова *via Ostende* [2] были заменены словами *via Calais* [3], что, конечно, дало возможность версальцам ознакомиться с содержанием письма. А ведь письмо было заказное!

Мы получили очень печальные вести из Испании. Наш бедный маленький Шнапс очень, очень болен. Он так и не оправился от ужасного приступа дизентерии, перенесенного им в августе. Он все слабеет и слабеет.

Передайте, пожалуйста, мой привет Милочке и скажите ей, что я ей скоро напишу. Шлю самый сердечный привет от всех домашних Вам, Милочке и Совушке, и остаюсь, дорогой друг, искренне Вашей

Женни Маркс

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/16.

---

[1] работоспособность (в данном случае).
[2] через Остенде.
[3] через Кале.

№ 18

Лондон, 27 июня 1872 г.

Дорогие друзья!

Если бы вы знали, как часто я садилась писать вам и как часто меня отрывали, не дав написать и несколько строк, вы, я уверена, простили бы меня за то, что я до сих пор не ответила на ваше последнее письмо.

Вы, дорогой доктор, будете рады узнать, что Мавр совершенно согласен с Вами относительно его деятельности в Интернационале. Он убежден, что пока он останется в Генеральном совете, ему невозможно будет написать второй том «Капитала», над которым в течение прошлого года он работать не мог. Исходя из этого, он твердо решил отказаться от должности секретаря [81] сразу же после ближайшего конгресса. Однако до тех пор ему придется страшно много работать и в Совете и вне его, чтобы подготовиться к великой битве, которая будет доведена до конца на конгрессе, созываемом в Голландии [82].

Вы получите некоторое представление об этой работе, если я скажу Вам, что кроме составления воззваний, чтения целых гор писем и написания ответов на них, Мавр обязан присутствовать не только на обычных еженедельных заседаниях на Ратбон-плейс, но и на дополнительных заседаниях у нас дома и у Энгельса. Последнее такое заседание продолжалось с четырех дня до часу ночи. Это все — дела Интернационала. Остальное время (а его немного) уделяется правке корректуры от Мейснера и проверке французского перевода, который, к сожалению, настолько несовершенен, что Мавр был вынужден написать большую часть первой главы заново. Первый выпуск, состоящий только из портрета автора — по прилагаемой фотографии, сделанной Майолом,— факсимиле письма и ответа от издателя Лашатра, выйдет скоро,— примерно, через неделю.

Что касается русского перевода, который превосходен, то его уже продана тысяча экземпляров.

Французский перевод «Гражданской войны» [83] оказал очень хорошее воздействие на эмигрантов, удовлетворив в одинаковой мере все партии — бланкистов, прудонистов и коммунистов. Очень жаль, что он не появился раньше, так как, несомненно, во многом содействовал бы смягчению враждебности к Генеральному совету.

А теперь, дорогая Милочка, позвольте мне тоже сообщить Вам коекакие новости. По всей вероятности, *та самая* свадьба, о которой так часто извещает полицейская пресса Парижа, состоится около середины июля — 18-го или 19-го. На прошлой неделе «Gaulois» выдал меня замуж в 20-й раз. В мужья мне он избрал небезызвестного Ландека [84]. Когда я действительно выйду замуж, то, полагаю, эти идиоты-писаки оставят меня в покое.

Не могу послать вам фотографию г-на Лонге, дорогие друзья, потому что у меня есть только ужаснейший снимок, выставленный в витринах магазинов, карикатура, изготовленная, чтобы угодить буржуазии, показав ей, что и физически и нравственно коммунары — именно такие чудовища, какими она их считала. Как только у меня будет лучший портрет, я пошлю его вам. Что вы думаете о прилагаемом портрете папы? Все мы от него в восхищении и думаем, что он лучше того, который был снят в Ганновере.

Горячий привет от всех домашних вам и Совушке.

Остаюсь, как всегда, вашим любящим другом

Женни Маркс

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/17.

№ 19

Лондон, Майтленд-парк, 1, 23 декабря 1872 г.

Дорогие друзья!

Поздравляю вас с рождеством и желаю счастливого Нового года! — Все домашние присоединяются к этому искреннему пожеланию! Я пишу *все домашние* — ибо, как вы видите по стоящему выше адресу, я снова в нашем милом старом доме, снова с моими родителями. Мы с мужем оставили Оксфорд, проведя там бесплодные полтора месяца, за время которых так и не появился ни один ученик. Ученые Дендриери [85)], бравшие уроки во время летнего семестра, были, несомненно, так потрясены, увидев имя г-на Лонге в списке делегатов конгресса Интернационала [86)], что решили не иметь никаких дел со своим прежним учителем. Конечно, *сначала* это было для меня большим разочарованием, ведь я знаю, как трудно найти работу при такой сильной конкуренции: Англия переполнена всякого рода преподавателями французского языка, так как французские эмигранты — журналисты, врачи, адвокаты, медники и портные взялись все без разбора за это занятие. Однако постепенно я примирилась с нашими оксфордскими неудачами. В Лондоне я чувствую себя куда более счастливой, чем в правоверном, чванном Оксфорде. В Лондоне есть Модена Виллас, а в передней комнате второго этажа Модена Виллас я всегда могу застать своего дорогого Мавра. Не могу вам высказать, какой одинокой я чувствую себя в разлуке с ним, а он говорит, что ему тоже меня сильно недоставало и что во время моего отсутствия он совсем схоронился в своем кабинете. Если только нам с мужем удастся найти в Лондоне работу, я буду благословлять неудачу, изгнавшую нас из великого обиталища лженауки.

Лафарги тоже сейчас в Хэмпстеде и намерены поселиться здесь на несколько лет. Мама просит написать вам, что Лаура выглядит сейчас гораздо лучше, чем во время пребывания в Гааге: она гораздо веселее и, мы надеемся, понемному совсем оправится от ужасного потрясения, вызванного смертью ее милого мальчугана. Все остальные члены нашей семьи здоровы. Надеюсь, дорогие друзья, что вы сможете сообщить нам столь же добрые вести о себе. Напишите мне поскорее! Вы знаете, как глубоко меня интересует все, что касается вас. Если бы Вы, дорогая Милочка, удостаивали меня хоть одним письмом на каждые полдюжины писем, которые Вы шлете своей подруге г-же Тенге, я была бы довольна. Как видите, я не очень требовательна и совсем не ревнива!

Французский перевод «Капитала» медленно подвигается. Следующий выпуск будет превосходен. Папа совершенно его переделал. Переводчик, изрядный тупица, порядком все испортил. К сожалению, такая правка стоит Мавру столько же, если не больше, труда, как если бы он сам все написал. Он работает каждую ночь до двух или трех часов утра.

Читали ли вы статьи о первом выпуске, которые только что появились в брюссельской «Liberté»? [87)] Этим бельгийским мудрецам удалось открыть, что Маркс и Прудон совместно разрешили вопрос о «constitution de la valeur» [1]. Вот что такое бельгийский дух — чистейшее неразбавленное брюссельское пиво.

Как ни тупы эти бельгийцы, они не слишком тупы для того, чтобы плести свои жалкие интриги против Интернационала. Они, как всегда, трудятся, не покладая рук, вместе со своими юрскими собратьями, а недавно объединились также с примерным английским рабочим Хейлзом [88)]

---

[1] «конституировании стоимости».

и пьяницей Моттерсхедом [89]. Их ряды пополнил Юнг [90], чье позорное отступничество явилось следствием его смехотворного тщеславия. Жалкий человечек не мог примириться с мыслью о переводе Совета в Нью-Йорк, ведь это лишает его всякого значения! Несколько недель он рвал и метал втихомолку, а теперь, наконец, открыто поступил под начало великого Хейлза. Впрочем, все эти ничтожные интриганы скоро выдохнутся и прекратят свою мелкую игру, а для Товарищества безусловно полезно будет избавиться от таких работников, как достославный Юнг, Хейлз и т. д. В конце концов, нет ничего плохого в том, что эти люди предстали в своем истинном свете.

Бумага моя кончается — и у меня остается время лишь для того, чтобы повторить наши лучшие пожелания вам и милой Френцхен.

Остаюсь вашим искренним другом

Женни

На письме пометка Л. Кугельмана:

Ответ 26.XII. Сдан на почту 28.XII.

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/18.

№ 20

Лондон, 12 мая 1873 г.

Дорогие друзья!

Я была бы поистине огорчена, если бы думала, что все это время вы смотрели на меня как на неверного друга,— но нет,— вы, конечно, достаточно хорошо меня знаете и приписывали мое молчание чему угодно, но только не недостатку дружбы. И действительно, причиной его было все что угодно, но только не это. С самого рождества я совершенно поглощена увлекательной битвой, известной под названием борьбы за существование. Если бы я перечислила, сколько раз мне пришлось пробежать Лондон с севера на юг, с востока на запад — причем напрасно — в поисках уроков французского языка, немецкого языка, пения и риторики, то страшно утомила бы вас. Следствием всего этого является приобретение огромного опыта, полное проникновение в бессовестные, невероятные проделки контор по приему объявлений, агентов, директоров школ и т. д.

Хотя, подобно шекспировской Розалинде [91], я предпочитаю шута, который развеселит меня, опыту, который меня опечалит, однако в данном случае я не жалею о своем в поте лица добытом опыте, ибо надеюсь когда-нибудь обнародовать махинации этих вампиров-посредников и тем избавить других от ловушек, в которые попадалась сама. Мужу моему повезло не больше моего в этой стране свободы и свободной конкуренции. Конечно, если бы мы предпочли поселиться где-нибудь в провинции, прозябать в какой-нибудь глуши, то, вероятно, давно нашли бы работу. Но, хоть я и замужем, сердце мое, как всегда, приковано к тому месту, где находится мой папа, и в другом месте жизнь была бы мне не в радость. Однако, если ничего не выйдет, видно, придется оставить его... Но довлеет дневи злоба его — не хочу думать об этом раньше времени.

Мне нужно еще поблагодарить вас за ваши последние письма, дорогие друзья. Вам, дорогой доктор, мне совершенно незачем отвечать на Ваше суждение о юрских делегатах на конгрессе. Время позаботилось о том, чтобы сделать это за меня и притом гораздо успешнее. Эти жалкие интриганы, единственная цель которых — сеять в Товариществе раздоры и пожинать их плоды, все время встречают со стороны своих противников

слишком уж великодушное отношение. Видели ли Вы последнее произведение этого тщеславного ничтожества Юнга в «Liberté»? Ложь, которую он распространяет о моем муже, состряпана им совместно с человеком, бывшим некогда революционером, который устроился теперь в качестве лакея в семье английского джентльмена и довольствуется тем, что служит «дурачком». Соратник, достойный прославленного Юнга!

Упоминаемый Вами слух об отъезде папы в Америку совершенно ложен.

Второй том «Капитала» совсем не продвигается, так как французский перевод, который приходится почти целиком переделывать заново, отнимает у Мавра все время. Что вы думаете о французском переводе и о послесловии ко второму изданию «Капитала»?

Вам, дорогая Милочка, мне и говорить незачем, что я думаю о Вас очень, очень часто и что жажду опять увидеть Вас: Вас и милую Френцхен. Помнит ли еще эта молодая особа одну давнюю *колыбельную песню?* Передайте ей мой горячий привет. Мавр шлет Вам и Венцелю множество приветствий, к которым присоединяются мой муж и мама. Мавр скоро вам напишет.

Искренне ваша

Женни

ЦПА ИМЛ, ф. 7, ед. хр. 10/19.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) В доме № 1 на Мейтленд-парк-род, Модена Виллас семья Маркса жила с апреля 1864 по март 1875 г.— 23.

2) Боркгейм Сигизмунд Людвиг (1825—1885) — немецкий публицист, участник баденского восстания 1848 г.; эмигрировал в Швейцарию, затем в Лондон.— 24.

3) Речь идет о I томе «Капитала» Маркса, вышедшем в Гамбурге в 1867 г.— 24.

4) Френцхен, «Совушка» — так называли дочь Л. Кугельмана — Франциску.— 24.

5) К. Маркс с дочерью Женни был в Ганновере у Кугельманов с середины сентября до начала октября 1869 г.; перед этим он заезжал к двоюродному брату в Аахен, к Штумпфу в Майнц и к Иосифу Дицгену в Зибург. Данное письмо написано, чтобы информировать Маркса об откликах на Базельский конгресс I Интернационала (6—11 сентября 1869 г.). В письме сообщается о статьях в газете «Таймс» Георга Эккариуса (1818—1889) — члена Генерального совета I Интернационала (знакомого с Марксом еще по Союзу коммунистов), о письмах, посланных Марксу о ходе конгресса Фридрихом Лесснером (1825—1910) — членом Генерального совета и Вильгельмом Либкнехтом, участвовавшим в работе конгресса.— 24.

6) Женни Маркс здесь критикует В. Либкнехта в связи с тем, что при образовании в Эйзенахе в августе 1869 г. Социал-демократической рабочей партии Германии, в которую вошли также и левые лассальянцы, в программе партии осталось много лассальянских положений. Орган партии — газета «Volksstaat» («Народное государство»), одним из редакторов которой был Либкнехт, зачастую пропагандировала отдельные лассальянские положения, в частности и так называемый «железный» закон заработной платы. Маркс и Энгельс, критикуя Либкнехта за непоследовательность, помогали ему исправить эти ошибки и в целом поддерживали его и эйзенахскую партию в борьбе со Швейцером и лассальянцами.— 25.

7) На Базельском конгрессе I Интернационала Либкнехт посвятил свое выступление (7 сентября) положению в германском рабочем движении — расколу социалистического движения, образованию эйзенахской партии, борьбе с лассальянцами.—25.

8) Шекспир. «Макбет», действие III, сцена II.— 26.

9) Речь идет о жене Теодора Менке, статистика из Ганновера, друга Кугельмана, интересовавшегося работами Маркса и помогавшего деньгами немецким эмигрантам.— 26.

10) Имеется в виду книга известного русского экономиста и социолога Н. Флеровского (псевдоним В. В. Берви, 1829—1918) «Положение рабочего класса в России», присланная Марксу в Лондон Н. Ф. Даниельсоном в 1869 г. Маркс внимательно изучил книгу, сделав в ней много пометок.— 26.

11) Кэри Генри Чарлз (1793—1879) — американский вульгарный буржуазный экономист, апологет капитализма. В октябре — ноябре 1869 г. Маркс и Энгельс изучали книгу Кэри «Manuel of social science» («Руководство к социальной науке»), являвшуюся сокращенным изданием «Principles of social science» («Основы социальной науки»).— 26.

12) Еще до выхода в свет I тома «Капитала» Маркс искал для своего труда переводчика на французский язык. После выхода первого немецкого издания I тома «Капитала» несколько человек брались за его перевод, но по различным причинам не смогли справиться с этой работой. В 1869 г. за перевод взялся Шарль Келлер, работа которого была одобрена Марксом; однако Келлер не довел свою работу до конца. «Капитал» был переведен на французский язык Жозефом Руа; но этот перевод был слишком буквален, и Марксу пришлось переделывать его от начала до конца. Первое французское издание «Капитала» было осуществлено отдельными выпусками в 1872—1875 гг.— 26.

13) Речь идет о французских буржуазных республиканцах, выступавших с резкой критикой второй империи. С середины 60-х годов, напуганные развитием рабочего движения, они стали постепенно отказываться от своих прежних позиций и скатываться вправо.— 26.

14) Имеется в виду демонстрация, организованная ирландскими мелкобуржуазными революционерами — фениями 24 октября 1869 г. с целью добиться освобождения фениев, заключенных в тюрьму после поражения национально-освободительного восстания, происшедшего в феврале — марте 1867 г. в Ирландии. Об этой демонстрации Маркс упоминает в письме Энгельсу 30 октября 1869 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., I изд., т. XXIV, стр. 241—242).— 26.

15) Тусси — прозвище младшей дочери Маркса — Элеоноры (1855—1898).— 26.

16) Веерт Георг (1822—1856) — немецкий пролетарский поэт и публицист, член Союза коммунистов, в 1848—1849 гг. один из редакторов «Новой Рейнской газеты»; друг Маркса и Энгельса.— 27.

17) Речь идет о Елене Демут (1823—1890) — домашней работнице и верном друге семьи Маркса.— 27.

18) Оверенд, Герни и К° — один из крупнейших английских банков, в 1866 г. объявил о своем банкротстве. Это банкротство, разорившее большое число вкладчиков, вызвало возмущение по всей стране; дело стало предметом интерпеляции в парламенте.— 27.

19) Энгельс начал работать над книгой по истории Ирландии с конца июля 1869 г., в июле 1870 г. в связи с франко-прусской войной работа была прервана. Незаконченная рукопись Энгельса «История Ирландии» и часть подготовительных материалов к ней опубликованы в «Архиве Маркса и Энгельса», т. X, 1948, стр. 59—263.— 28.

20) О'Донован Росса Иеремия (1831—1915) — один из вождей ирландских фениев. В 1865 г. был приговорен английским судом к каторжной тюрьме; в 1869 г., находясь в тюрьме, был избран от Типперери в английский парламент; после амнистии 1870 г. эмигрировал в Америку.— 28.

21) «Reynold's Weekly Newspaper» («Еженедельная газета Рейнольдса») — английская рабочая газета, основана в Лондоне в 1850 г. близким к чартизму мелкобуржуазным демократом Дж. Рейнольдсом.

«The National Reformer» («Народный реформатор») — еженедельный английский буржуазно-радикальный журнал, выходивший в Лондоне с 1860 по 1893 год.— 28.

22) Имеется в виду проведенный в 1869 г. Гладстоном билль об отделении церкви от государства в Ирландии.— 28.

23) Оранжисты — члены реакционной террористической организации, созданной в 1795 г. лендлордами и протестантским духовенством в Ирландии для борьбы против национально-освободительного движения ирландского народа. Орден оранжистов систематически занимался натравливанием протестантов на ирландцев-католиков.— 28.

24) Риббониты — члены тайных крестьянских организаций в Ирландии, выступавших против гнета английских лендлордов; свое название получили от английского слова «ribbon» — лента, так как в качестве эмблемы носили полосу зеленой материи.— 28.

25) Ордалии или «божий суд» — применявшиеся во времена средневековья испытания раскаленным железом, кипящей водой и т. п. в целях установления виновности или невиновности обвиняемых.— 29.

26) Буржуазный демократ — Иоганн Якоби в своей речи на митинге в начале января

1870 г., основанной на положениях Маркса, ни разу не сослался на Маркса, на что и указал ему в своем письме Кугельман. Об этом см. письмо К. Маркса Ф. Энгельсу от 27 января 1870 г. (Соч., I изд., т. XXIV, стр. 283—284).— 29.

27) Милочка, Графиня — жена Кугельмана Гертруда.— 30.

28) Рошфор Анри (1830—1913) — французский публицист, буржуазный республиканец, выступал с резкой критикой второй империи; основатель и редактор французской еженедельной газеты «La Marseillaise» («Марсельеза»), выходившей в Париже с декабря 1869 по сентябрь 1870 г.; газета фактически являлась органом Интернационала во Франции.— 30.

29) Верморель Огюст (1841—1871) — французский журналист, прудонист, активный участник Парижской Коммуны.— 30.

30) Вильмесан Жан Ипполит Огюст (1812—1879) — французский реакционный журналист. Основанная им в 1854 г. ежедневная газета «Le Figaro» («Фигаро») систематически выступала с клеветой на рабочее движение и на Маркса.— 30.

31) Похороны известного французского журналиста Виктора Нуара (1848—1870), происходившие 12 января 1870 г., вылились в мощную демонстрацию против бонапартистского режима во Франции.— 30.

32) Распайль Франсуа (1794—1878) — видный французский ученый-естествоиспытатель, публицист, социалист, близкий к революционному пролетариату; участник революций 1830 и 1848 гг.— 30.

33) Гранье де Кассаньяк Адольф (1806—1880) — французский журналист, бонапартист, один из ведущих сотрудников ежедневной бонапартистской газеты «Pays» («Страна»).— 30.

34) Речь идет о стачке рабочих машиностроительного и сталелитейного завода Шнейдера в Крезо, происходившей во второй половине января 1870 г. и охватившей свыше 10 тыс. рабочих. Стачка, начавшаяся в знак протеста против увольнения членов делегации, явившейся для переговоров с администрацией относительно передачи в ведение рабочих пенсионной кассы, после ввода в Крезо правительственных войск приняла политический характер. Путем массовых арестов бонапартистскому правительству удалось ее подавить. Одним из руководителей стачки был рабочий-механик Адольф Альфонс Асси (1840—1886), член I Интернационала, впоследствии активный участник Парижской Коммуны.— 30.

35) Геру Адольф (1810—1872) — французский буржуазный политический деятель и журналист; в 1859—1871 гг. издавал ежедневную умеренно-бонапартистскую газету «L'Opinion nationale» («Народное мнение»).— 30.

36) Речь идет об отмене 21 июня 1824 г. закона о запрещении тред-юнионов.— 31.

37) Намек на курс лечения, предложенный Кугельманом Марксу.— 31.

38) Кугельман прислал Марксу в подарок ко дню рождения два ковра, принадлежавшие ранее Лейбницу. Маркс в письме к Энгельсу от 10 мая 1870 г., упоминая об этом подарке, осудил разбазаривание вещей из дома Лейбница (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., I изд., т. XXIV, стр. 336—338).— 31.

39) Речь идет об арестах членов Интернационала, произведенных правительством Наполеона III незадолго до плебисцита 8 мая 1870 г. под лживым предлогом, будто члены Интернационала готовят убийство Наполеона III.— 32.

40) Имеется в виду заявление Генерального совета о преследованиях членов французских секций Международного Товарищества рабочих, принятое по предложению Маркса на заседании Генерального совета 3 мая 1870 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., I изд., т. XIII, ч. I, стр. 378—379).— 32.

41) Флуранс Гюстав (1838—1871) — французский журналист, революционер, примыкал к бланкистам; член Интернационала, один из руководителей национальной гвардии, член Парижской Коммуны, во время подавления Коммуны был зверски убит версальцами.— 32.

42) Бернар Симон Франсуа (1817—1862) — французский политический деятель, буржуазный демократ, участник революции 1848—1849 гг. во Франции, после ее поражения эмигрировал в Лондон. В 1858 г. обвинялся французским правительством в соучастии в покушении Орсини на Наполеона III, но был оправдан английским уголовным судом. По требованию французского правительства Пальмерстон предложил билль о заговорах, по которому французские политические эмигранты могли быть выданы правительству Наполеона III. Под давлением общественного мнения билль был отвергнут, и Пальмерстон вынужден был уйти в отставку.— 32.

43) В феврале — апреле 1870 г. Женни Маркс написала ряд статей в защиту фениев, которые публиковались в газете «Marseillaise» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., I изд., т. XIII, ч. I, приложения, стр. 412—429).— 32.

44) Луби Томас Кларк (1821—1901) — один из лидеров фениев, редактор газеты «Irish People» («Ирландский народ»).— 33.

45) Речь идет о сборнике ирландских народных песен под заглавием «Арфа Ирландии», подготовленном и изданном певцом Жозефом Риссе. Во время пребывания в Ганновере в 1867 г. Маркс и Женни познакомились с ним у Кугельманов. К настоящему письму приложены упоминаемые Женни Маркс заметки Энгельса.— 34.

46) Парижский шулер — подразумевается Наполеон III.— 34.

47) Речь идет о готовившейся франко-прусской войне, которая началась 19 июля 1870 г.— 34.

48) Маркс отдыхал в Рамсгете с 9 по 31 августа 1870 г. сначала вместе с дочерью Женни, а затем с остальными членами семьи.— 34.

49) С июля 1870 по февраль 1871 г. в английской газете «The Pall Mall Cazette» печатались статьи Энгельса о франко-прусской войне (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., I изд., т. XIII, ч. II, стр. 11—90, 101—242, 246—277); за блестящий анализ военных действий и оправдавшиеся предсказания относительно хода войны Женни Маркс прозвала Энгельса «генералом».— 35.

50) В 1870 г. были арестованы и заключены в крепость члены Брауншвейгского Центрального комитета Социал-демократической рабочей партии Германии Бракке, Борнгорст, Грилле, Кюн и Шпир за выпущенный ими 5 сентября 1870 г. манифест против франко-прусской войны. В декабре 1870 — марте 1871 г. в тюрьму были заключены также Бебель и Либкнехт в связи с их выступлениями против войны.— 37.

51) Речь идет о портретах К. Маркса (см. док. № 15).— 39.

52) 3 октября 1871 г. состоялось заседание Генерального совета, на котором должны были произойти выборы секретарей-корреспондентов для отдельных стран. На этом заседании Маркс вновь был избран секретарем-корреспондентом для России.— 39.

53) Вероятно, имеется в виду письмо Джузеппе Гарибальди к Арно, опубликованное в ряде газет.— 39.

54) Баденге — так называли иронически Наполеона III по имени лица, в чьей одежде он бежал из тюрьмы в 1846 г.— 39.

55) Речь идет о негласной Лондонской конференции Интернационала.— 40.

56) Перре Анри — деятель швейцарского рабочего движения, рабочий-гравер; член I Интернационала, вначале примыкал к анархистам, с 1869 г.— секретарь Федерального комитета секций Интернационала Романской Швейцарии, поддерживал Генеральный совет в борьбе с бакунистами; член редакции газеты «Egalité» («Равенство»).— 40.

57) Де Пап Сезар (1842—1890) — деятель бельгийского рабочего движения, член I Интернационала, один из основателей Бельгийской рабочей партии.— 40.

58) Лоренцо Ансельмо (1841—1915) — деятель испанского рабочего движения, член I Интернационала, по профессии рабочий-типограф.— 40.

59) Имеются в виду резолюции Лондонской конференции Интернационала «Об Альянсе социалистической демократии» и «О расколе в Романской Швейцарии», направленные против возглавляемых Бакуниным, Гильомом и Полем Робеном анархистских раскольников, окопавшихся в секциях Интернационала в Швейцарской Юре (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., I изд., т. XIII, ч. II, стр. 679—682).— 40.

60) Кератри — префект парижской полиции в сентябре — октябре 1870 г.— 40.

61) Вермерш Эжен (1845—1878) — французский журналист и политический деятель, мелкобуржуазный республиканец, во время Коммуны издавал в Париже популярную газету «Le Père Duchêne» («Папаша Дюшен»). В дальнейшем выступал против Маркса.— 41.

62) Речь идет о появившемся в газете «Volksstaat» (№ 83, 14 октября 1871 г.) объявлении о выходе в Лондоне I тома «Истории Коммуны», якобы написанной участниками Парижской Коммуны Лиссагарэ, Бержере и Тейсом, принадлежавшими к различным политическим группировкам. В действительности такой книги не было.— 41.

63) Дюран Гюстав — агент французской полиции, пробравшийся в рабочие организации, являлся секретарем «Французской секции 1871 г.» в Лондоне; был разоблачен и в октябре 1871 г. исключен из Интернационала.— 41.

64) Серрайе Огюст — французский рабочий, с 1869 г. член Генерального совета Интернационала, участник Парижской Коммуны; соратник Маркса и Энгельса.— 42.

65) Монро — врач, детям которого Женни Маркс давала уроки.— 42.

66) После Лондонской конференции Интернационала (сентябрь 1871 г.) анархисты, руководимые Бакуниным, повели открытую кампанию против пролетарского большинства Интернационала. Под лозунгом пересмотра Устава и ликвидации Генерального совета они пытались захватить руководство Интернационалом в свои руки (их программным документом был так называемый сонвильерский циркуляр, принятый на конгрессе Юрской федерации 12 ноября 1871 г.). В целях борьбы против Генерального совета, руководимого Марксом, анархисты блокировались со всеми антимарксистскими силами в Интернационале и вне его. Гаагский конгресс (1872 г.) положил конец их дезорганизаторской деятельности.— 43.

67) К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., I изд., т. XIII, ч. II, стр. 312.— 43.

68) Речь идет о собрании 30 женевских секций в ноябре 1871 г., принявшем в противовес анархистским организациям в Швейцарии резолюцию, одобрявшую решения Лондонской конференции Интернационала.— 43.

69) Конгресс бельгийских секций I Интернационала состоялся в Брюсселе в декабре 1871 г.; он принял решение о пересмотре Устава Международного Товарищества рабочих, но отказался поддержать требование анархистов о немедленном созыве для этой цели конгресса Интернационала.— 43.

70) 12-я секция (американская) была организована в Нью-Йорке в июле 1871 г. буржуазными феминистками; секция состояла из буржуазных элементов. Постановлением Генерального совета от 5—12 марта 1872 г. она была распущена (см. Ф. Энгельс. «Интернационал в Америке». Соч., I изд., т. XIII, ч. II, стр. 462—468).— 43.

71) Речь идет о «Французской секции 1871 г.», образованной в Лондоне небольшой группой мелкобуржуазных эмигрантов Коммуны в сентябре 1871 г. и не принятой в Интернационал. Секретарь ее Дюран был вскоре разоблачен как полицейский агент. В начале 1872 г. эта организация раскололась; входившие в нее пролетарские элементы образовали новую секцию, действовавшую в полном согласии с Генеральным советом.— 43.

72) Венцель — прозвище, данное Марксом Л. Кугельману.— 44.

73) «Янки Дудль» — североамериканская патриотическая песенка, получившая с конца XVIII в. значение национального гимна. Янки стало прозвищем американцев.— 44.

74) Речь идет о выступлении Маркса на заседании Генерального совета 24 декабря 1871 г.; отчет об этом заседании был опубликован 6 января 1872 г. лондонской еженедельной рабочей газетой «Eastern Post» («Восточная почта»), выходившей в пролетарском районе Лондона Ист-Энде в 1871—1873 гг.— 45.

75) Ле Любе Виктор — французский эмигрант в Лондоне, был членом Генерального совета Интернационала; в 1866 г. Женевским конгрессом исключен из Генерального совета за интриги и клевету.— 46.

76) Имеется в виду второе немецкое издание I тома «Капитала», выпущенное гамбургским издателем Мейснером в 1872 г.— 46.

77) Речь идет о Жозефе Руа, который перевел в 1864 г. на французский язык работу Фейербаха «Религия и сущность христианства».— 46.

78) Лашатр Морис (1814—1900) — французский публицист и издатель; в 1872—1875 гг. издал I том «Капитала» Маркса на французском языке.— 47.

79) Сразу же после появления первого немецкого издания «Капитала» это произведение вызвало пристальное внимание передовых русских людей. Неоднократно делались попытки перевести «Капитал» на русский язык: за перевод брался М. А. Бакунин, но вскоре бросил его, затем Г. А. Лопатин (1845—1918), успевший до отъезда из Лондона в Россию, где он был арестован, перевести половину тома. В 1871—1872 гг. перевод был сделан Н. Ф. Даниельсоном (1844—1918), и первое русское издание I тома «Капитала» вышло в апреле 1872 г.; в мае 1872 г. Маркс получил от Даниельсона свою книгу в русском переводе.— 47.

80) Речь идет о написанном Марксом обращении Генерального совета в связи с выступлением Кокрэна против Интернационала. Обращение было издано отдельной листовкой, а также опубликовано в «Eastern Post» 20 апреля 1872 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., I изд., т. XIII, ч. II, стр. 442—447).— 47.

81) Маркс занимал в Генеральном совете должность секретаря-корреспондента для Германии и России.— 48.

82) Имеется в виду пятый, фактически последний конгресс I Интернационала, состоявшийся при активном участии Маркса и Энгельса в Гааге 2—7 сентября

1872 г. На конгрессе был идейно разгромлен анархизм, а вожди его — Бакунин и Гильом исключены из Интернационала за раскольническую деятельность.— 48.

83) Перевод работы Маркса «Гражданская война во Франции» на французский язык вышел в Брюсселе в середине июня 1872 г.— 48.

84) Ландек Бернар — ювелир, член I Интернационала, участник Парижской Коммуны; после ее поражения эмигрировал в Лондон, где вошел во «Французскую секцию 1871 г.»; позднее был разоблачен как агент французской полиции.— 48.

85) Дендриери — персонаж из пьесы Тейлора «Американский родственник», тип болтливого, тупого и напыщенного щеголя.— 49.

86) Лонге Шарль — муж Женни Маркс, был делегатом Гаагского конгресса Интернационала.— 49.

87) Речь идет о статье «Karl Marx et son analyse de la valeur» («Карл Маркс и его анализ стоимости»), напечатанной в бельгийской еженедельной рабочей газете «La Liberté» («Свобода») №№ 48 и 51, 8 и 22 декабря 1872 г.).— 49.

88) Хейлз Джон — деятель английского рабочего движения, один из реформистских лидеров тред-юнионов, по профессии рабочий-ткач; был членом Генерального совета Интернационала, одним из руководителей Британской федерации Интернационала.— 49.

89) Моттерсхед Томас — деятель английского тред-юнионистского движения, в 1869—1872 гг. член Генерального совета Интернационала.— 50.

90) Юнг Герман (1830—1901) — швейцарский часовщик, участник революции 1848—1849 гг. в Германии; был членом Генерального совета Интернационала; в 1872 г. выступил против решений Гаагского конгресса и примкнул к врагам Маркса.— 50.

91) Розалинда — персонаж из комедии Шекспира «Как вам это понравится».— 50.

О ЗАПРЕЩЕНИИ ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРОЙ ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. МАРКСА «НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ»

Произведение К. Маркса «Нищета философии» является одной из первых его работ, в которой изложены основы материалистического понимания истории. Подвергая в этой работе беспощадной критике взгляды мелкобуржуазного французского философа и экономиста Прудона, Маркс одновременно излагает в ней основные принципы научного социализма и указывает пути революционной борьбы рабочего класса за свое освобождение.

Царская цензура, всячески стараясь не допустить проникновения революционных идей Маркса в народные массы, направила свои преследования и против его работы «Нищета философии». Так, при издании этой работы Маркса в Киеве в 1898 г. по требованию цензуры на книге не была обозначена фамилия автора и исключены высказывания, революционные по своему характеру. Книга Маркса по существу была изуродована цензурой. 1 мая 1899 г. Московский цензурный комитет запретил к печати «Нищету философии» в переводе В. Попова [1]. Заграничное издание «Нищеты философии» (Женева, типография «Освобождение труда») было запрещено к обращению и переизданию в России.

В 1901 г. Петербургский цензурный комитет задержал выход в свет книги К. Маркса «Нищета философии» с предисловием Ф. Энгельса, изданную в Петербурге Зябицким и Пятиным. В постановлении цензурного комитета об этой книге от 7 ноября 1901 г. говорится: «В настоящем своем виде она заключает в себе рассуждения, направленные к разрушению существующего экономического государственного и социального строя и проповедь вредных учений социализма и коммунизма, доходящую до предсказаний революции пролетариата» [2].

Петербургский цензурный комитет не замедлил донести об этой книге Главному управлению по делам печати, которое признало ее «особенно вредной». Не удовлетворившись распространенным отзывом цензурного комитета о книге, Главное управление по делам печати передало ее на дополнительное заключение члену совета этого управления М. В. Никольскому. 4 июня 1902 г. состоялось бурное заседание совета Главного управления по делам печати, на котором книга Маркса была подвергнута всестороннему рассмотрению. Член совета Никольский заявил, что книга является научным трудом, объемом в 20 печатных листов, что цена ее дорога и потому книга недоступна для народа, ввиду этого он высказался

---

[1] См. ЦГИАЛ, ф. 777 (Петербургский цензурный комитет), оп. 27, д. 66 (журналы заседаний за 1899 г.), л. 244 об.

[2] Там же, д. 67 (журналы заседаний за 1901 г.), л. 537.

против ее запрещения. Большинство членов совета решительно выступили за изъятие книги, как весьма опасной для существующего строя.

Министр внутренних дел В. К. Плеве, признав эту книгу вредной, 27 июля 1902 г. сделал о ней представление в Комитет министров. В представлении министра говорилось: «Книга эта написана Марксом в 1846—1847 гг., т. е. в период его боевой деятельности; в конечном итоге его воззрения того времени сводились к признанию необходимости полного разрушения буржуазного строя. Вся будущность, по его мнению, принадлежит пролетариату, который путем всеобщей революции займет подобающее ему на жизненной арене место» [1]. Комитет министров вынес решение о запрещении книги (см. док. № 2).

Публикуемый ниже журнал заседаний совета Главного управления по делам печати о книге Маркса «Нищета философии» является сводным документом, значительно дополняющим наши сведения по вопросу о преследовании царской цензурой этого гениального произведения основоположника научного социализма [2]. В этом документе приводится полностью упомянутое выше постановление Петербургского цензурного комитета от 7 ноября 1901 г., а также повторяется представление министра внутренних дел в Комитете министров.

Представление Комитету министров состоит главным образом из цитат, заимствованных из книги «Нищета философии» (они приведены также и в публикуемом документе). В журнале заседаний совета Главного управления по делам печати отражены споры, развернувшиеся вокруг произведения Маркса, о которых совершенно не упоминается в других документах. В нем изложены также отзывы цензоров о книге.

Публикуемые документы хранятся в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде (ЦГИАЛ), в фондах Главного управления по делам печати (ф. 776) и Комитета министров (ф. 1263).

И. Ф. Ковалев

№ 1

Журнал заседаний совета Главного управления по делам печати о запрещении книги К. Маркса «Нищета философии»

4 июня 1902 г.

Заключение члена совета статского советника Никольского по представлению С.-Петербургского цензурного комитета о выпуске в свет книги Карла Маркса под заглавием «Нищета философии». Ответ на «Философию нищеты» Прудона. С предисловием Фридриха Энгельса. Перевод с французского П. Пятина и И. Белявского, под редакцией М. М. Филиппова. СПбург, 1902. Цена 1 р. 35 коп.

С.-Петербургский цензурный комитет, рассмотрев названную книгу, донес Главному управлению по делам печати следующее.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1263 (Комитет министров), оп. 46, д. 5570, л. 374.

[2] В журнале «Красный архив» за 1933 г. в публикации «Карл Маркс и царская цензура» были напечатаны три небольших документа о запрещении цензурой «Нищеты философии» Маркса (см. том 56, стр. 15—18).

Книга Карла Маркса «Нищета философии» состоит из предисловия Фридриха Энгельса (стр. 1—28), двух предисловий самого автора (две страницы), письма Маркса в одну из немецких редакций (стр. 31—45), двух глав «Нищеты философии» (стр. 46—160 и 161—272) и, наконец, трех приложений: 1) «Грэй как предшественник Прудона» (стр. 275—281), 2) «О свободе торговли» (стр. 285—312) и 3) «Теория единицы денежной меры» (стр. 315—324). Эти приложения, не имеющие непосредственной связи с капитальной темой Маркса, помещены, очевидно, с целью довести книгу до размера, требуемого законом для изданий, изъятых от предварительной цензуры.

Предисловие Энгельса, написанное в 1884 году для немецкого издания «Нищеты философии», посвящено выяснению отношений Маркса к представителям современного социализма, связанного с теорией ценности Рикардо. Этот последний принял в основание начал политической экономии следующие два положения: 1) меновая ценность товаров определяется исключительно количеством труда, потраченного на их производство, и 2) продукт всего общественного труда делится между тремя классами: землевладельцами (рента), капиталистами (прибыль) и рабочими (заработная плата). Эти положения были использованы для всякого рода уравнительных (социалистических) выводов. Практическое применение теории Рикардо, что рабочим, как единственным настоящим производителям, принадлежит весь общественный продукт, приводит прямо к коммунизму. Маркс показал, что вывод этот с экономической точки зрения формально ложен, так как он оказывается простым применением морали к экономике. По законам буржуазной экономии большая часть продуктов, произведенных рабочими, им не принадлежит. Это несправедливо и безнравственно, но к политической экономии не относится. Поэтому Маркс никогда не основывал на подобных соображениях своих требований; в основание этих требований он клал неизбежное крушение капиталистического способа производства, заявляя, что прибавочная ценность образуется на счет неоплаченного труда. Таков вывод из теории ценности Рикардо, сделанный Марксом в противоположность целой плеяде буржуазных экономистов, к числу которых принадлежат Грэй, Прудон, Родбертус. В дальнейшем изложении Энгельс подвергает резкой и беспощадной критике утопию Родбертуса о рабочих бумажных деньгах.

Письмо Маркса, написанное в 1865 году, дает краткую и сжатую характеристику всей деятельности Прудона, как экономиста и философа. Лучшим произведением Прудона является, по мнению Маркса, первое его произведение «Qu'est ce que la propriété?». Прудон по его идеям беднее Сен-Симона и Фурье, подобно тому как Фейербах беднее Гегеля, но все же, замечает Маркс, Фейербах после Гегеля составил эпоху, потому что с особенной резкостью подчеркнул некоторые неприятные для христианского сознания и важные для прогресса критики пункты, оставленные Гегелем в каком-то мистическом полумраке. К заслугам книги «Qu'est ce que la propriété?» относится вызывающая дерзость, с какой в ней затрагивается экономическое «святое святых», остроумные парадоксы, высмеивающие пошлый буржуазный рассудок, беспощадный приговор, горькая ирония, глубокое и искреннее возмущение подлостью существующего и серьезность революционного настроения.

Содержание основной части книги «Нищета философии» трудно поддается изложению без близкого знакомства с трудом Прудона «Философия нищеты». Да оно и не имеет здесь особого значения, так как Маркс, устанавливая более или менее точно различные экономические понятия, стремится доказать невежество и ненаучность Прудона, другими словами обращает здесь всю свою силу на вопросы теории. Большее значение

имеют отдельные мысли Маркса, а равно и выписки из сочинений разных экономистов, которые он приводит. Вот некоторые из них: «Потребление продуктов, говорит Маркс, зависит от общественных условий, в которых находятся потребители, а эти условия создаются классовой борьбой... В обществе, основанном на нищете, сбыт самых нищенских продуктов вполне обеспечен в самых широких размерах... Говорить, что дешевизна и вытекающий из нее самый широкий сбыт свидетельствуют о наибольшей полезности предмета,— значит утверждать, что широкое потребление водки, явившееся результатом дешевизны ее производства, есть верное доказательство ее полезности; значит доказывать рабочим, что картофель полезнее мяса; значит узаконять существующий порядок вещей,— значит, наконец, вместе с Прудоном защищать этот порядок, не понимая его характера.

В будущем обществе, в котором, по предположению, не будет ни классовой борьбы, ни классов, потребление продуктов не будет более определяться минимумом рабочего времени, необходимого для их производства; напротив, количество общественного труда, уделяемого производству тех или иных продуктов, будет обусловлено степенью их общественной полезности» (стр. 96—97). На стр. 108—117 Маркс приводит следующие, по его мнению, характерные выдержки из книги английского коммуниста Брэя, называя его труд замечательным: «Единственное средство достичь истины состоит в том, чтобы выяснить себе основные понятия. Прежде всего обратимся к источнику, из которого возникают правительства. Обращаясь таким образом к корню вещей, мы найдем, что каждая форма правления, каждая социальная и политическая несправедливость проистекает из господствующей теперь социальной системы,— из учреждения собственности в том виде, в каком она теперь существует, и что поэтому, чтобы раз навсегда положить конец несправедливости и несчастию нашего времени, необходимо коренным образом перевернуть современное состояние общества» (стр. 108).

«Каждый человек имеет несомненное право на все, что может ему доставить его честный труд. Когда он таким образом присваивает себе плоды своего труда, он не совершает никакой несправедливости против других людей, так как он не ограничивает ни для кого другого права поступать таким же образом... Все понятия о высшем и низшем положении, о господине и рабе происходят от того, что были оставлены без внимания элементарные основы и что вследствие этого возникло неравенство владений. Пока останется в силе это неравенство, будет невозможно искоренить эти понятия, точно так же, как и уничтожить основанные на них учреждения. До сих пор еще питают напрасную надежду исправить противуестественное состояние, подобное нынешнему, таким образом, чтобы разрушить существующее неравенство и оставить в силе причину неравенства вообще. Но мы вскоре докажем, что правительство не причина, а следствие, что оно не творит, а его творят; что оно, одним словом, есть последствие неравенства владений и что неравенство владения неразрывно связано с нынешней общественной системой. Система равенства имеет за собою не только наибольшие выгоды, но и высшую справедливость» (стр. 108—109).

«Неравенство в обмене, различие цен при продаже и покупке может удержаться лишь при том условии, если капиталисты навсегда останутся капиталистами, а рабочие рабочими,— одни классом тиранов, а другие классом рабов... Это обстоятельство, стало быть, ясно доказывает, что капиталисты и собственники дают рабочему за недельный труд лишь часть богатства, полученного ими от рабочего в течение истекшей недели, т. е. что они ему дают за нечто — ничто. Соглашение между рабочими

и капиталистами — это сущая комедия: фактически в тысячах случаев оно не более чем бесстыдный, хотя и совершонный на законном основании, грабеж.

Прибыль предпринимателя до тех пор будет убытком для рабочего, пока обмен между обеими сторонами не станет равным. А обмен до тех пор не может стать равным, пока общество будет подразделено на капиталистов и производителей, и последние будут жить своим трудом, в то время как первые будут жиреть от прибыли, доставляемой этим трудом» (стр. 111—112).

«При нынешнем социальном строе прибыль капиталиста и богача постоянно является убытком рабочего,— этот результат должен наступать неизбежно, и бедняк при всякой форме правления выдан головою богачу, пока продолжает существовать неравенство обмена, а равенство обмена обеспечивается лишь такой социальной системой, которая признает общеобязательность труда... Равенство в обмене мало по малу перевело бы богатство из рук нынешних капиталистов в руки рабочих классов.

До тех пор, пока будет существовать эта система неравенства в обмене, производители будут постоянно так бедны, так невежественны, так переутомлены, как мы это видим теперь, даже в том случае, если бы были отменены все подати и все налоги... Лишь полное изменение системы, введение равенства труда и обмена может избавить от этого положения дел и доставить человеку истинное равенство прав... Производителям надо лишь сделать усилие,— и именно от них самих должны исходить всякие усилия, имеющие в виду их собственное благо, и их цепи навсегда будут разорваны» (стр. 113—114).

В замечании 7-м на 5-й § главы «О метафизике политической экономии» Маркс, между прочим, заявляет: «Как экономисты оказываются научными представителями буржуазии, так социалисты и коммунисты оказываются теоретиками пролетариата. Пока пролетариат еще недостаточно развился для того, чтобы вылиться в особенный класс, пока, следовательно, борьба пролетариата с буржуазией не имеет еще никакого политического характера, а буржуазия еще не успела настолько развить в своих недрах производительные силы, чтобы могли ясно обозначиться материальные условия эмансипации пролетариата и возникновения нового общества, до тех пор эти теоретики остаются утопистами; желая облегчить участь обездоленных слоев общества, они изобретают целые системы и ищут возрождающей доктрины. Но по мере того, как подвигается вперед и история и вместе с нею все яснее обрисовывается борьба пролетариата, им более нет надобности искать научных открытий в своем уме: им остается только разобраться в том, что происходит у них перед глазами, и стать органом событий. Пока они гоняются за научными открытиями и только создают системы, пока они видят только начало борьбы, они в нищете усматривают только одну нищету, не подозревая в ней революционной разрушительной стороны, которая должна перевернуть в корне старое общество. Но с этого момента, наука становится сознательным продуктом исторического движения. Она перестает быть доктринерской, она становится революционной» (стр. 195—196).

Глава «О метафизике политической экономии» заканчивается следующей тирадой: «Угнетенный класс составляет жизненное условие всякого общества, основанного на классовом антагонизме... Из всех орудий производства величайшая производительная сила воплощена в самом угнетенном классе. Условием освобождения рабочего класса является уничтожение всяких классов... В процессе своего развития трудящийся класс заменит старое общество такой ассоциацией, которая не будет

знать ни классов, ни их антагонизма, и тогда не будет политического режима в тесном смысле слова, так как политическая власть есть именно официальное выражение господствующего в гражданском обществе антагонизма.

В ожидании этого антагонизм между пролетариатом и буржуазией является борьбой классов,— борьбой, которая в своем высшем проявлении представляет собою полную революцию. Следует ли удивляться, если общество, основанное на классовой борьбе, дойдет до грубого противоречия, до окончательной развязки, которая выразится в решительном столкновении.

Не говорите, что социальное движение исключает будто бы движение политическое. Никогда не бывает политического движения, которое не было бы в то же время социальным.

Только тогда, когда не будет больше классов и классового антагонизма, лишь тогда социальные эволюции перестанут быть политическими переворотами. А до тех пор, накануне всякого общего преобразования общества, последним словом социальной науки всегда будут слова: «Борьба или смерть; суровая борьба или ничто. Так поставлен вопрос неумолимо» (стр. 271—272).

В приложении первом Маркс дает краткую характеристику воззрений экономиста Грэя, желавшего превратить частный капитал в капитал национальный и земельную собственность в собственность национальную.

Во втором приложении Маркс страстно восстает против принципа свободы торговли.

«Господа, не увлекайтесь отвлеченным словом свобода,— говорит он.— Чья свобода? Это свобода, которой располагает капитал, чтобы давить рабочего... Братство, которое осуществила бы свободная торговля среди различных народов, отнюдь не было бы братским. Окрестить именем всеобщего братства эксплуатацию в ее космополитическом обличии, это идея, которая могла зародиться лишь в лоне буржуазии... (стр. 309). Не думайте, однако, господа, что, критикуя свободу торговли, мы намерены защищать покровительственную систему. Кто называет себя противником конституционной системы, тот через это не делается еще сторонником старого порядка. Но вообще говоря, в наше время система свободной торговли разрушительна. Она разлагает старинные национальности и доводит до крайности антагонизм между буржуазией и пролетариатом. Словом, система свободной торговли ускоряет социальный переворот. Только в этом смысле, господа, я подаю голос в пользу свободной торговли» (стр. 311—312).

Коротенькое приложение третье — безразлично в цензурном отношении.

Ввиду изложенного содержания книги Карла Маркса «Нищета философии» комитет нашел, что она заключает в себе рассуждения, направленные к разрушению существующего экономического, государственного и социального строя и проповедь вредных учений социализма и коммунизма, доходящую до предсказаний революции пролетариата, и потому признал необходимым применить к этой книге ст. 149 Устава о цензуре и печати.

Заграничное (женевское) издание перевода «Нищета философии» значится в числе книг, запрещенных к обращению и перепечатке в России. Что же касается того обстоятельства, на которое ссылаются настоящие издатели книги Маркса, именно, что в 1898 году, в Киеве, с разрешения петербургской цензуры была выпущена в свет брошюра «Нищета философии», то, по сличении ее комитетом с настоящим изданием,

оказалось, что в брошюре этой заключалась лишь незначительная часть рассматриваемой книги Маркса, а именно только первая глава ее и то с значительными исключениями, без предисловия Энгельса, письма Маркса и приложений. На брошюре не значилось, кроме того, и имени автора. В таком виде брошюра эта не представлялась вредной и никаких разговоров в печати она не возбудила.

Член совета статский советник Никольский, на рассмотрение коего передано было настоящее дело, доложил совету следующее.

Главное внимание цензуры, при оценке рассматриваемой книги, естественно было обращено на самое ядро ее, т. е. на сочинение Маркса «Нищета философии», которое занимает 15 листов книги из 20. Оно распадается на две части. В первой автор имеет дело с экономическими взглядами Прудона и главным образом с его определением понятия о меновой ценности. Взгляд Прудона, что источник меновой ценности продуктов заключается в количестве употребленного на их производство рабочего времени, по мнению Маркса, не нов, не представляет какого-либо открытия, он заимствован им у английских экономистов Рикардо, Лодердэля и других. Нового у Прудона только то, что он ясно и правильно установленному Рикардо понятию о ценности и другим экономическим понятиям дает абсурдное выражение и толкование, затемняющее и искажающее их смысл.

Не ново также и применение Прудоном понятия о ценности к социологической теории равенства обмена продуктов, так как гораздо раньше Прудона английский экономист Брэй в подробности развил мысль, что если обмен продуктов в сущности есть обмен равных количеств рабочего времени, потраченного на их производство, то стоит только осуществить в обществе идею единственно справедливого и нормального обмена равных продуктов по равенству рабочего времени, как социальное равенство и равновесие восстановятся в обществе. Маркс называет это утопией, осуществление которой ни при каких условиях невозможно.

Во второй части автор имеет дело с философской стороной воззрений Прудона и доказывает, что Прудон, прилагая к экономическим явлениям логические категории, по методу Гегеля, в действительности возводит в категории вечные идеи, существующие производственные отношения, которые находят себе чисто историческое объяснение и подлежат эволюции. Чисто полемический характер и тон сочинения, неуловимая диалектика, доходящая до схоластической игры понятиями и именами, по мнению члена совета Никольского, совершенно преграждают возможность схватить основную идею сочинения, которая, без всякого сомнения, предносилась [1] у автора как теоретическая основа для его полемики.

Основные теоретические начала экономики Маркса, так подробно изложенные в последующих его трудах, в особенности в «Капитале», как будто отсутствуют в настоящем труде,— как, например, характеристическое для Маркса понятие о прибавочной стоимости;— очевидно, они находились еще в процессе своего развития, когда Маркс писал это сочинение. Одна только мысль, характеристическая для теории Маркса, проскальзывает по местам, но остается неразвитой и не аргументированной,— это та, что классовые противоречия, антагонизм классов есть сущность современных производственных отношений и что решение социального вопроса зависит не от осуществления тех или других утопий социалистов и коммунистов, а от неизбежного хода классовой борьбы, изучение которой, в особенности одной из борющихся сторон, именно пролетариата, и составляет задачу социальной науки. Более подробно эта мысль выраже

[1] Так в тексте.

на на последних двух страницах второй части, но настолько в общих и неопределенных чертах, что толкование ее возможно только для того, кто знаком с его «Капиталом» и его авторитетными комментаторами.

В общем член совета Никольский считает рассматриваемое сочинение чисто научным как по содержанию, так в особенности по изложению, и высказывает уверенность, что сочинение это будет прочтено и понято только теми, кто специально занимается историей социальных учений; для всех остальных эта книга безусловно недоступна и неинтересна. Высказывая такое мнение о книге, статский советник Никольский находит, что он не становится чрез это в противоречие с мнением о ней, выраженным в представлении С.-Петербургского цензурного комитета. «Содержание «Нищеты философии»,— говорит читавший книгу цензор,— трудно поддается изложению: для этого необходимо, во-первых, близкое знакомство с самым трудом Прудона. С другой стороны, оно не имеет для нас особого значения, так как Маркс, устанавливая более или менее точно различные экономические понятия, стремится доказать невежество и ненаучность Прудона, другими словами — обращает здесь свою силу на вопросы теории. Большее значение имеют отдельные мысли Маркса и выписки из разных экономистов, которые он приводит». Вот все, к чему сводится мнение цензуры.

Но, если цензор признает сочинение по его основным мыслям вполне научным, посвященным более или менее точному установлению в теории экономических понятий, а по изложению настолько трудным для понимания, что искренне заявляет о полной невозможности для него, как не специалиста, передать основное его содержание, если комитет разделяет эту характеристику книги со стороны цензора, то, по мнению статского советника Никольского, из такой характеристики необходимо вытекает заключение, что сочинение это не может принести вреда. Ведь само собою ясно, что книга, не вполне доступная пониманию цензора, как не специалиста, окажется совершенно недоступной для большинства публики, менее подготовленной к пониманию таких специальных сочинений, чем опытный и сведущий в социально-экономических вопросах цензор; а специалистам, которые одни ее прочтут и поймут, она не принесет и не может принести никакого вреда.

Остается одно основание к применению к этой книге ст. 149,— это отдельные места ее, приведенные в представлении комитета, но член совета Никольский не находит такой способ применения вышеупомянутой статьи, на котором единственно останавливается комитет, согласным с существом дела, так как по его мнению несколько отдельных мест, разбросанных по всей книге и в общем составляющих не более $^1/_2$ печатного листа, хотя бы они и казались вредными, теряются, тонут в общей массе недоступного и неперевариmого для обыкновенного читателя материала. При этом, если эти отдельные места не вырывать из контекста, а взять в связи с ним, то они окажутся не столь опасными. Так, напр., обширные выдержки из Брэя, которые с особенным ударением выставляет комитет, приведены Марксом исключительно для того, чтобы доказать, что Прудон не оригинален в тех утопических взглядах относительно будущего социального строя, которые он выдает за свое открытие, что его, задолго до него, опередил Брэй, выразивший те же мысли в более ясной и обстоятельной форме. Маркс в этом пункте так же сильно побивает Брэя, как и Прудона. Таким образом выдержки из Брэя, по мнению члена совета Никольского, совсем не могут служить «проповедью вредных учений социализма и коммунизма»; они введены только в качестве полемического приема автора.

Что же касается выдержек из самого Маркса, приводимых в представ-

лении комитета, то их в общей сложности едва ли наберется более двух страниц и они, как уже сказано выше, содержат мысли, высказанные вскользь, без надлежащего развития. Во всяком случае статский советник Никольский находит, что отдельных тирад, ради которых представлялось бы необходимым предавать уничтожению всю книгу, так мало и они занимают в ней столь неважное и невидное место, что почти безразлично для общего впечатления, выносимого из книги, останутся ли они на своих местах, или будут исключены из книги.

Что касается вступительных статей и приложений в конце книги, то из них, по мнению статского советника Никольского, обращает на себя внимание только предисловие Энгельса; но содержание этого предисловия ограничивается исключительно изложением отношений теории Маркса к теории ценности Родбертуса, причем автор имеет главною целью доказать, что Маркс ничего себе не присвоил из Родбертуса, в чем последний его обвиняет, так как никогда его не читал и так как его основные взгляды идут вразрез со взглядами Родбертуса. Мысли Маркса о крушении капиталистического строя приводятся мимоходом и в самой краткой форме для характеристики взглядов Маркса сравнительно с Родбертусом. Вообще статский советник Никольский не находит особенного вреда в том, что Энгельс, представитель марксистской партии, подвергает резкой и обстоятельной критике Родбертуса, главу немецкого социализма; теория государственного социализма Родбертуса никогда не служила и не может служить спасительным противоядием против увлечений марксизмом и не заслуживает поэтому охраны от нападений с чьей-либо стороны. Точно так же не может он признать особенно вредным небольшой памфлет Маркса против Прудона под заглавием «от автора», в котором он резко и насмешливо осуждает всю его экономику и социалистические бредни, тем более, что Прудон и до сего времени пользуется у нас известностью, как провозгласивший известное «la propriété c'est le vol», над которым так зло глумится Маркс.

Остаются три приложения в конце книги, но их член совета Никольский считает совершенно безразличными, так как в первом Маркс критикует денежную систему Грэя, во втором доказывает разрушительность для национальностей свободной торговли, последнее содержит заметку о теории единицы денежной меры. Во всех этих трех кратких заметках научный характер вполне выдержан.

Принимая во внимание как содержание и характер рассматриваемой книги, так и способ ее изложения, член совета Никольский приходит к убеждению, что в случае выпуска ее в свет, она пройдет так же незамеченною, или мало замеченною для большинства читателей, как прошло незамеченным киевское издание того же сочинения, невзирая на то, что она появится здесь в полном виде, с именем автора и приложениями. Нужно сознаться, что вторая часть книги менее доступна для понимания, чем первая, так как написана по большей части на жаргоне немецкой философии гегелевского периода и в цензурном смысле послужит только в пользу книги; опущение же имени автора книги, по мнению члена совета Никольского, едва ли имело особо важное значение при прежнем издании ее, так как всякий, покупавший эту книгу, несомненно знал, кому она принадлежит; верить в противное было бы слишком наивно. Все дополнительные статьи в настоящем издании носят одинаковый характер с основным сочинением и ничего в нем не обостряют и не подчеркивают.

Что же касается до запрещения женевского издания перевода этого сочинения, то мотивы его запрещения несомненно были не столько цензурного, сколько политического свойства, о которых в настоящее время

трудно судить и которые несомненно остаются и теперь во всей силе. Ко всему этому статский советник Никольский считает нужным прибавить, что в сфере научного марксизма совершается в настоящее время большой кризис, поворот от материализма к идеализму, к кантианской философии, и нет поэтому оснований препятствовать этому естественному кризису явления, которое, по некоторым его сторонам, мы считаем опасным на русской почве, запрещением сочинений, которые будут помогать нашим специалистам разобраться в проблемах, далеко не безразличных для успеха научного знания.

Ввиду вышеизложенного статский советник Никольский полагал бы не применять к книге Карла Маркса «Нищета философии» ст. 149 Устава о цензуре и печати.

С изложенным мнением статского советника Никольского согласился член совета церемониймейстер Ромейко-Гурко.

Председательствовавший же в совете, сенатор Зверев и остальные члены (Адикаевский, Пантелеев, Литвинов, Белявский, Катенин и граф Муравьев) присоединились к мнению С.-Петербургского цензурного комитета и признали рассматриваемую книгу Карла Маркса вредною и подлежащею безусловному запрещению по следующим соображениям. Книга «Нищета философии» написана Марксом в 1846—1847 гг., т. е. в период его боевой деятельности; в конечном итоге его воззрения того времени сводились к признанию необходимости полного разрушения буржуазного строя. Вся будущность, по Марксу, принадлежит пролетариату, который путем всеобщей революции займет подобающее ему на жизненной арене место. Эта мысль высказывается Марксом и в книге «Нищета философии», как это видно из выдержек из нее, приведенных в представлении С.-Петербургского цензурного комитета, особенно стр. 195—196 и 271—272, где Маркс определенно и ясно говорит: «Пред нами в разных формах совершается организация пролетариев как класса... В процессе своего развития трудящийся класс заменит старое общество такой ассоциацией, которая не будет знать ни классов, ни их антагонизма, и тогда не будет политического режима в тесном смысле слова, так как политическая власть есть именно официальное выражение господствующего в гражданском обществе антагонизма... Общество, основанное на классовой борьбе, дойдет до грубого противоречия, до окончательной развязки, которая выразится в решительном столкновении... Только тогда, когда не будет больше классов и классового антагонизма, лишь тогда социальные эволюции перестанут быть политическими переворотами. А до тех пор, накануне всякого общего преобразования общества, последним словом социальной науки всегда будут слова: «Борьба или смерть; суровая борьба или ничто. Так поставлен вопрос неумолимо...»»

Книга, заключающая в себе изложение такого рода взглядов, хотя бы и в отрывочной форме, несомненно может принести читающей публике вред, в смысле распространения среди нее «вредного учения социализма и коммунизма, клонящегося к потрясению и ниспровержению существующего порядка», против чего предостерегает ст. 95 Устава о цензуре и печати. И если запрещен к обращению и перепечатке в России изданный за границею русский перевод рассматриваемого сочинения Маркса, то представляется вполне последовательным воспрещение выпуска в свет этого перевода и в издании русском.

Таким образом, большинство членов совета (председательствовавший и пять членов), признавая книгу Карла Маркса «Нищета философии» особенно вредною, полагало: представить о воспрещении выпуска озна-

ченной книги в свет на разрешение Комитета министров в порядке, указанном в ст. 149 Устава о цензуре и печати. Меньшинство же (два члена) полагало: выходу этой книги в свет не препятствовать.

Председательствующий Н. Зверев
Члены совета: В. Адикаевский, А. Катенин, Н. Пантелеев, И. Литвинов, Е. Белявский, М. Никольский, А. Муравьев.

За правителя дел А. Смирнов

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, д. 33 (журналы заседаний за 1902 г.), лл. 68—82.— Подлинник.

№ 2

Постановление Комитета министров о запрещении книги К. Маркса «Нищета философии»

12 ноября 1902 г.

Представление министра внутренних дел от 27 июля за № 6531 (по Главному управлению по делам печати) о запрещении книги под заглавием: «Карл Маркс. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» Прудона». С предисловием Фридриха Энгельса. Перевод с французского Т. Пятина и И. Белявского, под редакциею М. М. Филиппова. Издание Зяблицкого и Пятина. 20½ листов. 2100 экземпляров. Цена 1 р. 35 коп.

Комитет, признавая вредным распространение представленной министром внутренных дел, напечатанной без предварительной цензуры книги под заглавием: «Карл Маркс. Нищета филосфии. Ответ на «Философию нищеты» Прудона». С предисловием Фридриха Энгельса. Перевод с французского Т. Пятина и И. Белявского, под редакциею М. М. Филиппова. Издание Зяблицкого и Пятина. 20½ листов. 2100 экземпляров. Цена 1 р. 35 к., положил: выпуск в свет означенной книги, на основании ст. 149 Устава о цензуре и печати, т. XIV свода законов, изд. 1890 г., воспретить, сообщив о сем статс-секретарю Плеве выпискою из журнала для дальнейших с его стороны распоряжений.

ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 1, д. 5567 (журналы заседаний за 1902 г.), статья 903, лл. 136—137.— Подлинник.

42-я АРМИЯ В БОЯХ ЗА ЛЕНИНГРАД

Публикуемый очерк о боевых действиях войск 42-й армии за 1941 – 1945 гг. был составлен в июле 1945 г. группой офицеров оперативного отдела штаба 42-й армии с целью обобщения и изучения опыта боевых действий войск армии. При его составлении были использованы боевые приказы, распоряжения, оперативные и разведывательные сводки, боевые донесения, журналы боевых действий и другие документы штаба армии.

История боев 42-й армии за Ленинград представляет значительный интерес. Ее войска в сентябрьских оборонительных боях 1941 г. приняли на себя удар немецко-фашистских войск, рвавшихся к Ленинграду. Только в результате упорного и героического сопротивления доблестных защитников Ленинграда враг был остановлен у стен города. В 1944 г. войска армии выполнили одну из решающих задач, обеспечив при этом разгром гитлеровских войск под Ленинградом.

Боевая история войск 42-й армии, действовавших под Ленинградом, делится на следующие пять этапов: формирование армии (4 августа — 1 сентября 1941 г.), активные оборонительные действия на ближних подступах к Ленинграду (сентябрь 1941 г.), позиционная оборона города (октябрь 1941 г.— октябрь 1943 г.), организация и подготовка разгрома немцев под Ленинградом (октябрь 1943 г.— 14 января 1944 г.), наступательные бои по разгрому немцев под Ленинградом (15 января — февраль 1944 г). Каждому из указанных этапов посвящен соответствующий раздел очерка, но ввиду его большого объема публикуются только разделы о формировании армии, ее активных оборонительных боях в 1941 г. и об участии ее в разгроме немецко-фашистских войск под Ленинградом в 1944 г.

Формирование 42-й армии проходило в особых условиях, в прифронтовой полосе на территории Красногвардейского укрепленного района, следовательно, под воздействием противника. Таким образом, войска, которые должны были войти в состав армии, уже в период формирования вынуждены были вести активные боевые действия с наступавшим противником.

Другая особенность формирования армии заключалась в том, что основной костяк личного состава ее войск состоял из ленинградских добровольцев. В состав армии вошли 291-я стрелковая дивизия, 2-я и 3-я гвардейские стрелковые дивизии ленинградского народного ополчения.

2-я гвардейская стрелковая дивизия народного ополчения была сформирована из добровольцев Свердловского района Ленинграда. Военный руководитель 27-й средней школы этого района А. С. Семенов стал начальником штаба 3-го стрелкового полка дивизии, аспирант П. А. Рудаков — начальником политотдела дивизии, преподаватель основ марксизма-ленинизма Ленинградского горного института Н. Ф. Лукошников — старшим ин-

структором политотдела дивизии и т. д. [1]. К 8 августа 1941 г. дивизия имела в своем составе 11 326 человек, в том числе коммунистов — 9,2 процента, комсомольцев — 18 процентов [2].

Сформированная из добровольцев Петроградского района Ленинграда 3-я гвардейская стрелковая дивизия народного ополчения к этому времени имела в своем составе 10 345 человек, из них коммунистов — 9 процентов, комсомольцев — 16 процентов [3].

Формирование 42-й армии было закончено к 1 сентября 1941 г., и с этого времени начинается ее боевой путь в битве за Ленинград.

В начале сентября 1941 г. войска Ленинградского фронта оборонялись на рубеже от Капорского залива до Ладожского озера (в 50—60 км от Ленинграда). В это время выдохшийся в период предыдущих наступательных боев противник был уже не в состоянии наступать по всему фронту. Немецко-фашистское командование решило прорваться к Ленинграду только на одном узком участке фронта через Красногвардейск, Красное Село, Урицк, т. е. в полосе обороны 42-й армии. Это был кратчайший путь к Ленинграду, и для нанесения удара на этом направлении противник сосредоточил в районе западнее Красногвардейска восемь дивизий. Вспомогательный удар силой трех дивизий наносился на участке соседней армии из района южнее Колпино вдоль Московского шоссе на Ленинград.

К началу наступления противника войска 42-й армии оборонялись на рубеже Витино — Переярово — Большое Ондрово — Малые Туганицы — Корпиково — Химази — севернее Пижма — Пустошка. Наступление немецко-фашистских войск в полосе обороны 42-й армии началось 7 сентября и продолжалось до 23 сентября 1941 г. Это были упорные и напряженные оборонительные бои, в которых решалась судьба великого города. В этих боях дивизии народного ополчения прошли суровую школу войны, закалились и стали кадровыми дивизиями Советской Армии. Так, например, 3-я гвардейская стрелковая дивизия народного ополчения уже 24 сентября 1941 г. была переименована в 44-ю стрелковую дивизию.

Вводя в бой все новые и новые резервы, немцы стремились во что бы то ни стало сломить сопротивление наших войск и овладеть Ленинградом. На защиту города Ленина встали все, кто только мог держать оружие. Партийная организация Ленинграда, возглавляемая А. А. Ждановым, мобилизовала на фронт до 70% своего состава, а комсомольская — до 90%. За одиннадцать месяцев войны на фронт ушло 1142 секретаря партийных организаций, что составляло 53,2 процента от общего числа секретарей [4]. Восемь дивизий народного ополчения, сформированных из ленинградцев, встали на защиту города.

На усиление войск 42-й армии, занимавших наиболее угрожаемый участок обороны Ленинградского фронта, были переброшены 5-я и 6-я стрелковые дивизии народного ополчения, 10-я, 11-я, 21-я стрелковые дивизии, 6-я и 7-я морские бригады.

Тысячи воинов 42-й армии проявили в оборонительных боях беззаветный героизм, исключительное мужество и самопожертвование. Почти за месяц напряженных боев противнику на фронте 42-й армии удалось продвинуться лишь на 30—35 км. Потерпев неудачу со штурмом Ленинграда, фашисты перешли к длительной и жестокой блокаде города.

В тяжелых условиях блокады развернулось широкое снайперское движение, начатое по инициативе снайпера-истребителя Героя Советского Союза Феодосия Смолячкова. Молодой рабочий с Выборгской стороны

[1] См. Архив МО СССР, ф. 763, оп. 8320, д. 1, л. 15.
[2] См. там же, ф. 217, оп. 33728, д. 1, л. 395.
[3] См. там же.
[4] См. там же, ф. 217, оп. 269391, д. 14, л. 7.

Ф. Смолячков, став снайпером, уничтожил 125 фашистов, истратив 126 патронов. Он погиб на боевом посту под Пулковскими высотами, но дело коммуниста-воина подхватили тысячи бойцов и командиров армии. К маю 1942 г. в армии было уже около двух тысяч снайперов [1].

С октября 1943 г. до 15 января 1944 г. в войсках армии была развернута тщательная и всесторонняя подготовка к наступательной операции по разгрому немцев под Ленинградом. Войскам армии предстояло прорвать мощную, глубокоэшелонированную оборону немцев, которая сооружалась и совершенствовалась ими в течение двух с половиной лет. В результате настойчивой и целеустремленной работы командования, штаба армии и политорганов войска армии были всесторонне подготовлены и обеспечены всем необходимым для наступательных боев.

К началу 1944 г. войска Ленинградского фронта занимали оборону на рубеже Керново — Гостилицы — Петергоф (Ораниенбаумский плацдарм). Далее оборонительный рубеж фронта проходил восточнее Стрельны — Пулково — Синявино — Гонтовая Липка. Против войск Ленинградского фронта стояла 18-я немецкая армия в составе 8 пехотных, 2 авиаполевых, одной моторизованной дивизий и одной моторизованной бригады. Ее задачей было удержание занимаемых позиций, составлявших основу всего левого крыла Восточного фронта гитлеровской армии.

Разгром немцев под Ленинградом по замыслу Ставки Верховного Главнокомандования предполагалось осуществить объединенными усилиями Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов. На войска Ленинградского и Волховского фронтов возлагалась задача одновременными ударами разгромить фланговые группировки 18-й немецкой армии с последующим наступлением на Кингисеппском и Лужском направлениях. Войска 2-го Прибалтийского фронта наступлением на Идрицком направлении должны были сковать находившиеся там войска 16-й немецкой армии и не допустить их переброски под Ленинград.

По замыслу Верховного Главнокомандования вся операция по разгрому немцев под Ленинградом делилась на три этапа.

На первом этапе операции войскам Ленинградского фронта предстояло прорвать оборону противника на Гостилицком (2-я ударная армия) и Красносельском (42-я армия) направлениях; войска Волховского фронта должны были прорвать оборону противника на Новгородском направлении. Успешным наступлением на указанных направлениях и выходом войск Ленинградского фронта на линию железной дороги Кингисепп — Тосно, а войск Волховского фронта — на рубеж реки Луга заканчивался второй этап операции. Целью третьего этапа являлось окончательное очищение Ленинградской области от немецко-фашистских захватчиков с выходом советских войск на рубеж реки Нарва и овладение Лужским укрепленным районом.

Важнейшая роль в осуществлении предстоящей операции отводилась 42-й армии. К началу наступления войска армии занимали оборону на рубеже восточнее Урицк — Верхнее Койрово — Пушкин. На них возлагалась задача из района Пулковских высот в направлении на Красное Село нанести главный удар по Петергофско-Стрельнинской группировке противника с целью ее окружения и разгрома. Из района Ораниенбаума в направлении на соединение с войсками 42-й армии взаимодействующий удар наносила 2-я ударная армия. Наступление войск 42-й армии началось 15 января 1944 г.

Прорвав долговременную глубокоэшелонированную оборону немцев на фронте 8 км, войска армии затем расширили прорыв до 75 км по фронту и в течение двадцати дней прошли с боями по прямой до 75 км в глубину обороны противника, соединившись с войсками 2-й ударной армии. Этот

[1] См. Архив МО СССР, ф. 217, оп. 269391, д. 14, л. 43.

прорыв двух взаимодействующих армий навсегда освободил город Ленина от блокады, а мирное население, фабрики, заводы, исторические памятники русской культуры избавил от варварских артиллерийских обстрелов. Кроме того, этот прорыв создал настолько сильную угрозу флангу и тылу северной группы армий противника, что гитлеровцы вынуждены были отводить свои войска на фронте в 300—350 км.

Развивая дальнейшее наступление, войска 42-й армии в течение полутора месяцев с боями овладели городами: Красное Село, Красногвардейск, Пушкин, Павловск, Волосово, Гдов, Ляды, Осьмино, Полна и свыше 1500 другими населенными пунктами. В ходе наступательных боев войска армии уничтожили до 40 тысяч солдат и офицеров противника, разгромив почти полностью 215-ю, 170-ю, 126-ю, 58-ю и 11-ю пехотные дивизии противника и захватив огромные трофеи [1].

Период обороны и разгрома немцев под Ленинградом войдет в историю Отечественной войны и в мировую историю как бессмертный образец несгибаемой воли и решимости советского народа, его беспредельной преданности Родине, делу Коммунистической партии, как образец нерушимого морально-политического единства советских людей, их стойкости, мужества и доблести. Вера в правоту своего дела, вера в победу и яростная ненависть к врагу оказались сильнее смерти.

Ввиду того, что публикуемый очерк составлен в оперативно-тактическом плане и освещает лишь боевые действия войск армии, в нем не нашли отражения многочисленные факты героизма, проявленные защитниками Ленинграда в борьбе с фашистами. Поэтому о некоторых из них мы сообщаем в примечаниях к публикуемому документу, извлеченному из фонда Ленинградского фронта, хранящегося в Архиве Министерства обороны СССР.

В. А. Пережогин

Очерк по истории боевых действий 42-й армии (1941—1945 гг.)[2]

Июль 1945 г.

Введение

22 июня 1941 г. коварный и вероломный враг напал на нашу Родину. Началась Великая Отечественная война народов Советского Союза против разбойничьих полчищ гитлеровской Германии.

Внезапность нападения и численное превосходство над противостоящими войсками Красной Армии обеспечили в первые месяцы войны успех немецкой армии. Особенно велико было превосходство в боевой технике, в мотомеханизированных и в воздушных средствах.

«Предпринимая нападение на нашу страну, немецко-фашистские захватчики считали, что они наверняка смогут «покончить» с Советским Союзом в полтора-два месяца и сумеют в течение этого короткого времени дойти до Урала» (И. Сталин. 6.XI.1941 г.) [3].

Соответственно этим целям и были разработаны планы германского Генерального штаба при нападении на нашу Родину и была оснащена германская армия, подготовлен личный состав, имевший к тому же опыт наступления в Польше, Норвегии, Голландии, Бельгии, Дании, Франции и на Балканах.

---

[1] См. Архив МО СССР, ф. 217, оп. 269391, д. 15, л. 33.

[2] Заголовок документа.

[3] И. В. Сталин. О великой Отечественной войне Советского Союза, М., 1948, стр. 20.

В июле 1941 г. стало ясным, что наступление немецкой армии нацелено по трем направлениям: на Украину, на Москву и на Ленинград — северная группа армий (16-я, 18-я и 4-я танковая), имея на последнем направлении еще задачу соединиться с Финляндией и отделить Мурманск, как незамерзающий порт.

Захват Ленинграда в этих планах играл особо важную роль. Он означал бы отторжение от Советского Союза огромного промышленного центра с большим количеством военных и судостроительных заводов, с запасами сырья и готовой продукции. Кроме практического, он имел бы для гитлеровской Германии и огромное моральное политическое значение. Гитлеровское руководство отлично учитывало, как воспринял бы советский народ потерю этого города, освященного историческими воспоминаниями и революционными традициями — колыбели Октябрьской революции, крупнейшего культурного центра страны, ее кузницы кадров. Захват Ленинграда укрепил бы еще больше миф о непобедимости германской армии.

Для Советского Союза потеря Ленинграда означала бы и одновременно потерю Балтийского моря с его флотом.

Удар северной группы немецких армий был осуществлен по трем направлениям:

1. От Двины на Валга, Тарту, Нарва с целью оккупировать Латвию и Эстонию.
2. От Острова и Пскова на Лугу и Ленинград, и
3. От Пскова на Порхов, Сольцы, Новгород.

В июле и августе уже шли бои в Эстонии, в районе Порхова и Сольцы и под Лугой.

Ленинградский фронт к этому времени имел незначительное количество дивизий, предназначенных для борьбы с фашистской Финляндией. Нужны были срочные мероприятия по защите Ленинграда с юго-запада, юга и юго-востока. Закипела лихорадочная работа по формированию новых дивизий из народного ополчения. По призыву великого Сталина и его верного соратника т. Жданова город великих революционных традиций послал в части народного ополчения лучшие свои силы, самых смелых, отважных рабочих, служащих и интеллигентов. В короткое время принятыми мерами было сформировано десять дивизий народного ополчения и три дивизии НКВД, создан фронт по р. Луга от Кингисеппа и до Шимска. В числе десяти дивизий были три гвардейских рабочих дивизии — так они были наименованы по аналогии с пролетарскими частями периода гражданской войны. Две из них (2-я и 3-я гвардейские) вошли в состав 42-й армии.

Сотни тысяч ленинградских рабочих, главным образом женщин, начали строить оборонительные рубежи на р. Луга, под Красное Село, Гатчина и далее по р. Ижора до р. Нева [1]).

Сформированные части были сведены в оперативные группы. В частности, группа генерал-майора Семашко имела в своем составе 1-ю и 2-ю дивизии народного ополчения, а оперативные работники формирующегося штаба 42-й армии принимали участие в боевых операциях этой группы.

Целым рядом предпринятых мер враг был основательно потрепан и остановлен на р. Луга на целый месяц.

Одновременно началось формирование укрепрайоновских батальонов, которые занимали рубеж: Петергоф — Русско-Высоцкое — Гатчина и далее по р. Ижора — Ям-Ижора — «Ленспиртстрой». Из моряков Балтики формировались морские бригады.

Ленинградский фронт все свои силы бросил на фронт для одной только цели — остановить врага во что бы то ни стало. Обороной и встречными ударами (контратаками) измотать врага, заставить перейти к обороне и выиграть нужное нам время для создания резервов и нанесения контруда-

ра обнаглевшим фашистам. Все силы Ленинградского фронта и самого Ленинграда лихорадочно работали над решением этой важнейшей задачи.

В этой сложной и напряженной обстановке 4 августа 1941 г. командующим войсками Северного фронта был подписан приказ о создании 42-й армии. Командующим войсками армии был назначен командир 50-го стрелкового корпуса генерал-майор Щербаков Б. И., начальником штаба — начальник штаба 50-го стрелкового корпуса генерал-майор Беляев Н. М., командующим артиллерией армии — начарт 50-го стрелкового корпуса полковник Михалкин М. С., начальником оперативного отдела — начальник оперативного отдела штаба 50-го стрелкового корпуса — полковник Роганов. Политический аппарат армии был сформирован главным образом из партийных работников г. Ленинграда.

Формирование Полевого управления армии продолжалось в течение всего августа месяца. Однако, в связи с прорывом немцами фронта 90-й стрелковой дивизии по р. Луга и последующим наступлением их в направлении Молосковицы, а также отходом частей 2-й дивизии народного ополчения на ст. Веймарн, штаб 42-й армии был брошен на помощь штабу оперативной группы генерал-майора Семашко.

Группа генерала Семашко с 9.VIII. 1941 г. начала с боями медленно отходить в северо-восточном направлении к Финскому заливу, прикрывая Кронштадт и пути отхода 8-й нашей армии, но ослабляя в то же время Волосовское направление, и далее на Гатчина. Прикрытие Ленинграда на этом направлении было возложено на Красногвардейский укрепленный район (комендант генерал-майор Крылов), 291-ю стрелковую дивизию, 2-ю и 3-ю гвардейские дивизии, которые, отходя, заняли рубеж от Петергофа до Слуцка. Объединение всех этих частей с 1. IX. 1941 г. было возложено на Полевое управление 42-й армии, сформированное на базе штабов 50-го, 10-го и 11-го стрелковых корпусов.

Гитлеровское командование не жалело сил для того, чтобы в кратчайший срок добиться своей цели. Используя преимущества, которые давали ему внезапность нападения и численное превосходство, оно беспрерывно наносило сокрушающие удары мощных танковых соединений и своих лучших кадровых дивизий, врезавшихся в нашу оборону, глубокими клиньями рассекавшими ее на части. Все это привело к тому, что известная часть наших войск оказалась в окружении, взаимодействие между частями и соединениями и управление ими в ряде случаев было нарушено.

Лучшие немецкие кадровые дивизии северной группы под командованием генерала Лееб теряли большую часть своего личного состава и боевой техники, и прибывающее пополнение не могло восполнить потери ни в качественном, ни в количественном отношении.

В общей сложности немецкое командование бросило в направлении на Ленинград тридцать две пехотных, четыре танковых, четыре моторизованных дивизии, поддержанных соединениями 2-й воздушной эскадры, включавшими в себя свыше тысячи самолетов. Непосредственно перед фронтом 42-й армии действовало десять немецких дивизий. Это были лучшие кадровые соединения гитлеровской армии, имевшие опыт наступательных боев во Франции, в Бельгии, Голландии и других странах Западной Европы. В их числе были 38-й армейский корпус (1-я, 58-я, 212-я, 291-я, 254-я пехотные дивизии). Это были кадровые дивизии немецкой армии, потерявшие за время наступления до 60% личного состава и 30% материальной части. С юга против нашей армии наступали соединения 41-го армейского корпуса в составе 121-й, 122-й, 269-й пехотных дивизий. Этот корпус за время наступательных боев потерял до 50% личного состава и 30% материальной части.

Оба корпуса поддерживались частями 1-й, 8-й танковых дивизий и 36-й

моторизованной дивизии, потерявших за наступление до 60% личного состава и 40% техники.

В 20-х числах августа 38-й и 41-й армейские корпуса противника подошли к пригородам Ленинграда и стали непосредственно угрожать великому городу. В эти решающие дни руководители обороны Ленинграда тт. Ворошилов, Жданов, Попков обнародовали специальное обращение ко всем бойцам, командирам и трудящимся Ленинграда, в котором со всей большевистской откровенностью разъясняли размеры опасности. «Встанем как один на защиту своего города» — говорилось в обращении.

Новые тысячи лучших сынов Ленинграда влились в полки народного ополчения. К этому времени уже свыше 70% коммунистов и 90% комсомольцев Ленинграда сражались за свой город. Они были главной силой, сдерживающей напор многочисленного озверелого врага. Они цементировали войска армии, воодушевляли их на подвиги, вели в бой. Тысячи ленинградских коммунистов были направлены в войска политбойцами. Они шли в бой первыми. Геройским делом и пламенным большевистским словом они учили воинов тому, как надо защищать свой город, свое Социалистическое отечество [2)].

Такой была общая обстановка на фронте под Ленинградом к 1. IX. 1941 г., к моменту начала действий 42-й армии как самостоятельного соединения.

Бои за Красногвардейск и Красное Село

С 1. IX. 1941 г. 42-я армия начинает жить и действовать как самостоятельное соединение Ленинградского фронта, имея в своем составе 291-ю стрелковую дивизию, 2-ю и 3-ю гвардейские дивизии и части Красногвардейского укрепленного района, с задачей — жесткой обороной и контратаками остановить немцев на рубеже р. Парицы — р. Ижора. Как и все части народного ополчения, гвардейские дивизии были сильно насыщены коммунистами, в их составе было много партийных работников Ленинграда. Это определяло высокий моральный дух дивизий, стойкость ее воинов.

Боевое охранение частей армии проходило по линии: Витино — Переярово — Большое Ондрово — Малые Туганицы — Корпиково — Химази — севернее Пижма (по берегу р. Пижма) — Пустошка, сдерживая натиск противника, рвавшегося на Красногвардейск. Линия обороны войск здесь опиралась на естественный рубеж по р. Парицы и р. Ижора, подготовлявшийся как рубеж обороны под Красногвардейск. Однако, измотанный в предыдущих боях противник не имел уже необходимых сил для непрерывного наступления. Он нуждался в передышке, переформировании и пополнении своих частей людским составом и техникой. Его наступление приостановилось.

Не предпринимая в течение первой декады сентября месяца общего наступления, он в то же время продолжал нажим на наши части. В разных местах атаковывал наши боевые порядки, нащупывая слабые места обороны и через них направляя свои танки с десантами автоматчиков. Таким образом в первых числах сентября особенно часто подвергались его атакам районы Пижма, Пустошка и Пролетариевка — Ондрово.

Между тем, состав армии не только не был усилен, но еще и сокращен.

Противник, прорвавшийся на юге из Тосно, 1 сентября 1941 г., занял Корделево, Старая Мыза и через Ям-Ижору рвался на Слуцк. В районе Черная речка — Старая Мыза наступала дивизия противника, поддерживаемая танками. На этот участок армия, согласно приказу Ленфронта, выделила 2. IX. 1941 г. один полк 291-й стрелковой дивизии, который был спешно переброшен на автомашинах в район Московская Славянка для

парирования возможного прорыва, а на следующий день, по сложившейся обстановке, туда же были направлены и остальные части 291-й стрелковой дивизии, выведенной из состава армии. На фронте армии остались 2-я и 3-я гвардейские дивизии, сильно поредевшие в предшествующих тяжелых боях, и части Красногвардейского укрепленного района.

На 2. IX. 1941 г. подразделения 500-го и 1-го стрелковых полков 2-й гвардейской рабочей дивизии насчитывали только 500 штыков. Части оборонялись на широком фронте и потому при такой численности не могли создать глубокой обороны. Кроме того, следует отметить, что в резерве армии войск не было.

Следует еще добавить, что оборона Красногвардейского укрепленного района не была закончена. Она не обладала и необходимой глубиной. Выбранный и подготовлявшийся рубеж обороны фактически не имел предполья. Тем не менее Красногвардейский укрепленный район позволил задержать гитлеровскую армию на 11 дней. Решающую роль сыграли здесь исключительная стойкость и самоотверженность воинов-ленинградцев. Коммунисты, комсомольцы, беспартийные стояли на смерть, умирали, но не покидали своих позиций. Политические работники сплошь и рядом возглавляли группы бойцов, вели их в бой и отбрасывали врага. Характерно, что в этот тяжелый и исключительно опасный момент многие беспартийные становились в ряды партии, шли в бой коммунистами [3)].

Пользуясь большим превосходством в живой силе и технике, противник, готовясь к новому броску, атаковал отдельные участки нашей обороны.

С утра 3 сентября до 40 бомбардировщиков обрушились на передний край обороны 3-го стрелкового полка 3-й гвардейской стрелковой дивизии в районе Большое Ондрово. А в 18.00 пехотные подразделения немцев повели разведку боем на Малое Ондрово. Однако, эта и последовавшие за ней через два часа атаки были отражены огнем наших стрелковых подразделений. В то же время шесть мелких групп танков атаковало 8-ю роту 3-го стрелкового полка в районе Пролетариевка. И эта атака была отбита. В 21. 00 и 22. 00 противник повторил ее силою до роты с четырьмя танками и бронемашинами. 8-я рота под давлением отошла в Переярово.

Одновременно снова возобновились атаки немцев на рубеж Пижма — Пустошка и на Красный Хутор, но, встретив здесь упорное сопротивление, противник перенес главный удар к правому флангу армии.

В 18. 00 7 сентября 30 танков противника с направления Кипень предприняли атаку на Пелля, но у противотанкового рва, что у дороги на Русско-Высоцкое, огнем наших противотанковых орудий были отброшены, оставив на поле боя три подбитых танка.

9 сентября противник, продолжая демонстрировать активные действия в районе Пижма — Пустошка, перешел в наступление на Пелля, Мулдия, Скворицы силами до двух полков. После полудня ему удалось здесь прорвать наш передний край и занять лес восточнее Пелля, Высоцкое.

Силы наших частей были недостаточны, чтобы сдержать напор врага. Для восстановления положения в район Красное Село был подтянут батальон моряков и противотанковый дивизион из Пулково. Батальон моряков, состоявший сплошь из коммунистов и комсомольцев, лихим ударом выбил немцев из Высоцкое. Но вскоре противник усилил артиллерийский огонь и контратаками вынудил моряков отойти в исходное положение — в Красное Село.

Продолжая развивать наступление, противник в течение ночи на 11 сентября ввел до полка пехоты, занял Кайнелайзи, лес восточнее ее, Аропаккози, а с 11.30 11 сентября группа мотоциклистов свыше роты прорвалась в Большая Ивановка и повернула на Расколово. В то же время 58-я пехотная дивизия противника атаковала части 2-й гвардейской рабочей дивизии,

вынудила их к отходу и овладела Карголкюля, Мутакюля, ст. Пудость, Большое и Малое Резино и Большое Замостье. Продолжая теснить наши части, противник занял Нижняя, а в 13.00 11 сентября силою до пехотного полка овладел Дудергоф (Воронья Гора) — Кавелахтские высоты. Левый фланг дивизии оказался обнаженным.

Авиация противника при этом непрерывно бомбила Красногвардейск и передний край оборонительного рубежа.

Глубокое вклинение противника в нашу оборону вынудило 11 сентября наши части к отходу. Поступившая в распоряжение командования армией 11-я стрелковая дивизия заняла рубеж Кемпелево — Капорская, а части 3-й гвардейской дивизии удерживали противника на линии Рахия — высота 107,3 — Роутеля — северная окраина Красное Село.

В 19.00 12 сентября пехотный полк противника, поддержанный танками, прорвал оборону 3-го стрелкового полка 2-й гвардейской дивизии в районе Романовка — Горки, по р. Ижора и, развивая наступление на север группой танков (до шестидесяти), занял Кямяря, Большое Верево и перерезал дорогу Красногвардейск — Красное Село. К исходу дня занял Красное Село. Мелкие подразделения противника, поддержанные 4—8 танками, к этому времени уже вели наступление на Финское Койрово, Рехколово.

К 12.IX.41 г. фронт оказался на рубеже Кемпелево — Капорская — Рахия — Роутеля — Красное Село — Хумалисты — Большое Виттолово. Сильно поредевшие стрелковые части в тяжелых боях отстаивали каждую пядь земли. Артиллерии было исключительно мало (два артполка на 60 км фронта).

Противник продолжал продвигаться вперед, но продвижение его уже исчислялось немногими километрами и достигалось ценой возрастающих день ото дня потерь [4].

К утру 13 сентября части армии отошли на рубеж Петергоф — Сибилево — Ускюля — Капорская — Венерязи — Констатиновка — Финское Койрово — Пулково.

Бои за Урицк и Пулково (13—23 сентября 1941 г.)

Выйдя на новый рубеж, армия получила пополнение. В ее состав влились: 5-я дивизия народного ополчения — командир дивизии генерал-майор Швыгин, 6-я дивизия народного ополчения — командир дивизии полковник Антонов, 2-я стрелковая дивизия войск НКВД — командир дивизии полковник Панченко и 10-я стрелковая дивизия.

Формирование дивизий народного ополчения является одной из славных страниц истории Ленинграда в первые месяцы Отечественной войны. 5-я дивизия народного ополчения, с 6 октября 1941 г. переименованная в 13-ю стрелковую дивизию, была создана на базе резервной дивизии Ленинградской армии народного ополчения (ЛАНО) и укомплектована преимущественно добровольцами Дзержинского района г. Ленинграда. 6-я дивизия народного ополчения (с 23. IX. 41 г. получившая наименование 189-й стрелковой дивизии) начала формироваться 4 сентября 1941 г. в Октябрьском районе г. Ленинграда. Костяком ее были рабочие батальоны завода им. Марти, завода «Судомех», Балтийского завода, Кировского, Судостроительного завода им. Жданова и сводные батальоны Октябрьского и Куйбышевского районов.

Моральный дух бойцов народного ополчения по-прежнему был исключительно высок. Огромное большинство ополченцев готово было умереть, но врага в город не пустить. Как и в дивизиях первого формирования, в 5-й и 6-й дивизиях народного ополчения была очень высока прослойка коммунистов. В составе новых дивизий народного ополчения находилось большое

количество партийных работников, воспитанных Ленинградской парторганизацией. Правда, боевая подготовка бойцов и командиров этих дивизий оставляла желать много лучшего. Только 60% боевого состава дивизий было мало-мальски обучено и физически натренировано.

Наряду с дивизиями народного ополчения в состав армии вошла 21-я дивизия войск НКВД (командир дивизии полковник Папченко и военный комиссар дивизии — бригадный комиссар Панюшкин И. Т.— в дальнейшем член Военного совета армии), имевшая уже опыт боев с немецко-фашистскими захватчиками. Она была сформирована в июне 1941 г.

Таковы соединения, с которыми 42-я армия имела задачу остановить врага на ближних подступах к Ленинграду. Справа сражались войска 8-й армии, слева — 55-й.

Части армии заняли 13 сентября 1941 г. Пулковский оборонительный рубеж. Пулковские укрепления начинались в Стрельна и проходили через Константиновка, Финское Койрово, Верхнее Койрово, Верхнее Кузьмино и по р. Кузьминка.

Ко времени подхода наших частей он состоял только из земляных противотанковых препятствий, не всегда связанных между собой отдельных огневых точек и небольшого количества минных полей. Такое состояние рубежа, наличие в нем уязвимых мест, привело к тому, что далеко не по всей оборонительной линии удалось сдержать натиск врага. В ряде мест правого фланга и центра этой линии немцам удалось просочиться, а затем и потеснить наши войска. Отойдя в этих местах от Красносельского оборонительного рубежа, части оказались на совершенно необорудованной в инженерном отношении местности.

В таких условиях начался новый этап боев за Ленинград. Судьба великого города решалась на Пулковских высотах, на берегах Невы. И в эти дни с исключительной самоотверженностью и подъемом действовали партийно-политические работники армии, коммунисты частей и подразделений; они разъясняли бойцам опасность положения, воодушевляя их на героические подвиги. В полки и батальоны приезжали представители трудящихся Ленинграда и передавали бойцам наказ — стоять на смерть, врага в город не пускать. Бойцы и командиры армии торжественно клялись остановить немцев, разбить его у стен города.

С 13 по 15 сентября шли бои, в которых инициатива, при большом превосходстве техники и боевых средств, продолжала оставаться в руках противника. Но характерным для них моментом явилось возрастающее день ото дня сопротивление наших войск.

13 сентября противнику удалось потеснить 11-ю стрелковую дивизию с рубежа Кемпелево — Капорская на Кавигонт — Иванайзи. Но, получив приказание восстановить положение и прочно занять Кемпелево, Капорская, Риммолово, дивизия к 22.00 того же дня вышла с боями на линию 1,5 км восточнее Сибилево — лес западнее Кавигонт — Иннолово. Исключительное бесстрашие и героизм проявили в этих боях коммунисты и комсомольцы дивизии. Они шли в атаку первыми, увлекая за собой остальных бойцов.

10-я стрелковая дивизия к этому времени заняла рубеж Рюмки — мост 1 км южнее Новоселье.

Полки 5-й дивизии народного ополчения немедленно по прибытии вступили в бой, отстаивая рубеж Горелово — северная окраина Константиновка — Верхнее Койрово — Пулково. Переброшенный на автомашинах раньше других полков дивизии 2-й стрелковый полк занял для обороны участок юго-западная опушка леса 2 км юго-западнее Нижнее Койрово — Русское Койрово — Камень — Финское Койрово. Оборонительный рубеж 1-го стрелкового полка проходил через отметку 49,0 — отметку 69,3 —

Галлерово — Пулково — Пески. 3-й стрелковый полк должен был сменить подразделения 2-го стрелкового полка, но смена была задержана активными действиями противника.

Открыв на всем фронте дивизии сильнейший артиллерийский и минометный огонь, противник силами 58-й пехотной дивизии перешел в решительное наступление на Горелово, Финское Койрово, Пулково и к 15.00 13. IX. 41 г. вынудил к отходу подразделения 2-го и 3-го стрелковых полков, захватив при этом рубеж Горелово — Финское Койрово — Верхнее Койрово. На участке 1-го стрелкового полка наступательные действия противника успеха не имели и полк прочно удерживал рубеж Пески — Пулково [5)].

Около 17.00 того же дня подразделения 2-го и 3-го стрелковых полков перешли в контратаку с задачей восстановить положение, и к вечеру 2-й стрелковый полк занял деревню Сосновка, половину деревни Константиновка и ст. Горелово.

3-й стрелковый полк (командир полка полковник Красновидов), заняв к утру 14. IX. 41 г. Кискино, продвигался к Русское Койрово, сдерживая натиск больших сил пехоты и танков противника, прикрывая подступы к Авиагородок и Пулково.

День 14 сентября прошел в напряженных боях. 1-й стрелковый полк продолжал прочно удерживать свой участок обороны, 2-й стрелковый полк, под давлением частей противника, поддержанных сильным артиллерийским огнем, оставил было ст. Горелово, но энергичной контратакой восстановил положение.

Приданный дивизии 708-й стрелковый полк, выдвигаясь из района Урицк, к 18.00 вышел в Горелово, которое оборонялось 2-м стрелковым полком.

С утра 15. IX. 41 г. противник, после длительной артиллерийско-минометной подготовки, вновь атаковал части 5-й дивизии народного ополчения, сосредоточив главный удар на рубежи, обороняемые 2-м и 708-м стрелковыми полками. Угрожая охватом и обходом, он вынудил остатки этих полков оставить Горелово, Константиновка, Сосновка, Ново-Паново и Старо-Паново и отойти к Новая, Дачное. 3-й и 1-й стрелковые полки в этот день сохранили свое положение.

Создалось угрожающее положение. Пулковские оборонительные позиции на правом фланге были прорваны противником, подошедшим на этом участке к Ленинграду почти вплотную. На левом фланге велись бои за Пушкин и Слуцк.

В Урицк, как наиболее угрожаемый участок фронта, были направлены офицеры штаба армии и политработники. В результате принятых ими мер из приведенных в порядок подразделений отступивших частей была сформирована ударная группа под командой майора Хализева, которая при поддержке танков начала наступление на Старо-Паново. Но к исходу дня 15. IX. 41 г. противник перерезал дорогу Ленинград — Стрельна и прорвался к Финскому заливу, продолжая удерживать Старо-Паново в своих руках.

При создавшемся положении части 10-й и 11-й стрелковых дивизий, действующие на правом фланге, оказались отрезанными от основных сил и управления армии и по приказу командующего войсками Ленинградского фронта отошли в подчинение 8-й армии, оборонявшей участок западнее Петергоф — Ораниенбаум.

Переживались дни, когда угроза вторжения фашистских войск в город Ленина казалась особенно близкой к осуществлению. Враг был у самых стен города. «Ни шагу назад! Не сдавать ни одного вершка земли на ближних подступах к Ленинграду!» — так звучали слова приказов к армии. По-

литические работники все время находились в боевых порядках пехоты. Они помогали командирам наводить в частях порядок, укреплять дисциплину. Разжигали в бойцах ненависть к врагу, воспитывали стойкость, презрение к смерти.

Командование Ленинградского фронта обратило особое внимание на участок фронта, обороняемый войсками 42-й армии, и усилило ее двумя морскими бригадами (6-й и 7-й), укомплектованными моряками Балтийского флота. Командующим войсками армии был назначен Герой Советского Союза генерал-майор Федюнинский, начальником штаба генерал-майор Березинский Л. С., заместителем командующего был назначен командир 11-го стрелкового корпуса генерал-майор Николаев, вскоре принявший войска армии от генерал-майора Федюнинского.

Непрерывные бои велись в сложной обстановке. Многие части и даже соединения потеряли связь со штабом армии, подразделения, отрываемые от своих частей, оказывались по ходу операции длительно связанными с чужими частями и соединениями.

В целях упорядочения управления войсками и придания большей организационной стройности соединениям, действующим на Урицком направлении, командованием Ленфронта было проведено следующее. 21-я стрелковая дивизия войск НКВД, имевшая пять полков, была сведена в трехполковую (6-й, 8-й и 14-й стрелковые полки и 8-й артиллерийский полк), впоследствии эта дивизия получила наименование 109-й стрелковой дивизии. Из частей 708-го стрелкового полка, 2-го батальона 1-го полка 35-й стрелковой дивизии, 2-го полка и Отдельного разведывательного батальона 5-й дивизии народного ополчения была сформирована 44-я стрелковая дивизия. 5-я дивизия народного ополчения была переименована в кадровую часть и получила наименование 13-й стрелковой дивизии. В состав ее взамен обескровленного и переданного в 44-ю стрелковую дивизию 2-го полка был введен 500-й стрелковый полк. Полки ее получили следующую нумерацию: 119-й, 172-й и 296-й стрелковые полки.

С 14 сентября 1941 г. в состав 42-й армии вошла 6-я дивизия народного ополчения трехполкового состава: 864-й, 880-й и 891-й стрелковые полки и 431-й артполк, получившие нумерацию по приказу Ленфронта от 23 сентября 1941 г.; тогда и дивизия была переименована в 189-ю стрелковую.

Не следует забывать, что против этих, недостаточно еще сколоченных, соединений в сентябрьские бои действовало восемь отборных фашистских дивизий, обильно оснащенных техникой, танками, авиацией и подвижными средствами. Перед армией была поставлена задача выбить немцев из Урицк и восстановить локтевую связь с правым соседом — 8-й армией. Именно на этом участке завязались с 17.IX.41 г. ожесточенные бои.

17 сентября части армии, после короткой артиллерийской подготовки, предприняли новое наступление в направлении Урицк и, преодолевая упорное огневое сопротивление противника, к 20.30 своим правым флангом овладели северной и восточной окраинами Урицк. Весь день 18 сентября шли ожесточенные бои с переменным успехом, но в конце концов наши части, понеся значительные потери, были вынуждены отойти. В тот же день 1-й стрелковый полк 5-й дивизии народного ополчения под давлением противника оставил Верхнее Койрово, а 3-й стрелковый полк Кискино, отойдя в район д. Камень.

Одновременно с боями на Урицком направлении шли бои под Слуцком, Павловск и Колпино, а также на восточном берегу р. Невы в районе Мга, где замкнулось кольцо блокады вокруг г. Ленина.

В последующие дни бои продолжались с прежним ожесточением. Части армии не только отражали атаки противника, но и сами переходили в на-

ступление. Так, 19 и 20 сентября частями 21-й стрелковой дивизии и 5-й дивизии народного ополчения были сделаны попытки восстановить положение и занять Урицк. 21. IX. 1941 г. была занята д. Кискино, оставленная на следующий день в результате сильного огневого воздействия противника.

С утра 23 сентября противник, после двухчасовой артиллерийско-минометной подготовки, перешел в наступление на широком фронте против оборонявшихся частей 21-й и 13-й стрелковых дивизий, проявляя особенную активность на правом фланге 13-й стрелковой дивизии в направлении Камень, Нижнее Койрово. Встретив стойкое сопротивление частей 21-й стрелковой дивизии и приданной ей 6-й морской бригады и не добившись успеха на этом участке, он перенес свои усилия на левый фланг армии в направлении юго-восточной окраины Пулково, но и здесь его атаки были отражены с большими для него потерями [6)].

В одном только бою у деревни Кискино за этот день немцы потеряли около 500 чел. убитыми и столько же ранеными. Огнем нашей артиллерии была уничтожена артиллерийская и минометные батареи противника, до 20 автомашин, захвачены первые трофеи нашей армии: 5 противотанковых орудий и девять минометов.

К исходу дня наступление противника было отбито на всем фронте. Это была его последняя попытка прорвать оборону на участке армии от Финского залива до Пулковских высот. Обескровленный в предыдущих боях, он должен был отказаться от своих планов захватить Ленинград с хода, лобовой атакой. Ворваться в Ленинград ему не удалось.

Отмечая успехи боевой деятельности 42-й армии, Военный совет Ленинградского фронта объявил благодарность бойцам, командирам и политработникам 13-й и 21-й стрелковых дивизий, как первым, остановившим врага и преградившим ему путь в Ленинград. Это была победа ленинградцев и, прежде всего, их передового отряда — коммунистов и комсомольцев, славной Ленинградской партийной организации.

Воодушевленные историческим выступлением великого вождя народов т. Сталина 3. VII. 1941 г., ленинградцы грудью встали на защиту своего любимого города; многие из них отдали жизнь, но врага в город не пустили.

В обеспечении боевого успеха значительную роль сыграла артиллерия, за несколько дней перестроившая и организовавшая систему огня и управления.

К моменту отхода войск армии на рубеж Урицк — Пулково работа командующего артиллерией выражалась прежде всего в сборе и объединении отдельных орудий и батарей, отходящих от прежних рубежей. В результате принятых мер на 14 сентября 1941 г. армия имела в своем распоряжении два артиллерийских полка (5-й и 704-й), матчасть которых состояла из сорока двух 76-мм орудий, четыре батареи Ленинградского артиллерийского училища и восемьдесят шесть 76-мм орудий, находившихся в дивизиях, что в итоге дало плотность около четырех 76-мм стволов на 1 км фронта. Однако, к этому времени фашистские войска вошли в сферу огня морской артиллерии, взаимодействие с которой установила артиллерия армии. К тому же артиллерия армии вскоре получила пополнение орудиями крупного калибра и была коренным образом перестроена и переформирована.

К 17 сентября состав артиллерии был пополнен 4-м, 101-м, 28-м полками корпусной артиллерии (КАП) и 3-м дивизионном 47-го КАП, что позволило создать плотность до 8 орудий на 1 км фронта.

В связи с изменениями, происшедшими в составе артиллерии, была проведена перегруппировка ее сил и налажено централизованное управление ею. Таким образом, была создана возможность применения массированного артиллерийского огня по наиболее важным участкам и направлениям.

Необходимо отметить, что в эти дни артиллерия вела исключительно прицельный огонь, так как недостатка в наблюдаемых целях не было. Благодаря этому противник нес от нашего огня значительные потери, находясь еще в походных порядках, в движении к линии фронта. Так, 21 сентября на дороге [к] Финское Койрово была накрыта и разгромлена колонна пехоты противника численностью до батальона. А 23 сентября, когда противник перешел в общее наступление на участке Камень — Русское Койрово — Редкое Койрово и Нов. Сузи, артиллерия армии и морская артиллерия в течение суток вела интенсивный огонь по наступающей пехоте противника. Особенно отличились в этот день артиллеристы 47-го КАП, устроившие в полном смысле слова кладбище автомашин с пехотой противника на перекрестке шоссейных дорог в районе Финское Койрово; 101-й КАП уничтожил до двух батальонов пехоты и большое количество автомашин в районе отметки 47,7.

Действия артиллерии в эти решающие для Ленинграда дни были отмечены в приказе командующего войсками 42-й армии генерал-майора Федюнинского от 23. IX. 41 г., объявившего благодарность личному составу ряда артиллерийских частей армии и отметившего ту роль, которую сыграла наша артиллерия в срыве немецкого наступления на Ленинград.

Командующий войсками Северо-Западного направления в приказе № 0073 дал высокую оценку боевой работе артиллерии армии, отметив ее успешные действия по разгрому наступающих частей противника, которые были остановлены и вынуждены перейти к обороне.

Для 42-й армии 23 сентября является датой, когда в процессе длительных тяжелых боев завершилось ее организационное оформление, определился ее состав (21-я, 13-я, 189-я стрелковые дивизии и 6-я морская бригада) и четко встала задача, тесно связавшая всю историю армии с историей Ленинграда в его наиболее тяжелый и в то же время самый славный период — период блокады.

Закончился период боев по задержанию противника. Враг был обескровлен и остановлен под Ленинградом. Этим была решена одна из тяжелых, но славных задач нашей 42-й армии.

Прорыв и снятие блокады с г. Ленинграда и разгром Красносельской группировки немцев (октябрь 1943 г.— март 1944 г.)

Новый и славный этап в жизни армии начинается с октября месяца 1943 г. Это — этап успешных дел 42-й армии, этап подготовки и снятия блокады. Ставкой Верховного Главнокомандования было принято решение, что Ленинградский фронт сам должен освободить Ленинград от блокады. Эта большая, исторической важности задача была возложена на нашу 42-ю и 2-ю ударную армии.

С первых чисел октября началась подготовка к этой исключительно важной операции. Особенно оживились инженерные работы, когда начал готовиться плацдарм для наступления. Одновременно с этим производилась и усиленная подготовка частей армии к предстоящим действиям. Эта подготовка стала целеустремленной. Она проводилась в тылу на местности и на обороне, похожей на то, что предстояло преодолеть при прорыве.

Исключительно огромного размаха достигла в этот период партийно-политическая работа. Она должна была обеспечить тщательную подготовку всех родов наших войск к решительному штурму вражеских позиций. Политработники армии и коммунисты частей и подразделений разжигали среди бойцов и командиров личную ненависть к врагу, воспитывали в них неиссякаемый наступательный дух, чувство превосходства над немцем. По-

литработники армии и коммунисты частей и подразделений помогали командирам готовить войска к боевым действиям.

В декабре месяце 1943 г. были сформированы и переданы в состав армии: 30-й гвардейский стрелковый корпус (45-я, 63-я и 64-я стрелковые дивизии) — командир корпуса Герой Советского Союза генерал-майор Симоняк; 109-й стрелковый корпус (109-я, 125-я и 72-я стрелковые дивизии) — командир корпуса генерал-майор Алферов и 110-й стрелковый корпус (56-я, 85-я и 86-я стрелковые дивизии) — командир корпуса генерал-майор Хазов и отдельная, не входившая в состав корпусов, 189-я стрелковая дивизия — командир дивизии полковник Лоскутов. 16 декабря 1943 г. командующим войсками армии был назначен и принял армию генерал-полковник Масленников И. И.

Выдающиеся успехи Красной Армии в деле разгрома немецких войск под Сталинградом и последующее стремительное наступление Красной Армии на запад в течение всего почти 1943 г. подорвали силы и боевой дух немецкой армии и тем самым создали благоприятную обстановку войскам Ленинградского фронта для снятия блокады.

Немцы ждали нашего наступления, ибо оно все время разрасталось с юга на север, и готовились к нему, однако не смогли и не сумели выдержать удара такой силы, который обрушился на них с Пулковских высот 15. I. 1944 г.

Планирование операции и подготовка прорыва

Цель операции заключалась в том, чтобы общими усилиями 2-й ударной армии и войск 42-й армии, окружив и уничтожив Урицко-Стрельнинскую группировку противника, с последующим выходом на его коммуникации перед Волховским фронтом, отсечь его и совместными действиями с частями Волховского фронта уничтожить.

Удар 2-й ударной и 42-й армий сочетался с одновременными действиями Волховского фронта в направлении Новгород, Луга.

Главный удар наносился войсками 42-й армии с Пулковских высот в направлении Красное Село и вспомогательный — 2-й ударной армией из района Ораниенбаума в направлении Ропша, где должно быть закончено окружение Стрельнинской группировки противника соединившимися частями обеих армий.

Формой оперативного маневра в наступательной операции армии был избран фронтальный удар центром на участке Верхнее Койрово — Редкое Кузьмино.

Хотя фронтальный удар центром считается наименее выгодной формой оперативного маневра, однако всякая другая форма оперативного маневра была неприемлема, ввиду наличия на флангах мощных узлов сопротивления противника: Урицк, Александровка, Пушкин, Слуцк, которые могли бы сковывать маневр наших войск и не дать возможности использовать всей мощи артиллерии и танков, а кроме всего влияло и отсутствие локтевой связи с соседом справа (2-й ударной армией).

Операция планировалась на четыре этапа.

Первый (подготовительный) этап: сосредоточение, перегруппировка войск, артиллерийское и авиационное разрушения укреплений и подавление живой силы противника, организация взаимодействия войск, управление и материальное обеспечение операции, дооборудование плацдарма для наступления в инженерном отношении, уточнение огневой системы и узлов сопротивления противника, боевое сколачивание частей, штабов и обучение войск ночным действиям.

Второй этап: прорыв фронта обороны противника и овладение ближайшей тактической глубиной его обороны.

Третий этап: развитие удара по овладению Красносельским и Пелголовским узлами обороны противника.

Четвертый этап: удар в направлении Ропша, соединение с частями 2-й ударной армии, окружение Стрельнинской группировки противника и закрепление Красносельско-Пелголовского рубежа.

Соотношение сил

К началу операции 42-я армия в своем составе имела десять стрелковых дивизий, две танковых бригады, пять танковых полков, один самоходно-артиллерийский полк (позднее вошли еще два самоходно-артиллерийских полка), два ОАББ, два ОДБ ПО, две артиллерийские дивизии прорыва резерва Главного командования, один контрбатарейный артиллерийский корпус, восемь отдельных артполков усиления, пять истребительных противотанковых артиллерийских полков, одна гвардейская моторизованная дивизия, пять минометных полков, поддерживали 2-я и 3-я подгруппы Краснознаменного Балтфлота, одиннадцать зенитных артиллерийских полков, один отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, один укрепрайон (в составе шести отдельных артиллерийско-пулеметных батальонов) и четырнадцать инженерных батальонов.

Противник перед фронтом наступления армии имел три пехотные дивизии на главной линии сопротивления, до одной пехотной дивизии в ближайшем тактическом резерве и до трех пехотных дивизий в оперативном резерве. Соотношение сил сторон на фронте армии к моменту прорыва было следующее:

Противник		Наименование	Свои войска	
Соотношение	Количество		Количество	Соотношение
1 : 2,4	47 400	Людей	110870	2,4 : 1
1 : 3,2	28	Батальонов	90	3,2 : 1
1 : 4,8	96	Артиллерийских батарей	467	4,8 : 1
1 : 11,2	27	Минометных батарей	303	11,2 : 1
1 : 2,3	685	Орудий всех систем	1635	2,3 : 1
1 : 4,8	234	Пулеметов станковых	1130	4,8 : 1
1 : 3,2	906	» ручных	2969	3,2 : 1
1 : 5,5	50	Танков	273	5,5 : 1
1 : 2	36	Самоходных орудий	72	2 : 1
1 : 0,8	5	Бронепоездов	4	0,8 : 1

Количество:

Противник		Войска 42-й армии	
Дивизий пехотных	3	Дивизий стрелковых	10
» арт. зенитн.	1	» артиллер.	2
Пехотных полков	1	» арт. зен.	2
Зенитн. артполков	1	Арткорпусов	1
Штурмов. батальон.	1	Минометных полков	4
Разведбатальонов	2	Корпусных артполков	3
Артдивизионов РГК[1]	20	ИПТАП[2]	5
Миндивизионов РГК	9	Танковых бригад	2
		Танковых полков	5
Дивизион 6-ствольных минометов	1	Бронепоездов	4
Дивизион самоходных орудий	1	Самоходных артполков	1
Противотанковых дивизионов РГК	3	Артпульбатов	6

[1] Резерв Главного командования.
[2] Истребительный противотанковый артполк.

Как видно из таблицы, 42-я армия имела значительное превосходство в силах над противником: по пехоте — тройное, по артиллерии — в пять раз, по станковым пулеметам — в пять раз, по ручным пулеметам — в три раза, по танкам — в пять раз, по самоходным орудиям — в два раза.

Если же сопоставить силы сторон на направлении главного удара, т. е. силы, которые предназначались для основного прорыва полосы сопротивления, то подавляющее превосходство в силах 42-й армии над противником станет еще более очевидным.

Ход боевых действий

Прорыв тактической глубины обороны противника и занятие Красное Село

15 января 1944 г. в 9.20 на фронте прорыва армии началась мощная артиллерийская подготовка с участием гвардейских минометных частей, штурмовой авиации, продолжавшаяся до 11.00.

Артиллерийская и авиационная подготовка в течение 1 часа 40 минут 15. I. 44 г. и действия реактивной артиллерии в течение всего дня 14. I. 44 г. серьезно нарушили систему огня противника и его управление, многие наблюдательные пункты были разрушены, линии связи перебиты.

В 11.00 пехота, следуя за огневым валом и вплотную прижимаясь к разрывам своих снарядов и мин, перешла в атаку.

Полковая артиллерия и часть дивизионной, а также ротные и батальонные минометы следовали в боевых порядках пехоты.

По преодолении пехотой противотанкового рва с 13. 30 танки ринулись в бой со своих исходных позиций и продолжали наступление совместно с пехотой. Однако, понеся в течение дня большие потери в количестве 18 танков (из них 13 небоевые потери) и трех самоходных установок, ожидаемой роли они не сыграли и поставленной на день задачи не выполнили.

Противник частями 126-й, 170-й и 215-й пехотных дивизий с начала активных действий наших войск всеми видами огня и контратаками оказывал упорное сопротивление продвижению наших войск. Понеся значительные потери в людской силе и технике и израсходовав в первой же половине дня свои тактические резервы, [противник] во второй половине дня из Красногвардейска в сл. Павловская и Константиновка начал переброску 151-го пехотного полка 61-й пехотной дивизии (оперативные резервы). В первой половине дня из Александровка в направлении Редкое Кузьмино предпринял контратаку силами до двух взводов, которая была отбита. Во второй половине дня на участке 657-го стрелкового полка 125-й стрелковой дивизии предпринял контратаку силами неустановленной численности, в результате которой 657-й стрелковый полк, вклинившийся до этого в боевые порядки противника на глубину 300—400 м, к 17. 00 был оттеснен в исходное положение.

Особо сильное сопротивление противник оказывал на флангах прорыва, имея здесь заранее подготовленные мощные узлы обороны (Урицк, Финское Койрово, Александровка, Пушкин), которые, вследствие меньшего воздействия на этих участках огня нашей артиллерии, не были полностью подавлены.

Перед фронтом наступающих частей армии проявили себя до 70 артиллерийско-минометных батарей противника, отдельные шестиствольные минометы и минометы тяжелого заряда. Авиация противника проявляла незначительную активность; в течение дня было зарегистрировано всего семь самолето-вылетов разведчиков. Танки противника в первый день боя на фронте армии не появлялись.

Несмотря на ожесточенное и яростное сопротивление противника, знаменитое «стальное кольцо» блокады под натиском наших частей 30-го гвардейского стрелкового корпуса дало в первый же день солидную трещину и в основном было прорвано. Части 30-го гвардейского стрелкового корпуса стремительной атакой прорвали главную оборонительную полосу противника на участке Финское Койрово — Александровка шириной 8 км по фронту и за первые сутки проникли в глубину до 3,5 км (63-я и 45-я гвардейские стрелковые дивизии), нарушили систему его обороны и захватили сильно укрепленные опорные пункты Верхнее Койрово, Гонгози, Венерязи, Мендухари, Большое Карлино, Кюльмя, Хумалисты, Большое Виттолово, Новое Сузи, Синда, Рехколово.

В этом бою отличились сотни и тысячи гвардейцев и первыми среди них были коммунисты и комсомольцы. Они шли впереди, отвагой и бесстрашием своим показывали пример остальным [7]. Бесстрашно и умело вели себя в бою политработники гвардейских дивизий. Они, как правило, находились в действующих батальонах, и здесь, в гуще боя, поднимали на щит славы героев, пламенным словом, короткой яркой листовкой звали бойцов на новые подвиги.

Несколько иначе обстояло дело на флангах: командир 109-й стрелковой дивизии 109-го стрелкового корпуса, действующий на правом фланге, и командир 86-й стрелковой дивизии 110-го стрелкового корпуса, действующий на левом фланге, игнорировали вопросы тактики маневрирования, не использовали успеха соседа в центре, не обеспечили направления своего главного удара пехотными силами и огневыми средствами усиления в необходимой потребности для успешного боя, в результате чего их атакующие подразделения огнем всех видов противника во всей полосе действий 109-й и 86-й стрелковых дивизий были прижаты к земле и успеха в течение суток не имели.

Оценивая обстановку, создавшуюся к исходу дня 15. I. 44 г., командующий армией решил использовать наметившийся успех на участке фронта 30-го гвардейского стрелкового корпуса и продолжать вбивать клин в немецкую оборону. Для обеспечения флангов 30-го гвардейского стрелкового корпуса и расширения полосы прорыва в действия корпусов были внесены следующие коррективы:

а) 109-му стрелковому корпусу приказано прорвать оборону противника на участке южная окраина Урицк — Финское Койрово, взломать опорные пункты в этой полосе и в дальнейшем, овладев районом Константиновка, выйти на линию ж. д. Урицк — Константиновка.

б) 110-му стрелковому корпусу дополнительным вводом одного стрелкового полка 85-й стрелковой дивизии овладеть Александровка — узлом сопротивления и железной дорогой на участке Александровка — Мыккалово с задачей прочно прикрыть левый фланг 30-го гвардейского стрелкового корпуса от возможных контратак противника со стороны Пушкин.

Части армии, оставив для ночных действий по одному стрелковому батальону от каждой стрелковой дивизии, в течение ночи приводили себя в порядок, подтянули артиллерию, минометы, батальонные и полковые тылы и предоставили отдых людскому составу. В 9. 40 16. I. 44 г., после 10-минутного артиллерийского налета по опорным пунктам и узлам сопротивления, атаковали противника на фронте (исключительно) Урицк — Большое Кузьмино и, преодолевая его упорное огневое сопротивление и контратаки, выбили его из опорных пунктов Финское Койрово, Талликола, Большое Карлино.

Дивизии 30-го гвардейского стрелкового корпуса, продолжая наступать на главном направлении, продвинулись вперед на 3—5 км, тем самым полностью прорвали всю тактическую глубину главной полосы обороны про-

тивника и вклинились во вторую полосу его обороны на участке Ускюля — Солози.

109-я и 86-я стрелковые дивизии, наступавшие на флангах армии, понеся значительные потери, не добились успеха и во второй день. Приблизившись к проволочным заграждениям противника, были прижаты его огнем к земле, где и пролежали весь день.

125-я стрелковая дивизия сломила сопротивление противника на участке Лиговский канал — (исключительно) Верхнее Койрово и овладела важным в тактическом отношении опорным пунктом Финское Койрово.

110-й стрелковый корпус, используя успех соседа справа (45-я гвардейская стрелковая дивизия) и введя в бой 59-й стрелковый полк 85-й стрелковой дивизии, в стыке между 45-й гвардейской стрелковой дивизией и 86-й стрелковой дивизией прорвал оборону немцев и к исходу дня вел бой в центральной части сильного узла сопротивления Александровка.

Подводя итоги двухдневных боев, командующий армией вскрыл основные недостатки в действиях войск, которые сводились к следующему:

1. Непрерывное управление боем не было обеспечено.

2. Бросок пехоты в атаку производится при организованной и не подавленной системе огня противника и не используются все виды нашего огня для поддержки атаки.

3. Недостаточно активно и нерешительно применяется маневр обхода и обхвата сопротивляющихся опорных пунктов противника, на что так нервно реагирует последний.

4. После отбития контратаки противника части не переходят в решительное наступление, когда можно бы было на его плечах выполнить поставленную задачу.

5. Успех соседей для выполнения своей задачи части используют нерешительно.

6. С развитием боя в глубине значительно пала разведывательная деятельность, своевременно не вскрывались замыслы врага, а зачастую не знали впереди стоящего противника.

7. Не было достаточного контроля и дисциплины в штабах за отданными распоряжениями, своевременного сбора данных об обстановке и четкого выполнения графика срочных донесений.

Произведя незначительную перегруппировку между корпусами (64-я гвардейская стрелковая дивизия была передана 109-му стрелковому корпусу, а в состав 30-го гвардейского стрелкового корпуса включена 72-я стрелковая дивизия; 18.I.44 г. 64-я гвардейская стрелковая дивизия была опять включена в состав 30-го гвардейского стрелкового корпуса, а 45-я гвардейская стрелковая дивизия выведена из состава и передана 110-му стрелковому корпусу), соответственно изменив разграничительные линии между полосами наступления корпусов и сведя отдельные полки в двухбатальонные составы, а батальоны — двухротного состава, и включив в состав армии 123-й стрелковый корпус, войска армии в течение 17 и 18. I.44 г. с упорными боями продвигались в г. Красное Село — мощному узлу обороны немцев.

На направлении главного удара, к исходу 17.I.44 г. 64-я и 63-я гвардейские стрелковые дивизии, ломая упорное сопротивление противника и преодолевая его систему инженерных заграждений, обходом 191-го гвардейского стрелкового полка, 64-й гвардейской стрелковой дивизии с севера и 194-го гвардейского стрелкового полка с юга блокировали выс. 112,0 и здесь полностью уничтожили гарнизон противника.

К этому же времени 197-й гвардейский стрелковый полк 64-й гвардейской стрелковой дивизии закончил очищение от противника крупного населенного пункта Николаевка, а части 63-й гвардейской стрелковой диви-

зии овладели выс. 105,1 и безымянными высотами севернее и юго-восточнее от нее.

Таким образом, противник, потеряв мощные узлы сопротивления во второй полосе обороны (выс. 112,0, Николаевка, выс. 105,1), являющиеся ключевыми позициями на подступах к Красное Село и Дудергоф, и не имея достаточных сил для приостановления наступления наших войск и восстановления утраченного положения, опасаясь быть зажатым в тиски войсками 42-й армии с востока и 2-й ударной армии с запада, начал спешно эвакуировать людской состав, технику и тылы из Урицко-Стрельнинского района. Одновременно [он] всеми силами и средствами сдерживал наступление наших войск в целях обеспечения вывода людей и боевой техники из района Урицк — Стрельна.

109-я стрелковая дивизия, действуя на правом фланге армии, после трехдневного упорного боя прорвала оборону противника южнее Урицк, продвинулась вперед на 1 км, на правом и на 2 км на левом флангах и к исходу дня вела бой на подступах к Ново-Паново, Сосновка, тем самым увеличивая фронт прорыва армии.

На левом фланге армии попытки 86-й стрелковой дивизии вести наступление с севера на Александровский парк и Пушкин успеха не имели и решением командарма дивизия к утру 18. I. 44 г. должна была занять оборону на отсечной позиции противника вдоль линии ж. д. между Мыкkалово — Александровка.

Быстрейшая ликвидация узла сопротивления Красное Село — Дудергоф была крайне важна для успеха всей операции.

Для наращивания удара и в целях быстрого овладения Красное Село в стык 109-го стрелкового корпуса и 30-го гвардейского стрелкового корпуса была введена в бой 291-я стрелковая дивизия 123-го стрелкового корпуса из второго эшелона армии.

В 13.00 18.I.44 г. войска армии перешли в решительное наступление по всему фронту, имея задачу разгромить и уничтожить его ключевые позиции (Константиновка, сл. Павловская, Красное Село, Дудергоф, выс. 172,3), являющиеся воротами для выхода на оперативный простор армии, дающие возможность соединения с войсками 2-й ударной армии и успешно завершить операцию по окружению Урицко-Стрельнинской группировки.

Бои за подступы и штурм Красное Село и Дудергоф продолжались беспрерывно в течение 23 часов. Противник, цепляясь за каждую складку местности, опираясь на ранее подготовленные инженерные сооружения, используя сильно пересеченный рельеф местности и крупные населенные пункты (Константиновка, сл. Павловская, Красное Село, Дудергоф), приспособленные к длительной обороне, напрягая все силы, бросал в бой свои тыловые подразделения, сапер, связистов и т. д., используя до максимальных пределов все виды огня.

В результате длительных и упорных боев к исходу 18.I.44 г. 125-я стрелковая дивизия овладела Константиновка, 291-я стрелковая дивизия своими отдельными лыжными батальонами и 181-м стрелковым полком — сл. Павловская и 309-м стрелковым полком — северо-восточная часть Красное Село.

1025-й стрелковый полк 291-й стрелковой дивизии, введенный в бой из второго эшелона дивизии, из-за левого фланга 309-го стрелкового полка в течение всей ночи вел бой в центральных кварталах Красное Село.

Части 64-й гвардейской стрелковой дивизии, по овладении Большой Лагерь и ст. Красное Село, вклинились между озерами Безымянное и Дудергофское и завязали бой в южной части Красное Село.

188-й гвардейский стрелковый полк, искусно маневрируя, обойдя одним батальоном озеро Дудергофское с севера и двумя батальонами с тан-

ками — с юга, овладел Вилози, отрезая пути отхода Красносельской группировке противника на Красногвардейск.

Значительно медленнее шло продвижение в районе выс. 173,3 «Воронья Гора». 190-й и 192-й гвардейские стрелковые полки 63-й гвардейской стрелковой дивизии, достигнув в течение дня восточных скатов высоты и наступая в лоб сильно укрепленному опорному пункту, к исходу дня овладеть высотой не сумели. Под покровом ночи, обойдя выс. 172,3 190-м гвардейским полком с севера и 192-м гвардейским полком с юга, одновременным ударом полностью разгромили противника в опорном пункте «Воронья Гора», и к утру 19.I.44 г. овладев Кавелахты, ворвались в Новое Вилози [8].

К 12.00 19.I.44 г. после непрерывного 23-часового боя части 291-й стрелковой дивизии, 64-й и 63-й гвардейских стрелковых дивизий закончили штурм Красное Село полным истреблением противника. Пало последнее звено в глубокоэшелонированном «неприступном гитлеровском северном вале» и «стальном кольце» блокады Ленинграда.

В 16.50 19.I.44 г. в направлении Красное Село — Русско-Высоцкое — Кипень выступила танковая группа в составе двух бригад, двух самоходно-артиллерийских полков и одного зенитно-артиллерийского полка, имея задачу соединиться в Русско-Высоцкое с частями 2-й ударной армии. В ночь на 20.I.44 г. окружение Урицко-Стрельнинской группировки подвижной танковой группой было закончено и утром 20.I.44 г. части 189-й стрелковой дивизии соединились с частями 2-й ударной армии. На поле боя состоялся короткий красноармейский митинг.

Героическая эпопея войск 42-й армии по освобождению города Ленина от блокады и постоянных артиллерийских обстрелов мирных жителей высоко была оценена Верховным Главнокомандующим Маршалом Советского Союза т. Сталиным в своем приказе командующему Ленинградским фронтом генералу армии т. Говорову от 19.I.44 г.

19.I.44 г. в 21.00 столица нашей Родины Москва от имени Родины салютовала доблестным войскам 42-й армии — защитникам Ленинграда двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. Город Ленина ликовал по случаю великой победы. Окончилась 900-дневная блокада города. Трудящиеся Ленинграда славили бойцов и командиров армии, разгромивших ненавистного врага.

Зам. командующего войсками
42-й армии гвардии генерал-майор
Рыбко

Член Военного совета
генерал-майор
Хмель

Зам. начальника штаба 42-й армии
полковник Крылов

Архив МО СССР, ф. 217, оп. 269391, дд. 14, 15.— Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) На строительстве оборонительных сооружений вокруг Ленинграда работало более полумиллиона ленинградцев. Их руками было вырыто около 700 км противотанковых рвов, сделано свыше 300 км лесных завалов, построено свыше 5 тысяч огневых деревоземляных и железобетонных точек. Протяженность отрытых окопов составляла свыше 27 тыс. км, установленных проволочных заграждений в три кола и выше — 635 км. По далеко неполным данным, трудящимися Ленинграда на стройке оборонительных сооружений было отработано свыше 20 млн. человеко-дней. (См. А. Кузнецов. Большевики Ленинграда на защите родного города, Л., 1945, стр. 6).— 72.

2) Среди политбойцов 42-й армии был известный профессор, доктор физико-математических наук Е. Ф. Огородников. Еще 17-летним юношей он ушел на гражданскую войну. Три года провел в боях с белогвардейцами, а по окончании гражданской войны начал учиться, окончил вуз, стал профессором. В 1939 г. был при-

нят в ряды большевистской партии. И когда враг подошел к стенам великого города, профессор Огородников вновь взялся за винтовку.

«19 лет я изучал вопросы строения звездного неба,— говорил он,— наблюдал в телескоп за явлениями небесных светил. Я являюсь автором 30 с лишним работ по звездной астрономии.

Война, навязанная нашей Родине фашистскими палачами, заставила меня на некоторое время отложить любимую работу. Я не мог стоять в стороне от священного дела — защиты своего Отечества.

Бесчинствам фашистов нет предела. Они намеренно бросают бомбы в наши жилые дома, школы, больницы. Они истязают женщин, стариков, детей, раненых и пленных красноармейцев. Они сознательно уничтожают мировые памятники культуры и науки. На моих глазах пылало на днях здание знаменитой Пулковской обсерватории, подожженное фашистскими бомбами, той самой обсерватории, в стенах которой работали Вильгельм и Отто Струве, Бредихин и Белопольский, Склаперсы и многие другие величайшие астрономы мира. Сердце мое содрогалось при виде того, как пылает эта величайшая сокровищница знаний, простоявшая на Пулковских высотах свыше 100 лет. Я сидел в это время в окопе. Руки мои крепко сжимали винтовку.

Только один у нас может быть разговор с фашистскими варварами — безжалостное их истребление. Мы это сделаем. И это будет актом величайшего гуманизма, потому что нет задачи более благородной, чем освобождение земли всего мира от зверской тирании гитлеризма.

У меня много учеников, много друзей и знакомых. Я хочу, чтобы они знали, что их профессор и коллега, красноармеец Огородников будет стойко, как подобает советскому воину, сражаться с ненавистным врагом, сражаться до полной победы» (См. Архив МО СССР, ф. 217, оп. 33426, д. 22, лл. 7—8) — 74.

3) Примером стойкости и мужества защитников Ленинграда может служить следующий эпизод.

31 августа 1941 г. политрук роты 225-го полка НКВД А. Н. Мандрусов получил приказ занять оборону в районе Черной речки. Бой начался в 10.00 31 августа. Против роты Мандрусова немцы повели наступление силой до батальона пехоты при поддержке сильного артиллерийского и минометного огня. Однако все попытки противника выбить роту Мандрусова с занимаемых позиций 31 августа были безрезультатными.

1 сентября на помощь противнику пришел еще батальон. Но и этот день не принес успеха фашистам.

2 сентября бой начался в 6.00. Противник перешел в решительное наступление, обрушив на роту Мандрусова сильный артиллерийский и минометный огонь при поддержке авиации. Рота Мандрусова стойко и мужественно отбивала все атаки противника. Но ряды защитников таяли с каждым часом. Один из снарядов разорвался рядом с Мандрусовым, оставив на теле отважного политрука 16 ран, при тяжелом ранении в живот и грудь. Увидев, что командир ранен, боец Павшуков быстро подполз к нему, чтобы оказать ему первую помощь и унести в укрытие.

— Лучше идите на свое место и бейте гадов,— ответил Мандрусов на предложение Павшукова. Однако сознание покидало Мандрусова. Заметив его тяжелое состояние, бойцы Молчанов, Павшуков, Бояков и другие решили силой унести отважного политрука в укрытие.

Обнаружив движение на наших позициях, противник открыл ураганный огонь из пулеметов по этой группе бойцов. Одна пуля смертельно ранила политрука.

— Возьмите мой партбилет. Меня оставьте, а сами по своим местам,— были его последние слова.

Партийный билет и удостоверение на медаль «За боевые заслуги» взял и доставил в часть боец Павшуков; они были пробиты насквозь.

Бойцы жестоко отомстили фашистам за смерть своего командира (См. Архив МО СССР, ф. 217, оп. 8086, д. 9, л. 42) — 75.

4) К 12 сентября 1941 г. на подступах к Ленинграду нашли себе могилу 170 тыс. немецких солдат и офицеров. Потери немцев в технике составляли: 464 орудия, 1198 пулеметов, 256 минометов, 476 танков, 92 бронемашины, 909 автомашин и мотоциклов, 937 самолетов. (См. «Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза». Сборник документов и материалов. Л., 1944, стр. 404.) — 76.

5) В бою за деревню Верхнее Койрово особенно отличилась 6-я рота 2-го батальона 1-го стрелкового полка под командованием лейтенанта М. А. Сочнева. Она занимала высоту Глинную, которую противник стремился захватить во что бы то ни стало, ввиду ее господствующего положения на подступах к Ленинграду. Но отважные советские воины не только отбили многочисленные атаки фашистов, но и сами перешли в контратаку. Впереди роты бесстрашно шел лейтенант Сочнев. Он шел во весь рост, не сгибаясь, воодушевляя бойцов своим личным примером. Несмотря на одно, затем второе ранение, Сочнев не ушел с поля боя. Лишь толь-

ко после третьего ранения, когда рота успешно закрепилась на захваченном рубеже, лейтенант Сочнев согласился отправиться на медпункт. Лично сам в этом бою он уничтожил шесть фашистов. (См. Архив МО СССР, ф. 217, оп. 12956, д. 3, л. 149.) — 78.

6) Неувядаемой славой покрыл себя в боях за Пулковские высоты автоматчик 14-го стрелкового полка 21-й стрелковой дивизии П. Е. Орел. В бою 14 сентября 1941 г. он из своего ручного пулемета уничтожил около 300 фашистов и остановил на своем участке продвижение противника к Ленинграду. Будучи раненым, Орел не бросил свой выведенный из строя ручной пулемет за № 2982, который затем был передан на хранение в один из ленинградских музеев. (См. Архив МО СССР, ф. 217, оп. 12956, д. 12, л. 1.) — 80.

7) В бою за деревню Большое Карлино бессмертный подвиг совершил гвардии старший сержант 63-й гвардейской стрелковой дивизии коммунист Михаил Кузнецов, закрывший в решительную минуту боя своим телом амбразуру вражеского дзота и обеспечивший продвижение подразделения вперед. (См. Архив МО СССР, ф. 217, оп. 201180, д. 11, л. 32.) — 85.

8) В боях по овладению опорным пунктом «Воронья Гора» особенно отличилась рота автоматчиков 190-го гвардейского стрелкового полка под командованием гвардии капитана В. Г. Масальского, слава о котором прогремела по всей армии. «Воронья Гора» являлась сильным опорным пунктом немцев и облегчала захват г. Красное Село. Немцы оборонялись упорно. Однако рота автоматчиков, воодушевленная личным примером своего командира, дерзко и стремительно атаковала «Воронью Гору» и овладела этим важным опорным пунктом. За боевые подвиги гвардии капитан Масальский был удостоен звания Героя Советского Союза. (См. Архив МО СССР, ф. 217, оп. 33426, д. 22, л. 79).— 88.

ИЗ ИСТОРИИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СОВЕЩАНИЙ

(1926—1927 гг.)

Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

На всех этапах социалистического строительства производственные совещания являются важнейшей формой участия рабочего класса в управлении и усовершенствовании производства.

В связи с переходом СССР к реконструкции народного хозяйства роль производственных совещаний неизмеримо возросла. XIV съезд партии, взявший курс на социалистическую индустриализацию, указал, что наилучшей формой вовлечения широких масс рабочего класса в социалистическое строительство, в дело организации и управления советскими промышленными предприятиями, в борьбу за улучшение и усовершенствование их работы являются производственные совещания [1]. Выполняя решения XIV съезда, Центральный Комитет партии выдвинул перед ними ряд важнейших конкретных задач. В обращении ЦК и ЦКК ВКП(б) о борьбе за режим экономии от 25 апреля 1926 г. указывалось, что производственные совещания должны стать организатором борьбы за режим экономии на предприятиях и научить рядовых рабочих быть разумными, экономными хозяевами социалистических предприятий [2].

Февральский пленум ЦК ВКП(б) 1927 г. поставил перед производственными совещаниями задачу активного участия в борьбе за снижение себестоимости продукции [3]. В резолюции «О снижении отпускных и розничных цен» пленум указывал, что снижение себестоимости продукции возможно лишь при условии, если к обсуждению всех элементов, образующих стоимость производства, будут привлечены широкие массы рабочих и основным содержанием работы производственных совещаний станут вопросы улучшения производства и максимальной его производительности. В Постановлении ЦК ВКП(б) по вопросу о рационализации производства от 24 марта 1927 г. Центральный Комитет подчеркивал значительную роль производственных совещаний в проведении социалистической рационализации [4].

---

[1] См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II. М., 1954, стр. 218—219.

[2] См. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. I. М., 1957, стр. 578—583.

[3] См. КПСС в резолюциях..., ч. II. М., 1954, стр. 348—349.

[4] См. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. I. М., 1957, стр. 666—672.

Реализуя эти решения XIV съезда и Центрального Комитета, партийные организации приняли активное участие в организации работы производственных совещаний и превращении их в настоящую школу управления и организации производства.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится большое число документов и материалов, которые раскрывают огромную роль партии в развитии производственных совещаний в первые годы индустриализации и обобщают большие успехи совещаний в борьбе за повышение производительности труда, режим экономии, социалистическую рационализацию промышленности, снижение себестоимости продукции и т. д. в период перехода к реконструкции народного хозяйства СССР. Ниже публикуются некоторые из этих документов. Они характеризуют работу производственных совещаний в 1926—1927 гг.

Очень интересен док. № 2, показывающий работу производственных совещаний с начала их возникновения до 1926 г. Данная в нем периодизация истории производственных совещаний подтверждается и другими документами. Так, в сводке, составленной Информационным отделом ЦК ВКП(б) в 1927 г., также выделяются три периода в развитии производственных совещаний в 1924—1926 гг.: «После быстрого развертывания производственных совещаний в 1924 г. наступает (в 1925 г.) почти повсеместное ослабление их работы. Основными причинами такого ослабления явились: понижение внимания к работе совещаний со стороны местных партийных и профессиональных органов, пассивное отношение к ним хозяйственников, недочеты в формах и методах работы самих совещаний. С 1926 г. начинается вновь оживление совещаний» [1].

Публикуемые документы показывают огромную роль партии в развитии производственных совещаний в 1926—1927 гг. По инициативе партийных организаций на предприятиях развернулась большая работа по популяризации совещаний среди самых широких масс рабочих. Парторганизации детально обследовали работу производственных совещаний, глубоко изучили и обобщили их опыт и широко распространили его, используя для этого печать. Опираясь на указания В. И. Ленина о том, что советская печать должна предавать гласности достижения и недочеты хозяйственной жизни, должна силой примера подтягивать отстающих до уровня передовых, Коммунистическая партия обязала редакции газет систематически освещать работу производственных совещаний, выявлять их достижения и недостатки, способствовать регулярному обмену опытом в их работе. После указания секретаря ЦК ВКП(б) Н. М. Шверника об освещении деятельности производственных совещаний в печати (см. док. № 1), «Правда», «Рабочая газета», «Рабочая Москва», «Гудок», «Уральский рабочий» и другие газеты начали регулярно публиковать руководящие материалы, заметки и статьи о производственных совещаниях, а также уделять большое внимание характеристике конкретных достижений отдельных совещаний, давать подробный анализ наиболее ценных рационализаторских предложений и изобретений рабочих.

Документы №№ 2, 3, 4 свидетельствуют о подъеме работы производственных совещаний в первые годы индустриализации. Всего за два года (1926—1927 гг.) число участников производственных совещаний возросло в 2,5 раза. Если в конце 1925 г. в последних принимало участие 6% всего рабочего класса, а в 1926 г. 10%, то в 1927 г. в них участвовало уже 15% [2]. Значительно возросло число конкретных деловых предложений по улуч-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2а, д. 497/1, л. 46.
[2] См. док. № 4 и ЦГАОР, ф. 5451, оп. 10, д. 5, л. 12.

шению и усовершенствованию производства. Материалы выборочного обследования 863 предприятий показывают, что в 1926/27 г. производственные совещания передали администрации предприятий около 70 тыс. предложений. На каждые 1000 участников совещаний приходилось не менее 100 конкретных предложений [1]. Об экономии, полученной предприятиями от реализации этих предложений, свидетельствует документ № 4. Однако из-за плохого учета этот вопрос не получил полного освещения. В 1926—1927 гг. на производственных совещаниях в основном разбирались вопросы роста производительности труда, режима экономии, рационализации производства, снижения себестоимости продукции, борьбы с браком, простоями.

О структуре и составе производственных совещаний и комиссий в эти годы дают представление док. №№ 2, 3, 4.

Документы извлечены из фонда ЦК ВКП(б) (ф. 17), хранящегося в ЦПА ИМЛ.

Л. С. Рогачевская

№ 1

Распоряжение секретаря ЦК ВКП(б) Н. М. Шверника Отделу печати ЦК ВКП(б) об освещении деятельности производственных совещаний в печати

Май 1926 г. [2]

В связи с постановкой в ближайшее время вопроса о проверке опыта работы производственных совещаний прошу предложить партийным газетам Москвы, Ленинграда, Урала, Донбасса, Ростова н/Дону, Нижнего Новгорода и Иваново-Вознесенска *открыть обсуждение* [3] по вопросам практики работы производственных совещаний, привлекая к обсуждению этих вопросов *рабкоров* крупных фабрик и заводов.

При обсуждении желательно остановиться на следующих вопросах:

1. Учет опыта производственных совещаний в области вовлечения широких масс рабочих к организации производства (работа цеховых и общезаводских совещаний и комиссий в 1925 и 1926 гг., причины ослабления работы в 1926 г.), какие достижения (изобретения и улучшения) имеются с точки зрения производственной и профессиональной, какие предложения приняты и проведены в жизнь администрацией и меры поощрения рабочих, выдвигающихся на совещаниях.

2. Формы руководства производственными совещаниями партийных и профсоюзных органов.

3. Выявление недостатков и больных уклонов работы производственных совещаний (вмешательство в административные дела, бесплановость, нерегулярность заседаний, слабое вовлечение рабочих, отсутствие учета опыта и наблюдения за выполнением постановлений, игнорирование специалистов).

4. Оценка работы производственных совещаний хозяйственниками, профсоюзами и самими рабочими.

Секретарь ЦК Ш в е р н и к

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2а, д. 472/1, л. 63.— Копия.

---

[1] См. «Производственный журнал», 1928, № 5, стр. 6.
[2] Число не проставлено.
[3] Здесь и далее курсив документа.

№ 2

Информационная сводка Организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б) о работе производственных совещаний

10 августа 1926 г.

I. Общая характеристика

За время своего существования производственные совещания прошли три основных этапа.

В первый, организационный, период производственные совещания имели наиболее быстрый темп развития как в отношении роста количества совещаний и комиссий на отдельных предприятиях, так и в области увеличения охвата этими совещаниями широкой рабочей массы.

Во второй период, в течение 1925 г., наблюдается почти повсеместное ослабление работы производственных совещаний: понижается посещаемость рабочих, собрания созываются менее регулярно, уменьшается плановость работы и т. п.

Основные причины такого ослабления работы наиболее четко определил IV пленум ВЦСПС:

«а) ослабление внимания к работе производственных совещаний со стороны профорганизаций и хозорганов;

б) перегруженность рабочих и профорганов различными кампаниями и собраниями;

в) организационные недостатки в постановке работ производственных совещаний;

г) недостаточное внимание к предложениям производственных совещаний со стороны хозорганов, невыполнение ими директивных указаний ВСНХ и других центральных руководящих хозорганов в области учета, премирования и осуществления без проволочек деловых выполнимых предложений со стороны рабочих» (Резолюция IV пленума ВЦСПС, «Труд» от 27/VI—26 г.).

В основном те же причины ослабления работы устанавливают и местные партийные комитеты, считая главными из них:

а) ослабление внимания профессиональных и партийных организаций к работе производственных совещаний;

б) пассивное отношение хозяйственников к работе совещаний и особенно затягивание или невыполнение ими решений совещаний (материалы Ленинградского комитета, Уралобкома, Свердловского, Бакинского, Екатеринославского, Кременчугского, Брянского, Ярославского, Саратовского, Ульяновского комитетов).

«Основной причиной ослабления работы надо считать недостаточное внимание к деятельности производственных совещаний со стороны производственных и партийных организаций и недостаточное содействие их работе со стороны хозорганов». (Постановление президиума Бакинского комитета от 3/III—26 г.).

«Профессиональные органы стали уже меньше уделять внимания руководству производственными совещаниями, а хозяйственники пассивно относятся к их работе. Поэтому массовая работа совещаний (в 1925 г.) ослабла» (Сводка Ленинградского комитета от 6/IV— [26 г.]).

В связи с ослаблением работы производственных совещаний в отдельных случаях стало наблюдаться сомнение в правильности существующих форм и методов массовой экономической работы союзов. «Стали разда-

ваться голоса о «кризисе» производственных совещаний»,— пишет Ленинградский губком. Однако вся работа производственных совещаний показала необоснованность подобных взглядов. Все местные парткомитеты признают в своих постановлениях жизненность этих форм работы, подчеркивая лишь необходимость устранения существующих недостатков. II Ленинградская межсоюзная конференция производственных совещаний «показала, что разговоры о „кризисе" не имеют под собой никакой почвы и что, несмотря на некоторое ослабление работы, производственные совещания целиком оправдали свое назначение» (Обзор Ленинградского комитета).

Наконец, IV пленум ВЦСПС признал, что производственные совещания «в достаточной мере доказали свое назначение в области оздоровления хозяйства».

Третий период своего развития производственные совещания переживают с началом текущего года после решений XIV партийного съезда о курсе на индустриализацию и особенно после директив партии о проведении режима экономии. Сосредоточение внимания партийных, профессиональных и хозяйственных органов на коренных хозяйственных вопросах дало своим результатом оживление работы производственных совещаний. Это начавшееся оживление отмечают комитеты: Ленинградский, Тульский, Брянский, Нижне-Тагильский, Сталинский, Луганский, Нижегородский, Кузнецкий, Верхнекамский, Вотский, Златоустовский, Екатеринославский, Артемовский и Новгородский.

Тульский губком пишет: «активность рабочих в последние месяцы падала. Значительное оживление и подъем в работу внесла проводимая партией кампания по борьбе за режим экономии».

В Брянске: «Со времени XIV партийного съезда участие рабочих в производственных совещаниях повысилось, причем это явление нельзя назвать случайным...» [1] (орган губкома «Коммунар», июль 1926 г.).

По предприятиям Нижне-Тагильского округа среднее число участников на одном совещании увеличилось с 28 до 60—70 чел., по Сталинскому округу с 42 до 53 чел., по Сорокинскому району Луганского округа с 60 до 80 чел.

Наиболее характерными в отношении начавшегося оживления работы совещаний являются данные по Ленинграду:

	% посещаемости рабочих к числу записавшихся	% предложений, оставшихся без ответа администрации
В I квартале 1925 г. . . .	37	5
» II » 1925 г. . . .	29	6,6
» III » 1925 г. . . .	25	12,1
» IV » 1925 г. . . .	24	15,4
» I » 1926 г. . . .	31,3	9

Обследование производственных совещаний по семи крупнейшим текстильным фабрикам также констатирует:

«Как правило, можно сказать, что в 1925 г. деятельность, самый созыв производственных совещаний ослабевает, а с февраля — марта 1926 г. вновь начинается оживление».

Однако эти данные следует рассматривать лишь как *начало оживления* совещаний после ослабления работы в предшествующий период: достигнутые результаты еще требуют закрепления, работа производственных совещаний еще страдает рядом крупных недостатков и, по сообщениям самих парткомитетов, не может быть признана достаточно развернутой.

[1] Отточие документа.

II. Структура производственных комиссий и совещаний

Положение о производственных совещаниях на предприятиях издано ВЦСПС в сентябре 1924 г. Директивой, еще более уточнившей работу производственных комиссий и совещаний, явилось Постановление Оргбюро ЦК в апреле 1925 г.

Эти директивы привели к тому, что частая смена форм, пестрота в построении (производственные кружки, группы, коллективы) сменились более или менее четкой организацией «производственных комиссий» и «производственных совещаний».

Однако и до сего времени *внутри этих основных форм массовой экономической работы профессиональных союзов в ряде случаев нет еще достаточной увязки и четкости.*

Построение комиссий. Количественный состав производственных комиссий колеблется от 3 до 43 чел. Так, например, производственные комиссии конструируются:

В Ленинграде	в количестве	от	3	до 15	человек
» Ярославской губернии	»	»	3	» 38	»
» Тверской »	»	»	7	» 34	»
» Артемовском округе	»	»	—	» 43	»
» Сталинском »	»	»	5	» 9	»
» Киевском »	»	»	—	» 11	»

Конструирование производственных комиссий также разнообразно:

а) в одних предприятиях они организованы *в порядке подбора и назначения фабзавкомами;*

б) в других — комиссии составлены на *основе представительства* от различных заводских организаций;

в) в третьих — *путем выбора* комиссий на общих собраниях рабочих;

г) в четвертых — комиссии составляются путем назначения представителей от заводских организаций и *выбора* представителей от рабочих (материалы Ленинградского, Тульского, Екатеринославского, Ярославского, Тверского, Артемовского, Грозненского, Нижегородского, Киевского, Костромского, Луганского комитетов, Уральской областной контрольной комиссии).

Примеры.

В Екатеринославском округе «достаточной ясности в построении не было. Бывали случаи выборов производственных комиссий на общих собраниях рабочих».

По Ярославской губернии «до сих пор наблюдается в отдельных местах неясность и разнообразие в их структуре.

В одних местах производственные комиссии составляются по принципу выборности, причем выбираются только рабочие, в других местах конструируются по принципу представительства. На отдельных предприятиях состав производственных комиссий утверждается делегатским или общим собранием рабочих».

В Ленинграде производственные комиссии «существуют на правах других комиссий фабзавместкомов...» [1].

В Сталинском округе «комиссии выделяются завкомом или шахтбюро из активных старых рабочих цехов, шахт, отделов, а также представителей администрации. До апреля месяца [1926 г.] комиссии выбирались».

В состав комиссий обычно входят представитель завкома или цеховой уполномоченный (он же председатель), представители администрации, ячеек ВКП и ВЛКСМ, техперсонала, инженерно-технических секций и

[1] Отточие документа.

рабочие от станка. По отдельным предприятиям есть отклонения от такой конструкции. Так, по некоторым предприятиям Твери (ситцевый, механический, ткацкий, хозяйственный отделы Пролетарской мануфактуры) *«вовсе не участвуют рабочие от станка»*. По Грозненскому округу «существовал ряд комиссий, в которых были представители администрации и не было рабочих, и наоборот». Уральская областная контрольная комиссия отмечает, что в общезаводских комиссиях не везде участвуют представители инженерно-технической секции.

В Артемовском округе: «в Горловке вместо производственной комиссии существует общерудничное бюро совещания в составе 26 чел. выборных от производственных совещаний с представительством от партийных и хозяйственных организаций».

Построение совещаний. В большинстве предприятий уже перешли к построению производственных совещаний по добровольному принципу. Совещание обычно состоит из членов производственной комиссии и добровольно участвующих рабочих, служащих и лиц административно-технического персонала (материалы Тульского, Екатеринославского, Нижегородского, Луганского комитетов, Уральской областной контрольной комиссии).

«Всякий рабочий, пришедший на совещание, считается его членом» (Сталинский окр.). Однако на отдельных предприятиях еще имеется стремление в той или иной форме закрепить состав участников совещаний:

а) в состав совещания включаются *члены проффбюро*, члены делегатского собрания или *местком в целом и все его комиссии;*

б) совещание конструируется из *выборных делегатов* от рабочих (по Горловскому рудоуправлению, Артемовский округ, «примерно от 50 трудящихся 1 член производственного совещания, причем при выборах сохраняется добровольное изъявление желания». В Кизеловских копях на Урале цеховое совещание выбирается по норме 1 делегат на 19—21 чел.);

в) из состава делегатских собраний рабочих выделяются *отдельные делегаты и прикрепляются* для постоянного участия в работах производственных совещаний, а остальные участвуют добровольно (отдельные предприятия Екатеринославского округа);

г) считается *обязательным присутствие* на совещании *технического персонала,* причем для рабочих участие остается добровольным (Тверская фарфоро-фаянсовая ф-ка, Луганские ж.-д. мастерские).

Ленинградская губернская конференция производственных совещаний признала совершенно неправильным существовавший на некоторых предприятиях *порядок закрепления* за производственными совещаниями *записавшихся рабочих.*

Увязка работы. Следует отметить также, что не везде еще достигнута увязка работы и разграничение функций производственных комиссий, совещаний, тарифно-нормировочных бюро, инженерно-технических секций.

Примеры.

«Не было достаточной ясности в отношении работы других комиссий: тарифно-нормировочное бюро инженерно-технической секции. Некоторые комиссии считают, что тарифно-нормировочное бюро должно руководить работой комиссий и отсылало им свои протоколы «на утверждение», с другой стороны, комиссии утверждали протоколы инженерно-технической секции» (Разработка Тверского губкома).

«Некоторые ячейки путают производственные с техническими совещаниями. Вообще нет положения о работе производственных комиссий и совещаний, а если были, то затерялись или плохо изучались» (Разработка Ярославского губкома).

«До сего времени нет еще правильного понимания функций производственных комиссий и совещаний, о чем говорят сами названия: «производственные секции», «технические собрания». Особенно это непонимание имеется на транспорте» (О работе производственных совещаний в Кузнецком округе. «Известия Сибкрайкома», июль [1926 г.]).

Имеются предприятия, где при наличии производственной комиссии не организуется производственного совещания или, наоборот, работают совещания без комиссий (Сообщения Уральской [областной] контрольной комиссии, Костромского губкома).

Наконец, имеются случаи, когда общие собрания рабочих называют производственными совещаниями (Костромской губком).

III. Привлечение рабочих к участию в производственных совещаниях

Охват рабочих совещаниями. ЦК признал: «Основной задачей производственных совещаний [на ближайший период является] привлечение всей рабочей массы предприятия к активному участию в важнейшей сейчас задаче,—поднятии его производительности и улучшении на нем всего состояния производства» (Из постановления Оргбюро).

В своем целом эта задача еще остается невыполненной, *сами парткомитеты признают участие рабочих в работе производственных совещаний недостаточным,* несмотря на некоторые достижения в связи с проведением кампании борьбы за режим экономии (материалы Ленинградского, Тульского, Екатеринославского, Бакинского, Нижегородского, Брянского, Артемовского, Нижне-Тагильского, Кузнецкого, Тверского, Верхне-Камского, Вотского, Златоустовского, Саратовского, Сталинского, Луганского комитетов).

Вследствие неудовлетворительной постановки дела учета работы производственных совещаний не может быть установлен общий охват совещаниями рабочих. По данным «Труда», «в среднем из общей массы рабочих, занятых на государственной промышленности всего СССР, в работу производственных совещаний втянуто около 10%» («Производственные совещания», «Труд» от 3/VI—26 г.).

В Ленинграде, где работа производственных совещаний развернута наиболее широко, численность рабочих, записавшихся для работы в совещаниях, доходит до 20% к общему их составу; по Ярославлю средняя посещаемость рабочих не превышает 15%; по Екатеринославскому округу она составляет 9,9%; по Кузнецкому округу (по общерудничным совещаниям) колеблется от 4 до 8% ко всему составу рабочих.

По отдельным предприятиям колебание процента участников рабочих еще более сильно. В одних случаях участие рабочих доходит до 50% ко всему их составу, и наоборот, в других опускается до одного процента и даже до 0,5%.

Характерные примеры (данные парткомитетов):

а) наибольшей посещаемости:

Сормовский завод (Нижегородская губ.)	56%
Оружейный завод (Тула)	28%
Завод «Профинтерн», по отдельным цехам (Брянск)	25—30%
Механический завод «Пролетарки» (Тверь)	12—46%
Ливенский солеварный завод (Верхне-Камский)	35%

б) наименьшей посещаемости:

Прядильная фабрика «Пролетарки» (Тверь)	2—8%
Фарфоро-фаянсовая фабрика (Тверская губ.)	0,5—1%
Металлургический завод (Нижний Тагил)	2,1%

Активность рабочих. *Общая активность* участников совещаний (выступление в прениях, подача записок) *еще не может быть признана достаточно широко развернутой* (материалы Тульского, Тверского, Нижегородского, Ленинградского, Артемовского, Харьковского, Екатеринославского, Костромского, Псковского, Луганского комитетов).

Екатеринославский окрком сообщает, что в прениях участвуют 10—15% участников, вопросы задают 5—8%.

В Твери «среднее число выступлений по докладам невелико (2, максимум 12), хотя наибольшее число присутствующих достигает 640 чел.».

На «Красном Октябре» в Нижнем [Новгороде] выступает в прениях 7—10 рабочих.

Наибольшую активность в работе производственных совещаний проявляют квалифицированные рабочие, затем низший технический персонал (материалы Сталинского, Тульского, Артемовского, Тверского, Нижегородского, Киевского комитетов).

Обследование семи крупнейших предприятий по союзу текстильщиков также констатирует, что «наиболее активной частью производственных совещаний являются рабочие и низший технический персонал».

Именно со стороны этих категорий участников выносится наибольшее количество практических предложений. Характерные примеры:

На фабрике «Пролетарка» в Твери из 115 внесенных здесь предложений 97 принадлежит рабочим, низшему и среднему техническому персоналу — 15, высшему — 3.

Тульский губком пишет: «Предложения идут главным образом со стороны квалифицированных рабочих и младшего технического персонала, высший и средний технический персонал дает усовершенствований меньше всего». На «Красном Сормове» из 266 предложений 31 внес технический персонал, остальные — рабочие.

Молодые рабочие, пришедшие из деревни, в работе производственных совещаний, особенно в первый период после своего поступления на завод, участвуют в крайне незначительной степени. И только после известной ассимиляции с производством их участие начинает несколько повышаться, оставаясь в общем все же недостаточным.

Уральская областная контрольная комиссия в материалах обследования пишет: «Слабое вовлечение рабочих в работу производственных совещаний объясняется прежде всего текучестью и непостоянством их состава на предприятиях, недостаточной подготовленностью их вообще, *особенно новых кадров, только что пришедших из деревни».*

Луганский окрком сообщает: «Участие сезонных рабочих совершенно слабое, в настоящее время *наблюдается увеличение активности со стороны ассимилировавшихся».*

Следует отметить, что подавляющее большинство парткомитетов ни в материалах изучения работы производственных совещаний, ни в своих директивах по этому вопросу не ставят совершенно задачи привлечения в совещания новых слоев рабочих.

Что же касается директивы партии о создании в производственных совещаниях *ядра активистов*, которое группировало бы вокруг себя широкие массы рабочих, то следует признать, что в подавляющем большинстве предприятий эта директива остается невыполненной. И только в отдельных случаях в процессе самой работы из среды участников совещаний выделяется наиболее активная группа, принимающая постоянное участие в работе совещаний, вносящая наиболее ценные предложения и активно участвующая в их обсуждении (материалы Уральской областной контрольной комиссии, Екатеринославского, Тульского, Нижегородского комитетов).

На заводе им. Петровского «удалось добиться в некоторых цехах постоянного участия в производственных совещаниях наиболее активной группы рабочих» (Екатеринославский округ).

На Урале «цеховые и общезаводские производственные совещания не имеют постоянной группы добровольцев-активистов. Только на Лысьвенском заводе есть относительно постоянная группа рабочих».

Участие женщин и подростков. Все парткомы констатируют, что *женщины-работницы в производственных совещаниях принимают крайне слабое участие* (материалы Ленинградского, Луганского, Ярославского, Тверского, Нижегородского, Кузнецкого, Тульского, Костромского, Харьковского комитетов, Уральской областной контрольной комиссии).

Наиболее высокий % участия женщин — по Ленинграду, где из состава 44 933 чел., записавшихся для работы в производственных совещаниях, женщин — 13 059, или 29—30%. По другим районам Союза мы имеем значительно меньший % участия женщин. Например, по Кузнецкому округу «в 16 производственных комиссиях и совещаниях их посещаемость не достигает 3% к их количеству в производстве и составляет 2% участвующих».

Так же слабо участие женщин и в работе производственных комиссий:

	Количество производственных комиссий	В них участвует женщин	% к общему количеству участников
Нижегородская губ.	448	156	14
Екатеринославский округ	149	76	9
Тула	51	14	2,6
Краснозаводской райком (Харьков)	—	—	5,5
Константиновский завод (Артемовский окр.)	—	—	8

Из 14 производственных комиссий крупнейших предприятий Тверской губ. только в 3 комиссиях участвуют женщины, «их участие ничтожно».

Участие подростков всеми парткомитетами признается также слабым, причем основной причиной этого является недостаточная подготовленность подростков и слабое, сравнительно со «старыми», квалифицированными рабочими, знание производства.

Слабую активность молодежи констатируют также и профорганы (материалы обследования семи текстильных предприятий, 6 химических и др.).

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2а, д. 472/1, лл. 52—61.— Копия.

№ 3

Сведения ВЦСПС о деятельности производственных совещаний, посланные в Организационно-распределительный отдел ЦК ВКП(б)

Не ранее июля 1927 г. [1]

В дополнение к докладу, представленному в ЦК ВКП(б) в .... [2] *месяц* [3], сообщаем некоторые новые сведения, разработанные по статистическим материалам ВЦСПС и ЦК союзов. Надо при этом оговориться,

[1] Датировано по содержанию документа.
[2] Отточие документа.
[3] Упомянутый доклад не обнаружен.

что формы ВЦСПС были введены на местах в 1926/27 г. впервые, методология подсчетов в предприятиях еще не совсем усвоена, вследствие чего приводимые данные могут считаться лишь примерами. Кроме того, следует иметь в виду, что отчетность ВЦСПС не сплошная, а выборочная (крупнейшие предприятия). Этим объясняется сравнительно небольшой охват учтенных предприятий.

I

В вышеупомянутом докладе утверждалось:

1. *Имеется рост сети, охвата производственных совещаний.*

2. *Центр тяжести работы определенно переносится в цеха.*

Иллюстрируем это цифрами по отдельным союзам.

Года $1^1/_2$—2 тому назад союзы только начали переходить от *общезаводских* производственных совещаний к *цеховым совещаниям* в целях приближения их к рабочим массам.

Современное состояние работы явствует из следующего:

Союз металлистов. В подсчет вошло 227 предприятий с 406 455 рабочими. Сведений о том, во скольких из них (и с каким числом рабочих) были совещания, не имеется. Поэтому показанный % вовлечения преуменьшен.

Участников общих заводских производственных совещаний показано 31 533, или 7,8%, а участников цеховых совещаний — 148 154, или 36,5%.

Союз текстильщиков (За I полугодие 1926/27 г.). Сведения об общезаводских совещаниях имеются по 49 фабкомам, объединяющим около 160 000 рабочих. В этих общезаводских совещаниях участвовало 11,2% всех работающих. О цеховых совещаниях есть сведения по 68 фабкомам, объединяющим 266 502 чел., в этих совещаниях участвовало 17,1% всех работающих. Таким образом, главная работа происходила именно в цехах; в заводских производственных совещаниях участвовало 17 954 чел., а в цеховых 45 526, т. е. через цеховые производственные совещания прошло рабочих в $2^1/_2$ раза больше, чем через общезаводские производственные совещания. Так как в первом полугодии 1925/26 г. отчетность ВЦСПС еще не была введена, то сравнительную картину можно дать лишь по небольшому числу предприятий, где учет все же велся.

По данным фабкомов, охватывающих 35—38 тыс. человек, в производственных совещаниях участвовало человек:

	В общезаводских производственных совещаниях	В цеховых производственных совещаниях	То же в %% к общему числу работающих в предприятиях	
			Общезаводские производственные совещания	Цеховые производственные совещания
В I полугодии 1925/26 г.	1426	3892	4,1	11
В I полугодии 1926/27 г.	3109	7792	8,1	20

Переход работы в цеха совершенно ясен и из того обстоятельства, что по указанным предприятиям в I полугодии 1925/26 г. было 7 общезаводских совещаний и 45 цеховых, а в I полугодии 1926/27 г. 7 общезаводских совещаний и 120 цеховых.

Союз химиков (За I полугодие 1926/27 г.). Та же картина наблюдается по союзу химиков. По данным о 32 предприятиях с охватом в

69 600 чел., в I полугодии 1926/27 г. в общезаводских производственных совещаниях участвовало 7845 чел., или 11,3% от общего количества рабочих, а в цеховых производственных совещаниях, по данным 26 предприятий с 58 400 рабочих, участвовало 16 900, или около 29% всех работающих в этих предприятиях.

Примечание: Вследствие особенностей подсчетов по союзу химиков возможно, что % вовлечения преувеличен, но во всяком случае картина соотношения общезаводских и цеховых совещаний правильна.

Кроме того, наблюдается упадок работы производственных совещаний на военных заводах.

Сравнительные данные по одним и тем же предприятиям имеются лишь по 15 предприятиям с охватом в 25—30 тыс. чел.; в них участвовало:

	В общезаводских совещаниях	В цеховых совещаниях	То же в %% к общему числу работающих на предприятиях	
			общезаводские	цеховые
В I полугодии 1925/26 г.	—	8076	8	26
В I полугодии 1926/27 г.	3153	11417	12	45

Союз горняков. По союзу горняков у нас имеются сведения по Донбассу и Криворожью за ряд лет:

	1923	1924	1925	1926	I квартал 1927
Число участников производственных совещаний	20 174	47 349	48 799	86 765	41 300
На одно совещание приходится человек	16	27	40	47,4	Нет сведений

И этот рост — главным образом шахтных совещаний; процесс роста продолжается в течение 1926 г., и есть основание думать, что дело отнюдь не ухудшилось в 1927 г.

Число участников на 1 шахтное совещание:

	Донбасс	Южно-Рудный трест
I квартал 1926 г.	38	37
IV квартал 1926 г.	62,4	63,8
Рост в %	+64%	+70%

Что эта картина не случайна, можно убедиться из данных по ряду трестов, дающих одну и ту же картину.

Число участников на 1 шахтное совещание (по трестам):

	Донуголь	Югосталь	Химуголь	Транспорт	Укрсоль
I квартал 1926 г.	30,2	58,5	36,9	43	36,3
IV квартал 1926 г.	52,9	94,8	57,0	54,5	57,1
Рост в %	+70	+60	+65	+27	+57

Ленинград. Дополним общую картину сведениями по Ленинграду, где массовая экономическая работа проходит особо активно.

За I полугодие 1926/27 г. по 9 индустриальным союзам в 260 предприятиях, охватывающих 229 000 чел., цеховые совещания созывались в 131 крупнейшем предприятии с 209 000 чел. За полгода участвовало в цеховых совещаниях 110 тыс. чел. По каждому цеху было созвано в среднем 2,8 совещания. Посещаемость цеховых производственных совещаний от 25 до 60% всех работающих в них. Что касается общезаводских совещаний, то на крупных предприятиях они себя изживают, заменяясь общезаводскими производственными конференциями (по 260 предприятиям за ½ года — 457 общезаводских производственных совещаний, или 1,8 собрания на предприятие).

Приведенные данные позволяют утверждать, что в области развития сети производственных совещаний и вовлечения в них рабочих достигнуты большие успехи. Конечно, это не означает, что успехи сплошные. По ряду местных профорганизаций, по ряду предприятий наблюдается и застой и даже упадок работы, что отнюдь не может изменить общей картины роста союзной массовой экономической работы.

II

В докладе ВЦСПС утверждалось:

Активность рабочих на производственных совещаниях растет, увеличивается число вносимых предложений.

В настоящее время данные статистических разработок подтверждают и эти положения.

Союз текстильщиков. По данным о 86 фабкомах, объединяющих 291 900 чел., в течение I полугодия 1926/27 г. было передано администрации 7458 предложений, или на 1000 рабочих 26 предложений. Примерно 75% всех предложений поступило от цеховых совещаний.

Сравнительные данные имеются по предприятиям, охватывающим в общем около 35 000 чел.; из них видно, что передано предложений:

	От общезаводских производственных совещаний	От цеховых производственных совещаний	Всего
В I полугодии 1925/26 г.	62	292	354
В I полугодии 1926/27 г.	55	940	995

Таким образом, совершенно ясен не только огромный рост активности рабочих, но и источник этого роста — перенесение работы в цеха и развитие цеховых производственных совещаний.

Достигнутые результаты следует считать далеко недостаточными. Это явствует из той пестроты, которая наблюдается по отдельным организациям. Имеются предприятия, где работа почти вовсе отсутствует: в Брянске на одном предприятии с 1329 рабочими за $^1/_2$ года передано заводоуправлению лишь 1 предложение. Считая на 1000 человек, по учтенным тамбовским предприятиям — 8 предложений; по Азербайджану — 7 предложений; по калужским — 33 предложения; белорусским — 32; ульяновским — 41; по Красавинской ф-ке — 69; по ярославским, тверским, московским, иваново-вознесенским — 32 предложения; по ленинградским — 20 предложений.

Следует отметить, что на *80—90%* предложения исходят от *рабочих*, но и здесь картина пестрая: по Москве инициатива технического персонала и служащих наиболее развита (30% предложений). Меньше развита она в Иваново-Вознесенске (17% предложений); по Ленинграду, Ярославлю, Твери, Тамбову, Украине — 6,9%, по Азербайджану и Калуге — 0.

Описанная пестрота указывает на то, какая огромная работа еще предстоит союзам по выявлению активности рабочих и вовлечению в нее инженерно-технического персонала.

Союз химиков. По данным о 35 предприятиях с 74 000 рабочих, за I полугодие 1926/27 г. передано предложений — 2201, в том числе от общезаводских совещаний — 727 и от цеховых — 1360 предложений (по 114 предложениям нет сведений); 87% всех предложений внесено рабочими.

Сравнительные данные имеются лишь по 15 предприятиям с 25—30 тыс. рабочих. Эти данные свидетельствуют, что по учтенным 15 предприятиям имеется упадок активности, так как в I полугодии 1925/26 г. было передано в них 1308 предложений, а в 1926/27 г. лишь 981 предложение. Эти данные, требующие проверки, в данное время в срочном порядке проверить не представляется возможным, так как работу по проверке можно произвести только на месте. Но во всяком случае можно указать:

1) что работа на военных учтенных заводах упала;

2) на итоги повлияли цифры по «Красному Треугольнику» в Ленинграде.

Союз горняков (Донбасс). За 1926 г. по Донбассу внесено 7480 предложений, в том числе за I квартал 1926 г.— 1340 предложений, за IV квартал 1926 г.— 2155 предложений, за I квартал 1927 г.— 2717 предложений.

Это количество предложений показывает довольно сильный рост активности рабочих; последняя видна также из того, что в I квартале число выступавших на производственных совещаниях составляло 11% общего количества участников совещаний.

Ленинград. По 9 союзам (260 предприятий — 209 000 рабочих) в I полугодии 1926/27 г. было передано администрации 11 868 предложений, в том числе от общезаводских производственных совещаний — 2901 предложение и от цеховых — 8692 предложения (остальные 375 не распределены), т. е. в среднем в 1 месяц — 1978 предложений, что дает рост по сравнению с предыдущим $^1/_2$-годовым периодом на 13%.

По 9 союзам различных районов СССР. Массовая производственная инициатива рабочих измеряется, как видно из многочисленных приведенных цифр, тысячами и десятками тысяч внесенных предложений.

Приведем в заключение еще пару цифр.

По 9 индустриальным союзам, по учтенным в разных районах СССР *437 предприятиям* с охватом *820 000 человек*, число переданных администрации предложений составляет внушительное число *31 312 предложений* (38 предложений на 1000 рабочих) за $^1/_2$ года.

III

В докладе ВЦСПС сообщалось, *что качество работы производственных совещаний улучшается (большая деловитость и конкретность предложений) и что вместе с тем улучшается отношение хозорганов к предложениям производственных совещаний (принятие и исполнение предложений).*

Время, когда приходилось говорить об общей невнимательности хозорганов к предложениям совещаний, уже за нами. В настоящее время речь идет об отдельных хозорганах, отдельных предложениях, отдельных хозяйственниках.

Приводим данные по союзам.

Союз текстильщиков. Из 7458 переданных предложений (см. выше) хозорганами выполнено 83% полностью и 4% частично. Из остальных 13% отклонено или оставлено без ответа только 6%, остальные находятся еще в стадии рассмотрения или согласования. По учтенным предприятиям Москвы выполняется 93—94% переданных предложений, по Ленинграду — 89%, Украине — 90%, нижегородским предприятиям — 93% (64% полностью и 32 частично). Хуже обстоит дело в Костроме — 58% полного выполнения и 21% частичного, в Татарской республике — 35% полностью и 40% частично, [по] уральским предприятиям — 33% полностью и 29% частично; владимирским — 46% полностью и 25% частично; в Тамбове — 80% (69% полностью и 11% частично), в Смоленске — 94% (67% полностью и 27 частично). Все же несомненно, что и на этом фронте имеются громадные достижения партии и профсоюзов, так как столь высокий % выполнения (при всех поправках на возможное преувеличение результатов) мог быть достигнут только при двух условиях — улучшении качества предложений и улучшении общего внимания хозорганов к предложениям рабочих.

Сравнительные данные имеются по немногим предприятиям, охватывающим 35 000 чел.; в них мы имеем:

	В %% исполнено предложений			Отклонено вовсе	В стадии рассмотрения
	полностью	частично	итого		
За I полугодие 1925/26 г.	80	2	82	10	8
За I полугодие 1926/27 г.	76	14	90	7	3

Союз химиков (в течение I полугодия 1926/27 г.). Из учтенных 2201 предложения (см. выше) хозорганами принято 80% полностью и 2 частично. Отклонено 6%. Из принятых $^3/_4$ выполнено полностью (75%) и частично выполнено еще 7—8%. Остальные в отчетном периоде не были выполнены. Сравнение выполнения числа принятых хозорганами предложений в I полугодии 1926/27 г. с I полугодием 1925/26 г. (по 15 предприятиям с охватом 25—30 тыс. чел.) показывает некоторый упадок в 1926/27 г. процентов на 5.

Тот же упадок имеется в этих предприятиях и в отношении выполнения предложений процентов на 10.

Союз горняков (Донбасс). Из учтенных 7480 предложений за весь 1926 г. проведено в жизнь 58%.

В I квартале 1927 г. принято из переданных 2717 предложений 95%, а выполнено 60% (в I квартале 1926 г. было выполнено 65%).

Установить, в чем причина невыполнения — в характере предложений, в невнимательности хозоргана, по материалам ЦК союза невозможно. Возможно, что для части предложений и не истек еще срок выполнения.

Ленинград. По вышеуказанным (в главах I и II) предприятиям из 11 868 предложений принято администрацией 75%, отклонено 7%, в стадии согласования и без ответа 18%. Из принятых предложений выполнено полностью около $^2/_3$ (65%) и частично около 14% (не выполнено вовсе из принятых предложений примерно $^1/_5$). За предыдущий $^1/_2$-годовой период среднее выполнение принятых предложений составляло только 47%.

По 9 союзам. В предприятиях, учтенных в разных районах СССР (см. выше главу II), из переданных хозорганам в I полугодии 1926/27 г. 31 312 предложений было принято администрацией 76,6% полностью и 3,6% частично (всего 80,2%). Некоторый % будет еще принят из числа предложений, находящихся в стадии рассмотрения. Отклонено 6,6%.

Из числа принятых предложений выполнено полностью или частично 67,2%, т. е. около $^2/_3$, не выполнено $^1/_3$.

Если исключить из подсчета союз металлистов, то % принятых предложений поднимется до 85% всех переданных предложений, а % выполненных из числа принятых до 77%.

IV

О поощрении рабочей производственной инициативы

22 января 1927 г. было распубликовано ВЦСПС и ВСНХ СССР «Положение о фондах содействия рабочему изобретательству и усовершенствованию». До этого фондов, кроме Ленинграда и редких отдельных пунктов, не было вовсе. Премирование применялось из оборотных средств и крайне редко.

Союз текстильщиков. Из 63 предприятий, учтенных в I квартале 1927 г., календарные фонды были созданы на 25, с суммой в 52 000 руб. Но премий было выдано еще очень мало: 47 лицам на сумму 3225 руб.

Целый ряд организаций: Кострома, Ульяновск, Калуга, Украина и др., не показывают сведений даже о премировании, не говоря уже о фондах.

Союз химиков. К концу I квартала календарного 1927 г. на учтенных предприятиях фондов еще не было. Премирование употреблялось из оборотных средств. Число лиц, получивших премии, 87 чел. на сумму 9677 руб., размер премий от 15 до 500 руб.

Ленинград.

За весь 1925 г.	344	премии на	31 202 р.	в среднем в мес.	2600	руб.
За 9 мес. 1926 г.	278	» »	26 527 »	» » » »	2947	»
За 6 мес. 1927 г.	537	» »	31 912 »	» » » »	6152	»

Фонды созданы в большом количестве предприятий. Цифровых сведений нет. Премии доходили и до 1000 руб.

Есть основание думать, что в разных районах СССР главное развитие фондов имело место уже во II полугодии 1926/27 г.

Следует отметить, что организация фондов, несмотря на единодушно положительную оценку их со стороны рабочей массы, идет слишком мед-

ленно как по вине хозорганов, так и вследствие невнимательности союзов. Премирование рабочих также развивается слишком туго даже при наличии фондов, а там, где оно все же практикуется, премии выдаются лишь за некоторые из технических усовершенствований и изобретений, несмотря на то, что, вопреки неоднократно повторенным директивам, премированию подлежат все целесообразные предложения рабочих, способные внести улучшение в производство.

V

О составе производственных комиссий

Перенесение центра тяжести массовой экономической работы дало, помимо вышеуказанных результатов, еще и следующие:

1. В 3 раза увеличилось число лиц, вовлеченных в работу производственных комиссий.

В 437 предприятиях (9 индустриальных союзов), объединяющих 820 000 чел., в общезаводских комиссиях было 6110 членов, в цеховых же комиссиях имеется 13 080 чел.

2. Понятно, что увеличение охвата комиссий произошло главным образом за *счет рядовых рабочих*. Мало того, интересно отметить, что через *цеховые комиссии* увеличился % вовлеченных в экономическую работу *женщин*.

В общезаводских комиссиях имеется 36,8% членов фабкома и работников низовой профсети (делегаты и т. д.), высшего, среднего, инженерно-технического и административного — 26,5%, а рядовых рабочих — 28,8%; в цеховых комиссиях профактива только 23,1%, инженерно-технического и административного — 18,5%, а рядовых рабочих — 48,5%.

В общезаводские производственные комиссии конторского и обслуживающего персонала входит 6,6%, а в цеховые — 9,3%.

Женщин в общезаводских комиссиях — 16,2%, в цеховых — 20,5% [1].

Молодежи как в тех, так и в других комиссиях около 8% [1]. Комсомольцев — около 5,5% [1], партийцев — [в] общезаводских комиссиях — 35,5% [1] и в цеховых — 30,2% [1].

VI

Учета числа и состава производственных конференций, производственных выставок, учета изобретательства в ВЦСПС не ведется. Общее состояние вопроса отмечено в нашем докладе ЦК ВКП(б). В том же докладе даны итоги опыта организации временных контрольных комиссий. В настоящее время опыт организации контрольных комиссий решено расширить до 2000 предприятий.

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 32, д. 44, лл. 274—278.— Копия.

№ 4

Информационный обзор Организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б) о производственных комиссиях и совещаниях

21 ноября 1927 г.

По данным центральных профсоюзных и хозяйственных органов и по данным выборочного обследования Организационно-распределительного отдела ЦК, имеется развитие и улучшение работы производственных совещаний.

[1] Без металлистов и деревообделочников, по которым сведений не имеется.— *Примечание документа.*

I. Количество совещаний и организационные вопросы

До самого последнего времени проходил рост числа производственных совещаний. В отчете Московского комитета приводятся данные Московского губернского совета профессиональных союзов:

1) с 1/I—26 г. по 1/I — 27 г. число производственных совещаний выросло на 530;

2) к октябрю 1927 г. насчитывается в Московской губ. 1779 совещаний и комиссий, не считая подкомиссий в цехах.

В Ленинграде по девяти производственным союзам:

1/X—26 г.— 252 совещания, 1/IV—27 г.— 260 совещаний.

Можно смело заключить, что в настоящее время производственные комиссии и совещания имеются во всех цехах основных предприятий, в том числе и в тех, где не имеется цеховых профбюро. По материалам выборочного обследования, только на одном предприятии Х[арьковского] п[аровозостроительного] з[авода] в цехах созданы только подкомиссии, которые вносят свои предложения на общезаводские производственные совещания, и нет цеховых совещаний. Не везде организационно оформлено в цеху отдельно производственная комиссия и производственное совещание. В общезаводском масштабе на крупных предприятиях общезаводские производственные совещания нередко заменяются производственными конференциями. Центр тяжести работы, как правило, что будет доказано ниже, уже перенесен в цех. По линии производственных совещаний эта директива заметно выполнена.

В основном, в 1927 г. производственные комиссии и совещания начали работать регулярно. По данным о числе заседаний по группе предприятий Москвы, Тулы, Нижнего [Новгорода], Днепропетровска, Харькова:

1. Увеличение количества заседаний по сравнению с прошлым (по 10 трестам Москвы за IV квартал 1925/26 г. было 93 заседания цеховых производственных комиссий, за I квартал 1926/27 г.— 106).

2. Большая регулярность общезаводских и цеховых комиссий. Почти везде собираются не реже 1 раза в месяц. Несколько реже созываются цеховые производственные совещания: Днепропетровск — завод [им.] Ленина за 9 мес. 1927 г.— 13 заседаний общезаводской комиссии, завод [им.] К. Либкнехта за тот же срок — 11 заседаний общезаводских комиссий, завод им. Петровского — 13 заседаний, цеховых [производственных] комиссий за этот же срок по 6—7 раз, Нижний Новгород — Сормовский завод — 3 заседания общезаводской [комиссии], по 5 заседаний цеховых комиссий, ф-ка «Красный Октябрь» по 8—10 заседаний цеховых комиссий и т. д. Общезаводские производственные конференции там, где они проводятся, собираются не реже 1 раза в 3 месяца.

II. Вовлечение рабочих в работу производственных совещаний

Имеется рост вовлечения рабочих на совещания за последний год.

Москва. У металлистов на 48 предприятиях число участников выросло с 3884 чел. до 5442 чел.— на 40%.

По 10 трестам Москвы имеются следующие сравнительные данные:

	IV кв. 1925/26 г.	I кв. 1926/27 г.
Участников производственных общезаводских комиссий	3058 (по 12 на 1 засед.)	3261 (по 14 на 1 засед.)
Участников производственных	совещаний 3255 (по 39 на 1 засед.)	4535 (по 53 на 1 засед.)
Участников производственных	цеховых комиссий 522 (по 5 на 1 засед.)	865 (по 8 на 1 засед.)

(Отчет Московского комитета XIV губконференции)

По 91 предприятию на 1 цеховое совещание приходится участников во 2-м полугодии 1926 г.— 67 чел., в I квартале 1927 г.— 88 чел.— 30%.

На фабрике «Красный Богатырь» приходится в среднем:

На 1 заседание общезаводской производственной комиссии	23	участника
» 1 » » » совещания	350	чел.
» 1 » цеховой » комиссии	17	чел.
» 1 » » » совещания	80	чел.
На производственной конференции около	1600	чел.

Ленинград. Посетило цеховые производственные совещания:

1-е полугодие 1925/26 г.	74 500 чел.	
2-е полугодие 1925/26 г.	84 000 чел.—	38 чел. в среднем на 1 совещание
1-е полугодие 1926/27 г.	110 000 чел.—	46 чел. в среднем на 1 совещание

В 1926 г. участвовало в совещаниях 18% рабочих, в 1927 г.— 1-е полугодие — 24%.

Нижний Новгород. Среди рабочих, объединяемых Нижегородским райкомом [профсоюза] металлистов, посетило производственные совещания:

За 15 мес. 1925/26 г.	15 881 чел.
За 13 мес. 1926/27 г.	24 758 чел. (рост на 64%)

По данным Сормовского завкома, участвует в производственных совещаниях около 17% рабочих.

В среднем на 1 цеховом совещании по другим предприятиям колеблется участие от 10—12 чел. до 30—50.

Рост посещаемости производственных совещаний на тульских заводах за год — 13%.

Днепропетровск. На заводе им. Петровского на цеховых производственных совещаниях (18 цехов) за 3 месяца присутствовало 4880 чел., по 57 участников на 1 цеховое совещание.

На заводе им. Либкнехта участники производственных совещаний составляли в 1925/26 г. 11,85% рабочих и составляют в 1926/27 г. 15,85% рабочих.

По данным Крыма, посещаемость производственных совещаний по по ряду заводов 6—7% к числу рабочих.

В Харькове участие рабочих также невысоко.

Рост участия рабочих в работе совещаний характерен для всех районов. В то время как за 1926 г. считалось примерно в среднем вовлеченных в производственные совещания 10% рабочих, в настоящее время в ряде районов и предприятий характерной является цифра в 15%. В Ленинграде вовлеченных 24%, на отдельных предприятиях в Туле — 20%. Отстают Харьков и Днепропетровск, где на ряде предприятий вовлечено меньше 10% рабочих.

Цеховые производственные совещания все больше становятся формой вовлечения широких масс рабочих в производственную работу. Производственные комиссии и совещания имеют значительные достижения в отношении роста своего актива. Выросло число членов производственных комиссий за счет организации их во всех цехах и увеличения их количественного состава (до 7—9 и до 13—15 чел.). Кроме членов комиссии, на предприятиях естественно выделяется ядро производственных совещаний из рабочих, не избранных в комиссии, но принимающих постоянное систематическое участие в работе производственных совещаний. К производ-

ственному активу следует отнести и изобретателей-рабочих, кадр которых заметно растет.

Имеются следующие выборочные данные о росте актива производственных совещаний:

Завод «Красное Сормово»: на 18 400 рабочих имеется 996 чел. актива организованных совещаний, из них членов производственных комиссий — 354 (было в 1926 г. 247) и не членов комиссий, активно работающих в совещаниях — 612 чел.

Ф-ка «Красный Октябрь» в Канавине: на 3700 рабочих — 185 чел. актива производственных совещаний, из них членов комиссии — 85 чел. (было в 1926 г. [1]) и 100 рабочих активных участников совещаний.

В Днепропетровске на заводе им. Ленина в активе производственных совещаний — 17 чел. (56 членов комиссий и 115 активных участников совещаний).

Как и отмечалось в прошлом, в составе производственного актива основная масса — рабочие с большим производственным стажем. Молодой состав вовлекается слабее.

Достаточно велико в большинстве случаев участие коммунистов в работе производственных комиссий и совещаний. Можно привести следующие цифры.

На заводе «Красное Сормово» коммунистов 42% в производственных комиссиях и 33% в составе всего актива производственных совещаний.

На заводе «Красная Этна» (Канавино) — коммунистов около 80% в производственных комиссиях.

На Х[арьковском] п[аровозостроительном] з[аводе] (Харьков) — коммунистов около 20% в производственных комиссиях.

На заводе [им.] Либкнехта (Днепропетровск) — коммунистов 20% в производственных комиссиях.

На заводе «Дукс» (Москва) — коммунистов 50% в производственных комиссиях.

На фабрике «Красный Богатырь» (Москва) — коммунистов 25% в производственных комиссиях.

На совещаниях партийцы нередко также участвуют на 40%. Надо считать, что участие коммунистов достаточно высоко, с другой стороны, в ряде мест очень высокий процент коммунистов характеризует недостаточное вовлечение беспартийных рабочих.

Есть отдельные показатели, свидетельствующие о меньшем участии административно-технического персонала в работе производственных комиссий и совещаний. По Москве есть данные о росте этого участия.

По 10 трестам участвовало в работе производственных комиссий и совещаний:

в IV квартале 1925/26 г. . . .	25%	всего состава административно-технического
в I квартале 1926/27 г. . . .	47,5%	» » » »

По крупнейшим предприятиям в числе членов производственных комиссий и в производственном активе административно-технический персонал составляет примерно 10—15% их состава:

завод им. Петровского — на 4880 участников производственных совещаний в 18 цехах завода приняло участие 555 человек административно-технического персонала, или 11%, из них высшего административно-технического состава 165 чел. (3,5%);

[1] Число не проставлено.

завод «Красное Сормово» — из 996 чел. актива производственных совещаний — 143 чел. из административно-технического состава — 14%;

на заводе «Красная Этна» в Канавино — в составе производственных комиссий 14% административно-технического персонала;

на Х[арьковском] п[аровозостроительном] з[аводе] — больше 20%;

на заводе им. Либкнехта увеличилась посещаемость производственных совещаний административно-техническим персоналом на 15—17% (было 37% участников, стало 52,47%).

До половины специалистов — активные участники производственных совещаний, их прослойка на 10—15% в составе комиссий и в активе говорит о несомненном сдвиге в сторону вовлечения администраторов и техников в эту сторону. На предприятиях в Харькове заметен перегиб, когда производственные совещания почти только в руках администраторов и техников (участие на 25 и больше процентов).

III. Содержание работы производственных совещаний

Оно характеризовалось следующим образом в записке Организационно-распределительного отдела, подводившей итоги за 1926 г.:

«Число вопросов, разбираемых на цеховых совещаниях и комиссиях, довольно значительно. Объясняется это обсуждением большого количества мелочных вопросов производства. Задачи рационализации вызывают в последнее время переход к крупным вопросам. Пока они главным образом отчетного и общего характера (итоги проведения режима экономии, задача рационализации и т. д.). На наиболее передовых предприятиях начинают ставиться и отдельные конкретные вопросы рационализации. Этот намечающийся переход *от случайных вопросов к плановым и конкретным необходимо* в связи с задачами рационализации закрепить и ускорить.

Изучение содержания работы производственных совещаний показывает, что много вопросов, интересующих рабочую массу, на них не обсуждается. Из вопросов техники более всего обсуждаются вопросы машинизации, качества материала и инструмента, снабжения; почти нет (даже там, где это проводится) обсуждения вопросов специализации заводов и мастерских, рационализации теплосилового хозяйства, организации конвейерной системы, массового и серийного производства, стандартизации. Из вопросов организации труда очень много обсуждается вопросов трудовой дисциплины, прогулов, сокращения рабочих; мало вопросов об условиях труда, его нормировании. Вопросы перегруппировки и сокращения рабочей силы, вопросы изменения характера работы различных по квалификации категорий рабочих, вопросы влияния рационализации на зарплату рабочих и т. д., остро волнующие рабочую массу, также мало обсуждаются. Вопросы административно-хозяйственного управления, несмотря на огромный интерес к ним рабочих, болезненно реагирующих на вопиющие извращения в этой области (раздутые штаты, командировки, канцелярская волокита) обсуждаются очень мало».

Краткий обзор содержания работы производственных совещаний по ряду предприятий выборочного обследования дает примерно одинаковую картину некоторого улучшения. Это, безусловно, связано с тем, что в 1927 г. проводилась кампания за рационализацию производства, в совокупности решено большее число вопросов и предложений. Это выражается в том, что всю основную работу ведут цеховые производственные комиссии и совещания, что в самом содержании работы гораздо меньше организационных вопросов (это свидетельствует об организационном укреплении), вопросы ставятся конкретно, и на ряде предприятий при по-

становке вопросов создаются комиссии для их предварительной проработки либо даются поручения отдельным товарищам детально изучить тот или иной вопрос (на заводе им. Ленина в Днепропетровске производственные совещания организовали в 1927 г. 26 специальных подкомиссий с привлечением 135 товарищей; на ф-ке «Красный Октябрь» в Нижнем Новгороде целому ряду товарищей поручено было наблюдение за работой станков в связи с простоями).

Если в прошлом обсуждение вопросов организации труда охватывало главным образом вопросы трудовой дисциплины, прогулов, сокращений рабочих, то в этом году на ряде предприятий стоят вопросы нормирования труда, уплотнения рабочего дня, улучшения приемов работы и др. (на заводе [им.] К. Либкнехта из 132 решенных вопросов было обсуждено 30 вопросов, касающихся уплотнения рабочего дня, улучшения приемов работы, улучшения обстановки труда; на заводе «Красное Сормово» из 962 решенных вопросов 430 вопросов экономии рабочего времени и улучшения условий труда).

При анализе содержания работы комиссий и совещаний можно заключить, что на них разбираются не только вопросы, связанные с резко отрицательными моментами [1] в производстве... [2]

В Днепропетровске рабочими внесен 91% всех предложений.

Улучшение качества предложений выражается в некотором росте премирования и рабочего изобретательства. Директива о выделении специального фонда премирования в $^1/_{15}$% фонда зарплаты проводится в жизнь, увеличилась сумма выданных за последний год премий, хотя еще не достаточных по размерам, и в ряде случаев премии выдаются нерационально.

На тульском заводе в 1925/26 г. выдано премий 3725 руб., за 9 мес. 1927 г.— 12 270 руб. (премировано 258 чел.); по неполным данным нижегородского райкома металлистов, за 1926/27 г. премировано 30 предложений на 2700 руб.; по Ленинграду за 1925 г. выдано 344 премии на сумму 31 200 руб., за 9 месяцев 1926 г.— 273 премии — 26 527 руб., за 6 мес. 1927 г.— 537 премий — 36 912 руб.; по 20 основным предприятиям Выборгского района [Ленинград] за II и III кварталы 1926 г. выдано 26 премий — 1617 руб., за I и II кварталы 1927 г.— 51 премия — 2962 руб.; по заводам Югостали в Днепропетровске за 71 предложение, дающее экономию в 240 тыс. руб., выдано премий 4981 руб. (при этом есть случаи неправильного распределения премий: за изобретение, дающее экономию 7800 руб.,— 250 руб.); на заводе «Красный Путиловец» за полугодие 1927 г. премировано только 10 изобретений на сумму 865 руб.

На некоторых заводах в Нижнем Новгороде имеются кружки изобретателей, но достаточной работы с ними не ведется; в большинстве предприятий нет кружков и нет учета изобретателей.

На заводе «Дукс» в Москве имеется 30 изобретателей (41% рабочих, 28% мастеров, 31% технического персонала).

На предприятиях организованы экспертные комиссии, но работа их не везде развернулась. На заводе «Красное Сормово» через комиссии прошло 18 изобретений, из них только 3—4 от рабочих.

V. Выдвижение рабочих на административно-хозяйственную работу

Наибольшее выдвижение рабочих за последний год проходило внутри предприятий, причем большей частью на низовую административно-хозяйственную работу.

[1] В тексте «мнениями».
[2] Далее в документе пропущено три страницы.

По Тульскому району металлистов из 129 выдвинутых за 1927 г. 108 выдвинуто внутри предприятий и из них 86 чел., или 70%, на административно-хозяйственную работу.

По Нижегородскому району металлистов, по данным райкома, из 119 выдвинутых за 1926/27 г. 92 рабочих выдвинуто на хозяйственную работу (директор, помощник директора, заведующие цехами, мастера, помощники мастеров, нормировщики, бригадиры и др.). По Сормовскому району выдвинуто 65 рабочих, из них 38 — на производственную работу.

В Ленинграде за 9 месяцев 1925/26 г. выдвинуто на административно-хозяйственную работу 554 рабочих, а за первое полугодие 1926/27 г.— 527 рабочих (239 мастерами — против 147 в прошлом году, 142 бригадирами — против 61 в прошлом году, 146 на административно-хозяйственные должности — против 67). По 14 предприятиям Выборгского района выдвинут через производственное совещание 261 рабочий. На ф-ке «Красная Заря» Выборгского района за полгода выдвинуто 11 мастеров, 5 помощников мастеров, 19 бригадиров, 5 старших рабочих — всего 40 человек.

Недостатком выдвижения является небольшое число выдвинутых беспартийных рабочих: в Сормовском районе среди выдвиженцев 77% коммунистов, в Выборгском районе в Ленинграде — 70%.

Заметна большая тяга рабочих к повышению своей квалификации. Курсы по повышению квалификации, организованные на ряде предприятий, пользуются большим авторитетом среди рабочих.

VI. Результаты работы производственных комиссий и совещаний

В результате развития работы производственных комиссий и совещаний наблюдается лучшее отношение рабочих к производству. Профорганизации отмечают снижение прогулов по неуважительным причинам. По Нижегородскому району металлистов за 4 квартала 1925/26 г. прогулов по неуважительным причинам было 2,14%, а в 1926/27 г.— 1,66%. В Днепропетровске на заводе им. Петровского соответствующие цифры за 1925/26 г. и 1926/27 г.— 14,6 и 2,2%, на заводе им. Ленина — 4,8 и 2,6%. В то же время на ряде предприятий столь заметного снижения прогулов нет, и прогулы до сих пор представляют собой больное место в работе наших предприятий.

Повысилась производительность труда. Работа производственных совещаний в значительной мере содействовала экономии расходов на предприятиях. Имеются цифры экономии на 10 тыс. руб. по отдельным предприятиям в результате проведения в жизнь предложений производственных совещаний.

VII. Новые формы работы

Выявились и некоторые новые формы вовлечения рабочих в улучшение работы производства. Наиболее распространенной являются производственные конференции в масштабе предприятий и треста. Производственные конференции трестов проводились в Москве, Ленинграде, Владимире и др. На этих конференциях охвачено большое число рабочих и проявилась высокая активность участников.

Известен положительный опыт смотра предприятий и цехов в печати (Тверь, Ленинград, Урал). Производственные конкурсы проводились не только среди молодежи, но и среди всех рабочих (конкурс на лучшего сдельщика на Сормовском заводе); в Туле проведена выставка «Рабочей смекалки»; при экспертной комиссии там же издается стенная производствен-

ная газета «Рабочая смекалка». В Ленинграде при общезаводской производственной комиссии на «Красном Путиловце» организованы подкомиссии: по содействию рабочему изобретательству и планово-техническая. В некоторых местах практикуются совещания мастеров (Москва, Ленинград).

VIII. Руководство партийных и профсоюзных органов

Улучшение руководства партийных и профсоюзных органов работой производственных совещаний и жизнью производства характеризуется прежде всего увеличением по сравнению с прошлым годом числа производственных вопросов, обсужденных в бюро и общими собраниями партячеек, фабзавкомами и цеховыми бюро. В большей мере по сравнению с профессиональными заняты обсуждением производственных вопросов партийные организации. Опыт работы производственных совещаний недостаточно обсуждается всеми рабочими на цеховых и делегатских собраниях. Отчеты производственных комиссий все чаще ставятся на партсобраниях и пленумах завкомов.

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2а, д. 472/1, л. 1—11.— Копия.

ПОПЫТКИ С. Ю. ВИТТЕ ОТКРЫТЬ АМЕРИКАНСКИЙ ДЕНЕЖНЫЙ РЫНОК ДЛЯ РУССКИХ ЗАЙМОВ[1]

(1898—1902 гг.)

№№ 15—18

ПРОЕКТ РУССКО-АМЕРИКАНСКОГО БАНКА ДЛЯ ОПЕРАЦИЙ В КИТАЕ

(Апрель — июнь 1900 г.)

№ 15

Письмо представителя С.-Петербургского международного коммерческого банка А. И. Коробкова президенту «Нэшнэл Сити бэнк» Дж. Стиллмену в Нью-Йорк

Петербург, 23 марта (5 апреля) 1900 г.

Милостивый государь, я не имел возможности написать Вам до сего дня, так как хотел представить г. Ротштейну отчет о делах, которые мы обсудили в Нью-Йорке и в Палм-Бич.

Я нашел г. Ротштейна очень довольным тем, что Вы проявили такой интерес к проекту русско-американского банковского объединения, и в полной готовности разработать этот проект во всех деталях. Но так как он в данный момент очень занят делами акционеров нашего банка, а затем 15 апреля уедет из Петербурга на две недели, мы не сможем обсудить здесь проект до последних дней апреля, когда директор Шанхайского отделения Русско-Китайского банка г. Верт, который сейчас уехал на короткое время за границу, тоже вернется в Петербург. Я тогда немедленно сообщу Вам окончательно нашу точку зрения на этот вопрос.

Прошу Вас тем временем принять мои уверения. Уважающий Вас

Коробков

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 434, л. 5.— Копия на английском языке.

№ 16

Письмо А. Ю. Ротштейна директору Шанхайского отделения Русско-Китайского банка А. Верту в Вену

Ишль, 11 (24) апреля 1900 г.

Дорогой господин Верт, я хотел бы порядка ради вкратце резюмировать беседу, которую мы имели в отношении возможных нью-йоркских переговоров. Дело шло о том, чтобы основать банк с капиталом в пять миллионов рублей, из которых одну

[1] Окончание. Начало см. «Исторический архив», 1959, № 1.

половину берет на себя Русско-Китайский банк в Петербурге со своими друзьями, в то время как другую половину возьмет «Нэшнэл Сити бэнк» — Стиллмен со своими друзьями. Новый банк будет иметь правление в Петербурге, в котором так же, как в Русско-Китайском банке, иностранные члены могут принимать участие в голосовании и которое будет состоять наполовину из американцев и наполовину из членов Русско-Китайского банка, не считая некоторых членов, которые пребывают в Пекине и в Шанхае (следовательно, Вы и Покотилов [1]).

Центральное правление банка в Петербурге будет осуществлять управление и общее руководство, оказывая помощь отдельным филиалам в их делах. В Нью-Йорке, по формальным основаниям, будут учреждены лишь агенты, но это должно быть сделано самым энергичным образом, так чтобы им с самого начала было бы обеспечено почетное положение. Новый банк с самого начала должен вступить в картельные отношения с Русско-Китайским банком. Кроме того, подобное же соглашение можно было бы заключить с Международным банком для финансовых дел, и агенты в Нью-Йорке в первую очередь должны были бы заниматься финансово-рамбурсными и инкассовыми операциями между Нью-Йорком и Востоком, следовательно, Китаем и Сибирью.

Наряду с этим наше представительство должно было бы самым решительным образом соблюдать русские интересы в Америке и заботиться об эмиссии и распространении наших ценных бумаг. В дальнейшем мы могли бы учредить филиалы в Индии и в Лондоне, которые могли бы взять на себя роль агентуры Русско-Китайского банка. Однако это музыка будущего и пока это нужно учитывать лишь постольку, поскольку фирма не может проявлять свой русский характер. Прошу, дайте знать мне в двух словах в Петербург, если Вы что-нибудь еще имеете предложить.

После моего возвращения я буду подробно говорить об этом с министром, и тогда, предполагая, что нам обеспечена большая свобода действий и либеральные условия, мы приступим тотчас же к выработке этих условий. Мне бы хотелось настолько ускорить это дело, чтобы мы или до Вашего отъезда могли провести совещание со Стиллменом в Европе или чтобы Вы продолжили переговоры, если в августе приедете в Нью-Йорк.

Сердечный привет. Всецело преданный Вам

Адольф Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 489, лл. 9—10.— Копия на немецком языке.

№ 17

Письмо А. И. Коробкова Дж. Стиллмену в Нью-Йорк

Петербург, 23 апреля (6 мая) 1900 г.

Милостивый государь, г. Ротштейн, который уже вернулся из своей поездки за границу, имел разговор о нашем плане с г. Вертом, директором Шанхайского отделения Русско-Китайского банка, который считает, что может быть сделано выгодное дело. Кроме того, г. Ротштейн полагает, что мы можем рассчитывать на благожелательное отношение к нашему предприятию со стороны русского правительства. Принимая во внимание эти обстоятельства, мы имеем возможность теперь приступить к выработке устава проектируемого банка.

Как мы уже решили, нам следует взять в качестве основы устав Русско-Китайского банка, который, разумеется, с некоторыми изменениями, мог бы быть сделан пригодным для нашей цели.

Ротштейн предлагает установить капитал в пять миллионов рублей, поскольку следует ожидать, что размер дела вначале будет до некоторой степени ограничен. Вопрос о том, будет ли более подходящим иметь капитал в десять миллионов рублей, из которых только 50% будут реализованы, может быть обсужден позже. Во всяком случае мы можем рассчитывать иметь больше денег для проведения операций, чем

внесенный капитал, так как русское правительство, вероятно, вложит деньги вместе с нами.

Номинальная цена акций могла бы быть двести рублей. Хотя эта сумма совсем необычна для России, мы могли бы принять ее, так как она почти соответствует ста долларам и поэтому была бы, вероятно, наиболее удобна для Ваших соотечественников.

Правление должно состоять в С.-Петербурге по крайней мере из трех или четырех членов, так как в некоторых случаях документы должны подписываться тремя лицами, принадлежащими к правлению. Затем мы считаем, что было бы полезно иметь одного или двух членов правления, проживающих в Китае, которых мы могли бы избрать из числа лиц, выполняющих обязанности директоров отделений Русско-Китайского банка на Дальнем Востоке. Что касается числа членов правления в Нью-Йорке, то мы ожидаем Ваших предложений. Если я правильно понял Вас, Вы предпочитаете иметь лишь несколько управляющих в Нью-Йорке и иметь для представительства комитет, состоящий из лиц, положение которых могло бы быть в известной мере полезным для будущего банка.

Мне было бы очень приятно, если бы по получении моего письма Вы были бы любезны послать мне все Ваши замечания относительно устава Русско-Китайского банка. Могут быть некоторые частности, с которыми Вы не согласитесь совсем и которые могут быть изменены без всяких трудностей. Я был бы также много Вам обязан за всякое Ваше сообщение, касающееся Ваших взглядов относительно устава проектируемого банка. Со своей стороны я пошлю Вам английский экземпляр нашего проекта, как только мы составим таковой.

Конечно, очень трудно придти к определенному соглашению путем переписки. Ротштейну было бы поэтому очень приятно узнать, намереваетесь ли Вы приехать в Европу в течение лета, так как лучше всего было бы закончить дело совещанием при участии Вас, его и Верта. Если бы это было желательно, я мог бы также приехать на несколько дней в Ишль, летнюю резиденцию Ротштейна, в июле и августе (русский стиль).

Если окажется невозможным для Вас приехать в Европу, могу сообщить Вам, что Верт намеревается выехать из Европы 28 июля: было бы очень полезно для меня знать, сможет ли он застать Вас в Нью-Йорке между 5 и 15 августа.

В надежде иметь вскоре удовольствие получить Ваше сообщение остаюсь, милостивый государь, искренне Ваш

Коробков

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 434, лл. 6—8.— Копия на английском языке.

№ 18

Письмо Дж. Стиллмена А. Ю. Ротштейну в Петербург

Нью-Йорк, 7 (20) июня 1900 г.

Милостивый государь, по поводу Ваших писем от 16 и 18 этого месяца и моего ответа на первое из них [1] позвольте сказать, что общее соглашение, изложенное в них, о делах между нашим банком, Русско-Китайским банком и Петербургским международным коммерческим банком соответствует нашей договоренности.

Список различных фирм, приложенный к Вашему письму от 18 сего месяца, для которых Вы предлагаете дисконт за общий счет, мы рассмотрим прежде всего.

Остаюсь искренне Ваш

Дж. Стиллмен, президент

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 434, лл. 24—25.— Подлинник на английском языке.

[1] Упомянутые письма не обнаружены.

№№ 19—32

ПЕРЕГОВОРЫ А. Ю. РОТШТЕЙНА В НЬЮ-ЙОРКЕ ОБ АМЕРИКАНСКОМ ЗАЙМЕ РУССКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

(Июнь 1900 г.)

№ 19

Телеграмма А. Ю. Ротштейна С. Ю. Витте

Нью-Йорк, 3 (16) июня 1900 г.[1]

Условием переговоров о займе является удовлетворительное урегулирование беспорядков в Китае²). Морган уполномочил меня предложить Вам взятие твердо 50 миллионов долларов государственного 3,5% займа из 92 чистых минус комиссия 1%[2], или 500 тысяч долларов Моргану. Морган требует для своего синдиката опциона до конца февраля следующего года на ту же сумму, при тех же условиях, но без уплаты комиссионных. Заем выпускается в долларах, рублях, фунтах стерлингов. Проценты будут начисляться с первого августа, купоны полугодовые, погашение в течение 81 года. Сумма будет предоставлена 1 августа. Казна использует заем для оплаты или поручит Моргану покупку иностранных ценных бумаг. Морган получит 2% прибыли. В распоряжение казначейства поступит не больше 20% в августе, 15 — в сентябре, 15 — в октябре, 15 — в ноябре, 17,5 — в январе, 17,5 — в феврале. В неделю взносы не превысят 4 миллионов долларов. Заем будет освобожден от всех русских налогов. Банкиры в Нью-Йорке и Лондоне получат 1/8 процента комиссионных за услуги. Свободная продажа облигаций в Нью-Йорке и в Лондоне гарантируется в течение восьми месяцев со дня выпуска. Чрезвычайные события в Америке и в Европе, наступившие ранее выпуска займа или первого платежа, отсрочат контракт. Облигации будут выпущены по оплате всех издержек за изготовление, пересылку, гербовый сбор, в форме, пригодной для обращения и одобренной нью-йоркской биржей. Две телеграммы следуют за этой.

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, л. 8 об.— Отпуск на французском языке.

№ 20

Телеграмма А. Ю. Ротштейна С. Ю. Витте

Нью-Йорк, 3 (16) июня 1900 г.

Вторая.

Настроения публики, Уолл-стрита определенно благожелательны и благоприятны, однако заем считают преждевременным, весьма серьезные усилия «Нью-Йорк Лайф Иншуранс компани» достигают цели медленно; идея иностранного займа еще недостаточна популярна, к тому же задержка дела до конца года из-за выборов [президента] и дурные известия из Китая несомненно препятствуют успеху. Единственный человек, способный провести подобное дело, Морган расположен благоприятно, но ссылается на те же трудности и тоже предпочел бы отложить. Для того, чтобы его ободрить, чтобы помешать ему поддаться влиянию друзей, посещаемых им для привлечения сторонников, я предложил взять для Международного банка половину дела и риска, что заметно повлияло на решение Моргана. Ввиду застоя в делах до начала будущего года, синдикат рискует не реализовать облигации до этого времени. Предлагаем поэтому взять твердо только 50 миллионов долларов с опционом. Так

---

[1] Телеграмма получена в Петербурге 4 (17) июня 1900 г. шифром. Расшифровка текста была начата Витте, но закончена другим лицом.

[2] Слова «минус комиссия 1%» (moins comission 1%) ошибочно расшифрованы Витте как «минус видимая комиссия» (monis comission visible). См. ЦГИАЛ. ф. 560, оп. 22, д. 200.

как операция должна потребовать много труда и расходов, считаю практичным и полезным заинтересовать Моргана в развитии рынка для займа. Морган требовал паритета для фунтов стерлингов и франков. Мне удалось устранить франки, но я был принужден сохранить фунты стерлингов. За счет доли Международного банка я вынужден выделить участие «Нью-Йорк Лайф Иншуранс компани», разрешенное вашим превосходительством. Я предпочел бы сохранить 15% для Международного банка, от 5 до 10% — для Русско-Китайского банка. Я должен еще зарезервировать некоторое участие для европейских друзей, которые меня сюда ввели. Предложил Моргану уступить часть, если понадобится, для американцев, в противном случае, чтобы не увеличивать чрезмерно обязательства Международного и Русско-Китайского банков, я буду просить, чтобы Государственный банк помог нам своим участием. Надеясь на согласие вашего превосходительства с последним пунктом, считаю нужным без колебаний повергнуть на Ваше усмотрение предложение синдиката.

Адрес Ротштейна: Ротштейн, Кинслей, Нью-Йорк.

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, л. 9 об.— Отпуск на французском языке.

№ 21

Телеграмма А. Ю. Ротштейна С. Ю. Витте

Нью-Йорк, 3 (16) июня 1900 г.

Третья.

Биржа требует, чтобы облигации займа, котирующиеся в Нью-Йорке, были изготовлены американским учреждением. Весьма вероятно, удастся договориться об изготовлении в Петербурге, но я не уверен. Встретил в последний момент огромные трудности с получением предложения Моргана; считаю невозможным получить лучшие условия, опасаюсь, что Морган воспользуется каким-нибудь предлогом, чтобы отложить операцию. Чтобы избежать разногласий, я не оспаривал цену выпуска; предвижу значительный масштаб операций, но зато и весьма значительные издержки. При независимом характере американцев и Моргана, в особенности, считаю крайне трудным повлиять на условия выпуска. Мне кажется, что если ваше превосходительство хочет заключить сделку, следует принять условия Моргана. Любезное слово благодарности вашего превосходительства Моргану за его предложение во всяком случае чрезвычайно облегчило бы установление хороших отношений.

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, л. 10.— Отпуск на французском языке.

№ 22

Телеграмма С. Ю. Витте А. Ю. Ротштейну в Нью-Йорк

Петербург, 5 (18) июня 1900 г.

Цена 92 приемлема, но я не мог понять, какова будет комиссия Моргана и что Вы называете «видимой комиссией» (comission visible) [1]. Телеграфируйте точно, какая будет чистая цена и каковы будут все наши издержки. Облигации должны быть выпущены только в долларах и в фунтах стерлингов. Я не хочу, чтобы участие всех европейских рынков и банкиров превышало 10%; 90% должны быть взяты в Америке. Изготовление облигаций в Америке затруднительно ввиду возможности подделок. Мне кажется, что беспорядки в Китае не могут иметь больших последствий. Вам лучше судить, может ли сделка быть закончена в настоящий момент или же она должна быть отложена.

ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 200, л. 10.— Отпуск на французском языке.

---

[1] См. примечание к док. № 19.

№ 23

Телеграмма А. Ю. Ротштейна С. Ю. Витте

Нью-Йорк, 5 (18) июня 1900 г. [3)]

За вычетом комиссии одного процента для взятого твердо чистая цена будет 91 для первой операции и 92 для опциона. В настоящее время ни налога, ни гербового сбора с иностранных ценностей нет и не проектируется. Следовательно, расходы будут включать только изготовление, перевозку и т. п. Просьба телеграфировать, не должны ли облигации быть выпущены и в рублях. Участие различных европейских друзей, упомянутых во второй телеграмме от субботы[1], останется значительно ниже 10%. Свою половину стану размещать, когда и сколько возможно будет разместить, но предвижу самое неблагоприятное впечатление, если стану настаивать на избавлении меня от участия, исключительно благодаря которому дело осуществимо. Переговоры продлятся не меньше трех недель, до того как контракт прибудет в Петербург. Предложил бы продолжать переговоры, отложив решение о дате выпуска. Как только китайские события будут улажены и явно примут хороший оборот, я советую приступить к выпуску немедленно.

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, л. 13 и об.— Отпуск на французском языке.

№ 24

Телеграмма А. Ю. Ротштейна С. Ю. Витте

Нью-Йорк, 5 (18) июня 1900 г.

Возвращаясь к вопросу об участии европейских банкиров, надеюсь, что ваше превосходительство не станете настаивать на соотношении 10 и 90. Предложить сейчас Моргану увеличить его долю участия, чтобы уменьшить мои обязательства,— значило бы совсем испортить положение и, возможно, привести к разрыву. Вполне понимаю и ценю желание вашего превосходительства разместить возможно больший заем в Америке и, если представится случай, не премину действовать в этом духе. Поскольку мое положение и влияние в синдикате основаны на двойной роли посредника и компаньона, уменьшение чрезмерно моего участия отняло бы у меня значительную часть моего авторитета сравнительно с другими контрагентами и помешало бы мне также быть полезным вашему превосходительству, чего бы мне самым искренним образом хотелось. Разумеется, я дал понять Моргану, что ничего не могло бы быть размещено без моего посредничества. Наконец, я обращаюсь к Вашему чувству благорасположения, сильно желая, что если дело удастся, сделать, особенно в этом году, выгодное дело для моего банка.

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, л. 14 и об.— Отпуск на французском языке.

№ 25

Телеграмма А. Ю. Ротштейна С. Ю. Витте

Нью-Йорк, 6 (19) июня 1900 г.

Сообщил Моргану телеграмму вашего превосходительства, упомянув, что, принимая цену, ваше превосходительство, вероятно, подразумевало включение комиссионных. Мои усилия безуспешны. Морган заявил, что ввиду общей обстановки его предложение наивыгоднейшее; я не думаю, что он сделает хоть малейшую уступку.

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, л. 15.— Отпуск на французском языке.

---

[1] См. док. № 20.

№ 26

Телеграмма С. Ю. Витте А. Ю. Ротштейну в Нью-Йорк

Петербург, 7 (20) июня 1900 г.

Цена 91 и для опциона 92 чистых для 3,5% займа приемлема, но теперь Вы ничего не сообщаете о комиссии Моргану, о которой Вы сообщили в первой депеше; прошу объяснить. Облигации должны быть выпущены только в долларах или в фунтах стерлингов, но не в рублях или франках. Государственный банк не может принять участия. Моей целью было разместить заем твердо в Америке, а не в Европе. Я не могу согласиться, чтобы подписка производилась в Европе. Мне совсем непонятно, как Международный банк может взять половину. Так я рискую плохо повлиять на европейские рынки, а Вы рискуете поставить Ваш банк и Министерство финансов в невозможное положение. Вот почему я никогда не соглашусь дать на все размещения в Европе более 10%. Я предпочитаю уменьшить сумму займа или даже вовсе не делать операций.

ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 200, лл. 19—20.— Отпуск на французском языке.

№ 27

Телеграмма А. Ю. Ротштейна С. Ю. Витте

Нью-Йорк, 7 (20) июня 1900 г.

Предложена цена — 92 для твердо и для опциона минус комиссия один процент для той части, которая твердо, что равносильно 91 для твердо и 92 для опциона. Рассматриваю этот пункт как одобренный. Паритет франков исключен; если вашему превосходительству угодно, считаю возможным исключить также рубли, жду решения. Выпуск исключительно предназначается для Нью-Йорка с номинальной подпиской в Лондоне. Я объяснил Моргану с самого начала, что заем целиком должен быть размещен в Нью-Йорке при его посредничестве и что, принимая участие, мы имеем только в виду уменьшить его обязательства на период подписки. Попытаюсь сегодня заставить Моргана отказаться от эмиссии в Лондоне. Буду телеграфировать вашему превосходительству. Прошу ваше превосходительство телеграфировать, одобряете ли Вы прочие условия с тем, чтобы иметь возможность составить проект контракта.

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, л. 17.— Отпуск на французском языке.

№ 28

Телеграмма А. Ю. Ротштейна С. Ю. Витте

Нью-Йорк, 7 (20) июня 1900 г.

Вторая.

Участие без влияния на подписку и на окончательное размещение должно исключительно покрыть риск взятия твердо до подписки. Морган знает, что он будет нести всю ответственность за размещение и моральную гарантию дела. Принимая участие в действительном риске, мы не вовлекаем в него европейский рынок. Позволю себе повторить, что, хотя дело и может быть осуществлено только одним Морганом, Морган боится брать на себя слишком большую материальную ответственность на случай неудачи. Этот именно риск уменьшил мое предложение, сделав таким образом сделку возможной. Доля, взятая на себя Международным банком, не превышает нашей обычной доли в таких делах. Я позволю себе напомнить, что «Нью-Йорк Лайф Иншуранс компани» имеет право на участие до 20%; не думаю, что она возьмет все полностью, невозможно обсуждать этот вопрос в данный момент, но я

был обязан сохранить для нее соответственную сумму. Не сомневаюсь, что, лишь дело будет начато, я легко размещу желательную сумму участия в Америке, но я ничего не могу предлагать в настоящий момент.

Именно во избежание чрезмерных обязательств Международного банка я и просил поддержки Государственного банка. Разумеется, заем целиком будет распределен в Америке Морганом за общий счет. Принимая часть для Государственного банка, Казначейство обращается равным образом к Моргану, как к комиссионеру для реализации, и пользуется льготой, предоставленной синдикату. Если я увижу малейшую возможность, то буду действовать в соответствии с идеями вашего превосходительства, но прошу ваше превосходительство предоставить мне выбор благоприятного момента и избегать шагов, которые в неблагоприятный момент могли бы привести к разрыву.

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, л. 18.— Отпуск на французском языке.

№ 29

Телеграмма А. Ю. Ротштейна С. Ю. Витте

Нью-Йорк, 7 (20) июня 1900 г.

Третья.

Морган согласен исключить рубли. Он готов отказаться от эмиссии в Лондоне, но хочет, в таком случае, ограничить взятие твердо 40 миллионами, установив для опциона 60 млн. Разумеется, он резервирует право позднее на котировку в Лондоне. Я пытался приступить к рассмотрению вопроса об участии, к сожалению, безрезультатно, он отказался. Будем обсуждать завтра основы контракта. Морган мне даст тогда полномочия подписать контракт, но надо ждать предварительного благоприятного момента. Я уеду, как только получу место, пароходы переполнены.

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 200, л. 41.— Отпуск на французском языке.

№ 30

Телеграмма С. Ю. Витте А. Ю. Ротштейну в Нью-Йорке

Петербург, 8 (21) июня 1900 г.

Срочно.

Ваши последние телеграммы устранили мои сомнения. Заем в долларах и фунтах размещается в Америке. Можете составлять проект контракта в соответствии с телеграммами, которыми мы обменялись.

ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 200, л. 41.— Отпуск на французском языке.

№ 31

Письмо Дж. П. Моргана А. Ю. Ротштейну

Нью-Йорк, 9 (22) июня 1900 г.

Милостивый государь, ссылаясь на наши переговоры о намечаемом русском золотом 3,5% займе 1900 г. на номинальную сумму 50 млн. долларов в золотых монетах Соединенных Штатов Америки мы разъясняем, что в случае осуществления предположенного контракта и выпуска займа Петербургский международный коммерческий банк и мы будем каждый ответственны за реализацию половины займа, как это предусмотрено в контракте.

Подразумевается, что продажа облигаций за счет Вашего банка и за наш счет будет организована нами в Америке путем образования синдиката в Нью-Йорке или таким способом, который мы сочтем наиболее удобным. Организация синдиката и распределение участия в нем будут произведены нами. Цена облигаций для син-

диката или, в случае публичного выпуска, выпускная цена будет покрыта на основании нашего обоюдного соглашения с Вами.

Все расходы в связи с проведением дела будут возложены на синдикат, состоящий из Вашего банка и нас.

Пока суммы, фактически необходимые русскому министру, могут пополняться из поступлений от продажи займа, произведенной синдикатом, от синдиката не будут требовать каких-либо взносов авансом, но в случае если суммы, в действительности необходимые русскому министру, будут превышать поступления, полученные синдикатом от продажи займа, члены синдиката, а именно: Петербургский международный коммерческий банк и мы, обеспечим каждый половину необходимой суммы, чтобы удовлетворять потребности синдиката время от времени.

Также подразумевается, что Дж. П. Морган и К° будут иметь право по своему усмотрению производить такие покупки займа на рынке, какие они сочтут целесообразными для защиты интересов синдиката.

Искренне Ваш

Дж. П. Морган

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, лл. 43—44.— Подлинник на английском языке.

№ 32

Письмо банкирского дома «Дж. П. Морган и К°» А. Ю. Ротштейну

Нью-Йорк, 9 (22) июня 1900 г.

Милостивый государь, ссылаясь на наши переговоры и телеграммы относительно намечаемого русского золотого 3,5% займа 1900 г. на номинальную сумму 50 млн. долларов в золотых монетах Соединенных Штатов Америки и в соответствии с предложенной формой контракта займа, который должен быть подписан русским министром финансов и синдикатом, состоящим из Петербургского международного коммерческого банка и нас, и исходя из общих условий, на которых имеется в виду осуществить эту сделку, мы заявляем, что после Вашего возвращения в Петербург, если, по нашему мнению, общие условия как здесь, так и за границей будут благоприятны для выпуска такого займа и если условия предложенного контракта по существу будут приемлемы для русского правительства, мы телеграфируем Вам полномочия действовать от нашего имени. По получении такой телеграммы Вы будете уполномочены подписать от нашего имени контракт в ныне предложенной форме или, поскольку он может быть изменен, с общего согласия сторон.

Остаемся, милостивый государь, искренне Ваши

Дж. П. Морган и К°

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, л. 42.— Подлинник на английском языке.

№№ 33—53

РАЗРЫВ ПЕРЕГОВОРОВ О ЗАЙМЕ В АМЕРИКЕ

(июль — ноябрь 1900 г.)

№ 33

Письмо А. Ю. Ротштейна Дж. П. Моргану в Нью-Йорк

Петербург, 27 июня (10 июля) 1900 г.

Милостивый государь, я приехал сюда вчера утром и в тот же день переговорил с г. Витте. Я предъявил ему текст уже согласованного контракта, который он сразу же рассмотрел и заявил, что у него нет никаких поправок. Я не думаю, что Кредитная канцелярия, которая должна еще изучить документ, предложит какие-нибудь существенные изменения.

Я сказал г. Витте в духе Ваших заявлений, что Вы рассматриваете переговоры, как законченные и должны только сохранить право выбрать удобный момент для успешного осуществления дела. Г-н Витте и на этот раз подчеркнул, что для него очень важно и доставляет ему глубокое удовлетворение быть уверенным в Вашем содействии в этой его первой крупной американской операции и что он всецело и совершенно предоставляет Вам определение суммы выпуска и выбор подходящего момента для этого, потому что моральный эффект дела имеет для него самое большое значение. Я сообщил г. Витте, что, возможно, во время Вашего следующего визита в Европу Вы найдете удобным побывать и в Петербурге, и он в связи с этим поручил мне заверить Вас при первой же возможности, как необычайно рад он был бы иметь удовольствие приветствовать Вас здесь.

Относительно Китая я, к сожалению, не могу сообщить ничего особенного. Здесь мы озабочены, прежде всего, опасностью, которая угрожает нашим друзьям, осажденным в Пекине.

Остаюсь искренне Ваш

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, лл. 54—55.— Копия на английском языке.

№ 34

Телеграмма Дж. П. Моргана А. Ю. Ротштейну в Петербург

Нью-Йорк, 28 июня (11 июля) 1900 г.

Рад был получить Ваше послание [4]; вынужден, к глубокому сожалению, сообщить, что настоящие условия менее благоприятны, чем перед Вашим отъездом, о дальнейшем сообщу позднее.

Морган

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, лл. 60—61.— Телеграфный бланк с расшифровкой на английском языке.

№ 35

Письмо А. Ю. Ротштейна Дж. П. Моргану в Нью-Йорк

Петербург, 4(17) июля 1900 г.

Милостивый государь, я телеграфировал Вам сегодня, что мой адрес впредь до нового извещения — Ишль.

Перед моим отъездом я имел продолжительный разговор с министром, который касался главным образом общего положения. Китайские события рассматривают здесь несколько более серьезно, чем в западноевропейских центрах и дипломатических кругах. Несомненно, что правительство или, точнее, партия, которая захватила бразды правления, создала на севере подлинное состояние войны. Тем не менее здесь твердо придерживаются мнения, что если бы можно было вступить в переговоры с императрицей, от ее имени порядок был бы восстановлен.

В любом случае Россия приступит к действиям в самом широком масштабе; это может потребовать некоторого времени, но не может быть никакого основания для сомнения, что умиротворение Маньчжурии будет достигнуто без больших трудностей, хотя и не без значительных затрат.

В отношении событий в южном Китае, Вы, разумеется, так же хорошо информированы, как и мы здесь. Особенно после событий, которые имели место на севере, налицо общее недоверие к китайцам. К несчастью, из-за этих событий наш проект должен быть отложен. Военные действия против Китая здесь предприняты с удивительным спокойствием. Очень возможно, что вскоре публика свыкнется с этим настолько,

что даже длительная продолжительность военных действий не будет приводить в уныние. Я, конечно, не знаю, какие впечатления преобладают у Вас. Во время моего сегодняшнего разговора с г. Витте у меня возникла мысль о возможности объявить поводом для нашего займа именно расходы, вызванные настоящей экспедицией против Китая. Так как действительно вся Америка будет заинтересована в предстоящих операциях и, конечно, они будут связаны с неограниченными поставками, снабжением и прочим, то это, вероятно, было бы хорошим способом обеспечить общую заинтересованность. Но г. Витте был против этого. Он сказал, что он не испытывает такой нужды в деньгах, чтобы настаивать на заключении военного займа. На это я ответил, что военный характер займа определяется не названием, а ценой.

Я буду очень рад получить известия от Вас.

Остаюсь, милостивый государь, искренне Ваш

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, лл. 62—63.— Копия на английском языке.

№ 36

Телеграмма А. Ю. Ротштейна Дж. Стиллмену в Нью-Йорк

Петербург, 4(17) июля 1900 г.

Дорогой Стиллмен, в течение последних нескольких дней я был занят подготовкой к перестройке наших китайских отношений и только сегодня могу снестись с Вами относительно операции репорта здесь.

Я столкнулся с той трудностью, что министр в настоящий момент не расположен делать каких-либо особых уступок ради привлечения иностранных денег. Он с большим интересом узнал о наших соглашениях и высказался о возможности предоставления льгот, которые нам хотелось бы получить. Но в настоящее время он не расположен делать ничего, что могло бы быть истолковано, как попытка привлечь деньги из Америки и, следовательно, желательно, чтобы банкноты, которые должны быть поставлены, были бы депонированы не в Нью-Йорке, но именно здесь, в Государственном банке.

Нам придется при этих обстоятельствах считаться с потерей интереса от $^1/_8$ до $^1/_6$% и кое-чего за транспортировку, что в общем составит около 2% с тысячи.

Я был бы рад получить вскоре ответ.

Остаюсь преданный Вам

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 434, л. 26.— Копия на английском языке.

№ 37

Письмо Дж. У. Перкинса А. Ю. Ротштейну в Петербург

Нью-Йорк, 10 (23) июля 1900 г.

Мой дорогой Ротштейн, я все откладывал отправку Вам писем, пропустив два или три парохода, со дня на день, надеясь, что я смогу сообщить Вам более приятные новости, но, по-видимому, тучи скорее сгущаются, чем рассеиваются, и вопрос о том, чтобы сделать что-нибудь с нашими русскими облигациями, кажется, находится как бы на мертвой точке. Мы потратили чуть не всю прошлую неделю на разъяснение того, что наши облигации не имеют отношения к Сибирской железной дороге, так как немедленно распространились слухи, что это облигации Сибирской дороги, а поскольку газеты имели «любезность» сообщить, что вся Сибирская магистраль стерта с лица земли, Ваши старые друзья — газетные репортеры наперебой кинулись узнавать, сколько миллионов долларов потеряла «Нью-Йорк Лайф».

Несмотря на масштабы нашей воспитательной кампании и несмотря на все то, что появилось в газетах за последние семь месяцев, мы, видимо, не настолько воспитали нашу публику, чтобы она поняла, что русские железнодорожные облигации, имеющиеся у нас, гарантированы правительством и поэтому, по существу, являются государственным займом, и что, хотя было бы очень приятно, чтобы и капитал и проценты выплачивались бы железными дорогами, все же, если бы железные дороги исчезли с лица земли, облигации, тем не менее, ничуть бы не пострадали. Здесь существуют те же чувства беспокойства и общей неуверенности, которые, я думаю, есть и в вашей столице и в других столицах мира, относительного того, каков будет результат нынешних осложнений в Китае. Известия за последние дни были лучше, с тех пор как Государственный департамент считает достоверным то, о чем сообщал наш посланник в Пекине, но мнения разделяются почти поровну в зависимости от того, сообщал он что-либо или не сообщал, и фактически любая мельчайшая новость из любого пункта немедленно оспаривается с точки зрения ее подлинности как с фактической стороны, так и по ее значению.

Тем не менее мы ни на минуту не упускали из виду наши операции, и, все еще преисполненные надежды на какое-нибудь дипломатическое урегулирование китайского вопроса, мы думаем, что будет легче всего добиться успеха в деле с облигациями, когда вопрос разрешится.

С самым горячим приветом Вам и добрым приветом для г. Коробкова пребываю искренне Ваш

Перкинс, второй вице-президент

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, л. 129.— Подлинник на английском языке.

№ 38

Письмо банкирского дома «Дж. П. Морган и К°» А. Ю. Ротштейну в Ишль

Нью-Йорк, 25 июля (7 августа) 1900 г.

Милостивый государь, подтверждаем, что мы получили Ваше письмо от 17 июля на имя главы нашей фирмы [1] и тщательно изучили его содержание. Мы очень сожалеем, что по возвращении в Россию. Вы нашли положение в Китае гораздо более серьезным, чем предполагали. Как Вы говорите, ваша страна будет вынуждена приступить к операциям в самом широком масштабе, которые потребуют длительного времени, и мы рады отметить, что они предпринимаются без проявления излишнего возбуждения. Мы понимаем, что г. Витте не захотел бы, чтобы создалось впечатление, что в настоящее время делается что-то вроде военного займа, по крайней мере в Америке, и к тому же, вероятно, как Вы легко можете понять, при современном неопределенном состоянии мировых рынков было бы невозможно довести до конца наши переговоры, которые мы имели в виду.

Мы будем рады получить сообщение от Вас во всякое время и особенно по важным вопросам, которые могут иметь отношение к вопросу о финансовой программе Вашего правительства.

Остаемся с добрыми пожеланиями искренне Ваши

Дж. П. Морган и К°

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, л. 64.— Подлинник на английском языке.

---

[1] См. док. № 35.

№ 39

Телеграмма А. Ю. Ротштейна Дж. П. Моргану в Нью-Йорк

Ишль, 29 июля (11 августа) 1900 г.

Узнал из Петербурга, что предлагают деньги из другого источника, вероятно, из Парижа. По-видимому, речь идет о большом авансе вместе с опционом для последующего нового займа. Деньги, говорят, должны быть предназначены для железнодорожного строительства, следовательно, только для расходования последовательными частями. Я пока не могу установить, какую позицию занимает правительство в этом деле и было бы, естественно, очень досадно видеть в самом недалеком будущем, что дело уходит из наших рук. Боюсь также, что если подобная комбинация удастся, то наш проект окажется под угрозой или, по меньшей мере, будет отложен. При нынешнем положении на вашем рынке не вижу достаточных оснований, почему бы Вы не могли договориться на таких же подходящих условиях, как любой другой синдикат. Если разделяете мою точку зрения относительно аванса или, еще лучше, взятия твердо известной суммы обязательств Государственного казначейства, то я думаю, съездив в Петербург на несколько дней, я мог бы предотвратить заключение министром финансов других соглашений и обеспечить дело для нашего синдиката. Выгодное предложение обязательств Государственного казначейства, являющихся надежным вложением капитала с хорошим размером процента и с краткосрочным, я считаю хорошо приспособленным к американскому рынку и в то же время вполне подходящим для министра финансов, который мог бы предложить для такого нового вида операций более благоприятные условия без ущерба его прежним эмиссиям.

Наш синдикат мог бы совершенно независимо от соответствующих комиссионных по данной операции сохранить за собой определенные привилегии в отношении будущих дел. Как и во всех русских делах, оплата обязательств может быть проведена в рассрочку, в приемлемо длительные сроки. Я полагаю, что при коротком сроке можно установить хороший процент вплоть до 4% и срок выкупа такой, который мы сочтем подходящим для рынка, скажем, пять лет. Пожалуйста, ответьте телеграфом, интересует ли Вас это дело.

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, лл. 65—66.— Копия на английском языке.

№ 40

Телеграмма Дж. П. Моргана А. Ю. Ротштейну в Ишль

Нью-Йорк, 2(15) августа 1900 г.

В настоящих политических условиях мы сомневаемся, что такое предложение, которое Вы выдвигаете, было бы возможно осуществить, разве что не ранее середины или конца сентября и то лишь при условии, если сделать его очень заманчивым. Сообщите телеграммой, какая сумма приблизительно необходима и действительно ли 4% обязательства Государственного казначейства можно получить по достаточно низкой цене, чтобы предложить публике значительно ниже номинала и свободными от обложений в руках иностранных держателей. Делаю все возможное и к моменту возвращения влиятельных лиц с каникул надеюсь найти обстоятельства благоприятными, если условия удовлетворительны.

Морган

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, л. 67.— Копия на английском языке.

№ 41

Телеграмма А. Ю. Ротштейна Дж. П. Моргану в Нью-Йорк

Ишль, 3(16) августа 1900 г.

Я предложил бы следущее: 4% обязательства Государственного казначейства, свободные от налога; цена по публичной подписке около 99; все расходы и соответствующая комиссия синдикату, должны быть уплачены русским правительством. Разумеется, доходы синдиката не могут быть столь же большими, как в случае займа, и именно по этой причине полагал бы, что синдикат должен застраховать себя определенными льготами в отношении последующих операций. Сумма, меньшая 40 млн. долларов, выплачиваемых в рассрочку, едва ли представит интерес. Какое-нибудь подобное предложение, скажем, на 40 млн. долларов обязательств Государственного казначейства твердо и по истечении срока рыночной монополии предложение опциона на ту же сумму долгосрочных обязательств Казначейства и на тех же условиях или займа, по выбору синдиката, я думаю, в настоящее время определенно представили бы интерес, но эти предложения должны были бы поступить министру финансов до 27 августа, когда он уезжает в Париж на 14 дней. Во время этой поездки министра я могу, разумеется, сноситься с ним, но не смогу получить решение или ответ. Если мы не можем предложить что-либо окончательное, я не могу требовать от министра финансов определенного ответа, следовательно, я мог бы только написать ему, что мы сейчас обсуждаем указанное дело и предполагаем вернуться к этому четырьмя неделями позже. Значит, прежде чем встретиться с министром финансов 15 сентября нужно было бы, чтобы Вы сообщили мне о дальнейшем. До поездки в Париж мы, естественно, легче можем рассчитывать на большую уступчивость.

Пожалуйста, ответьте по телеграфу.

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, лл. 6—8.— Копия на английском языке.

№ 42

Телеграмма Дж. П. Моргана А. Ю. Ротштейну в Ишль

Нью-Йорк, 5(18) августа 1900 г.

Сожалею, но неблагоприятные условия не позволяют делать определенные предложения в настоящее время. Одобряю Ваше намерение написать министру финансов о возобновлении переговоров позднее; если дело будет предпринято, считаю, что публичная подписка должна была бы быть значительно более заманчива, чем предлагается.

Морган

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, л. 69.— Копия на английском языке.

№ 43

Телеграмма А. Ю. Ротштейна Дж. П. Моргану в Нью-Йорк

Ишль, 5(18) августа 1900 г.

Даже на основе моего предложения чистый доход правительства будет ниже 96; боюсь, министр финансов не сможет согласиться на более низкую цену, однако, пожалуйста, ответьте по телеграфу, что Вы думаете: думаете ли Вы, что могла бы облегчить дело незначительная выпускная премия или выпуск 3,5% обязательств соответственно дешевле.

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, л. 70.— Копия на английском языке.

№ 44

Письмо А. Ю. Ротштейна Дж. П. Моргану в Нью-Йорк

Ишль, 9(22) августа 1900 г.

Милостивый государь, подтверждаю наш обмен телеграммами. Я ограничиваюсь в настоящее время тем, что пишу г. Витте, как отмечалось в моей депеше от 16 сего месяца [1], что мы положительно рассмотрели вопрос об обязательствах Государственного казначейства, и я надеюсь, что смогу представить ему к середине сентября предложение, которое, мы полагаем, представит для него интерес. Моя информация о предложении денег из Парижа недавно подтвердилась: французское правительство даже дало понять французским банкирам, что оно одобрительно отнесется к такому займу. Так как я не видел г. Витте, то у меня нет определенного мнения о его отношении к этим предложениям, но я понимаю, что он все еще опасается, что новый заем в Европе сможет в данный момент нанести ущерб устойчивости его прежних эмиссий. Я не премину, однако, сообщать Вам о событиях, связанных с поездкой министра в Париж, и надеюсь получить от Вас ко времени его возвращения, около середины сентября, новости, которые могут быть интересны для него.

Остаюсь, милостивый государь, с уверениями в высоком уважении.

Искренне Ваш

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, л. 71.— Копия на английском языке.

№ 45

Письмо Дж. У. Перкинса А. Ю. Ротштейну в Ишль

Нью-Йорк, 11(24) августа 1900 г.

Мой дорогой Ротштейн, я телеграфировал Вам вчера днем следующее: «Отсутствовал. Очень ценю заявление, которое Вы сделали министру финансов согласно Вашему короткому письму от 30 июля [2]. Наши ежедневные газеты полны самых противоречивых сообщений о желании России заключить государственный заем здесь От нас требуют точных сведений. Были бы рады сделать заявление в соответствии с Вашими указаниями. Пожалуйста, ответьте».

Я пытался в течение десяти дней отдохнуть от дел, и Ваше письмо от 30 июля пришло в мое отсутствие. Я спешу заверить Вас, что мы ценим Ваше заявление г-ну Витте. Мы, конечно, всячески желаем служить ему и его правительству всем, чем мы можем как частные лица или представители нашей компании, и это в высшей степени приятно для нас, что Вы изложили Витте наше намерение так ясно и определенно.

Последние три дня здешние газеты были полны всякого рода высказываний относительно займа, который должен быть предоставлен непосредственно русскому правительству группой страховых компаний, имеющих правление в Нью-Йорке. Меня осаждали репортеры. Разумеется, я всем им сказал, что ничего не знаю о таком займе и не думаю, чтобы что-нибудь в этом роде сейчас имелось бы в виду. Вчера представители двух газет обратились ко мне совсем доверительно и с весьма откровенными заявлениями, что им хорошо известно, что такой заем уже почти заключен, и настойчиво требовали от меня подтверждения, почему я и телеграфировал Вам об этом.

Последний английский заем, большая часть которого была размещена здесь, разошелся очень хорошо и вызвал большое количество благоприятных отзывов во

[1] См. док. № 41.
[2] Упомянутое письмо не обнаружено.

всех наших газетах; при этом широко высказывалась мысль, что Нью-Йорк становится важным финансовым центром и с ним вынуждены будут считаться в своих правительственных операциях в будущем финансисты мира. Без сомнения, общий эффект этого английского займа и быстрота, с которой его американская доля была взята и распродана, облегчит в будущем сбыт на нью-йоркском рынке ценных бумаг иностранных правительств. И хотя я сейчас выражаю только совершенно частное мнение, мне кажется, что если в отношениях держав друг к другу не будет серьезных изменений по сравнению с существующими сейчас в Китае, или не произойдет серьезных изменений в мировых финансах, то русский правительственный заем на разумную сумму мог бы быть заключен в Америке этой осенью. Конечно, я могу целиком ошибаться в этом, так как мое мнение основано только на впечатлениях от общей обстановки, и я не вникал в детали каких бы то ни было банковских интересов. В настоящее время, вчера и сегодня, дела на английском денежном рынке выглядят не так уж удовлетворительно, как нам того хотелось бы. Что из этого может последовать в недалеком будущем, никто, разумеется, не знает в данный момент. Мы сохранили все связи, которые мы завели для продажи облигаций, мы готовились в течение летнего сезона и продолжим кампанию с новыми силами, как только начнутся осенние операции.

Вероятно, мне нет нужды еще раз заверять Вас, мой дорогой Ротштейн, что, чем бы мы ни могли быть Вам полезными в любых Ваших операциях в Америке, мы были бы рады, если бы Вы обратились к нам. Искренне Ваш

Перкинс, второй вице-президент

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, лл. 138—139.— Подлинник на английском языке.

№ 46

Письмо А. Ю. Ротштейна Дж. П. Моргану в Нью-Йорк

Ишль, 31 августа (13 сентября) 1900 г.

Милостивый государь, накануне моего отъезда в С.-Петербург сегодня я телеграфирую Вам (перевод телеграммы прилагаю) [1] и надеюсь получить Ваши сообщения к моему приезду туда. Я надеюсь, что положение на вашем рынке таково, что позволит Вам сделать благоприятное предложение.

Министр должен приехать в начале следующей недели, и я буду ему докладывать. Со времени его отъезда из Петербурга я не поддерживал непосредственной связи с ним. Однако я знаю из Парижа (что соответствует официальным заявлениям г. Витте), что министр избежал вовлечения в деловые переговоры. Я хотел бы подчеркнуть, что тем временем мои взгляды относительно готовности парижского рынка уже были подтверждены из разных источников. Я могу сообщить Вам, совсем между нами, что доверенное лицо Вальдека-Руссо [5)] не поколебалось поехать кружным путем через Ишль с целью информировать меня, что французское правительство ничего не имеет даже против большого займа. И если, несмотря на все это, г. Витте занимает сдержанную позицию, избегая давать ответ в настоящий момент, то, мне кажется (совсем независимо от политических соображений, которые я не могу не учитывать и о которых я уже имел честь говорить Вам), что руководящий импульс заключается в том, чтобы обеспечить открытие американского рынка и, в особенности, не связывать себя где-либо в другом месте настолько, чтобы упустить благоприятный момент.

Я позволю себе вернуться к вопросу о том, что он в настоящий момент ожидает предложения с нашей стороны.

Остаюсь с уверением в высоком уважении весьма преданный Вам

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, лл. 72—73.— Копия на английском языке.

---

[1] Телеграмма не публикуется, так как ее содержание отражено в данном письме.

№ 47

Телеграмма Дж. П. Моргана А. Ю. Ротштейну в Петербург

Нью-Йорк, 2(15) сентября 1900 г.

Сожалею, но условия Ротштейна невыгодны, [заем] считаю невозможным до тех пор, пока продолжается настоящее положение в Китае.

Морган

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, л. 76.— Телеграфный бланк с расшифровкой на английском языке.

№ 48

Письмо Дж. У. Перкинса А. Ю. Ротштейну в Петербург

Нью-Йорк, 12(25) сентября 1900 г.

Мой дорогой Ротштейн, вернувшись из деловой поездки, я застал Ваше письмо от 7 сентября, подтверждающее получение моего письма от 24 августа [1]. Мы очень рады иметь Ваше заверение о том, что в Петербурге не ведется переговоров с другими компаниями страхования жизни и что ничего подобного даже не имеется в виду. Вы, конечно, уже знаете о том, что мы на прошлой неделе приняли участие в германском займе, а также о нашем участии три недели тому назад в английском займе. Это вместе с нашими крупными вложениями в русские облигации прошлой зимой практически исчерпывает все финансовые операции нашей компании на этот год; как Вы видите, таким образом, мы перевели большое количество американских денег в Европу за последние девять или десять месяцев. Одна из главных причин, побудивших нас сделать это, было требование, предъявленное нам прусским правительством в качестве условия нашего возвращения в Германию. Это требование означало, что мы должны продать все наши акции и все вложить только в облигации. Не позднее 30 дней после того, как эти требования были выполнены, мы заключили с Вами сделку относительно облигаций. Два дня спустя после ее заключения, во время визита, который я нанес доктору фон Мигуэлю [6)], я сообщил ему о нашей русской сделке, и он поздравил меня, одновременно сообщив, что Германия не нуждается в денежных средствах. Так как это случилось всего каких-нибудь девять месяцев тому назад, меня, естественно, позабавил недавний выпуск немецких облигаций, но мы с большим удовольствием приняли участие в этом выпуске по той причине, что Германия оказала нам много услуг в прошлом и это была первая возможность для нас отплатить взаимностью.

Все еще циркулирует очень много слухов о новом русском займе здесь. Поскольку мы хотим сделать все возможное для того, чтобы быстро оказать помощь такому займу любыми доступными для нас средствами, если он появится на рынке, я надеюсь, мой дорогой Ротштейн, что Вы поставите меня в известность об этом возможно заранее с тем, чтобы мы могли приготовиться, в противном случае мы, видимо, будем строить планы участия этой зимой в других операциях, которые могут представиться.

Молниеносный и полный успех немецкого займа больше, чем что-либо другое, пробудил аппетит американских вкладчиков к европейским инвестициям. Мое личное мнение таково, что большой сдвиг, гораздо больший, чем нам это кажется, сделан в течение последних десяти месяцев в деле заинтересования американских вкладчиков в ценных бумагах европейских правительств. Я бы сказал поэтому, что ис-

---

[1] См. док. № 45.

ключительно выгодные условия заключения займов не на слишком большую сумму могли бы способствовать быстрому успеху. Мы слышим каждый день о предстоящих германских и английских займах, которые должны быть выпущены здесь в близком будущем. В течение ближайших четырех недель в здешних финансовых кругах наступит застой в связи с предстоящими президентскими выборами. Я предвижу, однако, резкое оживление сразу же после выборов, так как весьма вероятно, что Мак — Кинли и республиканская партия одержат победу.

С добрыми пожеланиями остаюсь искренне Ваш

Дж. У. Перкинс, второй вице-президент

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, лл. 156—158.— Подлинник на английском языке.

№ 49

Письмо А. Ю. Ротштейна Дж. У. Перкинсу в Нью-Йорк

Петербург, 23 сентября (6 октября) 1900 г.

Дорогой Перкинс, благодарю Вас за интересные сообщения, содержащиеся в Вашем письме от 25 сентября[1]. С сожалением должен сказать, что у меня здесь нет ничего нового, что я мог бы Вам сообщить. Вместе с Вами я твердо верю в то, что большая русская операция могла бы иметь решительный успех, но только одного моего мнения для этого недостаточно, а банкиры не проявляют особенного энтузиазма. Как только вопрос выйдет из состояния предварительного обсуждения, я немедленно сообщу Вам.

Остаюсь с добрыми пожеланиями искренне Ваш

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, л. 159.— Копия на английском языке.

№ 50

Телеграмма Дж. Стиллмена А. Ю. Ротштейну в Петербург

Нью-Йорк, 8(21) ноября 1900 г.

Если уплата Китаем военной контрибуции Соединенным Штатам, о которой идут слухи, Вас интересует, буду рад действовать совместно, если может быть извлечена обоюдная выгода. Уплата [контрибуции] другим державам [будет производиться] тоже.

Стиллмен

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 434, л. 56.— Подлинник на английском языке.

№ 51

Письмо А. Ю. Ротштейна Дж. Стиллмену в Нью-Йорк

Петербург, 9(22) ноября 1900 г.

Милостивый государь, подтверждаю получение Вашей телеграммы от 21 этого месяца[2]. В данный момент мне ничего определенно неизвестно относительно плате-

---

[1] См. док. № 48.
[2] См. док. № 50.

жей, которые Китай может или имеет намерение произвести Соединенным Штатам. Хотя я не думаю, что при существующих условиях такая оплата могла бы быть возможной, так как мы испытываем величайшие трудности в связи с получением задолженностей по прежним займам. Однако, что касается отношения к этому в принципе, то мне доставляет большое удовлетворение знать, что мы можем рассчитывать на сотрудничество с Вами в китайских финансовых операциях, и я надеюсь, что Вы одобряете то, что я передал Ваше сообщение нашему министру финансов. Я буду рад снова обсудить с Вами этот вопрос, когда наступит удобный момент.

Остаюсь преданный Вам

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 434, л. 51.— Копия.

№ 52

Телеграмма Дж. П. Моргана А. Ю. Ротштейну в Петербург

Нью-Йорк, 15(28) ноября 1900 г.

Тщательно рассмотрел дело, и даже при всей готовности с нашей стороны будет абсолютно невозможно, по нашему мнению, сделать что-нибудь до благоприятного разрешения китайского вопроса.

Морган

ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 50, л. 66.— Копия на английском языке.

№ 53

Письмо А. Ю. Ротштейна С. Ю. Витте

Петербург, 17 (30) ноября 1900 г.

Господин министр, с целью поддержания наших отношений с Америкой я написал Моргану, прося его сообщить мне о своем впечатлении относительно положения на рынке, и я его просил соблаговолить телеграфировать мне его точку зрения по этому вопросу. Восемь дней спустя после получения моего письма Морган мне телеграфировал в соответствии с прилагаемой телеграммой [1].

Я считаю своим долгом сообщить эту телеграмму вашему высокопревосходительству и я позволяю себе добавить, естественно, в порядке чисто личного суждения (суждения, однако, разделяемого Кохом, который знает Моргана в течение 30 лет), что Морган не такой человек, чтобы кривить душой. По-моему, мы можем всегда рассчитывать, если это позволит политическая ситуация, на возможность открытия для нас американского рынка.

Примите, господин министр, уверения в совершенной преданности

Ротштейн

На письме помета Витте секретарю: Будьте любезны попросить к себе Ротштейна и передать ему от меня, что я его прошу *никогда и ни с кем*, без *моего всякий раз разрешения* [2], не сноситься с заграничными банкирами по вопросам, касающимся денежных операций русского правительства, поскольку сии операции касаются сего правительства, т. е. всяких посредственных и непосредственных займовых операций. Объясните ему, что подобные сношения приводят заграничных банкиров к предположению, что правительство нуждается в деньгах, ищет займов,— существенно портят государственный кредит.

ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 50, лл. 64—65.— Подлинник.

---

[1] См. док. № 52.
[2] Подчеркнуто С. Ю. Витте.

№ 54

Всеподданнейшая докладная записка С. Ю. Витте «О положении дел на нью-йоркской бирже»

25 ноября (8 декабря) 1902 г.

Положение дел на нью-йоркской бирже привлекает в настоящее время общее внимание европейских денежных кругов и вызывает некоторые опасения относительно будущего. В течение последних лет деятельность нью-йоркской биржи под влиянием создания громадных промышленных синдикатов получила резко очерченное спекулятивное направление и захватила широкие круги населения.

Выпуск новых ценностей в биржевое обращение достиг в 1901 г. суммы в 2500 млн. долларов, т. е. около 5 млрд. руб., а обороты биржи составили свыше 40 млрд. руб. В текущем году создание новых биржевых ценностей не прекратилось. Полных данных еще не имеется, но достаточно указать на Океанский трест (синдикат различных пароходных обществ, поддерживающих сообщение между Америкой и Европой), выпустивший бумаг на сумму около 500 млн. руб., и на некоторые другие промышленные синдикаты.

Выпуск столь громадных количеств новых биржевых ценностей, поглотив большую часть свободных денежных средств, не мог, однако, найти себе прочного размещения среди американской публики, последствием чего явилась необходимость для дельцов и руководителей американского денежного рынка прибегнуть к содействию европейских денежных центров. С другой стороны, первоначальное повышение цен выпускаемых в биржевое обращение ценностей, вызванное привлечением к спекуляции самых широких кругов населения, сменилось под влиянием указанного недостатка денежных средств обратным явлением, и большая часть выпущенных ценностей испытала весьма сильное понижение цен. Нужда в деньгах на нью-йоркской бирже обнаружилась настолько остро, что в течение истекшего сентября и части октября месяца спекуляция вынуждена была платить за пользование деньгами для биржевых оборотов до 25% годовых и даже выше. Задолженность американских банкиров в Европе достигла весьма крупных сумм. Из имеющихся сведений усматривается, что один только банкирский дом «Дж. П. Морган и К°» был должен различным английским банкам и торговым домам свыше 60 млн. руб. Германский и другие европейские денежные рынки тоже были, хотя и в меньшей степени, использованы Америкой.

Все это вместе взятое, в связи с очевидной невозможностью ожидать скорого размещения всей массы вновь созданных биржевых ценностей, вызывает опасения сильнейшего биржевого кризиса в Северной Америке, последствием чего может явиться крушение множества американских предприятий и большие потери европейских денежных кругов, открывших этим предприятиям кредиты.

Непосредственно на наших интересах возможные замешательства в денежных делах Северной Америки отразиться не могут ввиду отсутствия непосредственной денежной связи между нашим и американским рынками, но косвенным образом, под влиянием европейских бирж, которым кризис в Америке угрожает весьма крупными потерями, несомненно, и русский денежный рынок должен будет сильно почувствовать на себе отражение того, что может произойти в Америке.

Опасения, внушаемые положением дел в Нью-Йорке, побудили меня перевести большую часть средств Государственного казначейства, помещенных на счетах у нью-йоркских банкиров, в Европу, так что в настоящее время там имеется лишь около 1 000 000 долларов, часть каковой суммы необходима на оплату купонов русских железнодорожных займов, помещенных там.

Об изложенном приемлю долг всеподданнейше довести до высочайшего вашего императорского величества сведения.

Статс-секретарь Сергей Витте

Помета Николая II: Не следует ли напечатать об этом статью в органе Министерства финансов? [7].

ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 4, д. 315, лл. 133—135.— Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Покотилов Д. Д. — представитель Министерства финансов России в Пекине.— 116.

2) Здесь и далее имеется в виду народное антиимпериалистическое восстание в Китае в 1899—1901 гг.— Ихэтуаньское (неправильно «боксерское») восстание.— 118.

3) Телеграмма получена в Петербурге 6(19) июня 1900 г. На телеграфном бланке помета Витте: «Следует спросить о размере комиссии для Моргана, о коей была речь в первой депеше, которую нельзя было разобрать» (См. ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 200, л. 17).— 120.

4) Имеется в виду телеграмма Ротштейна Моргану от 27 июня (10 июля) 1900 г., в которой Ротштейн сообщал о согласии Витте с проектом контракта о займе (См. ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, л. 57).— 124.

5) Вальдек-Руссо Р.— премьер-министр Франции в 1899—1902 гг.— 130.

6) Мигуэль, фон — министр финансов Германии.— 131.

7) По распоряжению С. Ю. Витте такая статья была напечатана в «Вестнике финансов, промышленности и торговли», 1902, № 48, стр. 374—375.— 134.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ЕГИПЕТСКИХ СВЯЗЕЙ В НАЧАЛЕ XX в.[1]

II. ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ

№ 25

Донесение русского консула в Александрии А. И. Иванова в I департамент МИД о необходимости учреждения в Александрии Русской торговой палаты

Александрия, 1 августа 1902 г.

По инициативе членов иностранных колоний в Александрии давно уже учреждены и функционируют торговые палаты (Chambres de Commerce): Английская, Австро-венгерская, Французская, Итальянская и Греческая. Созданные с целью облегчать и развивать торговые и промышленные сношения между разными странами и Египтом, торговые палаты эти приносят значительную пользу. Россия же, занимающая по таблицам вывоза из Египта второе, а по таблицам ввоза шестое место, не имеет подобного учреждения, которое могло бы способствовать развитию торговли обеих стран. На этом основании и ввиду отсутствия инициативы членов здешней нашей колонии я считал бы весьма полезным учреждение Русской торговой палаты в Александрии.

Нет сомнения, что при облегчении торговых сношений и при удобстве получения надлежащих сведений и справок Египет охотнее стал бы приобретать в России многие продукты, за которые платит дороже производителям и продавцам других государств.

С другой стороны, проектированная торговая палата в скромной сфере своей деятельности, наверно, окажет услуги русской торговле вообще, так как она будет в распоряжении всех русских негоциантов, которые безвозмездно будут в состоянии получать от нее всякого рода сведения, могущие их интересовать.

Главные продукты, привозимые сюда из России, суть: керосин, мука, пшеница, живой скот, сахар и лес. Но возможно будет со временем привлечь сюда наши мануфактурные, бакалейные, спиртовые и другие продукты, которые изредка уже выписываются сюда и теперь.

Вывоз же из Египта в Россию состоит главным образом из хлопка и, в весьма ограниченном количестве, свежей зелени.

В 1901 г. вывезено отсюда в Россию на 1 743 204 египетских фунтов и ввезено сюда на 612 347 египетских фунтов.

Цифры нашего ввоза и вывоза за последние годы все увеличиваются, как явствует из прилагаемой у сего таблицы[2] за последние десять лет.

С разрешения дипломатического агентства представляя при сем на благоусмотрение департамента составленный мною проект устава, имею честь покорнейше

---

[1] О к о н ч а н и е. Начало см. «Исторический архив», 1959, № 1.

[2] Таблица не обнаружена.

просить разрешить мне приступить к организации означенной палаты, которая никогда не будет нуждаться в какой бы то ни было денежной помощи со стороны императорского министерства.

По незнанию некоторыми будущими членами означенной палаты русского языка проект этот составлен на языке французском. Ознакомленные мною с проектом заинтересованные лица нашей здешней колонии выразили мне по сему поводу свою полную готовность содействовать общему делу.

Если императорское министерство признает желательность учреждения в Александрии Русской торговой палаты, было бы крайне полезно, чтобы ее предстоящему возникновению была дана возможно большая огласка среди нашего торгового и промышленного сословия.

Консул А. Иванов

АВПР, ф. Турецкий стол (новый), оп. 502б, д. 6820, лл. 1—3.—Подлинник.

№ 26

Письмо министра финансов С. Ю. Витте министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу о согласии на учреждение в Александрии Русской торговой палаты

27 января 1903 г.

Вследствие отношения от 21 сентября минувшего 1902 г. за № 5196 с препровождением донесения управляющего Генеральным консульством в Египте от 3 августа 1902 г. имею честь сообщить вашему сиятельству, с возвращением приложения № 2, что я, с своей стороны, не встречал бы препятствий к учреждению в Александрии Русской торговой палаты.

Министр финансов С. Ю. Витте

АВПР, ф. Турецкий стол (новый), оп. 502б, д. 6820, л. 7.— Подлинник.

№ 27

Донесение А. И. Иванова в I департамент МИД об утверждении членами русской колонии проекта устава Русской торговой палаты и о выборах комитета палаты

Александрия, 22 мая 1903 г.

В дополнение к донесению моему от 1 августа 1902 г. за № 583 и ссылаясь на согласие, выраженное г. директором департамента от 12 февраля с. г. за № 850, я собрал 12 минувшего апреля членов здешней русской колонии и представил им проект устава Русской торговой палаты, выработанный мною, который был единогласно принят.

На этом же собрании был выбран, кроме меня, комитет палаты из пяти следующих лиц, русско-подданных:

1) А. Прассино — агента Русского общества пароходства и торговли;

2) Е. Малиссона, занимающегося исключительно вывозом хлопка в Россию;

3) Мутафова — представителя в Египте керосинной фирмы А. Манташова и К°;

4) Ф. Колышкина — представителя страхового общества «Россия»;

и 5) М. Герзенштейна, занимающегося ввозом в Египет русской муки.

Представляя при сем копию с протокола вышесказанного собрания членов русской колонии и 10 экземпляров печатанного устава палаты с переводом на русском

языке[1], имею честь покорнейше просить департамент сделать зависящее распоряжение для огласки среди нашего торгового и промышленного сословия об учреждении Русской торговой палаты в Александрии.

Консул А. Иванов

АВПР, ф. Турецкий стол (новый), оп. 5026, д. 6820, л. 19.— Подлинник.

№ 28

Устав Русской торговой палаты в Александрии

12 (25) апреля 1903 г.

Статья первая

В Александрии учреждается Русская торговая палата, имеющая целью облегчить и развить торгово-промышленные сношения между Египтом и Россией.

Статья вторая

Русская торговая палата оказывает, без всякого за то вознаграждения, свое содействие всем русским купцам и промышленникам, а также вообще всем лицам, которые находятся в постоянных коммерческих сношениях с Египтом или пожелали бы завязать таковые. Палата доставляет вышеупомянутым лицам всякого рода полезные сведения, которыми она могла бы располагать, как, например: местные торговые обычаи, тарифы, торговые законы и распоряжения и вообще все, что могло бы интересовать купцов и промышленников. Палата принимает на себя безвозмездно необходимые ходатайства пред египетскими властями для устранения всякого рода затруднений, могущих представиться при различного рода обмене между обеими странами.

Статья третья

Торговая палата оказывает безвозмездно свое содействие всем купцам, без различия национальности, постоянно живущим в Египте, и вообще всем лицам, имеющим постоянные торговые и промышленные сношения между обеими странами.

Статья четвертая

Торговая палата в Александрии заботится об ознакомлении Египта с русскими товарами, а также старается подыскать этим товарам рынки для сбыта; для этой цели она содействует устройству выставок товарных образцов. Такую же помощь она оказывает и египетским товарам, ввозимым в Россию.

Статья пятая

Ввиду крайне ограниченного числа русских купцов, имеющих постоянное жительство в Египте, торговая палата составит свой комитет minimum из шести членов. Членами комитета могут быть только русско-подданные. Комитет избирает из своей среды председателя и секретаря.

Комитет избирается на один год и может быть вновь избран.

В члены торговой палаты могут быть также допущены и иностранно-подданные, имеющие постоянное жительство в Египте, которые заведомо находятся в торговых сношениях с Россией; они представляют комитету прошение о своем желании быть допущенными в члены Русской торговой палаты и считаются таковыми после утверждения комитетом.

[1] См. док. № 28.

Статья шестая

К концу каждого года торговая палата представляет отчет о торговых и промышленных сделках с Россией в первый департамент императорского Министерства иностранных дел и в департамент торговли и мануфактур.

Статья седьмая

Все члены комитета исправляют свои обязанности безвозмездно, поэтому нет надобности в подписке; текущие же расходы взял на себя российский императорский консул в Александрии, который состоит членом комитета по праву занимаемой им должности без выбора.

АВПР, ф. Турецкий стол (новый), оп. 502б, д. 6820, л. 9.— Копия.

№ 29

Письмо старшего советника МИД России К. Э. Аргиропуло секретарю дипагентства в Египте Ю. В. Саблеру об оказании содействия фабричному инспектору Чижову в изучении условий сбыта русских товаров в Египет и ознакомлении с египетской хлопчатобумажной промышленностью

10 сентября 1909 г.

Милостивый государь Юрий Владимирович.

Министр торговли и промышленности уведомил императорское министерство, что в ближайшем будущем отправляется в Египет старший фабричный инспектор С.-Петербургской губернии статский советник Чижов, выразивший готовность принять на себя безвозмездно труд по исследованию условий возможного сбыта наших товаров в означенную страну, а также по изучению постановки в Египте хлопчатобумажной промышленности, а именно: культуры хлопка, торговли хлопком и способов обработки прядильного волокна на месте.

Находя ознакомление с означенной отраслью промышленности весьма полезным с точки зрения наших торговых сношений с Египтом, тайный советник Тимирязев ходатайствует об оказании названному лицу содействия со стороны наших представителей в деле успешного выполнения возложенного на него поручения.

Сообщая об изложенном, имею честь покорнейше просить Вас сделать зависящие распоряжения к удовлетворению ходатайства тайного советника Тимирязева, соображения коего о большой пользе, которая предвидится от означенной поездки для наших торговых сношений с Египтом, всецело разделяются императорским министерством.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

К. Аргиропуло

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 574, л. 41.— Подлинник.

№ 30

Депеша А. А. Смирнова министру иностранных дел России А. П. Извольскому о успехе русской плавучей выставки в Египте

16 (29) января 1910 г.

Милостивый государь Александр Петрович.

Плавучая выставка, организованная Русским обществом пароходства и торговли на пароходе «Император Николай II», прибыла в Александрию 7 (20) января; простояв там пять дней, она проследовала на два дня в Порт-Саид, и, покинув затем Египет, отправилась к берегам Сирии.

Несмотря на непродолжительность пребывания выставки в Египте, я не могу не отметить, как признак значительного успеха, того интереса, который она здесь возбудила.

Еще до прибытия выставки в Александрии образован был под председательством консула нашего А. Н. Абазы выставочный комитет, выработавший подробности, касающиеся пребывания выставки в Александрии. Для посетителей, приезжих из Каира, дипломатическому агентству удалось выхлопотать льготные условия для проезда по железной дороге.

Возвращение хедива в Египет из паломничества в Мекку совпало с последними часами перед уходом парохода «Император Николай II» из Александрии, и потому его высочеству не удалось посетить выставку, на коей, однако, кроме огромного количества публики и всех официальных лиц Александрии, побывал также принц Могаммед-Али, брат хедива, с другими принцами. Я, с полным составом дипломатического агентства и в сопровождении многих русских из Каира, был на выставке на другой же день по ее прибытии, а незадолго до ее ухода посетил ее также и великобританский посланник в Египте сэр Эльдон Горст.

Многие из торговых фирм, принимающих участие в выставке, получили довольно значительные заказы от египетских посетителей, а продаваемые на пароходе произведения нашего мануфактурного и кустарного производства усиленно раскупались публикой.

Успеху выставки, кроме умелой организации и весьма любезного персонала ее, немало содействовало также присутствие духового оркестра 57-го пехотного Модлинского полка, с неслыханным здесь искусством исполнявшего произведения русских композиторов.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

Алексей Смирнов

АВПР, ф. Турецкий стол (новый), оп. 502б, д. 3688, л. 144.— Подлинник.

№ 31

Донесение и. о. русского консула в Порт-Саиде А. Я. Ниссена А. А. Смирнову о возможности открытия в Порт-Саиде выставки русских кустарных изделий

28 февраля 1911 г.

Отдел торговли Министерства торговли и промышленности, признав полезным опубликование извлечения из моего донесения, представленного в ноябре прошлого года по вопросу о сбыте русских кустарных изделий в Египте, разослал вместе с тем «извлечение» учреждениям и лицам, интересующимся продажей и распространением изделий отечественного кустарного производства; благодаря этому я стал получать в последнее время предложения на присылку в Порт-Саид образцов и полных коллекций работ нашего кустаря.

Предложенный мною в донесении способ мне кажется наиболее практичным для того, чтобы наглядно всесторонне ознакомить местную публику с изделиями нашей кустарной промышленности, еще совершенно не известной на рынке Египта или по крайней мере в Порт-Саиде; чтобы облегчить достижение цели и более охотное выполнение ее, я просил лишь высылать сюда образцы и возможно полнее подобранные коллекции, отмечая в моей просьбе то важное обстоятельство, что расходы по устройству и организации выставки-музея не будут касаться экспонентов.

В тех же видах я обеспечил себя здесь желательным в этом деле сотрудничеством одного из наших соотечественников, который по своему общественному положению, личным качествам и коммерческой опытности может быть полезен и

посильно содействовать более успешному начинанию и проведению в жизнь намеченной задачи. Моим сотрудником движут в данном случае не личные интересы и побуждения, но интерес вообще более широкого развития наших торговых сношений с Египтом.

Нельзя не предвидеть, что если бы предлагаемый мною скромный опыт в отношении Порт-Саида оказался успешным, он мог бы, смею думать, послужить примером для других, более значительных торговых центров Египта, как Каир и Александрия, представляющих несомненно огромный рынок для сбыта наших кустарных изделий.

Однако, прежде чем приступить к выполнению моего проекта устройства постоянной выставки-музея образцов, я почтительнейше прошу ваше превосходительство не отказать уведомить меня, не встречается ли с Вашей стороны препятствия или возражений в принципе против намеченной задачи; в случае же одобрения Вами проекта, не признаете ли возможным предоставить мне обратиться к Вам, в свое время, когда окажется необходимым, в видах испрошения у египетского правительства беспошлинного пропуска доставленных образцов кустарных изделий, которые будут экспонированы на выставке.

Докладывая вышеизложенное вашему превосходительству, имею честь препроводить вместе с тем извлечение из моего донесения, опубликованного 14 декабря прошлого года.

И. о. консула А. Ниссен

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 578, лл. 1—2.— Подлинник.

№ 32

Отношение Главного управления землеустройства и земледелия России А. Я. Ниссену об устройстве в Порт-Саиде постоянной выставки-музея русских кустарных изделий

30 ноября 1911 г.

Министерство торговли и промышленности сообщило Главному управлению землеустройства и земледелия Ваши предложения об устройстве в Порт-Саиде постоянной выставки-музея русских кустарных изделий.

Г-н главноуправляющий землеустройством и земледелием признал весьма желательным воспользоваться Вашими предложениями, ввиду чего отдел сельской экономии и сельскохозяйственной статистики считает долгом уведомить Вас, что им приняты меры к собранию указанных Вами кустарных изделий, коих на первый раз предполагается выслать на сумму около 5000 руб.

Одновременно отдел обратился в главную контору Русского общества пароходства и торговли с просьбою дать ближайшие указания относительно пересылки в Ваше распоряжение транспорта кустарных изделий.

Все предметы, которые будут Вам высланы, будут снабжены ярлыками с обозначением цены, в которую будут включены и все накладные расходы.

Отдел будет Вам очень признателен за все те дополнительные указания, которые Вы сочтете нужным сделать.

Член совета главноуправляющего

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 578, л. 27.— Копия.

№ 33

Отношение А. Я. Ниссена в отдел торговли Министерства торговли и промышленности об успехе выставки русских кустарных изделий в Египте

28 июня 1913 г.

Постоянная выставка русских кустарных изделий в Порт-Саиде, открывшаяся 8 декабря 1912 г., вступает в седьмой месяц своего существования, и я считаю своим долгом представить отделу торговли отчет о достигнутых этим скромным предприятием результатах, по которым можно судить о его пользе в будущем, а также возможности последовать его примеру в других странах.

Выставка кустарных изделий, совершенно доселе в Египте не известных, возбудила удивление тех, которые были убеждены в том, что Россия производит лишь керосин, муку и, быть может, лес; она подверглась насмешке других, которые видели в ней способ распространения изделий нашей промышленности, могущих конкурировать с однородными товарами других стран; посещающие выставку туристы-иностранцы и просвещенный класс туземцев поражаются, оценивая художество наших кружев, вышивок, изделий из папье-маше и пирогравюр; большим успехом пользуются также художественные резные изделия Московского губернского земства, и выставка уже неоднократно давала справки проезжающим европейским, а равно и египетским купцам, которые живо заинтересовались разными отраслями нашей отечественной промышленности, и предоставляла возможность им обращаться непосредственно к производителям. Так, выставкой сообщены адреса и различные сведения о некоторых земствах, торговых домах и товариществах, например: В. А. Балакирев и К⁰ в Ростове н/Д., Сиу и К⁰ в Москве, Панфиловых, ст. Неклюдово, Владимирской губ., и других.

В общем я могу уверенно сказать, что без исключения все выставленные изделия пользуются и будут пользоваться успехом, главным образом игрушки, которые положительно поражают всех своей простотой, изящностью и дешевизной; даже изделия, которые первоначально, казалось, не оценивались, как, например, железо-скобяные, глиняные и обувь Казанского земства, пользуются успехом у всех и преимущественно среди англичан.

Общепризнанный факт, что кустарные изделия, вследствие новизны и исключительности своего рода, одни за свою оригинальность, другие за тонкость, художество и законченность, как кружева и коробки из папье-маше, высоко оценены и сбыт их был бы очень легок. Я убежден, что сбыт их установится, но, чтобы достигнуть распространения изделий нашей промышленности вообще и кустарных в частности, необходимо, прежде всего, их показать для ознакомления. В этом смысле скромная порт-саидская выставка оказала значительное влияние, заметное не только в Порт-Саиде, Каире и других городах Египта, но даже и за границей. Неоднократно выставка посещалась прибывшими из Австралии и Индии англичанами, которые пожелали приобрести виденные ими кустарные изделия. Об этих изделиях они, несомненно, слышали от своих соотечественников, рекомендовавших посетить нашу выставку.

Успех этот достигнут выставкой без содействия рекламы и помощи прессы, русской, местной или иностранной, так как наше скромное предприятие не могло пользоваться столь шумными мерами для привлечения посетителей, дабы слишком большой рекламой не повредить выставке, привлекая посетителей в таком количестве, что на спрос их пришлось бы ответить отказом, что, несомненно, произвело бы неблагоприятное впечатление. По той же причине я должен был отказаться от раздачи на борту пароходов пассажирам рекламных карточек-открыток, отпечатанных на нескольких языках.

Выставка не могла продавать помещенные в ней изделия прежде всего потому, что не была уполномочена на это, и, кроме того, если бы она продавала их, то через месяц она прекратила бы свое существование за недостатком товаров.

Не стану перечислять, сколько спросов на некоторые изделия были отклонены; много раз можно было и даже вынуждены были[1] удовлетворять требования некоторых посетителей, но часто, даже очень часто, нужно было ответить отказом. Только кружева Темниковской кружевной школы, присланные г-жей Е. Ю. Демидовой, и вышивки Крестецкого уездного земства могли продаваться регулярно, так как выставка периодически снабжалась этими изделиями.

Если кустарные изделия оценены и на них имеется спрос, то из этого вытекает, что они могут сбываться,— эти два мотива мною доказаны вышеизложенным. Однако в торговом мире предложение всегда должно идти навстречу спросу: покупатель не должен встречать никаких препятствий к отысканию необходимого ему продукта, а, наоборот, это должно быть для него всячески облегчено, а потому с этой целью при выставке необходимо устроить склад, в котором частный покупатель, а равно и купец, мог бы совершать свои закупки. Впрочем, идея эта неоднократно мною уже излагалась, но я подчеркиваю ее еще раз, приводя следующие соображения.

Изделия нашей промышленности вообще, и в частности кустарные, почти неизвестны в Египте, почему склонить местного коммерсанта или купца другого крупного египетского рынка заказать в России товар, качество которого ему неизвестно и ходкость которого на здешнем рынке он определить не может, очень трудно, не говоря невозможно. Лишь после того, как купцы убедятся, что публика оценивает и покупает их изделия, они смогут увериться в перепродаже купленных товаров и решатся заказать их, тогда наши изделия, постепенно распространяясь, приобретут себе обширный сбыт.

Одинаково трудно убедить коммерсанта давать заказы на изделия, виденные им только на выставке.

Что касается кустарных изделий, в частности, то тут встречается затруднение другого рода: у нас нет каталогов, цены изменчивы и различны, например цены на одни и те же изделия, но происходящие от различных земств, также неодинаковы.

С другой стороны, предполагая, что местные коммерсанты решились посылать заказы непосредственно земствам, является вопрос: будут ли они выполнены? Ведь предыдущими фактами доказано, что в некоторых городах Европы, где кустарные изделия были успешно ввезены, продажа их прекратилась вследствие неисполнения сделанных вновь заказов.

Кроме этих главных препятствий, есть также и другие затруднения, не менее важные, происходящие от переписки, условий продажи, медленности в получении товаров и других мелких неудобств; все это, соединяясь, образует камень преткновения, с которым сталкиваются местные коммерсанты.

Устранение всех перечисленных затруднений и препятствий, облегчение в широких размерах сношений между нашими и местными купцами является главной задачей склада; по достижении этой цели сношения могут наладиться и окрепнуть настолько, чтобы вестись непосредственно, без содействия выставки или склада. Это возможно лишь тогда, когда обе стороны настолько будут ознакомлены, что будут взаимно друг другу доверять, без чего немыслимо установить прочные и продолжительные торговые сношения.

Препятствием к завязыванию торговых сношений со странами Востока является еще и то, что наши экспортеры, в том числе и земства, не предоставляют своим покупателям кредита, а требуют внесения платы вперед при заказе и в редких случаях при представлении коносамента. Эти условия, к которым не привыкли египетские коммерсанты, пользующиеся, напротив, большими облегчениями, предоставляемыми им всеми европейскими странами, никогда не принимаются, и после обмена писем предполагаемые сделки не могут состояться.

Доверие приобретается, но не предписывается, а потому, если наши промышленники и экспортеры не питают доверия к египетским купцам, то почему и на осно-

[1] Так в тексте.

вании чего последние должны настолько верить нашим, чтобы присылать авансом стоимость заказов?

Роль предполагаемого склада — быть посредником, могущим внушить доверие обеим сторонам. Наши промышленники, посылая свои изделия складу, были бы гарантированы в получении их стоимости; с другой же стороны, местные коммерсанты, видя присланные товары, не сомневались бы в их количестве и качествах, и потому не требовали бы отсрочки для уплаты. Таким образом, продажа совершалась бы за наличный расчет к обоюдному удовлетворению сторон. Вместе с тем местный купец не был бы вынужден делать разом крупные заказы, так как он мог бы постепенно по мере надобности, запасаться необходимым ему товаром, что предоставило бы небезразличную выгоду.

Таков, в общих чертах, способ, предполагаемый мною для облегчения экспорта наших товаров в Египет, обзор экономических условий которого подсказал мне именно этот способ, как первый и необходимый шаг к практическому расширению наших торговых сношений. Идея эта, впрочем, основана не только на теоретических соображениях, но и на следующих фактах.

Устраивая кустарную выставку, я желал, чтобы она оказывала гостеприимное отношение ко всем изделиям нашей промышленности вообще. Благодаря поддержке, которую Министерство торговли и промышленности беспрестанно оказывает выставке, несколько торговых фирм откликнулись на призыв мой, прислав свои изделия. Я могу перечислить товарищество фабрик А. Сиу и К° в Москве, А. М. Остроумов в Москве, В. А. Балакирев и К° в Ростове н/Д., наследников В. С. Баташева в Туле, которые начали продавать свои изделия в Египте при помощи и содействии выставки.

Никогда в Порт-Саиде, и быть может во всем Египте, не говорили про русскую парфюмерию, а таковая теперь продается. Не знаю, ввозились ли прежде сюда русские конфекты, но в настоящее время А. Сиу и К° их продает не только в Порт-Саиде, но и в Каире. Когда я пожелал ввозить сюда самовары, то сомневались в моем начинании, но фабрика наследников В. С. Баташева может подтвердить, что ее коллекции трижды были распроданы. Никогда здесь не говорили о консервах Балакирева, а в настоящее время Балакирев ввозит их.

Конечно, не стану утверждать, что перечисленные мною дела важны, только это — начало, которое, как и во всяком деле, трудно. Но началу основа положена, и эти примеры могут быть повторены.

Установились мнения и убеждения, что наша промышленность не может никакими и ни на одном рынке соперничать с иностранными изделиями. Это мнение ложно, и если бы мы его упорно придерживались, то это нас обрекло бы к полнейшему застою. В настоящем донесении я не имею его оспаривать доводами и примерами, но должен сказать, что если наши товары не ввозятся, то лишь потому, что они неизвестны. Суть не в борьбе с иностранными товарами, а в сбыте своих, в особенности тех, которые совершенно отличаются от иностранных. Вот где кроется разрешение этой экономической задачи.

Какое отношение к нам имеет то обстоятельство, что австрийцы продают лакированную обувь, испанцы — эспадрили или французы валансьены, если мы на том же рынке можем сбывать, не вредя другим, обувь Казанского земства, валенки или кружева Темниковской кружевной школы?

Существует еще другое предубеждение, что на Востоке нельзя соперничать с германской промышленностью. Это мнение также ошибочно. Действительно, немцы составили себе тут обширную клиентуру, но не вследствие высокого качества их изделий, которые всеми признаются недоброкачественными, но рекламой и коммивояжерами, а в особенности значительными облегчениями, предоставляемыми покупателю по уплате. Вот тайна их господства. Неизвестно, по каким причинам до сих пор наши купцы не поняли и не оценили значение рекламы: они ждут, чтобы покупатель сам явился за товаром, в то время как иностранцы опережают их, предлагая свои изделия.

В этом заключается главная причина тому, что мы занимаем второстепенное

место среди других стран по торговле с Востоком. Отсутствие предприимчивости, характеризующее наших купцов, констатируется даже в тех странах, где они не имеют соперников и где, являясь хозяевами положения, они могли бы ввозить свои товары без малейшего препятствия и с большой легкостью. Чтобы отвратить это явление, затрудняющее и убыточное для нашего экспорта, необходимо его удалить, что было бы достигнуто устройством постоянных выставок постепенно и во всех центрах торгового мира, представляющих интерес для нас. Эти выставки с успехом заменили бы для нас коммивояжеров.

Смею верить, что Министерство торговли и промышленности в своей высокой компетенции может судить о пользе этой системы и, если возможно, поощрить ее. Но, как я уже объяснял, выставка не может сразу давать практических результатов, а что при ней необходимо устроить склад товаров, который представлял бы собою то учреждение, которое давно имеется в других странах под названием синдикатов. Было бы преждевременно привить такую мысль в России теперь, но все-таки пример «Austro-Orientalische Aktiengeselschaft», Societé Hougroise Levantine» и «Union Exportgeselschaft», которые представляют собою промышленные синдикаты австрийцев, венгров и немцев, доказывают, какую значительную роль и влияние они оказывают на торговлю в Египте.

Преследуя мою мысль об учреждении склада, я написал по данному мне отделом сельской экономии и сельскохозяйственной статистики Главного управления землеустройства и земледелия указанию предложения некоторым земским управам и кустарным артелям, изделия которых имеются на выставке, а именно: Казанской, Московской, Полтавской, Вятской, Костромской и Нижегородской губернским и Торжецкой уездной земским управам, Павловской кустарной артели, кружевным школам Е. Н. Половцевой и княгини А. Д. Тенишевой.

Какой ответ будет дан на предложения эти (копию его имею честь при сем представить для сведения отдела), я не могу предвидеть; все-таки для приведения в исполнение моего проекта было бы весьма желательно, чтобы он был утвердителен.

Я не колеблюсь заявить, что складу русских товаров предстоит большой успех, так как сбыт этих изделий будет произведен не только в Порт-Саиде, но и в Каире, откуда я уже неоднократно получал предложения и главным образом от владельцев «National-Hotel», которые настаивают, чтобы я устроил выставку в их учреждении. Мысль эта зарождалась уже неоднократно, и я вполне оцениваю ее пользу и выгоды, но как можно открывать выставку в таком большом городе, как Каир, если нет товаров для продажи?

Возвращаясь к проектируемому складу, я полагаю, что устройство его было бы нетрудно, если бы земства охотно посодействовали, снабжая склад товарами на сумму не более четырех тысяч рублей каждое.

Кажется вполне логичным, что если, с одной стороны, помогают, поощряют и содействуют нашим кустарям производить их изделия, то, с другой стороны, следует способствовать также и сбыту их изделий, который за границей возможно учредить и расширить лишь при помощи системы складов, так как земства еще не скоро смогут вступить в непосредственные сношения с иностранными купцами. Это убеждение основано на моем личном опыте и наблюдениях в других городах Европы, где делались попытки ввозить изделия наших кустарей.

На Востоке каждый склад должен предшествоваться выставкой, которая служит ему показателем будущей его деятельности, и только когда наблюдения благоприятны и убедительны, склад можно открыть параллельно с выставкой.

Да дозволено будет мне теперь сказать еще несколько слов о порт-саидской выставке.

Я ее устроил на собственные средства, поддерживаю ее и буду поддерживать еще до конца текущего года, но дальше и больше не смогу ей помочь.

Склад, если только он создастся, сможет покрыть расходы по его содержанию и служащих, я в этом убежден, но до тех пор, пока он сможет покрывать расходы по содержанию выставки, она должна субсидироваться еще один год. Я доказал пользу

выставки, достигнутые ею скромные результаты и те, которые она сможет достигнуть по моим предположениям.

Не буду больше настаивать на моем предприятии, которое сам не могу расхваливать, но смею надеяться, что Министерство торговли и промышленности и Главное управление землеустройства и земледелия в их высокой компетенции могут судить о том, может ли быть опыт с выставкой повторен и должна ли она в течение этого времени субсидироваться.

Что же касается меня лично, то я не буду жалеть своих усилий и понесенных расходов: я пожелал произвести опыт — и произвел его; он же доказал мне пользу моего проекта, которая станет очевидной лишь со временем. Если, однако, обстоятельства изменятся и мой опыт не будет доведен до конца, мне придется жалеть единственно о том, что я ошибся.

А. Ниссен

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 578, лл. 70—77.— Копия.

№ 34

Записка Комитета для развития русской торговли в Египте А. А. Смирнову о программе своей деятельности

25 апреля 1915 г.

Вследствие запроса вашего превосходительства по содержанию отношения Министерства торговли и промышленности Комитет для развития русской торговли в г. Каире, основанный в октябре месяце минувшего года, имеет честь представить Вам следующие сведения.

Создание учреждения, могущего облегчить торговые сношения между Россией и Египтом, уже давно казалось необходимым, так как главным препятствием для развития этих сношений являлось полное незнакомство египетских коммерсантов с русской промышленностью, с одной стороны, и с другой — незнание русскими фабрикантами условий египетского рынка и торговых обычаев в долине Нила.

Названный Комитет, программа деятельности которого точно указана в отношении Комитета от 6 (19) марта с. г. [1], действительно стремится сблизить русского фабриканта с египетским рынком.

Для осуществления своей задачи Комитет организовал уже справочный отдел, который снабжает коммерсантов как с русской, так и с египетской стороны сведениями товарно-справочного характера в связи с их делами по торговле между Россией и Египтом.

Информационная деятельность Комитета, доставляющего посредством справочного отдела многочисленные справки по торговле заинтересованным лицам и учреждениям, и положила начало сближению русских промышленников с египетскими коммерсантами.

Из фирм, согласившихся в принципе вывозить свои товары в Египет, можно указать на следующие: Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района в Москве; Совет съездов представителей промышленности и торговли Юга России в Одессе; акционерное общество Варшавской паровой мельницы в Варшаве; г-да Марриот и Зелигман в Либаве; г-н Густав Гольдфедер в Варшаве и др.

Кроме того, Российская экспортная палата в Петрограде и наванный Комитет, имея много общего в своих программах и целях деятельности, вступили в сношения на основаниях взаимного сотрудничества, чтобы общими усилями довести русско-египетские торговые сношения до наибольшего развития. Эти оба учреждения уже приступили к исследованию некоторых вопросов, как, например, вывоз из России в Египет табака, цемента и строительных материалов и обратно из Египта в Россию гуммиарабика, а равно как и других важных вопросов, разработке которых будет

[1] Документ не публикуется.

дано место на страницах находящегося в печатании бюллетеня Комитета, несколько экземпляров коего Комитет не преминет доставить отделу торговли.

Комитет решил организовать в своем помещении выставку образцов предметов русского производства с тем, чтобы дать возможность египетским коммерсантам наглядно ознакомиться с этими предметами и с их качествами. Эти образцы будут зарегистрированы в особые книги вместе с обозначением места их происхождения, адресов фабрикантов, условий продажи и проч.

Равным образом будут пересылаться в Россию, через посредство Комитета, Русской экспортной палате или другим учреждениям, по указанию отдела торговли, образцы продуктов Египта и Судана для ознакомления с ними русского рынка.

Так как товарообмен между Россией и Египтом совершенно парализован в настоящее время военными действиями, то проектируемая выставка отложена до открытия проливов.

В настоящее время, несмотря на тяжелые условия для всяких торговых сношений между Россией и Египтом, Комитету удалось заинтересовать каирских коммерсантов настолько, что он уже насчитывает более ста действительных членов и членов-соревнователей, в числе которых фигурируют очень крупные фирмы Египта, а равно и банковые учреждения в лице своих директоров и видные представители финансового мира.

Правление Комитета состоит из 10 членов действительных под председательством состоящего при императорском дипломатическом агентстве г. Малека.

Принимая во внимание, что Египет не имеет почти никакой промышленности, можно полагать, что производства русской промышленности смогут занять здесь подобающее место, чему по мере сил и будет способствовать Комитет.

За правление Комитета
Председатель [*подпись*][1]
Генеральный секретарь [*подпись*][1]

АВПР, ф. Турецкий стол (новый), оп. 502б, д. 3674, лл. 2—3.— Подлинник.

[1] Подпись неразборчива

ЗЕМСКИЙ СОБОР 1575 г. И ПОСТАВЛЕНИЕ СИМЕОНА БЕКБУЛАТОВИЧА «ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ ВСЕА РУСИ»

Из публикуемых материалов мы узнаем, что 30 сентября 1575 г. Иван Грозный «велел» боярам, воеводам и большим дворянам из войска, расположенного на южных границах, и из украйных городов прибыть в Москву «для собору». Значение этого факта в изучении истории земских соборов в России XVI в. трудно переоценить. О соборе 1575 г. в исторической литературе до сих пор ничего не было известно, и вслед за собором 1566 г. историки сразу же переходили к так называемому «избирательному» собору 1584 г., поставившему на царство Федора Ивановича.

Из-за крайней скудости документальных материалов создавалось неправильное представление о деятельности земских соборов в России XVI в. Недавно М. Н. Тихомиров указал на факт созыва неизвестного земского собора в 1580 г. Однако он должен был констатировать, что между 1566 г. и 1580 г. имеется «громадный промежуток времени», за который не дошло сведений о земских соборах. Вместе с тем, М. Н. Тихомиров выразил уверенность, что новые открытия помогут заполнить эту пустоту [1].

Публикуемые документы подтверждают предположение М. Н. Тихомирова о наличии земских соборов в промежуток между 1566 и 1580 гг. и лишний раз свидетельствуют о весьма активной деятельности земских соборов в России на протяжении всей второй половины XVI в.

Наряду с известием о земском соборе 1575 г. мы публикуем также список бояр и воевод, бывших «на берегу» весной и летом 1575 г. Сопоставление этого списка с росписью оставшихся там воевод после 30 сентября 1575 г. дает некоторое представление о том, кого же из наиболее крупных военачальников вызвал Иван IV в Москву для участия в земском соборе. Среди отправившихся в Москву бояр и воевод встречаются имена И. В. Шереметева, И. Ю. Голицына, В. Ю. Голицына, П. И. Татева, принимавших участие в земском соборе 1566 г. Однако некоторые участники земского собора 1566 г., как например, В. И. Телятевский, А. Палецкий, Р. В. Охлябинин были оставлены Иваном IV для несения береговой службы и на земском соборе 1575 г. не присутствовали.

Известно, какие большие споры среди русских историков породил вопрос о характере представительства на земских соборах в России XVI в. Публикуемые материалы свидетельствуют о том, что бояре, воеводы и большие дворяне из действующего войска, сконцентрированного на южных границах, и из пограничных городов отправлялись в Москву на собор «по государеву указу», «по списку». Эти данные не позволяют преувеличивать значения выборности, избирательной борьбы и т. п. в деятельности русских земских соборов XVI в.

В свете новых материалов о земском соборе 1575 г. приобретает особый интерес сообщение Горсея о том, что «было созвано *великое со всех провинций собрание* (курсив наш.— *В. К.*) в Консистории св. духа и, из опасения заговоров, приказано произ-

---

[1] М. Н. Тихомиров. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI в. «Вопросы истории», 1958, № 5, стр. 17.

нести присягу на верность в Москве». Далее Горсей рассказывает о «долговременных прениях, представлениях и доводах собрания», которые были «подробно изложены и описаны в *акте* (курсив мой — *В. К.*) и поданных царю на рассмотрение». Горсей подчеркивает проявившиеся тогда секуляризационные устремления Ивана Грозного, действовавшего в интересах оскудевших служилых людей, и говорит о том, что эти устремления встретили упорное сопротивление участвовавших в соборе духовных феодалов [1]. Поскольку Горсей сообщает «о великом со всех провинций собрании» сразу же после известия о казни Тулупова, имевшей место в 1575 г., и рассказа о каком-то заговоре, есть основания полагать, что в данном случае Горсей описывает деятельность земского собора 1575 г. [2]

Представители южных городов и находившегося там дворянского войска были вызваны царем в Москву 30 сентября 1575 г. Если учесть, что на проезд им требовалось определенное время, то начало заседаний земского собора следует отнести к первой половине октября 1575 г. Собор собрался в октябре 1575 г., но уже в этом месяце (30 октября) было написано знаменитое челобитье Ивана Грозного, адресованное «великому князю всеа Руси» Симеону Бекбулатовичу, в котором он называл себя «князем Иваном Васильевичем Московским» и просил разрешить ему произвести перебор «людишек» [3].

Поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Руси» вызвало недоумение не только у далеких от политики современников, но и у исследователей, трудившихся над историей России второй половины XVI в. Малочисленность источников мешала историкам дать сколько-нибудь удовлетворительное объяснение этим действиям Ивана Грозного. Публикуемые материалы о земском соборе 1575 г. и две ввозные грамоты, выданные «великим князем всеа Руси» Симеоном Бекбулатовичем новгородским помещикам, в совокупности с показаниями других источников дают возможность несколько прояснить эту загадочную страницу царствования Ивана Грозного.

Опричнина подорвала силы княжеско-боярской оппозиции. Однако сопротивление родовитых потомков княжат и их приверженцев не было сломлено до конца. Не решена была и задача обеспечения дворянства землей и рабочими руками. Много княжеских и боярских вотчин вместо того, чтобы перейти в руки дворян, ушло в монастыри. В ходе тяжелой Ливонской войны служилое воинство все больше и больше оскудевало. Поэтому с 1572 г., когда была проведена серьезная реформа опричнины, политика Грозного своим острием все больше и больше направлялась в сторону церкви. В голове царя возрождались планы секуляризации церковных и монастырских земель, и в 1575 г. Грозный приступил к их практической реализации.

Судя по показаниям Горсея, вопрос о секуляризации стал предметом обсуждения земского собора 1575 г., во всяком случае освященного собора, являвшегося его частью. Сталкиваясь с упорным нежеланием духовных феодалов поступиться своими землями и привилегиями, Грозный прибегнул к чрезвычайным мероприятиям. Используя подставных лиц для достижения определенных целей в области внешней политики (Магнус), царь решил сделать подставным лицом внутри России Симеона Бекбулатовича, поставив его «великим князем всеа Руси». Это поставление сопровождалось ликвидацией жалованных грамот духовным феодалам. Очевидно, они не были подписаны на имя нового «великого князя» и потеряли вследствие этого свое значение. Горсей и Флетчер сообщают о том, что в конце 1575 г. Грозный от имени Симеона Бекбулатовича ликвидировал привилегии церкви и духовенству, а затем, че-

---

[1] Дж. Горсей. Записки о Московии XVI в., СПб. 1909, стр. 36—37.

[2] В ноябре 1575 г. Грозный говорил английскому послу Даниилу Сильвестру о «изменах» и «неповиновении» своих подданных. См. Ю. Толстой. Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею 1553—1593. СПб. 1875, стр. 182. Приехавший тогда же в Россию в составе посольства германского императора Даниил Принц сообщал, что «незадолго до нашего прибытия он (Грозный.— *В. К.*) лишил жизни сорок дворян, которые во второй раз составили заговор на его жизнь». См. Даниил Принц. Начало и возвышение Москвы. «Чтения ОИДР», кн. 3, М., 1876, стр. 29.

[3] «Послания Ивана Грозного», М.— Л. 1951, стр. 195—196.

рез год, отправив Симеона в Тверь, вернул им эти привилегии, но в урезанных размерах [1]. Обращение к жалованным грамотам подтверждает эти сообщения Горсея и Флетчера [2].

Публикуемые ввозные грамоты, выданные от имени «великого князя всеа Руси» Симеона Бекбулатовича новгородским помещикам, рисуют политику Ивана Грозного в отношении дворянства. Отметим, что подобные грамоты чрезвычайно редки. Дореволюционными историками было обнаружено пять таких грамот [3]. П. А. Садикову удалось увеличить их число еще на одну [4]. Указывая на крайнюю малочисленность находящихся в распоряжении историков грамот от имени «великого князя всеа Руси» Симеона Бекбулатовича, П. А. Садиков писал: «Невольно встает вопрос: не имеем ли мы здесь дело с последующим изъятием подобных актов, когда Симеон был сведен Иваном IV с «великого князя?» [5]. Однако факт предъявления публикуемых ввозных грамот в ходе земельного дела 1594 г. новгородскими помещиками с целью удостоверения своих владельческих прав не позволяет полностью принять это предположение П. А. Садикова. Эти грамоты имели юридическую силу и в 90-х годах XVI в., т. е. спустя значительный промежуток времени после их выдачи Симеоном Бекбулатовичем. Малочисленность же подобных актов следует объяснять, на наш взгляд кратковременностью его правления (менее года), а также тем, что он не выдавал жалованных грамот монастырям, в архивах которых сохранилось большинство дошедших до нас документов XVI в.

Особый интерес представляет приведенное в одной из публикуемых грамот изложение неизвестного в исторической литературе указа Ивана IV о массовом переводе служилых людей из уездов, взятых в государев удел, в уезды, оставшиеся в земщине. Эти перемещения производились до 29 марта 1576 г., так как этим числом помечена пришедшая в Новгород грамота Симеона Бекбулатовича, сообщающая о распоряжении Ивана IV о высылке детей боярских из районов Зубцова и Ржева и об испомещении их на землях тех «бояр, и дворян и детей боярских», которых «взял князь Иван Васильевич Московской к себе в удил» (см. док. № 3). В данном случае мы получаем документальное свидетельство о том, что предложения, изложенные в челобитье Ивана IV Симеону Бекбулатовичу от 30 октября 1575 г. о переборе «людишек», получили незамедлительное практическое осуществление.

Как видно из публикуемых материалов, в 1575—1576 гг. произошло возрождение опричной политики в формах, во многом характерных для 1565—1572 гг. Однако в это время речь шла не столько о сокрушении княжеско-боярской оппозиции, сколько о наступлении на привилегии духовных феодалов с целью облегчения положения поместного дворянства, являвшегося социальной опорой правительства Ивана IV.

* * *

Известие о земском соборе 1575 г. содержится в наиболее полных списках разрядных книг XVI в. среди разрядных записей за 1575—1576 гг. Оно так же как и росписи воевод, находившихся на береговой службе весной, летом и осенью 1575 г., публи-

---

[1] См. Дж. Горсей. Ук. соч., стр. 30—31. Дж. Флетчер. О государстве Русском, СПб., 1905, стр. 50.

[2] См. П. А. Садиков. Из истории опричнины XVI в. «Исторический архив», т. III, М.— Л., 1940, № 72—73, стр. 280—289; ЦГАДА, ф. Грамот Коллегии экономии, Вологодской у., № 2609, Владимирский у., № 1842, Балахнинский у., № 409.

[3] Н. Полевой. Русская вифлиофика или собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы, т. I, М., 1833, стр. 201—203; «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею», т. I, СПб., 1836, № 209 и 292; «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею», т. I, СПб., 1841, № 195; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки в XVI столетии. СПб., 1888, стр. 472.

[4] П. А. Садиков. Из истории опричнины XVI в. «Исторический архив», т. III, М.— Л., 1940, № 69, стр. 278.

[5] П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.— Л., 1950, стр. 145, прим. 1.

куется по рукописи разрядной книги № 496 из собрания Щукина Государственного исторического музея (ГИМ)[1].

На л. 542 Щукинской разрядной книги вслед за списком с царской грамоты от 4 декабря 1575 г. помещена запись о поставлении Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Руси», аналогичная записи в Башмаковской разрядной книге[2].

На лл. 547 об.— 555 помещен разряд Калужского похода, в котором Иван IV и его сын Иван Иванович называются «князьями Московскими», а Симеон Бекбулатович «великим князем всеа Руси».

«Того ж году (1576 г.— *В. К.*) апреля в 28 день поход государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и сына ево государева князя Ивана Ивановича Московских на свое дело и на земское в Колугу на службу, а с ними дворовых воевод: боярин князь Федор Михайлович Трубецкой да Афанасей Федорович Нагово, боярин князь Иван Петрович Шуйской» (л. 547 об.). Далее следует роспись бывших в Калужском походе с Иваном IV дворян.

В этой фразе, открывающей разряд 1576 г., видна правка последующего переписчика: Иван IV назван здесь одновременно «царем и великим князем всеа Русии» и князем «Московским». Но в дальнейшем текст государева разряда 1576 г. передается без искажений. На л. 549 сказано: «За государем же со князь Иваном Васильевичем и сыном ево князь Иваном Ивановичем Московскими великого князя Симеона Бекбулатовича всеа Руси бояре и воеводы на берегу по полком для крымского приходу». В дальнейшем приводится роспись земских бояр, воевод и бывших с ними в походе дворянских голов. В записи на л. 554 об. Иван IV и его сын Иван Иванович также называются «Московскими»: «Того ж году государь и ево государев царевич Иван Московские ездели по берегу и смотрели бояр, и воевод, и дворян и детей боярских».

Разряд Калужского похода 1576 г. представляет большой интерес для изучения вопроса о поставлении Симеона Бекбулатовича великим князем всеа Руси и о судьбах опричнины. Из него следует, что в 1576 г. войско делилось на дворовое и земское. Первое возглавлялось царем и дворовыми воеводами, в прошлом опричниками, кн. Ф. М. Трубецким и А. Ф. Нагово, во главе второго стоял великий князь всеа Руси Симеон Бекбулатович и земские воеводы кн. И. Ф. Мстиславский, П. В. Морозов и др. Даже беглый просмотр этого разряда показывает, что в основном ближайшее окружение Ивана IV составляли тогда лица, бывшие в опричнине, но в состав двора были включены также и некоторые представители рода Шуйских. В то же время, по данным В. Б. Кобрина, в земском войске, участвовавшем в Калужском походе, находился ряд бывших опричников[3]. Эти факты свидетельствуют о глубокой реорганизации опричнины в начале 70-х гг. XVI в. и о возрождении опричной политики в 1575—1576 гг. в изменившихся условиях.

Публикуемые две новые грамоты от имени «великого князя всеа Руси» Симеона Бекбулатовича извлечены нами из неописанных столбцов Новгородской приказной избы в ЦГАДА (стб. № 42753, ч. III, дело из 12 листов).

В 1594 г. новгородский помещик Обонежской пятины Т. И. Баранов обратился к властям с челобитьем. Это челобитье не сохранилось, но содержание его легко восстанавливается по имеющимся в деле ссылкам. Т. И. Баранов просил записать за ним земли, пропущенные во время описания Обонежской пятины 1582—1583 гг. и о дополнительных пожалованиях. В обоснование своего челобитья он предъявил новгородскому воеводе кн. Д. А. Ногтеву ввозную грамоту, выданную ему 18 июля 1576 г. от имени «великого князя всеа Руси» Симеона Бекбулатовича. Подлинник ввозной грамоты был вклеен в дело (л. 3)[4]. Новгородские власти произвели сравнение данных

[1] Характеристику Щукинской разрядной книги см. В. И. Буганов. Обзор списков разрядных книг последней четверти XV — начала XVIII вв. «Проблемы источниковедения», т. VI, М., 1958, стр. 167.

[2] См. там же, стр. 170—171.

[3] См. В. Б. Кобрин. Список опричников. Рукопись, принятая к печати «Археографическим ежегодником».

[4] На л. 1 говорится о предъявлении ввозной грамоты. На л. 2 приведена справка из приговора новгородского воеводы кн. П. С. Лобанова-Ростовского от 24 сентября 1593 г.

ввозной грамоты с писцовыми книгами 1582—1583 гг., установив, что «прописано в писцовых в Ондреевых книгах 91-го году перед ввозною грамотою 84-го году за Третьяком за Ивановым сыном Баранова Третьякова поместья Константинова сына Боранова в Никольском погосте, на Явосме, деревня на рыбежне пол-обжи, деревня Старова гора пол-обжи, деревня Чавкова пол-обжи. И всего пол-2 обжи» (л. 5). Далее на л. 5—6 помещена выпись из приправочных книг А. Лихачева «с товарищи» 1563—1564 г. Поскольку Т. И. Баранов просил об отдаче ему в поместье 5 обеж, оставшихся за окладом у Бражника и у Никиты Обернибесовых, была проведена справка с челобитьем и выпиской из дела этих помещиков. На л. 7 приведено челобитье Бражника и Никиты Обернибесовых о выдаче им отдельной грамоты и о пустошах, не записанных за ними писцом А. Плещеевым, о которых предлагалось «справиться по ввозной нашей грамоте». Лл. 8—9 дела занимают выписи из писцовых книг А. Плещеева 1582—1583 г. и справка о том, что Бражник и Никита Обернибесовы были «иванегородцкими годовщиками», получившими придачу за исправную службу из нетчиковых поместий. На лл. 10—12 помещен список ввозной грамоты, выданной позднее 29 марта 1576 г. Н. М., Б. А., Н. А. и Т. С. Обернибесовым от имени «великого князя всеа Руси» Симеона Бекбулатовича. Конец грамоты не сохранился.

В. И. Корецкий

№ 1

Роспись воевод, бывших на береговой службе

10 апреля — 11 июля 1575 г.

Тово ж лета апреля в 10 день стояли воеводы по берегу для крымских людей приходу по полком: в большом полку бояре и воеводы князь Иван Юрьевич Булгаков-Голицын [1] да Иван Меньшой Васильевич Шереметев [2] стояли в Серпухове.

В передовом полку боярин Петр Васильевич Морозов [3] да окольничей князь Дмитрей Иванович Хворостинин [4] стояли в Колуге.

В правой руке воеводы князь Василей Юрьевич Голицын [5] да окольничей князь Петр Иванович Татев [6] стояли на Мшеге. И князь Петр Татев списков не взял для Ивана Шереметева и бил челом государю царю и великому князю на Ивана Шереметева в отечестве, и государь велел ему суд дать, и суд им был.

В левой руке воеводы князь Ондрей Петрович Хованской [7] да князь Федор Иванович Хворостинин [8], и князю Федору Хворостинину велел государь быть к Москве, а на ево место велел государь быти князь Тимофею Ивановичу Долгорукому Рышкову [9], а стояли на Кошире.

В сторожевом полку воеводы князь Иван Костентинович Курлятев да Федор Васильевич Шереметев [10], стояли на Коломне.

И тово ж лета июля в 11 день велел государь с Коломны князю Ивану Курлятеву быть в Полоцку на князь Семеново место Пронского, да с ним в товарищах князю Ивану Дуде Лыкову на князь Федорово место Лыкова, а в ево место в сторожевом полку велел государь быть в первых князю Василью Ивановичю Телятевскому.

У наряду князь Дмитрей князь Петров сын Елецкой да Лука Назаров сын Новосильцов.

У обозу князь Семеон князь Иванов сын Коркодинов да Федор Пунко Молвенинов.

Писал к государю князь Иван Булгаков, что князь Ондрей Хованской списков не возмет за князь Иваном Курлятевым, что князь Иван в сторожевом полку, а он в левой руке.

И от государя писано ко князю Ондрею Хованскому, чтоб списки взял и государевым делом промышлял, а в левой руке быти ему меньши князя Ивана Курлятева пригоже.

С Коломны писал Федор Шереметев, что ему велено быть в сторожевом полку со князь Иваном Курлятевым, а в правой руке велено быть в других князь Петру

Татеву и государь бы ево пожаловал, велел дать щот со князем Иваном Курлятевым и со князь Петром Татевым.

И к Федору от государя писано, чтоб на службе был без мест, а как служба минетца и тогда государь суд и щот даст.

А в ыных розрядех пишет, что государь ко князю Ондрею Хованскому и к Федору Шереметеву прислал на князь Ивана Курлятева невмесные грамоты, и князь Ондрей Хованской и Федор Шереметев по тем государевым грамотам списки взяли.

ГИМ, Собрание Щукина, № 496, лл. 532 об.— 533 об.— Список.

№ 2

Изложение указа Ивана IV о прибытии в Москву на земский собор бояр, воевод и больших дворян из войска, расположенного «на берегу», и из украйных городов и роспись оставшихся «на берегу» воевод

30 сентября 1575 г.

Лета 7084-го году сентября в 30 день велел государь бояром и воеводам князю Ивану Юрьевичю Булгакову-Голицыну, и иным воеводам и большим дворяном з берегу и з украйных городов быти к Москве по списку для собору [1].

А которым воеводам указал государь быть на берегу после больших воевод и тому роспись:

В большом полку в Серпухове князь Ондрей Петрович Куракин.

В правой руке на Мышеге воевода князь Ондрей Петрович Хованской.

В передовом полку в Колуге воевода князь Роман Васильевич Охлябинин [11)].

А в левой руке на Кошире воевода князь Тимофей Иванович Долгорукой.

В сторожевом полку на Коломне воевода князь Василий Иванович Телятевской [12)].

А детем боярским, и стрельцом, и донским казаком, и черкасом, и судовым всяким людям итить по-прежнему по полкам, по росписи, по списком, оприч тех дворян, которым быти по государеву указу на Москве.

А о судовых людях государев указ вборзе [2] будет.

А в ыных розрядех пишет:

Стояли государевы воеводы в осень по берегу по полком:

В большом полку в Серпухове князь Ондрей Петрович Куракин да князь Ондрей Палецкой [13)].

В передовом полку в Колуге князь Роман Васильевич Охлябинин да князь Семен Тюфякин.

В правой руке на Мышеге князь Борис [3] Петрович Хованской да Иван Михайлович Бутурлин.

А в левой руке на Кошире князь Тимофей Иванович Долгорукой да князь Микита Васильевич Тюфякин.

В сторожевом полку на Коломне князь Василей Иванович Телятевской да князь Федор Васильевич Тюфякин.

И про тот осенней розряд справитца с ыными розряды, так ли было подлинно или не так?

ГИМ, Собрание Щукина, № 496, лл. 536 об.— 537.— Список.

---

[1] В разрядной книге № 85 из ф. Оболенского (далее Оболенск) (ЦГАДА): «сабору». Для этого списка характерно аканье.

[2] Оболенск. ошибочно: «вобозе».

[3] Оболенск. ошибочно: «Борис». Следует читать: «Ондрей».

№ 3

Ввозная грамота «великого князя всеа Руси» Симеона Бекбулатовича Н. М., Б. А., Н. А., Т. С. Обернибесовым на поместья в Воскресенском, Дмитровском и др. погостах Обонежской пятины

Позднее 29 марта 1576 г.

Снимок с грамоты.

По великого князя Семиона Бекбулатовича всеа Руси грамоте о[т] князя Василья Ивановича Телятевского да от Петра Ивановича Волынского да от дьяка от Ильи Осеева в Обонежскую пятину, в Вос[к]ресенской погост, в Лучне, в деревню в Пезделское, слове[т] Ерихино, на полторы обжи да в зяднем дворе, в деревню в Захожеи, на полторы обжи, да в середнем дво[ре] в Захожее, в вопчею деревню словет Исаковская, вопче [с] Степаном [с] Скрипициным да с Вежицким монастырем, на полторы обжи, да в Николской погост, на волок Хотслав, в деревню в Лопастино, в болшей двор, на обжу, в деревню Ручалово, в деревню в Басково, в обе дерени, на обжу с третью, в деревню в Поташино Преснецы, на обжу, в деревню в Онисимов[о], двор болшей, на обжу, в деревню в Медведеве, словет Горка, на обжу, в деревню в Корпово, на обжу, в деревню в конце, на полторы обжи, в деревню в конце же Кининская, словет Фалелеевская, на обжу, в деревню в конце же Михайловская, на две обжи с третью, в деревню в Безрядово, словет Заполье, на обжу, в деревню в Тручалово, словет Пронино, на две обжи, в деревню в Кирилово, словет Королево, на обжу без пол-трети, в деревню в Новинку, копан на дворе, на пол-обжи, в деревню в Новинку, на пол-обжи, в деревню в Морозовичи, словет Терехово на пол-обжи, в деревню в Григорьево, вопче со вдовою Огрофиною с Григорьевскою женою Култашева да ее патчерицами с Ульяною да с Аннаю, на пол-обжи, да в деревню в новех, словет Болагаево, на треть обжи, в деревню у новей, словет Фокино, на пол-обжи, в деревню в Дубна, на обжу, в деревню в Новой двор, словет Дубок, в деревню, на песку, Треснино, в обее на обжу без трети, да в Климецкой погост, в Колбеги, в деревню в Усадишо, в Михново, на по[л]-обжи, да в Заручье, на водне, на ч[е]тыре обжи, в деревню в Горку на полообжи, да в Дмитревской погост, в Кременичи, в деревню в Старостино, вопче с Ываном з Бутаковым, на три обжи, в деревню в Болотье, на две обжи. И всего на тритцать на четыре обжи, что были те деревни за Левою да за Третьяком за Паниными детми Болкошина. Да в Спаской погост, на Шижню, в деревню в Шижне, против погоста, Терехово, Медведево, в деревню в Кукой на Мяприе ручью, в обеих деревнях на две обжи с третью, в деревню в Лухте на реке на Шижне, на обжу без трети, в деревню на Паше, на Старом пороге, на обжу, в деревню Терехово, словет Медведево, на обжу, в деревню в Горбушку, Юхново, на треть обжи, в деревню на Мегрине ручью, словет Угол, на обжу, в деревню в Горку, словет Ванковых, на полторы обжи, в деревню в Завражье, Еримино, на треть обжи, в деревню в Фекину Горку, на ручью на Телнуе, на обжу без трети, в деревню [в] Малышово, в Братловичах, на реке на Паше, на обжу, в деревню в Рекосар, на волоке, в Братловичах, в Верхнем конце, Ивана Секирина, словет Кайсарово, на обжу, в деревню [в] Мягрино на полторы обжи. Всего на двенадцать обеж с третью, что были те деревни за Самсоном за Онр[д]ревым сыном Волосатого. И всего в пяти погостех на сорок на шесть обеж с третью, а четвертной пашни на четыреста на шездесят на три четверти.— Всем крестьянам, которые в тех деревнях живут.

Писал князь великий Семион Бекбулатович всея Руси в Великий Новгород к нам, ко князю Василью Телятевскому да к Петру Волынскому, до ко мне, Илье Осееву, в нынешнем в 84-м году, марта в дватцать девятый [1] день: которых детей боярских из Зубцова и изо Ржевы выслал князь Иван Васильевич Московской, а велел их испомещивати на тех землях, которых бояр, и дворян и детей боярских взял князь Иван

[1] В тексте «девявытый».

Васильевич Московской к себе в удил. И князь великий Семион Бекбулатович всея Руси тем Левонтьевым да Третьяковым Болкошиных да Самсоновским Волосатово помесьтими пожаловал Непогода Матвеева сына Обернибесова, да Бражника Офонасьева сына Обернибесова, да Никиту Офонасьева сына Обернибесова, да Третьяка Семенова сына Обернибесова в их оклады, Непогоде в двесте в пятдесят чети, сто чети, Бражника в триста в пятдесят чети, сто пятдесят чети, Микиту в двесте в пятдесят чети, сто чети, Третьяка в двесте в пятдесят чети, сто чети...[1]

По склейкам: Дьяк Дмитрей Алябьев.

На об. по склейкам: К сему списку Никита руку приложил.

ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, стб. № 42753, ч. III, дело из 12 лл., лл. 10—12.— Копия.

№ 4

Ввозная грамота «великого князя всеа Руси» Симеона Бекбулатовича Т. И. Баранову на поместье в Дмитровском и в Никольском погостах Обонежской пятины

18 июля 1576 г.

По великого князя Семиона Бекбулатовича всеа Русии приказу от князя Василья Ивановича Телятевского да от Петра Ивановича Волынского да от дьяков от Посника Дмитриева сына Хворощина да от Ильи Осеева в Обонежскую пятину[14)] в Дмитреевской погост, на Капшу, в деревню в Реиково на реке на Паше, на обжу, в деревню Кренево, на пол-обжи, в деревню в Левошино, двор на берегу, вопче с Семеном Скобелцыным, на пол-обжи, в деревню в Горку на реке на Паше, на обжу, в деревню на перевозе, на пол-обжи, в деревню в Услу, на обжу, в деревню Крежкрут на Саре в Ладвошах, на обжу, в деревню в Митрошинскую на пол-обжи, в деревню Фофанково на Светом ручью, вопче с Васильем да с Харлампием с Селивачевыми, на пол-обжи, да в Николской погост, на Явосьму, в деревню в Тручевскую, в словет Босово, на пол-обжи, в деревню на рыбежне Усовская на пол-обжи, в деревню, на рыбежне Паново, пол-обжи, в деревню в Старову гору, на пол-обжи в деревню Чавково, на пол-обжи, что были те деревни в поместье за Третьяком за Костянтиновым сыном Боранова.— Все крестьяном, которые в тех деревнях живут.

Пожаловал князь великий Семион Бекбулатович всеа Русии теми деревнями в поместье со всеми угодьи Третьяка Иванова сына Боранова в его оклад в тритцать пять обеж. А по отделным книгам Тимофея Забелина 83-го году написано в тех деревнях девять обеж. И вы б все крестьяне, которые в тех деревнях живут, Третьяка Боранова и его приказщика слушали и пашню на него пахали и доход ему помещиков хлебной и денежной платили, чем вас изоброчит.

К сей ввозной грамоте князь Василей Иванович Телятевской да Петр Иванович Волынской да дьяки Посник Дмитреев сын Хворощин да Илья Осеев печати свои приложили.

Писана в Великом Новегороде лета 7084, июля в 18 день.

На обороте: [Дияк] Посник Хворощин, дияк Илья О[сеев].

Правил подьячей[2].

ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, стб. № 42753, ч. III, дело из 12 лл., л. 3.— Подлинник. Четыре черно-восковых печати прикреплены в левом нижнем углу грамоты.

---

[1] Конец грамоты не сохранился.
[2] В тексте имя и фамилия заклеены.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Булгаков-Голицын И. Ю.— участник земского собора 1566 г. в качестве дворянина первой статьи. См. «Собрание государственных грамот и договоров» (СГГД), ч. 1, М., 1813, стр. 550. Первое упоминание о нем как боярине встречается в октябре 1573 г. См. «Синбирский сборник», т. I, М., 1844, стр. 42—152.

2) Шереметев Меньшой И. В.— боярин с 1559 г. См. П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга (ДРК). М., 1901, стр. 204. Участник земского собора 1566 г. См. СГГД, ч. 1, стр. 547.—152.

3) Морозов П. В.— впервые упоминается как боярин в 1553 г.— ДРК, стр. 162—152.

4) Хворостинин Д. И.— в опричнине с 1565 г. См. В. Б. Кобрин. Ук. соч., стр. 125; окольничий с 1569 г. См. «Синбирский сборник», т. I, стр. 23.—152.

5) Голицын В. Ю.— впервые упоминается как боярин с 1574 г. См. «Синбирский сборник», т. I, стр. 46. В числе дворян первой статьи принимал участие в земском соборе 1566 г. См. СГГД, ч. I, стр. 550.—152.

6) Татев П. И.— окольничий с 1573 г. См. «Синбирский сборник», т. I, стр. 42. В числе дворян первой статьи принимал участие в земском соборе 1566 г. См. СГГД, ч. 1, стр. 549. В ноябре 1575 г. П. И. Татев «являл» царю послов германского императора Максимилиана. См. «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. I, СПб., 1831, стр. 512.—152.

7) Хованский А. П.— опричник с 1570 г. См. В. Б. Кобрин. Ук. соч., стр. 130—131.—152.

8) Хворостинин Ф. И.— опричник с 1565 г. См. В. Б. Кобрин. Ук. соч., стр. 126.—152.

9) Долгорукий Т. И.— окольничий с 1579 г. См. «Древняя российская вифлиофика». т. XIV, М., 1790, стр. 366.—152.

10) Шереметев Ф. В.— окольничий с октября 1576 г. См. «Синбирский сборник», т. I, стр. 57.—152.

11) Охлябинин Р. В.— участвовал в работе земского собора 1566 г. в числе дворян первой статьи. См. СГГД, т. I, стр. 549.—153.

12) Телятевский В. И.— участвовал в работе земского собора 1566 г. в числе дворян первой статьи. См. СГГД, т. I, стр. 550. В 1569 г. опричный воевода. См. В. Б. Кобрин. Ук. соч., стр. 115. В 1576 г. воевода в Новгороде.— 153.

13) Палецкий А.— участвовал в работе земского собора 1566 г. в числе дворян первой статьи. См. СГГД, т. I, стр. 549.—153.

14) Садиков П. А. ошибочно считал, что Обонежская пятина в 1576 г. находилась в опричнине. См. П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, М.—Л. 1950, стр. 334.—155.

ИЗ ИСТОРИИ АЗОВСКОГО ПОХОДА 1696 г.

Среди опубликованных источников по истории Азовского похода 1696 г. исследователь не найдет официальных документов командующего русской армией, которые последовательно излагали бы главные события военных действий на юге страны. В этом отношении предлагаемые вниманию читателя документы будут исключением.

Официальные донесения командующего русской армией боярина А. С. Шеина о движения армии, осаде и падении Азова, посланные на имя Петра I в Разрядный приказ, обладают ценностью источника, вышедшего из-под пера автора непосредственно в дни событий, изложенных в документах. Нетрудно доказать, что некоторые документальные свидетельства более позднего происхождения во многом основывались на отписках А. С. Шеина. Отдельные выдержки из этих донесений дословно повторяются в письмах Петра I, в рукописи «Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову», изданной еще в 1773 г. В. Рубаном [1].

Небольшая компактная группа документов данной публикации, затрагивая основные факты, не освещает всего хода военных действий. Так, например, автор официальных отписок, сообщая об успешных боях с турецкими войсками (см. док. № 3 и 4) умалчивает о неудаче дворянского ополчения в столкновении с татарской конницей 24 июня 1696 г., засвидетельствованной другими документальными источниками [2]. Остаются забытыми в этих документах и некоторые другие незначительные события осады Азова.

Однако, в известные до сих пор немногословные описания осады и падения Азовской крепости эти документы вносят ряд существенных и колоритных деталей. Так, в отписке о взятии Азова (см. док. № 5) имеются некоторые подробности, рисующие картину сражения 17 июля 1696 г. на турецком валу более полно. «И твои, великого государя, ратные люди,— пишет А. С. Шеин,— на турецкий вал Азова города многие взошли. А малороссийские войска в то ж время на тот ж роскат взошли ж и с неприятели бились довольно и многих из них побили, и тем роскатом овладели, и с того ж роскату четыре пушки взяли». Очевидно, свидетельство генерала П. Гордона о том, что 17 июля 1696 г. осаждающая русская армия предприняла лишь демонстрацию вылазки, чтобы воспрепятствовать туркам обрушиться на украинских казаков, ворвавшихся на турецкий вал, неточно [3].

Как видно из отписки А. С. Шеина, казаки и войска вошли на турецкий оборонительный вал одновременно («в то ж время на тот ж роскат»). Это ставит под сомнение тот факт, что казаки совершили вылазку на оборонительный вал по собственному почину, заметив открывшуюся возможность захватить его без приказа [4]. Если признать версию «Сказания об осаде Азова», согласно которой казаки «пошли на вал своевольно, без указу, не согласясь с московскими войски» [5], будет непонятно, по-

---

[1] См. Письма и бумаги Петра Великого, т. 1, СПб, 1887, стр. 81; Поход боярина и большого полку воеводы А. С. Шеина к Азову, изд. В. Рубана, 1773, стр. 91.

[2] См. Письма и бумаги Петра Великого, т. 1, № 101.

[3] См. Tagebuch des generals Patrick Gordon, III, 54—55.

[4] См. Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. II, приложение XIII, стр. 493—494; М. М. Богословский. Петр I, Материалы для биографии, М., 1940, стр. 330.

[5] Древняя Российская Вивлиофика, «Сказание об осаде Азова», XVI, 269.

чему эти русские войска оказались на турецком оборонительном валу одновременно с украинскими казаками. Свидетельство А. С. Шеина до некоторой степени меняет наши представления об этой решающей схватке, ускорившей сдачу турецкого гарнизона крепости. К числу интересных подробностей можно отнести и яркую картину капитуляции Азова (см. док. № 5).

Для характеристики усилий русского правительства, направленных к укреплению южных границ страны в конце XVII в., весьма интересны документы № 5 и 6 публикации. Освещаемое ими восстановление взятой крепости было одним из первых мероприятий по созданию укрепленного оборонительного района на берегу Азовского моря.

Публикуемые впервые документы извлечены из материалов Государственного архива Воронежской области. Составителю публикации пришлось отказаться от первоначально принятого в архиве определения принадлежности этих документов к фонду Разрядного шатра, отдельные документы которого хранятся в этом архиве. Отнесение этих документов к фонду Разрядного шатра сомнительно, поскольку на них имеются пометки о их получении через почту, следовательно в Москве. Известно, что почта, отправленная из-под Азова 15 июля 1696 г., прибыла в Москву 26 июля [1]. Так как отписка боярина А. С. Шеина (см. док. № 3), адресованная в Разрядный приказ, также была отправлена 15 июля 1696 г. и получена 26 июля того же года, то нет оснований сомневаться в том, что она прибыла в Москву. Письма Петра I с сообщением о сдаче турецким гарнизоном Азовской крепости, отправленные из армии 20 июля 1696 г., были получены в Москве 31 июля 1696 г.[2], т. е. так же, как сообщение А. С. Шеина в Разряд (см. док. № 4). Остальные документы находились в пути столько времени, сколько, по крайней мере, было необходимо для их пересылки из армии в Москву. Отписка из Воронежа шла 3—4 дня (31 марта — 4 апреля 1696 г., см. док. № 1), из Черкасского 8—11 дней (19—24 июля — 31 июля 1696 г., см. док. № 2 и 19 августа — 31 августа 1696 г., см. док. № 6).

Сопоставляя эти данные, можно сделать вывод, что документы публикации необходимо отнести к фонду Разрядного приказа. Вместе с тем, эти документы — не копии, а подлинники. Они являются официальными донесениями командующего русской армией в Азовском походе в Разряд.

Каким же образом отписки боярина А. С. Шеина попали в Воронеж? Коллекция древних актов Государственного архива Воронежской области, состоящая из нескольких фондов,— одно из редких собраний, не потерявших большого научного значения и в наши дни. Ее основу образуют документальные материалы Азовской приказной палаты, доставленные из Азова в Воронеж в 1711 г. Начиная с середины XIX в. это собрание постоянно росло благодаря усилиям деятелей Воронежской археографической комиссии. Интересующие нас документы, по-видимому, прошли через руки одного из энтузиастов-собирателей, которым обязан своим богатством Государственный архив Воронежской области (ГАВО).

Г. М. Лифшиц

№ 1

Отписка А. С. Шеина о начале похода русской армии к Азовской крепости

Не ранее 31 марта — не позднее 1 апреля 1696 г. [3]

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу холоп твой Алешка Шеин челом бьет.

В нынешнем 204-м году по твоему, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, указу велено

[1] См. Письма и бумаги Петра Великого, т. 1, стр. 591.

[2] См. М. М. Богословский. Петр I, т. 1, стр. 334.

[3] Отписка, составленная не ранее 31 марта 1696 г., когда Шеин прибыл в Воронеж, не могла быть получена в Москве 4 апреля 1696 г., о чем говорит помета на ней, если бы она была отправлена почтой позже 1 апреля 1696 г.

мне, холопу твоему, быть на твоей, великого государя, службе з большим полком с твоими, великого государя, ратными с конными и пешими людьми в низовом походе для промыслу над турецким городом Озовом. И по твоему, великого государя, указу на тое твою, великого государя, службу пошол я, холоп твой, с Москвы марта в 15 числе и пришол на Воронеж марта в 31 день, а с Воронежа собрався я, холоп твой, с твоими, великого государя, ратными с конными и пешими людьми пойду не мошкая.

А сию отписку послал я, холоп твой, чрез почту и велел подать в Розряде боярину Тихону Никитичю Стрешневу с товарищи.

На документе пометы: 204-го апреля в 4 день чрез почту. Записать в книгу и взять к отпуску.

ГАВО, ф. Разрядный приказ, 1696 г., д. 1, л. 15.— Подлинник.

№ 2

Отписка А. С. Шеина о приходе русской армии в Черкасский

Не ранее 19 мая — не позднее 24 мая 1696 г.[1]

[Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу холоп твой Алешка Шеин челом][2] бьет.

По твоему, великого государя, указу велено мне, холопу твоему, быть на твоей, великого государя, службе з большим полком с твоими, великого государя, ратными с конными и пешими людьми в низовом походе под Азовом для промыслу над тем городом Азовом и над неприятельскими людьми. И по тому твоему, великого государя, указу я, холоп твой, на тое твою, великого государя, службу з большим полком с твоими, великого государя, ратными людьми с Воронежа пошол апреля в 26 день плавною, а на Дон в Черкаской пришел майя в 19 день нынешняго 204 году, а из Черкаского, собрався я, холоп твой, со всеми твоими, великого государя, конными и пешими ратными людьми и, ополчася воинским ополчением, под Азов пойду без мотчания.

И прося у господа бога милости и у пресвятыя богородицы, и у всех святых помощи и заступления, над турецким городом Азовом и над неприятельскими людьми промысл и поиск чинить стану, сколько тои ж милосердый господь бог помощи подаст.

А что у меня, холопа твоего, в походе под Азовом учнет чинитца, о том к тебе, великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу я, холоп твой, писать стану.

А сию отписку послал я, холоп твой, через установленную почту и велел подать в Розряде боярину Тихону Никитичю Стрешневу.

На документе помета: 204-го майя в 31 день чрез почту.

ГАВО, ф. Разрядный приказ, 1696 г., д. 1, лл. 3—4.— Подлинник.

№ 3

Отписка А. С. Шеина об осаде русской армией Азовской крепости и боевых действиях против конных отрядов крымских, кубанских и ногайских татар

15 июля 1696 г.

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу холоп твой Алешка Шеин челом бьет.

В нынешнем 204-м году по твоему, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, указу велено

---

[1] Документ был составлен в Черкасском, где А. С. Шеин был с 19 по 24 мая 1696 г. (См. Письма и бумаги Петра Великого, СПб., 1887, т. I, стр. 572).

[2] Начало документа вырвано.

мне, холопу твоему, быть на твоей, великого государя, службе в низовом Озовском походе з болшим полком с твоими, великого государя, ратными с конными и пешими людьми для промыслу и поиску над турецким городом Азовом морским и сухим пути.

И по тому твоему, великого государя, указу я, холоп твой, с твоими, великого государя, ратными с конными и пешими людьми пришел к Азову июня в 7-м числе и стал, устроясь обозом, воинским ополчением от Азова в ближних местех.

И за божиею поспешествующею помощию с того числа над тем городом Азовом промысл и поиск чинитца со всяким желательным радетельством. Немедленно тот город Азов осажден накрепко, въезду и выезду в него и из него нет, сухие и воденые пути, море и устьи донские все заперты московского морского корована судами, а на них многочисленными твоими, великого государя, ратными людьми и пушками те неприятельские пути отняты.

А июня з 10-го числа и сего июля месяца в розных числех приходили к абозу полку моево, холопа твоево, крымской Нурадын-салтан, да кафинский Муртаза-паша и Кубек-ага кубанской з двемя ханскими сынами и с ыными со многими мурзами с крымскими татары и с кубанскими нагайцы многолюдством на оборону Азова большого полку моево, холопа твоево, на самые обозы.

И я, холоп твой, прося у господа бога милости и у пречистые богородицы, и у всех святых помощи и заступления, с твоими, великого государя, ратными людьми великоросийскими и малоросийскими войски из обозу своево против их выходили, и с теми неприятельскими людьми были бои довольные.

И милостию, государь, божиею и предстательством заступницы рода християнского пречистые богородицы, и всех святых помощию и заступлением, а твоими, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, праведными молитвами и счастьем на тех боях многих неприятельских людей побили и в полон языков поимали, и гнали тех неприятельских людей не по одно время от обозу до речки Кагальника, на которых боях взят знатной бек мурза нурадынов Амелдеш и Аталык. И те взятые языки в распросех сказали, что на тех боях знатные мурзы и татаровя, и нагайцы побиты многие, и сам Нурадын ранен тяжелою раною. Да на бою ж убит кубанской первой Дулак-мурза и голова ему отсечена, и привезена в обоз, и неприятельские люди той головы по многие дни просили на окуп.

И я, холоп твой, за такую победу воздал благодарение господу богу. Да за помощию того ж всесильнаго в троице славимаго бога полку моево твоими, великого государя, великоросийскими и малоросийскими конными и пешими ратными людьми над городом Азовам чиним ко взятию того Азова воинской промысл днем и ночью непрестанно.

И для крепкого приступу и охранение в том приступе твоих, великого государя, великоросийских и малоросийских конных и пеших ратных людей к городу Азову от шанец учали вал валить земляной. И тем валом и шанцами подошли близь азовских городовых стен к самому рву и ис пушек своих у азовцев роскаты их розбили и пушечную стрельбу у них отбили.

А впредь что у меня, холопа твоего, воинских промыслех над Азовом и над неприятельскими людьми в поисках учнет чинитца, о том к тебе, великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, я, холоп твой, писать стану. А сию отписку послал я, холоп твой, чрез почту июля в 15 день и велел подать в Розряде боярину Тихону Никитичю Стрешневу.

На документе пометы: 204-го июля 26 день чрез почту. Взять к отпуску и записать в книгу.

ГАВО, ф. Разрядный приказ, д. 1, л. 8—10.— Подлинник.

№ 4

Отписка А. С. Шеина о взятии Азовской крепости

19 июля 1696 г.

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу холоп твой Алешка Шеин челом бьет.

В нынешнем 204-м году июля в 15 числе писал к тебе, великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, я, холоп твой, о приходе своем на твою, великого государя, службу с твоими, великого государя, ратными конными и пешими людьми под Азов и о боях с крымским Нурадыном-салтаном, и с Муртазою-пашою кафинским, и с Кубеком-агою кубанским, и с крымскими татары, и с кубанскими нагайцы, и о победе над ними, и что за божиею помощию полку своево твоими, великого государя, великороссийскими и малоросийскими конными и пешими ратными людьми над городом Азовом чиним ко взятию того Азова воинской промысл днем и ночью непрестанно, и для крепкого приступу и охранение в том приступе твоих, великого государя, ратных людей к городу Азову от шанец учали валить вал земляной и тем валом и шанцами подошли близь азовских городовых стен к самому рву.

А после того тот вал к азовским городовым стенам привалил и ров засыпали. И июля ж, государь, в 19 день милостию всесильнаго в троице славимаго бога и предстательством пречистые богородицы, рода християнского помощницы, и всех святых помощию и заступлением, и твоими, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, праведными молитвами и счастием я, холоп твой, полку моево твоими, великого государя, великоросийских и малоросийских войск ратными людьми усердным радетельством и воинским крепким промыслом, и храбростию турской город Азов со всеми в нем осадными сидельцы и с пушками, и со всякими воинскими полковыми и осадными припасы, и с хлебными запасы взяли.

А каким способным промыслом тот город Азов взяли, о том к тебе, великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, я, холоп твой, писать стану впредь.

А сию отписку послал я, холоп твой, чрез почту июля в 19 день и велел подать в Розряде боярину Тихону Никитичю Стрешневу.

На документе помета: 204-го июля в 31 день чрез почту.

ГАВО, ф. Разрядный приказ, д. 1, лл. 5—7.— Подлинник.

№ 5

Отписка А. С. Шеина о военных действиях в последние дни осады Азовской крепости и сдаче турецкого гарнизона

Не позднее 5 августа 1696 г.[1]

Великому государю царю великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу холоп твой Алешка Шеин челом бьет.

В нынешнем 204-м году июля в 19 числе писал к тебе, великому государю, я, холоп твой, о промысле и о взятии города Азова, а каким поведением тот Азов взят, о том писать стану впредь.

И сего, государь, июля месяца в 17-м числе милостию превеликого бога нашего в троице славимаго и предстательством пресвятые богоматере девы Марии, и молит-

[1] Датируется на основании того, что 5 августа 1696 г. Петр I писал Виниусу: «Почты отсель (т. е. из Азова.— *Г. Л.*) больши этой не будет для того, что слава богу, все зделано и писать не о чем, а последнюю почту отпустят в тот день, как отступят». (См. М. М. Богословский. Петр I, т. I, стр. 339). Последняя же почта, отправленная из Азова не позднее 16 августа, когда Шеин оставил Азов, не могла попасть в Разрядный приказ 20 августа, о чем говорит помета на документе.

вами всех святых, и твоими, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, праведными молитвами и счастием тех военных кровавых трудов радостное облехчение восприяли промыслом и радением моим, холопа твоего.

И большого полку моего твоими, великого государя, великоросийскими и малоросийскими ратными людьми службою и неусыпным радением во облежении будущие около города Азова земляной вал к неприятельскому рву отвсюду равномерно привалили и из-за того валу, ров заметав и заровняв, тем ж валом через тот ров до неприятельского валу дошли и валы сообщили столь блиско, что возможно было с неприяте[лем] и, к[роме][1] оружия, едиными руками терзатися, уж и земля за их вал метанием в город сыпалась.

И сего ж июля 17-го числа в пяток твои, великого государя, малоросийские войска по жребию своему в тех трудех пребывающие, при которых неотступно был муж добродетели и в воинских трудех искусны наказной гетман Яков Лизогуб, предворили неприятельской роскат подкопать. И твои, великого государя, ратные люди на турецкой вал Азова города многие взошли.

А малоросийские войска в то ж время на тот ж роскат взошли ж и с неприятели бились довольно, и многих из них побили, и тем роскатом овладели, и с того ж роскату четыре пушки взяли.

А июля ж, государь, в 18-м числе в суботу о полудни неприятели, азовские сидельцы, видя полку моево, холопа твоево, твоих, великого государя, великоросийских и малоросийских войск крепкое на град Азов наступление и промысл радетельной, а свою конечную погибель, замахали шапками и знамена приклонили и выслали от себя из города для договору двух человек знатных людей. И били челом тебе, великому государю, чтоб ты, великий государь, пожаловал их, велел город Азов и невольников, которые взяты великоросийского и малоросийского народов, принять, а их бы даровать животом и отпустить их з женами, и з детьми, и с пожитки в их бусурманские краи.

А на знак уверения и твердости в правде оставили у меня, холопа твоего, в обозе дву человек аманатов и того ж числа отдали немчина Якушку, которой изменя, из войск московских ушол к ним в Азов и бусурманился прошлого году.

А в 19-м числе сего ж июля месяца в день недельный часу в другом дни я, холоп твой, с твоими, великого государя, ратными людьми к Азову городу ездил, и азовские жители бей и аги и начальные люди со всеми азовскими сидельцы из горда з знамены вышли и невольников вывели, и тебе, великому государю, до били челом[2], и знамена на землю предо мною, холопом твоим, положили, и тот город мне, холопу твоему, отдали.

И я, холоп твой, знамена и невольников взять у них, а город описать со всеми будучими в нем припасы велел боярину князю Михайлу Никитичю Львову, а их, азовских сидельцов, против их челобитья з женами и з детьми, и с пожитки отпустить в их бусурманские краи.

А что по описи в том городе явилось пушек и пушечных и всяких полковых припасов, и о том к тебе, великому государю, я, холоп твой, послал книги за дьячьею приписью. А воеводою в Азове приказал я, холоп твой, быть до твоего великого государя, указу стольнику князь Петру княж Григорьеву сыну Львову, а в товарищех сыну его князь Ивану, а с ним пехотных московских стрелецких и салдацких полков с стольники и полковники оставил восмь тысяч человек.

А город Азов приказал я, холоп твой, строить вновь инженером твоими, великого государя, ратными людьми. А в городе велел построить церковь во имя пресвятыя богородицы похвалы.

И июля ж з 21-го числа тот город строить начали, и то городовое строение ныне приходит в совершение. А как то городовое строение в совершение придет, и о том

---

[1] Взятые в скобки части слов в документе вырваны.
[2] Так в тексте.

к тебе, великому государю, я, холоп твой, буду писать впредь и чертеж пришлю. А построя, государь, город за божиею помощию, с твоими, великого государя, ратными людьми пойду к тебе, великому государю, к Москве чрез Волуйскую степь со всяким опасением и осторожностью от неприятельских людей. А войска запорожского обоих сторон Днепра к гетману Ивану Степановичю Мазепе и белогородского разряду к боярину и воеводе к Борису Петровичю Шереметьеву писал я, холоп твой, о замыслех бусурманских, и в которых местех их поганские войска обретаютца, чтоб ко мне, холопу твоему, в большой полк о том, писали наспех, чтоб с твоими, великого государя, ратными людьми, мне, холопу твоему, дойти было до Волуйки безо всякого опасения.

А которые, государь, неприятельские турецкие люди были на море кораблями и в поле крымские и нагайские орды конницею и те, государь, неприятельские рати все пошли в свои бусурманские краи.

А отписку и книги велел подать в Розряде боярину Тихону Никитичю Стрешневу.

На документе помета: 204-го августа 20 день чрез почту.

ГАВО, ф. Разрядный приказ, д. 1, лл. 11—14.— Подлинник.

№ 6

Отписка А. С. Шеина о восстановлении укреплений Азовской крепости и возвращении русской армии в Черкасский

19 августа 1696 г.[1]

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу холоп твой Алешка Шеин челом бьет.

По твоему, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, указу с твоей, великого государя, службы из-под Азова к тебе, великому государю, к Москве большого полку моево с твоими, великого государя, ратными конными и пешими людьми пошол я, холоп твой, августа 16-го дня ныняшняго 204-го году и пришол на Дон к Черкаскому августа 18-го числа. А от Черкаского за помощию всесильнаго в троице славимаго бога пойду чрез степь на Волуйку августа ж в 20 день.

А около города Азова городовое строение роскаты и стены в отделке, а в которых местех города и зубцов в недоделке небольшое так ж и рвов недочищено, и то все велел я, холоп твой, достроить окольничему и воеводе князю Петру Григорьевичю Львову с товарищи.

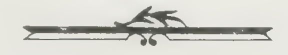
А как тот город и зубцы совсем в совершение зделаны и рвы очищены будут, о том к тебе, великому государю, велел я, холоп твой, ему, окольничему и воеводе, писать и чертеж прислать.

А к боярину и воеводе к Борису Петровичю Шереметьеву писал я, холоп твой, чтоб он по твоему ж, великого государя, указу полку своего твоих, великого государя, ратных людей конных и пеших отпустил всех по домам сентября 1-е число 205-го году, а, отпустя ратных людей шол в Белгород, а в котором числе он, боярин и воевода, в Белгород придет, о том писал к тебе, великому государю, к Москве в Розряд и ко мне, холопу твоему, для ведома в большой полк.

А сею отписку послал я, холоп твой, чрез почту и велел подать в Розряде боярину Тихону Никитичю Стрешневу.

На документе помета: 204-го августа в 31 день чрез почту.

ГАВО, ф. Разрядный приказ, д. 1, лл. 1—2.— Подлинник.



[1] Датируется по содержанию документа.

Дневники Воспоминания

ПЕРМСКАЯ ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РСДРП

(1906—1908 гг.)

К. И. КИРСАНОВА

Автор публикуемых воспоминаний К. И. Кирсанова (1888—1945 гг.), член РСДРП с 1904 г., активная участница революции 1905—1907 гг. в г. Перми, член Мотовилихинской боевой дружины. В 1906—1907 гг. дважды была арестована. В 1908 г. по делу о военной организации РСДРП была осуждена к ссылке в Иркутскую губернию. Вскоре бежала и в 1909 г. вновь была арестована, а в 1910 г. осуждена к каторге, которую отбывала в Пермской тюрьме. В 1913 г. была отправлена в ссылку в Якутию, где находилась до 1917 г. После Октябрьской революции была на руководящей партработе на Урале. Участвовала в гражданской войне в качестве пулеметчика и политработника. В 1919 г. после освобождения Перми от колчаковцев приезжает туда вместе с мужем — Ем. Ярославским. Работала завгубполитпросветом. В 1920 г. была откомандирована ЦК РКП(б) в распоряжение Сибирского обкома. В 1922 г.— зам. ректора Коммунистического университета им. Свердлова. В дальнейшем на партийной и преподавательской работе.

Публикуемые воспоминания написаны в 1934 г., видимо, в связи с 30-й годовщиной первой русской революции. Воспоминания подготовлены к печати Л. П. Шардиной.

Военная организация в Перми возникла весной 1906 г. по инициативе Якова Михайловича Свердлова.

Когда после поражения Московского восстания он появился на Урале и у нас в Перми, Пермская организация РСДРП из-за частых арестов членов Пермского комитета и видных членов организации была ослаблена. Стали проявляться меньшевистские настроения, вроде печально знаменитого «не надо было браться за оружие». Мотовилиха, наоборот, представляла собой центр, где все еще бурлила неостывшая революционная энергия рабочих — активистов Пермской организации, к которым несомненно примыкали по своему настроению некоторые пермские ремесленники.

Ярким показателем того, что революционная энергия к этому времени не иссякла, была боевая дружина во главе с Яковом «Рыжим» (Фейгиным)[1] и Костей Миковым. Дружина эта организовалась в октябрьские дни в целях обороны от погромщиков. После поражения восстания в Мотовилихе часть ее членов была арестована, некоторые вынуждены были уйти в лес с Лбовым[2]; часть осталась на воле. Наши встречи в долине реки Егошихи, все наши разговоры сводились к предстоя-

щим битвам, предстоящим выступлениям; в долине этой речки мы обучались стрельбе, вели разговоры о расположении частей Пермского гарнизона, полицейских участков, изучали местность на предмет сооружения баррикад. Мы запасали оружие. Была сделана попытка организовать санитарный отряд, для чего я, прикинувшись курсистской-медичкой, пробралась в амбулаторию Пермской александровской больницы и там, обманув старшего врача черносотенца Попова, работала под его руководством практиканткой. В этом деле мне содействовала одна фельдшерица — член с.-д. организации, на квартире у которой жил Я. М. Свердлов. Все свои познания я тотчас же передавала другим. Неорганизованно, бестолково, без надлежащего руководства, но это была подготовка к боевым действиям, подготовка к грядущему восстанию, которое нам представлялось неизбежным и близким. Нельзя сказать, чтобы Пермский комитет поощрял нашу деятельность. Нас пытались взять в руки и перевести на другие рельсы. Под руководством братьев Михайловых [3)], главным образом Арсения, организовались пропагандистские группы, и нас хотели в них закрепить. Мне был дан кружок, но так трудно было усидеть за этой работой над книгой; тянуло к Якову Фейгину, от которого всегда можно было услышать о предстоящих боях, получить наглядный урок для ознакомления с разными видами оружия. С таким боевым настроением весной этого же года мы в первый раз услышали за Камой Якова Михайловича Свердлова; он делал доклад о Московском вооруженном восстании. Для меня лично, думаю, что и для многих других, этот доклад был направляющим для всей последующей работы.

Это был доклад о поражении Московского восстания, но в каждом слове «Михалыча» звучал призыв к борьбе, призыв к сплочению боевых сил пролетариата, призыв к будущим боям. В этом докладе мы впервые услыхали о «техническом вооружении революции», о роли армии в этом техническом вооружении. У меня тут же созрело решение работать в армии.

Не задумываясь над вопросом о формах работы и связи с руководящими организациями, даже не получив разрешения Пермского комитета и ничего не сказав никому, кроме близких товарищей, я начала работу в армии. Оправданием такой безответственной «автономии» были мои 18 лет. Работа моя сводилась к тому, что я заводила знакомство с солдатами. Этому делу во многом помогала тюрьма. В дни свиданий с заключенными мы знакомились с постовыми у тюрьмы, заводили с ними разговор, прощупывая их настроение, отношение к заключенным. Именно с этого началось привлечение солдат в организацию. Нащупав сочувствие солдата к заключенным, родным заключенных, мы уже не покидали его и во что бы то ни стало сначала добивались «случайной» встречи с ним, а потом уже просто назначали свидание или где-нибудь за Егошихой или на «Старом кладбище», где прогулка солдата с молодой девицей была делом обычным и никому не бросалась в глаза.

Использование «знакомого» солдата начиналось с просьбы постараться стать на пост со стороны старого корпуса тюрьмы, передать привет товарищам, принести привет от них. Потом мы просили передать записочку товарищам, принести записочку от них, наконец просили передать «Волну» [4)], которая выходила как раз весной. Если этот экзамен солдат проходил успешно — он был уже «свой».

С другими знакомились иным путем. Мы шли туда, где можно было встретить гуляющих солдат: на бульвар, на то же «Старое кладбище», знакомились просто: «откуда вы родиной?», а так как родиной большинства солдат Пермского гарнизона были Казань, Витебск, Екатеринослав и т. д., то это было первым поводом для перехода на разговор, дающий возможность сразу нащупать: с кем имеешь дело. Иногда в таком разговоре переходили с места в карьер на тему о «царских порядках», при которых екатеринославский рабочий вынужден служить в Пермской губернии, а пермские крестьяне — в Екатеринославской; мы объясняли, что царскому правительству нужно, чтобы казанские татары стояли против мотовилихинских рабочих и, наоборот, мотивилихинские рабочие и пермские крестьяне были отправлены вдаль от родины: на Кавказ, на юг, куда-либо в Витебск и т. д. Если такой разговор встречал полное сочувствие со стороны солдат, то от вопросов этой царской

«механики» мы переходили к темам о самой сущности самодержавия, к вопросам о неизбежности классовой борьбы и необходимости свержения царского самодержавия. Если солдат чутко прислушивался к этой беседе, не пугался того, что мы против царя,— это тоже был «свой» солдат и связь с ним не терялась. Таких солдат в дальнейшем снабжали политической литературой, водили на общие рабочие массовки и собрания.

Свою работу среди учащихся я к лету бросила совершенно, также без разрешения кого бы то ни было. «Своих» солдат к этому времени можно было насчитывать десятками, но передать связь с ними «Михалычу», как я это думала, мне не удалось. Он быстро уехал из Перми, а вскоре был арестован. В июне была арестована и я в связи с провалом типографии Пермского комитета. Работа в армии, только что налаживающаяся, оборвалась.

Уже в тюрьме я рассказала о всех своих «проделках» «Михалычу» и «Ольге» (К. Т. Новгородцевой). Получив нахлобучку за своеволие, я уяснила всю недопустимость моего поведения. Влетело мне и за то, что я подвергала опасности провала товарищей (явочную квартиру, где я жила, и технику, так как люди, связанные с техникой, например, «Ольга», часто бывали на этой квартире). Но мое желание работать в армии и вся проделанная работа были явно встречены сочувствием и «Михалыча» и «Ольги». Из всех разговоров о работе в армии я получила от «Михалыча» немало сведений, которыми руководствовалась в работе по выходе из тюрьмы.

Выйдя через три месяца на «волю», я получила от Пермского комитета РСДРП разрешение работать среди солдат.

Пребывание в тюрьме подняло мой авторитет в глазах уже знакомых солдат, связь с которыми во время моего заключения в тюрьме не только не прерывалась, а еще больше укрепилась. Расширился и круг знакомых солдат. За три месяца моего сидения в тюрьме не было постового, с которым бы я не «поразговаривала», который бы меня не знал. Мне легко было отобрать из круга этих знакомых ядро, с которым была начата в дальнейшем работа. Первое время особенно прочными были связи с солдатами Покровских и Егошихинских казарм и конвойной команды.

Поздней осенью были организованы первые солдатские кружки, в которых велась пропагандистская работа силами Пермского комитета. Зимой эти кружки появились во всех воинских частях, за исключением казаков: в конвойной команде, в Покровских казармах, в Псковском полку и даже в драгунском эскадроне, присланном в Пермь исключительно с полицейскими целями. Самые крепкие солдатские ячейки были в конвойной команде и Псковском полку. В конвойной команде наши успехи объяснялись главным образом тем, что никто не соприкасался так близко с тюрьмой и непосредственно с политическими арестованными, как эта команда. Она сопровождала партии ссыльных, которых сотнями пропускала Пермская тюрьма. Она же сопровождала заключенных в суд, к следователям, к защитникам и т. д. К тому же материальное положение и режим команды были самыми тягостными; начальник команды был вор и казнокрад, фельдфебель во всем ему следовал; доходило до продажи казенной муки по сорок пудов сразу, обычными были факты присвоения казенных денег, отпускаемых солдатам в такие «постные» дни, как сочельник, когда горячая пища не отпускалась, а деньги на пищу в эти дни должны были выдаваться на руки.

Зимой 1907 г. в эту команду была влита часть расформированного за политическую неблагонадежность полка из Пензы. Красные околыши этих конвоиров быстро привлекли не только наше внимание, но даже и обывателей. Все знали, что это «проштрафившиеся», расформированные за неповиновение начальству. Положение этих солдат в самой команде было вдвойне тяжелым. Их сдали на выучку начальнику-казнокраду, который занимался систематическим издевательством над ними и травлей, вплоть до того, что в часы отдыха заставлял стрелять в спичку без промаха, и на промахнувшихся ездил верхом по казарме, подвергая их различным оскорблениям и издевкам. Так, например, на уроках «словесности» на вопрос, «кто наш внутренний враг?», фельдфебель указывал на этих расформированных: «вот

он внутренний враг». Издевательствам не было конца. Предполагалось даже покушение на начальника этой команды.

Поэтому вся эта часть была почти целиком в наших руках. Самыми видными членами ячейки были Сенцов из Вятской губернии и Соловьев, кажется, из Тулы.

Второй опорой в работе был Псковский полк — «белые околыши», тоже присланный в Пермь из Тулы на выучку как недостаточно надежный. Немногочисленной была ячейка в драгунском полку. В Покровских казармах 2-я рота была почти целиком нашей, но работа там одно время почти приостановилась в связи с провалом предполагавшегося побега из тюрьмы, который должен был совершиться при помощи постового солдата 2-й роты. Другие роты этого полка очень слабо поддавались обработке, главным образом по той причине, что в большинстве солдатами там были татары и чуваши, часто не знавшие русского языка и вообще отсталый, малокультурный и политически совершенно невежественный народ.

Наибольшего размаха наша работа достигла к средине 1907 — началу 1908 г. Количество организованных солдат превышало 200 человек. Основной нашей задачей мы считали проведение самой широкой устной и письменной агитации; велась работа в кружках, товарищи снабжались политической литературой. Выписывалась в сотнях экземпляров «Казарма»[5]. Ходил по рукам «Катехизис солдата»[6]. Собственного печатного органа для солдат наша организация не имела. Но помню не одну листовку, выпущенную нами на гектографе, которые являлись откликами на те или иные события в жизни отдельных частей. Целью этих листовок было сорганизовать солдатское мнение, привлечь внимание широких солдатских масс к вопросам их быта, к явлениям, вызванным явными злоупотреблениями начальства.

В тех случаях, когда начиналось хотя бы малейшее брожение в казарме, мы выпускали листовку. На какой бы почве это брожение ни вырастало, мы старались поддержать его, связать всякое недовольство с причинами, порождающими его.

Своих средств организация не имела. Поэтому литература приобреталась главным образом на средства, получаемые от спектаклей, устраиваемых учащимися средних школ Перми и от специальных сборов на литературу.

Хотя организация и не была оформлена, все знали, что таковая имеется, что во всех воинских частях ведется широкая агитация и организованы пропагандистские кружки. Но придать этой организации определенный облик, выработать организационный план и устав в тот период нам не удалось.

Видимо, это объяснялось, с одной стороны, нашей неопытностью и слабой связью с Пермским комитетом, состав которого из-за частых арестов менялся почти ежемесячно. С другой стороны, вспоминаю, что из соображений конспирации мы старались сорвать всякую попытку «Фомы» (впоследствии оказался провокатором и в 1921 г. был расстрелян) поставить вопрос об оформлении организации всеми средствами. Нам представлялось крайне рискованным создать какой-то выборный центр этой организации. Мы опасались, что выборы этого центра поведут к тому, что состав каждой отдельной ячейки для каждого члена организации выплывет наружу. Даже с Москвой мы вели совершенно самостоятельную связь. Выписывая литературу, мы сообщали туда нередко о состоянии работы и в 1908 г., когда провалился какой-то центр в Москве, там были найдены наши адреса, что привело к арестам в Перми. Были арестованы и солдаты, главным образом Псковского полка. Начался процесс Пермской военной организации, несмотря на то, что эта организация не была оформлена. Все материалы по этому делу: документы, листовки, литература, ясно говорили о том, что руководство работой в частях Пермского гарнизона принадлежало Пермскому комитету РСДРП и судебное дело было названо делом о Военной организации Пермского комитета РСДРП.

Массовые аресты солдат привели к разгрому почти всей организации. Все обвиняемые были привлечены по 102-й статье, многие были присуждены к ссылке на поселение, многие к заточению в крепость до 3 лет. Я знала, что неизбежно буду присуждена к каторге, и в своем последнем слове в зале офицерского собрания перед лицом военного суда решила использовать суд — эту последнюю возможность —

для того, чтобы обратиться еще раз к солдатам царской армии с призывом к борьбе против царского самодержавия.

После моей речи прокурор заявил, что ему ничего не остается добавить к тому, что я сказала о своей преступной деятельности, что вся моя речь является лучшим обвинительным материалом против меня и что его долг — требовать самой жесточайшей кары для меня. Я была отправлена в ссылку. В числе сопровождавших нашу партию конвоиров был не один солдат, знавший о нашей работе в их конвойной команде. Несмотря на самое зверское обращение со мной начальника команды, против которого когда-то были направлены стрелы нашей социал-демократической ячейки, в глазах конвоиров, в их отношении к нам теплилось сочувствие и внимание, не покидавшее нас на протяжении всего пути до Челябинска.

Сам начальник счел необходимым проводить нас до Екатеринбурга, издевался над нами и этим еще больше укреплял нашу связь с солдатами, их сочувствие нам, а тем самым тому великому делу, за которое мы шли в каторгу и ссылку, которое привело к победе пролетариата в нашей стране.

Государственный архив Пермской области, ф. 732, оп. 1, д. 2, лл. 1—30.— Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Фейгин Яков (партийная кличка «Рыжий») по профессии сапожник. Прибыл в Пермь в 1906 г. Вел агитационную работу, распространял листовки, являлся организатором подрайонного комитета сапожников. Руководил боевой дружиной. В ноябре 1906 г. был арестован, а в январе 1908 г. осужден по делу Пермского комитета на 3 года тюремного заключения. Сидел в Пермской губернской тюрьме и в Николаевском исправительном отделении до 1911 г. В июне 1911 г. был выслан из Пермской губернии по месту жительства в г. Оршу Могилевской губ.— 164.

2) Лбов А. М.— рабочий завода Мотовилихи. Активный участник революции 1905 г. В период декабрьского вооруженного восстания в Мотовилихе руководил устройством баррикад. Командовал боевой дружиной. После поражения декабрьского вооруженного восстания вместе с другими дружинниками Лбов ушел в лес и там продолжал борьбу. Боевики, которыми руководил Лбов, называли себя «лесными братьями». В состав дружины входили социал-демократы, эсеры и беспартийные. Они совершали экспроприации и убийства должностных лиц и тем самым мстили царским властям за разгром восстания и издевательства над рабочими, что вызывало ответные карательные меры полицейских органов.

   Будучи неграмотным выходцем из крестьян, Лбов не понимал необходимости изменения тактики борьбы. Пермскому социал-демократическому комитету не удалось взять под свой контроль Лбова и его отряд «лесных братьев», который из поддерживающей силы революции превратился в эсеро-анархический отряд, мешавший организованному отступлению революционных сил и приносивший вред рабочему движению. В марте 1908 г. в г. Нолинске, Вятской губернии, Лбов был арестован и летом того же года повешен.— 164.

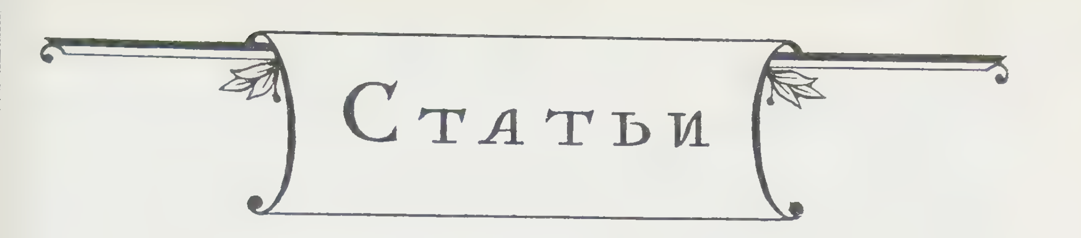
3) Братья Михайловы. Михайлов А. А. (партийная кличка «Арсений») в 1904 г. был членом Пермского комитета РСДРП. Активный участник революции 1905 г. в Перми. В 1906 г. был секретарем Пермского комитета РСДРП, руководил кружком пропагандистов. Неоднократно подвергался арестам в период 1905—1907 гг. и привлекался к суду по делу Пермского комитета. В годы реакции эмигрировал за границу, где принял фамилию Уральский И. А.

   Михайлов И. А. в 1906 г. был членом Пермского комитета РСДРП, руководил кружком пропагандистов.—165.

4) «Волна» — ежедневная легальная большевистская газета, выходившая в Петербурге с 26 апреля до 24 мая 1906 г. под руководством В. И. Ленина. Всего вышло 25 номеров.—165.

5) «Казарма» — нелегальная социал-демократическая газета, издававшаяся с февраля 1906 по 1907 г. всего вышло 13 номеров.— 167.

6) «Катехизис солдата» — бюллетень военной организации при ЦК РСДРП для распространения в войсках. В 1906 г. распространялся среди солдат Пермского гарнизона.—167.



АРХИВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО СССР НА НОВОМ ЭТАПЕ

Г. А. БЕЛОВ, В. В. МАКСАКОВ

С огромным энтузиазмом советский народ, воодушевленный решениями исторического XXI съезда КПСС — съезда развернутого строительства коммунистического общества,— выполняет величественную программу борьбы за создание материально-технической базы коммунизма.

Как и все труженики учреждений, организаций и предприятий страны, советские архивисты подчиняют всю свою работу, отдают все свои силы осуществлению этих великих предначертаний нашей партии.

Большие и многообразные задачи стоят перед архивными учреждениями на настоящем этапе исторического развития нашей страны. В большей мере, чем когда-либо, всесторонне и полно документальные материалы Государственного архивного фонда СССР должны быть использованы в политических, народнохозяйственных, научно-исследовательских целях, в дальнейшем подъеме социалистической культуры, в политико-воспитательной работе партии, для обслуживания нужд широких масс трудящихся.

Большую роль документальные материалы советских архивов должны сыграть в выполнении тех серьезных требований, которые предъявлены в докладе товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС ко всем отраслям общественных наук — к советским экономистам, философам, историкам — в разрешении задач глубокого исследования закономерности перехода от социализма к коммунизму, в изучении опыта хозяйственного и культурного строительства, в воспитании трудящихся в коммунистическом духе.

Основы советской организации архивного дела были заложены ленинскими декретами в первые же дни победы Великой Октябрьской социалистической революции.

На протяжении всей истории Советского государства историческое и культурное наследие прошлого, включая и архивы, привлекало самое пристальное внимание нашей партии, нашего народа. Известно, как много времени и сил отдавал организации принципиально новой, социалистической системы архивного дела в стране бессмертный В. И. Ленин. В суровые годы гражданской войны по его инициативе был принят целый ряд правительственных актов, обеспечивающих сохранность документальных сокровищ прошлого, широкое использование этих богатств в интересах советского народа. Н. К. Крупская, отвечая на вопрос бакинских архивистов об отношении В. И. Ленина к архивам, писала 17 июля 1932 г.: «Он (В. И. Ленин — *авт.*) не мог не придавать значения архивному делу. Громадная работа Энгельса над рукописями Маркса, громадная работа архива немецкой с/д [социал-демократии] доказали важность этого дела».

Новым проявлением величайшей заботы партии и правительства о дальнейшем развитии архивного дела в Советском Союзе служит подписанное товарищем

Н. С. Хрущевым постановление Совета Министров СССР от 13 августа 1958 г. «Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР»[1].

Новое Положение, творчески развивая основные принципы архивного строительства, заложенные в первых ленинских декретах по архивному делу и обобщая 40-летний опыт практической работы архивных учреждений, еще выше поднимает значение архивного дела в нашей стране и дает новое оружие в руки советских историков-архивистов для дальнейшего укрепления советской системы организации архивов и создания необходимых условий для всестороннего использования документальных материалов Государственного архивного фонда СССР (ГАФ СССР) в интересах развернутого строительства коммунистического общества.

Новое Положение охватывает все стороны архивного строительства в СССР, изменяет, дополняет и уточняет устаревшие законодательные акты предшествовавшего периода развития архивного дела. Оно определяет цели и значение образования ГАФ СССР, состав его документальных материалов, формы их организации в государственных и ведомственных архивах, роль Главного архивного управления и архивных управлений (отделов) союзных республик, их взаимоотношения и место в составе государственных учреждений, принципы отбора документальных материалов для постоянного хранения и уничтожения и формы их использования.

Новое Положение более полно и четко говорит о составе ГАФ СССР. В перечень категорий документальных материалов, входящих в его состав, внесены необходимые поправки и дополнения в связи с изменениями, происшедшими в стране за истекшие годы. По новому Положению Государственный архивный фонд СССР представляет собой совокупность принадлежащих Советскому государству документальных материалов, имеющих научное, политическое и практическое значение.

Положение дает конкретное определение самого понятия документальных материалов, что имеет важное значение в связи с продолжающимися попытками толкования советского законодательства об архивах, как проявление заботы правительства только о материалах официального происхождения, отлагающихся в делопроизводстве государственных организаций. Положение 1958 г. определяет, что документальными материалами являются также и частная переписка, рукописи научных и художественных произведений, мемуаров, дневников, нотные рукописи музыкальных произведений и другие виды документов, поступившие в распоряжение государства.

Перечень документальных материалов, входящих в состав ГАФ СССР, охватывает все категории материалов, образовавшиеся в нашей стране за всю многовековую ее историю. В первую очередь сюда входит группа материалов, отражающих историю Советского социалистического государства, советского общества: документы высших органов государственной власти и органов государственного управления, суда и прокуратуры Союза ССР, союзных и автономных республик и местных органов государственной власти, суда и прокуратуры, а также воинских частей, учреждений и организаций Советской Армии и Военно-Морского флота СССР, предприятий, научных, учебных, технических, культурно-просветительных и социально-культурных учреждений, издательств и редакций органов печати СССР.

Эти материалы представляют собой наиболее обширную группу материалов, удельный вес которой в составе Государственного архивного фонда возрастает буквально с каждым днем.

Документальные материалы органов государственного управления и других учреждений и организаций, существовавших в дореволюционной России, а также материалы Временного правительства и других правительств, притязавших на государственную власть на какой-либо части территории, входящей в состав СССР (в том

[1] Собрание постановлений Правительства СССР. М., 1958, № 14, стр. 393—404.

числе и материалы немецко-фашистских оккупационных властей 1941—1945 гг.),— составляют вторую группу материалов Государственного архивного фонда.

В состав ГАФ СССР включаются также документальные материалы государственных, политических и общественных деятелей Советского государства, деятелей науки, техники, литературы и искусства, наиболее выдающихся новаторов и передовиков социалистического производства, а также материалы представителей науки, техники, искусства, литературы, государственных, политических и общественных деятелей дореволюционного периода, кино-фото-фонодокументы, имеющие научно-историческую и культурную ценность, иллюстративные, рукописные, печатные и другие материалы, выпускавшиеся с целью агитации и пропаганды, письменные памятники истории, права, искусства, литературы и быта народов СССР.

Из новых видов материалов, включенных в состав ГАФ СССР, необходимо назвать еще копии документов по истории народов СССР, хранящихся в зарубежных архивах (собирание которых возложено Положением на Главное архивное управление МВД СССР) и микрофотокопий документов и материалов, не имеющих определенной научной ценности, оригиналы которых уничтожены.

В состав ГАФ СССР входят наряду с фондами правительственных учреждений и предприятий фонды профессиональных союзов, кооперативных объединений и других общественных организаций.

Положение 1958 г. более конкретно, чем это было в предшествовавших законодательных актах, говорит о формах организации основных групп документальных материалов в составе Государственного архивного фонда и определяет роль архивного управления СССР в руководстве ими.

Одна группа документальных материалов находится на хранении в центральных государственных архивах СССР, союзных и автономных республик, в государственных архивах краев, областей и округов в городских и районных государственных архивах и другая группа находится в архивах министерств, ведомств, совнархозов, учреждений, организаций, предприятий, ВЦСПС, кооперативных объединений и других общественных организаций.

В первом случае документы ГАФ находятся в административном подчинении органов архивного управления, во втором — фондообразователя. Но и та и другая группы материалов в научно-методическом отношении зависят от установок Главного архивного управления СССР и находятся под контролем государственных архивных учреждений. Административная зависимость документальных материалов от фондообразователя — временная, до наступления срока передачи их из ведомственных архивов в государственные архивы. Этим закрепляется единство Государственного архивного фонда СССР.

Главное архивное управление МВД СССР, как указывается в Положении, непосредственно ведает документальными материалами Государственного архивного фонда СССР, хранящимися в центральных государственных архивах СССР, сеть которых утверждается Советом Министров СССР. Всеми остальными документальными материалами, находящимися в государственных архивах союзных и автономных республик, краев, областей, округов, а также в городских государственных архивах постоянного состава Главное архивное управление СССР ведает через архивные управления (отделы) министерств внутренних дел союзных республик. Сеть этих государственных архивов утверждается советами министров союзных республик, чего не было ранее.

Сеть центральных государственных архивов СССР, непосредственно подчиненных Главному архивному управлению МВД СССР, утверждена ныне в следующем виде: 1. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (г. Москва), 2. Центральный государственный архив Советской Армии (г. Москва), 3. Центральный государственный архив военно-морского флота СССР (г. Ленинград), 4. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (г. Москва), 5. Центральный государственный архив древних актов СССР (г. Москва), 6. Центральный государственный исторический архив СССР

в Ленинграде, 7. Центральный государственный исторический архив СССР в Москве, 8. Центральный государственный военно-исторический архив СССР (г. Москва), 9. Центральный государственный архив кино-фото-фонодокументов СССР (г. Москва).

Эти изменения значительно расширяют права союзных республик по непосредственному руководству республиканскими, краевыми, областными и т. д. архивными учреждениями и государственными архивами. Существовавшая до последнего времени подчас мелочная опека со стороны Главного архивного управления СССР архивными учреждениями союзных республик, приводившая нередко к сковыванию инициативы, к своего рода штампу в их работе, снимается. Вместе с тем это будет содействовать укреплению и расширению роли Главного архивного управления СССР, как научно-организационного и методического центра по руководству архивным делом в Советском Союзе.

Новое Положение наделяет Главное архивное управление СССР широкими правами в разрешении ряда принципиальных вопросов архивного строительства, касающихся всех союзных республик, таких как: отнесение документальных материалов к составу архивных фондов всесоюзного значения и их концентрации в центральных государственных архивах СССР, пополнение ГАФ СССР за счет копий документов, поступающих из зарубежных архивов, разрешение вопросов передачи документов из государственных архивов одной союзной республики в государственные архивы другой республики с согласия советов министров этих республик и др. На Главное архивное управление возлагается обязанность издания руководящих правил, инструкций и других указаний о порядке концентрации, хранения, научно-технической обработки, учета и организации использования документальных материалов, а также определения состава материалов, подлежащих и не подлежащих хранению в государственных архивах и архивах учреждений, организаций и предприятий, разработка и издание перечней типовых документальных материалов.

Новое Положение повышает роль Главного архивного управления как научно-исследовательского центра в области архивоведения и археографии, возлагая на него задачи организации и разработки вопросов теории и техники архивного дела, координации научно-исследовательской деятельностью республиканских и местных архивных органов и государственных архивов, а также планирования изданий архивоведческой литературы и публикации документальных источников совместно с Академией наук СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Московским государственным историко-архивным институтом и другими учреждениями и организациями, ведущими эту работу.

Учитывая исключительно большое значение, которое приобретает в работе архивных учреждений СССР борьба за сохранность документальных материалов, Положение о ГАФ СССР обязывает также ГАУ принять меры к координации и обобщению опыта научно-исследовательской работы министерств и ведомств по вопросам обеспечения сохранности, режима хранения и микрофотокопирования документальных материалов.

Наряду с этим на Главное архивное управление, на все республиканские и местные архивные органы возлагается непосредственное выполнение ответственных задач по использованию документальных материалов, решение вопросов о научной и практической ценности документальных материалов, проведение мероприятий по организации ведомственных архивов и т. д. Положение предусматривает использование документальных материалов ГАФ учреждениями, организациями, предприятиями и гражданами СССР в интересах развития народного хозяйства, науки и культуры, особо подчеркивая при этом право заинтересованных учреждений обращаться к документальным материалам ГАФ СССР при проведении проектных, изыскательских и других работ.

Для успешного выполнения задач по исследованию документальных материалов Положение обязывает Главное архивное управление, республиканские и мест-

ные архивные органы и государственные архивы принимать меры к организации выявления документальных материалов в государственных архивах и информации о них заинтересованных плановых органов, хозяйственных, научно-исследовательских и других учреждений, организаций и предприятий, к подготовке издания сборников документов, архивоведческих журналов, бюллетеней, учебных пособий, монографий и научно-популярной литературы по архивному делу, а также издания путеводителей, описей, обзоров и других справочных пособий о составе и содержании архивных фондов.

Во всех государственных архивах с постоянным составом документальных материалов в целях содействия научно-исследовательским учреждениям и исследователям в научной разработке документальных материалов должны быть организованы читальные залы и научно-справочные библиотеки. В ведомственных архивах организация использования документов возложена на руководителей ведомств.

Возможность широкого пользования документальными материалами в государственных архивах не означает бесконтрольное распоряжение полученными в архивах документами, архивными справками, копиями и выписками. Положение подчеркивает ответственность руководителей учреждений, организаций и предприятий, а также исследователей, работающих в читальных залах, за правильное использование полученных ими в архивах документов и содержащихся в них сведений.

В течение многих лет из числа научных учреждений страны наибольшее внимание использованию документальных материалов государственных архивов уделяли исследовательские институты истории и профессорско-преподавательский состав и аспирантура исторических факультетов высших учебных заведений. За последнее время в государственных архивах наблюдается значительный приток исследователей, работающих и в других областях советской науки: философии, экономики, права, языка и литературы, геологии и т. д.

Архивные учреждения принимают меры по усилению творческого научного контакта государственных архивов не только с Институтом истории Академии наук СССР, но и с другими научно-исследовательскими академическими институтами, а также техническими, проектными, планирующими учреждениями и т. д. Новое Положение подчеркивает необходимость этих мер.

Следует здесь отметить глубокое принципиальное отличие роли государственных архивов и советских архивистов от роли, которую выполняют архивы и архивисты капиталистических стран по использованию находящихся в их ведении документальных материалов. Советское законодательство четко говорит об использовании документальных материалов в интересах Советского государства — его экономического развития, науки и культуры и тем самым в интересах всего советского народа. Документальные материалы, объявленные в СССР всенародной собственностью, служат народу. Государственные архивы СССР обслуживают преимущественно представителей советских учреждений, общественных организаций, предприятий и различных научно-исследовательских институтов.

Архив в капиталистических странах служит капиталисту, господствующим классам, в Советском Союзе — народу.

Большую ясность вносит новое Положение в разрешение важнейшего вопроса теории и практики архивного дела — определения состава документальных материалов Государственного архивного фонда СССР, подлежащих хранению, и отбора материалов, подлежащих уничтожению.

Оно подчеркивает незыблемость организационного принципа, положенного в основу ленинского декрета «О хранении и уничтожении архивных дел» 1919 г., о руководящей решающей роли в этой работе архивных учреждений. Советское архивоведение отрицает пропагандируемый представителями буржуазной архивистики принцип, сформулированный Дженкинсоном, что «администратор должен являться единственным агентом по отбору и уничтожению собственных документов».

Новое Положение об этом определенно говорит: «Решение вопросов о научной

и практической ценности документальных материалов ГАФ возлагается на ГАУ МВД, республиканские и местные архивные органы».

Важным в принципиальном отношении является определение Положением 1958 г. задач экспертных комиссий. До последнего времени архивные учреждения сводили задачи экспертных комиссий к отбору документальных материалов, подлежащих уничтожению, не ставя перед ними непосредственной конкретной задачи отбора документальных материалов для постоянного хранения в государственных архивах. Одностороннее направление деятельности экспертных комиссий на выявление материалов, не подлежащих хранению, заслонило основную задачу экспертизы — обеспечение сохранности документальных материалов, имеющих научную и практическую ценность, подлежащих постоянному хранению. Это приводило нередко к уничтожению, особенно в архивах учреждений, многих ценных документов.

Новое Положение определяет задачу экспертных комиссий, как в первую очередь задачу отбора документальных материалов, подлежащих постоянному хранению, а затем уже говорит об «определении материалов, подлежащих уничтожению». Так же сформулированы и задачи Центральной экспертно-проверочной комиссии, экспертно-проверочных комиссий при республиканских и других архивных учреждениях.

Эти комиссии создаются для рассмотрения вопросов об оставлении на хранении документальных материалов ГАФ СССР и об уничтожении документальных материалов, не подлежащих хранению.

Новым в Положении о ГАФ 1958 г. по вопросу организации экспертизы является предоставление Главному архивному управлению права разрешать министерствам и ведомствам, имеющим утвержденные перечни документальных материалов со сроками их хранения, самостоятельно решать вопрос об уничтожении документальных материалов, не подлежащих хранению.

Сама формулировка этого пункта Положения еще раз подтверждает руководящую, директивную роль архивных учреждений в разрешении этих вопросов, ибо даже в тех случаях, когда ведомства имеют утвержденные, т. е. согласованные с ГАУ, перечни, представление ведомствам права на уничтожение документальных материалов, не подлежащих хранению, возлагается законом целиком на усмотрение ГАУ.

Новое Положение уточняет порядок организации ведомственных архивов. Оно предусматривает издание положений об архивах министерств, ведомств и совнархозов, утверждаемых руководителями соответствующих министерств, ведомств и совнархозов по согласованию с ГАУ МВД СССР или архивными управлениями (отделами) союзных республик. Организация работы других ведомственных архивов определяется положениями о соответствующих учреждениях, организациях и предприятиях.

Ответственность за все стороны деятельности ведомственных архивов возлагается на руководителей министерств, ведомств, совнархозов. На них же возлагается и контроль за состоянием архивов в подведомственных им учреждениях.

Положение 1958 г. устанавливает новые, более продолжительные сроки хранения многих документальных материалов, находящихся в ведомственных архивах, чем это было предусмотрено предшествующим законодательством об архивах.

Это вызвано необходимостью обеспечить учреждениям использование отдельных видов документов своего текущего делопроизводства в их повседневной практической деятельности и одновременно освободить государственные архивы от выполнения некоторых несвойственных им функций.

Существовавшие до последнего времени сроки хранения документов в архивах ведомств вынуждали государственные архивы принимать в свои хранилища огромное количество материалов по личному составу и тем самым брать на себя ответственность за обслуживание справками биографического характера. Главное ар-

хивное управление и подведомственные ему архивные учреждения на местах должны установить такой контроль за работой архивов ведомств, предприятий и организаций, чтобы работавшие в них граждане всегда имели возможность получить требуемые им документы о своей трудовой деятельности.

Новое Положение вместо пятилетнего срока хранения документальных материалов в архивах ведомств до передачи их в государственные архивы, как это было предусмотрено в первые годы Советской власти декретом «О хранении и уничтожении архивных дел» и десятилетнего, определенного для документов большинства государственных учреждений Положением 1941 г., устанавливает более длительные сроки — до 15 и даже 40 лет для ряда категорий документальных материалов, дифференцированию подхода к различным учреждениям при разрешении этого вопроса.

15-летний срок хранения в ведомственных архивах устанавливается для документальных материалов высших органов государственной власти и органов государственного управления Союза ССР, союзных и автономных республик, Центросоюза, совнархозов и учреждений, организаций и предприятий общесоюзного и республиканского подчинения. 10 лет — для документальных материалов учреждений, организаций и предприятий краевого, областного и окружного подчинения, 5 лет — для материалов учреждений городского и районного подчинения и материалов машинно-тракторных и ремонтно-технических станций, совхозов и колхозов. Наибольший срок — 75 лет, установлен для записей актов гражданского состояния и 40 лет — для материалов по личному составу. Увеличен срок хранения кино-фотофонодокументов: киносъемок, а также звукозаписей — до окончания копирования, но не свыше 5 лет, для негативов и позитивов фотоснимков 5 лет, вместо установленных Положением 1941 г.— трех лет. Порядок передачи документальных материалов из ведомственных архивов в соответствующие государственные архивы устанавливается центральными и местными органами архивного управления. Положение предоставляет право Главному архивному управлению, республиканским и местным архивным органам в отдельных случаях изменять сроки хранения документальных материалов в ведомственных архивах.

Согласно новому Положению, Архив Министерства иностранных дел, Всесоюзный геологический фонд СССР, Всесоюзный государственный фонд кинофильмов СССР, архив А. М. Горького и др. не входят в систему Главного архивного управления МВД СССР. Находящиеся в этих архивах документальные материалы входят в состав Государственного архивного фонда СССР и хранятся в них постоянно. Такое же положение сохраняется и в отношении документальных материалов Академии наук СССР, академий наук союзных республик и их учреждений. Эти документальные материалы, являющиеся частью Государственного архивного фонда СССР, а также материалы академиков и отдельных ученых, представляющих особую ценность для науки, сдаются на постоянное хранение в архивы этих академий, в то же время в этих архивах не могут быть материалы других учреждений: «Документальные материалы других учреждений,— говорится в этом Положении,— поступившие в архивы Академии наук СССР и академии наук союзных республик, передаются в соответствующие государственные архивы».

В связи с общим вопросом о комплектовании государственных архивов документальными материалами ведомственных архивов Положение говорит о праве Главного архивного управления СССР, республиканских и местных архивных органов решать вопрос о сроках и порядке передачи в соответствующие государственные архивы документальных материалов ГАФ СССР, временно хранящихся в музеях, рукописных отделах библиотек, в отраслевых академиях и других научных учреждениях.

Положение устанавливает принцип хранения и учета документальных материалов ГАФ по архивным фондам,— что имеет важнейшее значение при организации документальных материалов в государственных архивах СССР,— затем дает определение архивного фонда, как «совокупность документальных материалов, об-

разовавшихся в результате деятельности учреждения, организации, предприятия или отдельного лица». При этом Положение подчеркивает незыблемость проверенного опытом советского архивного строительства в СССР принципа недробимости архивного фонда при комплектовании государственных архивов. «Архивный фонд делению не подлежит и должен храниться в одном архиве»,— говорится в Положении.

Организационные мероприятия, вытекающие из этого принципа, в первую очередь должны иметь в виду воссоединение в государственных архивах частей архивных фондов, находящихся в различных хранилищах музеев, библиотек и научных учреждений, что должно содействовать более правильному хранению, научной обработке и использованию документальных материалов.

Закрепляя за Главным архивным управленим руководящую роль в деле охраны документальных материалов, как государственного всенародного достояния, новое Положение наносит решительный удар по частнособственническим тенденциям распоряжения документальными материалами общегосударственного значения. Эти документальные материалы объявлены изъятыми из гражданского оборота. Они не могут являться объектом купли-продажи и других сделок со стороны учреждений, организаций, предприятий, а также отдельных лиц.

Эти указания нового Положения вносят большую ясность в вопросы о формах организации документальных материалов ГАФ СССР и их охране, о порядке и источниках комплектования государственных архивов, взаимоотношений органов архивных управлений МВД СССР и ведомственных архивов.

Необходимо особо отметить и еще одно исключительно важное для государственных архивов указание нового Положения о их месте в системе государственных учреждений. До последнего времени архивные учреждения, в том числе и государственные архивы, рассматривались всеми ведомствами как органы административного управления. Однако самый характер учреждений, хранящих и разрабатывающих материалы, имеющие научное, политическое и практическое значение, а также содержание их деятельности по обслуживанию задач научного исследования и культурного строительства, в которой административная сторона играет подчиненную роль, определяет место архивов как особую группу в составе научно-исследовательских и культурных учреждений страны.

Поэтому новое Положение, особенно подчеркивает научно-исследовательские функции архивных учреждений. Естественным следствием этого явилось законодательное признание архивных учреждений — в первую очередь государственных архивов — научно-исследовательскими учреждениями. Положение относит к числу научно-исследовательских учреждений центральные государственные архивы СССР, союзных и автономных республик и их филиалы, государственные архивы краев, областей и их филиалы, государственные архивы округов, городские государственные архивы с постоянным составом документальных материалов, а также подразделения Главного архивного управления МВД СССР, осуществляющие научно-исследовательскую работу. В прямой связи с этим Положение оформляет создание при архивных учреждениях научных советов для рассмотрения принципиальных вопросов теории и практики архивного дела. В состав научных советов предусматривается включение руководящих и научных работников архивов, научно-исследовательских учреждений и профсоюзных органов.

Эти изменения в Положении архивных учреждений являются свидетельством признания растущей их роли в научном исследовании. Они требуют решительной перестройки работы архивных учреждений в полном соответствии с поставленными перед ними новыми задачами и в этой связи пересмотра расстановки научных сил на всех участках архивного дела.

Советское законодательство по архивному делу, нашедшее в настоящее время наиболее полное выражение в последнем законодательном акте — в Положении о Государственном архивном фонде СССР, и итоги сорокалетней практической деятельности архивных учреждений во всех областях архивного строительства, по-

ражают всех соприкасающихся с архивным делом нашей страны своим организационным размахом, всесторонним охватом документальных материалов, находящихся в ведении архивных учреждений, глубокой научной их разработкой и — в особенности — широко развернутой публикацией документов.

При появлении ленинского декрета о реорганизации и централизации архивного дела от 1 июня 1918 г. враждебно относившиеся к социалистической революции историки писали: «Мы присутствуем при сознательном разрушении последних остатков русской истории уже на точном смысле декрета. Кому нужна эта централизация? Кому нужно это новое Главное управление архивным делом? Во всяком случае не для науки!» [2].

Несколько позднее раздавались голоса, исходившие от представителей буржуазно-дворянской историографии, о том, что созданное ленинским декретом от 1 июня 1918 г. Главное управление архивным делом ведет неправильную линию на централизацию всей работы по архивному делу в стране в руках органа правительственной власти. Эта централизованная система противопоставлялась деятельности существовавшего в то время такого реакционного «ученого общества», как Союз российских архивных деятелей, призванного, по мнению этих противников советской централизации архивного дела, в противовес Главархиву, заниматься вопросами научного архивоведения и «взять на себя заботу о проведении в жизнь здравых его начал» [3]. Одно время — в 1924—1926 гг. из враждебного нам лагеря были призывы к постепенному возвращению к ведомственной организации архивного дела, к децентрализации Государственного архивного фонда и к привлечению к руководству его отдельными частями «общественных организаций» в виде возрожденных губернских ученых архивных комиссий, Общества российских архивных деятелей и т. п.

Теперь даже зарубежные буржуазные историки и архивисты — одни с искренним восхищением и завистью, другие с раздражением — вынуждены признать плодотворное влияние Октябрьской социалистической революции на архивное дело в нашей стране [4].

Советская система централизации архивного дела, основанная на творческом применении учения марксизма-ленинизма, проверенная опытом практической работы, служащая примером для реорганизации архивов в народно-демократических странах и предметом пристального изучения архивистами ряда других стран Востока и Запада, является поистине недосягаемой для стран империалистического лагеря. Ни в

---

[2] Газета «Наш век», 20 июня 1918, «Декрет об архивном деле».

[3] «Исторический архив», 1919. Первая книга. Союз архивных деятелей, стр. 523.

[4] Не говоря уже о более ранних высказываниях французского историка и архивиста Шарля Ланглуа, датского профессора Оге Фринса, немецкого архивиста Г. Мейснера и других (см. «Архивное дело», 1928, вып. III (16), стр. 60—62), в последнее время ряд видных зарубежных историков и архивистов, например, б. председатель Международного комитета исторических наук Робер Фавтье и другие, дают высокую оценку работе советских архивистов. На этом фоне весьма примечательна позиция журнала «The American archivist». В 1957 г. в журнале был помещен в виде статьи доклад Фрица Эпштейна «Администрация архивов в Советском Союзе», в котором автор вынужден признать, что Октябрьская революция «была водоразделом не только в истории русских архивов, но также в теории и практике организации архивного дела как в Западной, так и в Восточной Европе», затем, спохватившись и не надеясь на убедительность антисоветских выпадов, призванных смягчить сорвавшееся с его уст признание, делает совершенно неожиданный вывод о том, что «уровни организации архивного дела в США и в СССР стоят плечом к плечу, являясь образцом наиболее современных достижений, как бы, так сказать, последним словом Западного и Восточного архивного дела». Здесь уже Ф. Эпштейн выдает желаемое за действительное: достаточно было ему раскрыть третий номер за 1955 г. того же журнала, где помещена его статья, и внимательно прочесть статью Э. Познера «История национального архива США с точки зрения архивиста-теоретика», чтобы убедиться в отсутствии централизованной системы архивного дела в США, в непреодолимых трудностях, встающих перед американскими архивистами при выработке общих принципов и единой практики архивной работы.

одном из империалистических государств не может быть издано такого всеобъемлющего законодательного акта по архивному делу, каким является Положение о Государственном архивном фонде СССР от 13 августа 1958 г.

* * *

Новое Положение, уточняя в законодательном порядке вопросы, связанные с принципами комплектования государственных архивов, ставит перед архивными учреждениями в этой области задачи, к разработке и практическому разрешению которых должно быть приковано внимание всех органов архивного управления и государственных архивов.

Внесение большей четкости в определении прав и обязанностей ведомственных архивов дает возможность органам архивного управления установить необходимую плановость в деле комплектования государственных архивов. Не секрет, что некоторые государственные архивы заполнены документальными материалами, не представляющими научной ценности, в то время как архивные фонды ряда важнейших государственных учреждений и организаций, несмотря на определенные законом сроки, либо остаются на хранении в ведомственных архивах, либо безвозвратно уничтожены.

Несколько перефразируя известное выражение старых архивистов, можно сказать, что *количество* документальных материалов в этих государственных архивах стремится совершенно подавить *качество*. С этой порочной практикой комплектования необходимо покончить. В этом отношении архивисты стран социалистического лагеря идут по более целеустремленному и правильному пути. Так, например, в Центральном государственном экономическом архиве Румынской Народной Республики числится всего 51 архивный фонд, а количество документальных материалов достигает 2,5 млн. ед. хр. Это свидетельствует о том, что в архиве находятся фонды крупнейших учреждений и предприятий, документы которых подлежат первоочередной научной разработке. Совсем иная картина наблюдается в Государственном архиве Октябрьской революции Московской области. При том же количестве документальных материалов здесь насчитывается 5000 архивных фондов, из которых подавляющую часть составляют фонды мелких бытовых предприятий,— столовых, прачечных, аптек, магазинов, артелей и др., но зато отсутствует ряд фондов крупнейших московских промышленных предприятий, высших учебных заведений, исследовательских институтов и т. д.

Архивным учреждениям следует решительно изменить существующую практику в деле комплектования архивов. Государственные архивы должны отказаться от роли пассивных хранителей архивных фондов, механически принимаемых из ведомственных архивов. Они обязаны — в соответствии с Положением о ГАФ СССР — установить сами порядок и твердые сроки приема материалов из ведомственных архивов, проявляя при установлении этих сроков больше гибкости в подходе к различным категориям архивных фондов.

Не всегда нужно ждать, когда кончится официальный срок хранения документов в архиве учреждения и лишь после этого ставить вопрос о передаче их в государственные архивы. В ряде случаев, когда, например, идет речь о документальных материалах крупнейших строек, экспедиций, освоения целинных и залежных земель и т. п., можно ставить вопрос о досрочной передаче подобных документов в государственные архивы. Так действовали архивные учреждения в первые годы централизации архивного дела и, благодаря этому, сохранили важнейшие фонды советских органов высшей власти и центральных управлений за 1917—1925 гг., так надлежит действовать и в настоящее время, чтобы обеспечить сохранность ценнейших документальных материалов, характеризующих период завершения строительства социализма и построения коммунизма в нашей стране.

При установлении конкретных планов комплектования государственных архивов необходимо предусматривать порядок и особые сроки концентрации документальных материалов учреждений различного подчинения: всесоюзного, республиканского, краевого, областного, районного.

В этой связи необходимо обратить внимание на вопросы комплектования документальных материалов, поступающих в архивы с переменным составом фондов, и лишь впоследствии по истечении определенного срока — в архивы республиканского, обсластного или краевого значения. Не следует забывать, что в архивах с переменным составом фондов не всегда может быть обеспечено достаточно квалифицированное отношение к отбору материалов, подлежащих хранению.

Между тем, среди поступающих в эти архивы материалов колхозов, совхозов, МТС, сельсоветов, артелей, промысловой кооперации имеются документы, представляющие собой большую научную и практическую ценность.

Общий рост культуры в советской стране особенно характерен тем, что когда-то отсталая деревня быстро догоняет город в культурном отношении. Огромная тяга людей деревни к знанию создает условия пробуждения интереса к прошлому своего района, колхоза, села. Это содействует развитию деятельности таких учреждений, как дома культуры, музеи, библиотеки, заинтересованных в повседневном использовании исторических документов.

Все это дает основания некоторым архивистам для постановки на очередь вопроса о превращении архивов с переменным составом фондов в архивы с постоянным составом фондов, обслуживающие интересы хозяйственного и культурного строительства в районе. Этот вопрос следует всесторонне изучить.

Архивные учреждения обязаны также взять на себя инициативу в деле выявления и учета, а в дальнейшем концентрации в государственных архивах документальных материалов ГАФ, находящихся вне государственных и ведомственных архивов.

Прежде всего должна быть внесена плановость в дело учета и концентрации архивных фондов, коллекций и отдельных документальных материалов личного происхождения. Указания Положения о том, что документальные материалы ГАФ не могут являться объектом купли и продажи и других сделок, дает в руки архивных учреждений действенное оружие в борьбе за сохранность ценных в научном отношении документов, образовавшихся в процессе деятельности круга лиц, предусмотренных Положением. Вряд ли можно чем-либо оправдать безразличное отношение любого советского человека к известному ему факту небрежного хранения частными коллекционерами или случайными владельцами документальных материалов, ценных в научном отношении. Тем более нельзя оправдать такое отношение со стороны архивных учреждений.

Вряд ли также возможно мириться с фактами чисто формального толкования законодательства о праве наследования или авторского права, когда речь идет о документах большого научного значения, о рукописях писателей, композиторов, являющихся ценными памятниками отечественной культуры, тем более о документах, являющихся частью архивных фондов правительственных учреждений, оказавшихся случайно в частных руках и являющихся «объектом купли-продажи». Ведь даже в некоторых капиталистических странах существуют законодательные акты, воспрещающие вывоз архивов личного происхождения за пределы страны и введена регистрация частных архивов, что по существу является вторжением государственной власти в частную собственность владельцев архивных материалов.

Нам кажется, что в отношении исторических документов, имеющих общегосударственное значение, находящихся в частном владении и являющихся объектом купли-продажи и других сделок, можно руководствоваться известным указанием В. И. Ленина относительно публично-правового и частного в области хозяйства, его требованием «расширить применение государственного вмешательства в „частноправовые" отношения, расширить право государства отменять „частные" договоры, применять не corpus romani к „гражданским правоотношениям", а наше *революционное правосознание...»* [5].

---

[5] В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 518.

Положение о ГАФ дает достаточно оснований для более решительных мер к расширению применения государственного вмешательства в дело охраны документов личного происхождения, подлежащих включению в состав Государственного архивного фонда.

Наряду с существующими мерами обеспечения сохранности фондов личного происхождения, следует разработать такие предложения, как воспрещение вывоза документальных материалов — в том числе являющихся результатом творческой деятельности представителей отечественной науки и культуры — за пределы Советского Союза, что было предусмотрено Положением об архивном управлении РСФСР 1929 г., указание государственным нотариальным органам на недопустимость заверять сделки по продаже, передаче или дарению подобных документов отдельным лицам, регистрация в архивных учреждениях архивных фондов личного происхождения, находящихся на хранении вне государственных архивов. Одновременно должен быть установлен строгий контроль со стороны органов архивного управления за точным выполнением закона об изъятии из гражданского оборота документальных материалов, включенных в состав Государственного архивного фонда СССР. Было бы целесообразно также принять меры к более широкой информации — особенно среди членов творческих организаций — писателей, композиторов, художников и т. п. о способах хранения, разработки и использования передаваемых в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР архивных фондов личного происхождения и разработать вопрос об организации подобных хранилищ в республиках, краях и областях.

Большое внимание архивные учреждения должны уделить разработке организационных и технических вопросов комплектования кино-фото-фонодокументов. Роль и значение этого вида документальных материалов возрастает буквально с каждым днем и в научном исследовании, и в политико-воспитательной массовой работе, и в педагогическом процессе.

Приобретает большое значение микрофотокопирование документальных материалов для пополнения фондов наших государственных архивов из архивов зарубежных стран. Разрешение этой задачи, поставленной перед Главным архивным управлением СССР Положением о ГАФ СССР, требует большой предварительной работы по определению круга конкретных вопросов, по которым должно производиться выявление и микрофотокопирование документов. К разработке тематической программы выявления необходимо шире привлекать научных работников различных отраслей знания — историков, экономистов, географов, литературоведов и др. Как уже сообщалось в «Историческом архиве», представители ГАУ СССР уже приступили к работе по выявлению документов в некоторых зарубежных архивах. Производилась работа в Финляндии, где выявлено до 800 000 листов документов, содержащих сведения по истории СССР, во Франции, в Румынии. Организуется работа в архивах Австрии, Швейцарии, Швеции и других странах.

В этом деле неоценимую помощь для пополнения государственных архивов могли бы принести те историки и другие исследователи, которым предоставляется советским государством возможность работать в архивах зарубежных государств. Однако практика показывает, что многие исследователи, получившие в зарубежных архивах копии хранящихся там материалов, считают это личным приобретением для пополнения личных архивов. В государственные архивы эти материалы до сего времени не поступают. Поэтому не исключено, что через ряд лет потребуется вновь осуществлять командировки в те же научные учреждения и по тем же темам.

Одновременно должна быть разрешена задача концентрации этого вида документальных материалов в одном из центральных государственных архивов СССР, могущих обеспечить их надлежащую сохранность и научное использование.

Большой опыт в различных областях архивного строительства и публикаторской работы, накопленный в нашей стране, дает возможность шире развернуть исследовательскую работу в указанных выше специальных областях знания.

Назрела необходимость создания объединенного научно-исследовательского

центра по разработке этих областей знания. Наличие в Московском государственном историко-архивном институте специальных кафедр, профессорско-преподавательский состав которых и аспирантура заняты разработкой ряда научных проблем, имеющих прямое отношение к деятельности государственных архивов, облегчает возможность создания указанного центра с участием научных работников Главного архивного управления, государственных архивов и ряда других научных учреждений СССР.

Наши методические правила и инструкции не всегда в должной мере учитывают необходимость дифференцированного подхода к документальным материалам, образовавшимся в различные периоды исторического развития нашей страны. За последнее время не случайно археографы, занимающиеся публикацией документов советской эпохи, резко ставят вопрос о разработке специальных новых правил издания документов по истории советского общества.

Пересмотр руководящих методических документов под углом зрения их соответствия требованиям практической работы над ценнейшими документами по истории первого в мире социалистического государства явится первоочередным делом всех архивных учреждений, в том числе и научно-исследовательского центра.

На советских историках-архивистах, ведущих научно-исследовательскую работу, лежит ответственность за правильное освещение вопросов теории, истории и практики архивного строительства в СССР. Необходима непримиримая борьба с буржуазными теориями в области архивного дела, с попытками принижения роли и значения марксистско-ленинской теории в архивном деле со стороны буржуазных архивистов, искажениями марксистско-ленинских принципов, на базе которых развивается и укрепляется советская система архивного дела и которая зачастую берется за основы архивистами во всех других странах социалистического лагеря.

Это имеет особенное значение в настоящее время, когда усилились связи советских архивистов с зарубежными архивными учреждениями, когда увеличился приток в нашу страну иностранной архивоведческой литературы.

К сожалению, в работах, выходящих из-под пера наших архивистов, далеко не всегда мы находим критическую оценку высказываний архивистов империалистического лагеря, пропагандирующих идеалистические формалистские теории в архивоведении и археографии и преимущества ведомственной системы архивной организации, выступающих против принципиальных марксистско-ленинских основ архивного строительства в СССР.

Чаще всего в статьях и заметках, посвященных архивному делу в иностранных государствах, наши периодические издания — в том числе и «Исторический архив» — ограничиваются сведениями информационного характера.

Назрела также необходимость практического разрешения давно поставленного вопроса о создании Государственной археографической комиссии СССР. Координация действий научно-исследовательских учреждений по опубликованию исторических источников и планированию этих изданий, о чем говорит новое Положение о Государственном архивном фонде СССР, осуществимо лишь при наличии авторитетной Государственной комиссии из представителей Главного архивного управления, Института марксизма-ленинизма, Археографической комиссии Академии наук СССР, Московского государственного историко-архивного института, ряда ведомственных архивов и т. п.

На Государственную археографическую комиссию должны быть возложены задачи координации публикаторской работы, обобщения и разработки вопросов теории и практики археографии, решения вопросов использования исторических источников в печати, руководства изданием важнейших серий сборников, централизованного учета публикаций документов, рассмотрение издательских планов учреждений, занимающихся публикацией исторических источников.

Выполнение комиссией вышеуказанных задач не только способствовало бы в ближайшее время дальнейшему развитию научной работы в области общественных наук, но и сэкономило бы много государственных средств и сил ученых.

Наряду с комплектованием, экспертизой, организацией использования документальных материалов перед государственными архивами новым Положением поставлена важная задача создания научно-справочного аппарата — подготовка и издание описей, путеводителей, справочников и т. п. Следует признать, что работа государственных архивов в этой области, пожалуй, является наиболее слабым участком. Если в научно-публикаторской работе наши государственные архивы имеют поистине огромные достижения — особенно за последние 2—3 года,— то в отношении подготовки описей и других видов справочников по архивам они сделали пока не так много. Совершенно очевидно, что успехи научного исследования и использования документов правительственных учреждений в значительной степени зависят от правильно поставленной работы в архивах по описанию, каталогизации документов, составлению путеводителей.

Одной из первоочередных задач в области организации научно-справочного аппарата в архивах, которую предстоит разрешить архивным учреждениям СССР, является подготовка единого классификатора для предметно-тематических каталогов, на основе которого может быть создан единый предметно-тематический каталог по всему составу Государственного архивного фонда СССР. К решению этой задачи должны быть привлечены широкие круги архивистов и ученых различных специальностей.

Правильное разрешение всех поставленных в настоящее время перед архивными учреждениями задач требует прежде всего улучшения состава кадров архивных специалистов, повышения качества их подготовки.

Как и перед многими другими высшими учебными заведениями страны, перед МГИАИ встает вопрос о необходимости более тесной связи Института с жизнью, с производством, пересмотр вследствие этого учебных планов и программ с учетом требований практической работы будущих специалистов в архивах СССР.

Исходя из этого, МГИАИ должен прежде всего учесть тот указанный нами выше факт, что за истекшие годы в составе ГАФ СССР преобладающее место заняли документальные материалы советской эпохи, что в государственных архивах в силу этого сосредоточено наибольшее внимание на обработке и использовании документов советских учреждений, организаций и предприятий, что в архивах происходит концентрация новых видов советской документации — планов, чертежей и др. видов документов проектных и плановых организаций, кино-фото-фонодокументов и т. д.

Нельзя смотреть на государственные архивы СССР глазами буржуазных архивистов, для которых архив — это документы далекого прошлого, законченные производством, не актуальные, мертвые для текущего управления, что архивист — это лицо, имеющее дело больше с тенями прошлого, чем с современной реальностью.

Советские государственные архивы в своей деятельности по использованию документальных материалов органически связаны с текущей деятельностью, являются активными участниками строительства коммунистического общества.

В этой связи перед МГИАИ стоит задача о включении в учебный план дисциплин, имеющих непосредственное отношение к документам советской эпохи: их образованию в процессе делопроизводства, к вопросам теории, истории и практики организации самого делопроизводства учреждений и его документальной части.

В соответствии с этим должно быть усилено внимание изучению правовых дисциплин наряду с изучением фондообразователей — истории государственных учреждений. Внедрение новой техники в архивном деле и развивающееся микрофотокопирование документов также потребует внесения дополнений в учебный план института.

Тематика специальных курсов, семинаров и, в особенности, дипломных работ должна определяться потребностями практической работы архивных учреждений. Правильно организованное комплектование Института — прием молодежи с производства,— увеличение производственной практики и стажировки в архивах будут содействовать повышению специальной архивной квалификации студентов.

Перестройка учебной работы МГИАИ, установление более тесного содружества Института с архивными учреждениями в учебной и научно-исследовательской работе и создание специального научно-исследовательского центра, о котором было сказано выше, несомненно создаст условия для улучшения дела подготовки специалистов архивного дела и в конечном итоге будет содействовать общему улучшению архивного дела в стране.

* * *

Положение о Государственном архивном фонде СССР 1958 г. предъявляет к архивным учреждениям СССР высокие требования. Эти требования диктуют необходимость решительной и скорейшей перестройки всей организационной и научно-исследовательской работы органов архивного управления и государственных архивов СССР, чтобы на надлежащем идейно-политическом и научном уровне выполнить ответственные задачи, поставленные перед всеми учреждениями страны историческими решениями XXI съезда КПСС.

На основании опыта всех предшествовавших лет можно выразить уверенность, что советские историки-архивисты, руководствуясь новым законодательным актом Советского правительства об архивах, с честью выполнят возложенные на них задачи, оправдают оказанное им высокое доверие в деле охраны и научной разработки ценнейшего государственного достояния, каким является Государственный архивный фонд СССР, содержащий документы о героическом прошлом народов нашей социалистической Родины, о великих подвигах советских людей — строителей нового коммунистического общества.

АРХИВНОЕ ДЕЛО В РУМЫНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

ИОН ПАРАСКИВ

В годы буржуазно-помещичьего строя в нашей стране правительства, сменявшиеся на протяжении ряда лет, не уделяли почти никакого внимания устройству архивов, документы которых являются одним из основных источников по истории страны. Это понятно, ибо тогда меньше всего преследовалась цель правильного освещения исторического прошлого, сами факты которого использовались больше всего в реакционных классовых целях.

В годы народной власти были созданы благоприятные условия для развития архивного дела. Учитывая значение материалов, хранящихся в архивах государства, партия и правительство оказали архивным работникам ту помощь, о которой они так долго мечтали. Поэтому лишь с утверждением народной власти можно говорить о подлинном развитии архивного дела в Румынии.

На II съезде Румынской Рабочей Партии тов. Георге Георгиу-Деж поставил перед румынскими историками задачу разработать «основные вопросы нашей истории — вопросы самого процесса образования румынского народа, а также вопросы современной истории и периодизации истории» [1]. Исключительно большая роль в выполнении этой задачи принадлежит работникам архивов, хранящих документальное наследие румынского народа.

В настоящей статье разбираются следующие основные вопросы:

I. История архивов, существовавших на территории Румынской Народной Республики до 1831—1832 гг., то есть до вступления в силу так называемого «Органического регламента» (первая конституция румынских княжеств).

II. История архивов на территории Румынской Народной Республики с 1831—1832 гг. до наших дней.

III. Перспективы развития архивного дела в Румынской Народной Республике.

Первыми источниками документации по вопросам древнейшего прошлого нашего народа являются материалы, которые мы находим в произведениях ряда зарубежных летописцев и историков [2].

В государственных архивах Румынии хранятся только документы отечественного происхождения, начиная с XIII в. Все они различны по форме, внешнему виду и способам составления, в зависимости от времени, в которое они появились.

Первый период румынского архивного дела («архив у адресата») относится к эпохе раннего феодализма. Он характерен тем, что документы, писавшиеся в одном

---

[1] Gheorghe Gheorghiu-Dej. Raportul de activitate al C. C. al Partidului muncitoresc Romin, la Congre al II—le al Partidului. Bucureşti, 1956, стр. 155.

[2] См. об этом: G. Popa Lisseanu. Jzvoarele istoriei romînilor (*Источники к истории румын*), vol. I, III, VII—X, XIII, XV. Bucureşti, 1934—1939; Scarlat Callimachi. Din cărţi vechi (*Из старых книг*). Bucureşti, 1945, стр. 18—34, 89—92.

Здесь и ниже курсивом выделены названия упоминаемых источников в русских переводах, сообщенных автором. — *Редакция.*

экземпляре, хранились у тех лиц, кому они предназначались (*«у адресата»*), для обоснования определенных прав последнего: права владеть имением или другим недвижимым имуществом (дарственные, купчие, духовные и другие грамоты). Владельцами таких архивов были как отдельные лица, так и города или монастыри, получавшие документы, предоставлявшие им определенные привилегии. Многие из таких документов безвозвратно утеряны.

В то время еще не существовало единого румынского государства. Были лишь княжества и отдельные провинции, населенные румынами. Поэтому не было и общих приемов составления документов. В Трансильвании большинство именных документов составлялось королевской канцелярией или другими учреждениями Венгерского государства, канцелярией воевод и в меньшем количестве канцелярией церкви или учреждениями общественного, экономического, политического или административного характера [3]. В Валахии и Молдавии эти документы составлялись княжескими канцеляриями или учреждениями, подобными тем, которые существовали в Трансильвании.

В этот период в румынских княжествах документы составлялись на бумаге или пергамене. На славянском языке пергамен назывался «кожа», откуда это слово и вошло в румынский язык как существительное (coaj) и как прилагательное (coajnic). Так появилось выражение «кожаные документы, или книги» (carti coajnice). Самый тонкий пергамен изготовлялся из кож ягнят и козлят, а пергамен низшего качества изготовлялся из овечьей, козлиной или телячьей кожи. Этот пергамен был более толстым, желтого цвета. Он изготовлялся в румынских княжествах, а пергамен высшего сорта привозили из Трансильвании. Бумага также была импортной. Ее доставляли, главным образом, из Германии, Польши и Италии и лишь в XVII в. начали пользоваться бумагой отечественного производства [4].

На территории Румынии документы составлялись сначала на латинском, затем — на славянском и греческом языках. В Трансильвании, как и в других странах Запада, латинский язык был государственным языком. Это был язык католической церкви и господствующих классов и поэтому самые древние документы, касающиеся Трансильвании и хранящиеся, как в этой части Румынии, так и в других хранилищах государственного архива, составлены на латинском языке.

Латинские документы были различные по форме и содержанию, именно: littere, или littera (письма), instrumentun (частный документ или договор), pagina и scriptum (официальный документ о присвоении различных привилегий и т. д.), epistola (послание), registrum (запись), cedula (заметка, записка), sigillum (документ, скрепленный печатью), codex (свод законов), carmen (стихотворное послание), mandatum (полномочие), missiles (циркуляры) и т. д.

Соседство славянских народов, имевших более развитую культуру в период формирования румынского народа, и многолетние экономические связи с ними — явились следствием того, что в княжеских канцеляриях и в церковных учреждениях до XVIII в. (в особенности в Валахии и Молдавии) пользовались славянским языком. По этой причине часть материалов, относящихся к прошлому румынского народа и хранящихся в государственных архивах РНР, составлена на славянском языке. По своему содержанию и форме славяно-румынские документы принадлежат к различным категориям дипломатики.

Вот некоторые из названий, которые бытовали для этих документов: «хрисов» (грамота) — официальный документ княжеской канцелярии Валахии с подвесной печатью, «листэ» (документ, относящийся к внешним сношениям), «кризмо» или позже «повеляние» (приказ, решение), «писание» (письмо), «рэваш» (записка, кня-

---

[3] Francisc Pall. Diplomatica latină cu referire la Transilvania, sec. X—XV. Din Documente privind Istoria Romîniei Introducere (*Латинская дипломатика рукописей Трансильвании. Из документов румынской истории. Предисловие*), vol. II. București, 1956, стр. 223—237.

[4] Damian P. Bogdan. Din paleografia slavo-romînă. Din Documente privind Istoria Romîniei. Introducere (*О славяно-румынской палеографии. Из предисловия к I т. «Документов по истории Румынии»*), vol. I, București, 1956, стр. 131—135.

жеский вызов), «книга», «рукописание» или позже «запись» и т. д. Сохранились румыно-славянские оригиналы, копии, дубликаты, выписки из других документов, свидетельства, переводы, описи старых архивов и т. д. Всего — около 4000 документов, относящихся к Молдавии, около 3000, относящихся к Валахии, и лишь 11 — к Трансильвании.

Древнейшим славянским документом, написанным в Молдавии, о котором нам известно, является послание Петра Мушата к польскому королю Владиславу Ягелло 1388 г. Оно хранилось в Варшаве в Главном государственном архиве до второй мировой войны. Во время одной из бомбардировок города немецкими самолетами этот документ, как и другие архивные материалы, имевшие отношение к прошлому

Общий вид здания Главного архивного управления РНР

румынского народа, сгорел. Впервые он был описан в русском сборнике «Акты Западной России» (1846), а факсимиле этого документа И. Богдан поместил в своем альбоме молдавской палеографии, изданном в 1943 г.

Древнейшим сохранившимся славянским документом, составленным в Валахии, является «хрисов» 1374 г., выданный кн. Владиславом I монастырю Водица (хранится в Государственном архиве в Бухаресте).

Древнейший трансильванский славянский документ — «запись» старосты («жудец») и советников («пыргар») г. Брашова (ныне г. Сталин) (вторая половина XV в.) хранится в архиве г. Сталин [5].

Долгое время, начиная с XIV в., средством распространения культуры на территории Румынии являлся также греческий язык, что было следствием общения с византийской империей (сначала в области религии, а затем и для экономических связей).

Количество церковных греческих документов значительно увеличилось в XVII в., а в XVIII—XIX вв. греческим языком стали все чаще пользоваться в румынских княжествах как для внутренней, так и для внешней переписки. Сотни тысяч таких документов хранятся в наших архивах. Они принадлежат главным образом различным греческим торговым домам, которые находились на территории румынских княжеств (торговый дом братьев Полихроние в г. Крайова, фирма Хаджи Януш и

---

[5] Damian P. Bogdan. Diplomatica slavo-romînă (*Предисловие к II т. «Документов по истории Румынии»*), vol. II. Bucureşti, 1956.

Астрияно Конста Петру, перешедшая затем во владение торгового дома семьи Нану, греческий торговый дом в г. Сибиу и другие).

Это было время, когда румынский язык, образование которого началось еще в I в. н. э., не признавался государственным. Между тем на нем говорил весь трудовой народ страны.

Наконец, появляются и документы, составленные на родном румынском языке. Первым из них является письмо некоего Някшу из города Кымпулунг к Ханашу Бегнеру из Брашова. В этом документе, который хранится под № 472 в Государственном архиве г. Сталин, говорится: «Извещаю вашу светлость о турках: как я слышал, император покинул Софию и отправился вверх по Дунаю. Иначе быть не может. Кроме того, сообщаю вашей светлости, что ко мне явился один человек из Никополя и поведал мне, что видел собственными глазами, как прошли те корабли...».

Долгое время кириллица употреблялась для составления документов на старославянском языке, затем кириллицей стали писать и письма на румынском языке. Но в 1848 г. демократические деятели, возглавившие революционные события в румынских княжествах, провозгласили необходимость введения латинского алфавита. 23 октября 1858 г. было принято соответствующее решение. Правда, короткий период латинский шрифт не был еще обязательным для государственных учреждений, но уже с 10 августа 1859 г. «Официальный вестник» начинает печатать некоторые тексты латинским алфавитом, а с 4 ноября того же года этот алфавит был принят здесь для всех публикуемых им текстов.

В Молдавии введение латинского алфавита столкнулось с значительно большими трудностями, чем в Валахии [6].

В конце XVI в. в Молдавии и Валахии начали складываться архивы «реестрового» типа, характерные тем, что учреждения выдававшие документы, снимали и хранили у себя на отдельных листах копии с этих бумаг. Такая форма ведения делопроизводства впервые возникла еще в средние века в недрах папской канцелярии и соответствовала задачам складывавшегося нашего национального государства. Молдавские и валахские реестры налоговых управлений не сохранились.

В развитии реестровых архивов значительную роль сыграло распоряжение кн. Константина Брынковяну снимать копии с документов, выдаваемых его канцелярией, и хранить их в специально заведенных реестрах. По его указанию и монастыри должны были записывать копии деловых бумаг в специальные реестры, ставшие известными в румынской истории как «брынковянские книги».

В 1741 г. Константин Маврокордат последовал этому примеру и ввел реестровые книги в Молдавии и Валахии.

Большинство этих реестров также не сохранилось. Так, например, молдавские реестры погибли во время пожаров в Яссах в 1827 г., но часть реестров все же дошла до наших дней и составляет ценнейшие материалы наших хранилищ.

В Трансильвании реестры были введены в 1695 г. в различных учреждениях, а в 1772 г.— во всех городах и областях.

По сравнению с «архивом у адресата» реестровые архивы имели определенное преимущество: они обеспечивали сохранность материала и исключали возможность подделки документа. Однако и реестровый метод имел недостатки: в реестры записывались документы в валовом порядке, поэтому найти какой-либо из них было трудно.

С развитием капитализма и увеличением объема деловой переписки недостатки реестровых архивов стали чувствоваться особенно остро. Это обусловило появление другой формы делопроизводства. Документы классифицировались по определенным вопросам, чтоб их было легко отыскать, а в конце года из них формировались обо-

---

[6] Em. Vîrtosu. Din paleografiă chirilică romînească. Din Documente privind istoria Romîniei. Introducere (*Из румынской кирилловской палеографии. Из документов румынской истории. Предисловие*), vol. I. Bucureşti, 1956, стр. 283, 312—323.

собленные дела, поступавшие затем в архив. Такой способ формирования архивных материалов принят во всем мире и в настоящее время, и известен под названием «современный архив».

В Румынии он был повсеместно введен на основе «Органического регламента» 1831—1832 гг., но его распространение в ряде канцелярий наблюдается уже с конца XVIII в. как заимствование из практики русских и австрийских войск, находившихся в этот период на территории румынских княжеств.

* * *

Первые румынские государственные архивы как учреждения были образованы, согласно «Органическому регламенту», в Бухаресте — столице Валахии 1 мая 1831 г., а в Яссах — столице Молдавии — 1 января 1832 г. В первом случае архив подчинялся Департаменту внутренних дел (Departamentul Trebilor din Lăuntru, или Vornicia din Lăuntru), а во втором — Департаменту юстиции (Departamentul Justiţiei, или Logofeţia Dreptăţii) [7]. Создание этих архивов было необходимо прежде всего вследствие того, что с ведением «Органического регламента» прекратил деятельность целый ряд старых учреждений. Уже 3 мая 1831 г. в Государственный архив в Бухаресте поступили дела из ликвидированного Исполнительного собрания (Divan Săvîrşitor).

«Органический регламент» лишь в общей форме определял положение архивов в системе государственного аппарата. Здесь не решались вопросы организационного характера их деятельности. Эта задача была решена в регламенте 1840 г., где были установлены штаты, порядок приема и использования материалов.

Различные постановления и положения, касающиеся архивов, были изданы Скарлатом Пастия в сборнике «Codu judiciar pentru tribunalele din Moldova» («Юридический кодекс для трибуналов Молдавии»).

После объединения княжеств в 1862 г. оба государственных архива перешли в ведение Министерства просвещения и вероисповеданий, которому они и подчинялись в течение почти ста лет. Согласно регламенту Государственный архив в Бухаресте становится Главным управлением (с двумя отделениями). Ясский государственный архив был превращен в его временный филиал «с административным и судейским хранилищами» и персоналом из одного начальника и двух переписчиков. Это объясняется стремлением централизовать хранение важнейших материалов в Бухаресте. Выполнить это решение не удалось, и в 1876 г. было принято решение о том, чтобы государственный архив в Яссах оставался нетронутым [8].

Княжескими указами от 23 июля 1863 г. и 24 августа 1864 г. государственным архивам было предписано принять на хранение документальные материалы монастырей и продолжить работу, начатую Комиссией документации, учрежденной в 1841 г. с целью сбора документов местных монастырей, а также Комиссией 1864 года для сбора документов секуляризованных монастырей.

В 1864 г. была вновь проведена реорганизация Главного управления государственных архивов, а в следующем году — принят закон о передаче в его ведение материалов так называемых «брынковянских монастырей».

В марте 1869 г. был разработан новый регламент Государственного архива, вступивший в силу в июле 1872 г. и действовавший до 1925 г., когда, согласно новому закону, было образовано четыре областных архивных управления. Закон 1925 г. обязывал также все государственные учреждения сдавать в архивы материалы более чем тридцатилетней давности. Это требование не распространялось на ар-

---

[7] Istoricul Arhivelor Statului, 1831—1956 (*История Государственного архива, 1831—1956 гг.*). В сборнике «Arhivele Statului 125 ani de activitate» («125 лет со дня учреждения Государственного архива»). Bucureşti, 1957, стр. 17—217.

[8] S. Zotta. Din trecutul Arhivei Statului a Moldovei (*Из прошлого Государственного архива Молдавии*), стр. 227, 236.

хивы организаций национальных и религиозных меньшинств, существовавших в момент обнародования закона. При Главном управлении государственных архивов предусматривалось создание Совета усовершенствования, в обязанности которого входила разработка общих директив по вопросам приема материалов, их хранения, отбора фондов, а также по научной работе в области архивных материалов. Этот закон, подвергшийся пересмотру в 1932, 1943 и 1946 гг., предусматривал составление нового регламента, но последний никогда не был разработан; в силе остался регламент 1872 г.

В связи с тем, что в состав румынского государства в 1918—1925 гг. вошли новые области, в Кишиневе, Черновцах и Клуже были созданы филиалы Государст-

Музей Главного архивного управления РНР

венного архива, а затем и его отделения: в г. Крайове — в 1937 г., в г. Брашове — в 1938 г. в гг. Сучаве, Бузэу и Сибиу — в 1945 г. Некоторые из этих отделений, как например, отделения в Клуже, Сибиу, Сталине и Крайове, располагают очень богатыми и ценными материалами.

23 августа 1944 г. наш народ с помощью героической Советской Армии сбросил ненавистное иго германского фашизма. Это был величайший поворот в истории нашей страны.

В связи с военными событиями, а также из-за беспорядков и волнений, происходивших в стране, архивы сильно пострадали. Много материалов погибло из-за отсутствия надлежащих условий хранения либо по причине несознательного отношения к делу отдельных людей, как это было с архивом Бухарестского университета имени К. И. Пархона. Этот архив погиб целиком.

Декретом от 27 января 1951 г. Государственный архив, находившийся до этого в течение нескольких лет в подчинении Министерства народного просвещения, передается в ведение Министерства внутренних дел, а постановлением Совета Министров от 29 мая 1951 года устанавливаются обязанности Управления Государствен-

ным архивом, а также его областных отделений и филиалов [9]. Настало время, когда архивам были созданы надлежащие условия, соответствующие общему развитию нашей страны. В частности, были увеличены штаты и повышены оклады архивистов.

На основании этого постановления Совета Министров, Управление государственных архивов разработало и издало в 1954 г. общие инструкции для организации и деятельности архивов министерств, центральных и местных учреждений, общественных и кооперативных организаций, предприятий, государственных сельских хозяйств, а также коллективных сельских хозяйств. Одновременно были разработаны инструкции по экспертизе архивных материалов. Министерства и другие государственные учреждения немедленно приступили к исполнению этих инструкций.

16 июля 1957 г. был издан декрет Президиума Великого Национального Собрания «О создании Государственного архивного фонда Румынской Народной Республики», а 17 июля 1957 г. было принято постановление Совета Министров «Об организации и функционировании Главного архивного управления и об управлении Архивным фондом Румынской Народной Республики». Декрет и постановление сыграли исключительно важную роль для дальнейшего развития нашего архивного дела.

Еще в 1953 г. румынские архивисты поняли, что в условиях строительства социализма их главной задачей является создание Государственного архивного фонда и что основой для этого должен явиться закон, подобный тому, который был подписан великим Лениным 1 июня 1918 г. в молодой Советской республике. Эти стремления румынских архивистов были полностью поддержаны руководством Министерства внутренних дел.

Такой декрет был подготовлен еще в 1953 г., но из-за постоянных препятствий, чинившихся отдельными центральными ведомствами, его утверждение было затянуто на несколько лет, несмотря на то, что архивисты пошли на некоторые уступки ведомствам.

Декрет обеспечивает государственным архивам необходимый авторитет, требующийся для выполнения такой серьезной задачи, как управление Государственным архивным фондом. После его обнародования были немедленно приняты все меры для его проведения в жизнь. Вся деятельность государственных архивов на 1958 г. планировалась в соответствии с декретом. Несмотря на то, что мы не достигли еще полного, стопроцентного применения декрета Президиума Великого Национального Собрания, все же мы решительно идем по пути, указанному этим высшим актом архивного законодательства, основанным на нашем собственном опыте, а также на вдохновляющем примере архивного законодательства Советского Союза.

До установления народной власти число работников архивов всегда было недостаточным по сравнению с тем объемом работы, которую им приходилось выполнять. Кроме того, архивисты всегда были низкооплачивемой категорией сотрудников. Этим частично объясняется и тот факт, что от старого режима мы унаследовали государственные архивы в крайне тяжелом состоянии и в годы народной власти пришлось выполнить ряд работ, которые по существу должны были быть выполнены много лет тому назад. В прошлом почти все ответственные работники государственных архивов вынуждены были работать одновременно и в других учреждениях, так как оклады были очень низкими. Те же лица, которым приходилось ограничиться работой в архиве, влачили жалкое существование. С самого начала создания этого управления, то есть с сентября 1831 г. и в дальнейшем, работники государственных архивов неоднократно требовали увеличить штаты и оклады. В 1926 г., например, по вопросам заработной платы некоторые работники государственных архивов об-

---

[9] «Buletinul Oficial» al RPR, № 14 от 1 февраля 1951 г., стр. 201; № 67 от 16 июня 1951 г., стр. 713—714.

ратились в суд с жалобой на министерство и выиграли тяжбу. Однако общее положение осталось неизмененным до 1951 г.

Необходимо упомянуть ряд наиболее выдающихся руководителей архивного дела в Румынии:

В Валахии: Иордаке Расти (1831—1837 гг.) — первый государственный архивариус; Ион Елиаде Рэдулеску (1843—1848 гг.) и Григоре Александреску (1849—1854 гг.) — выдающиеся деятели румынской культуры и литературы; с 1859 по 1862 г. во главе государственных архивов Валахии находился Петраке Теулеску, при котором появилось первое издание материалов государственных архивов.

В хранилище румынского архива

В Молдавии: с 1832 по 1849 г. государственные архивы возглавлялись писателем Георге Асаки, который был не только одним из наиболее выдающихся культурных деятелей, но и отличным организатором архивного дела. Этот пост занимали затем с 1849 по 1850 г. Василе Александри (отец), а с 1850 по 1853 г. его сын поэт Василе Александри-младший. С 1855 по 1856 г. здесь работал литератор Георге Сион. Следует также упомянуть Теодора Кодреску (1836 г.) — создателя знаменитой коллекции документов, известной под названием «Урикарул».

После объединения княжеств генеральными директорами государственных архивов были:

Григоре Бенджеску 2-й (1862—1864 гг.), Чезар Болиак (1864—1866 гг.) — писатель, Григоре Ману (1866—1871 гг.) — археолог, Константин Арическу (1871—1876 гг.), впервые систематизировавший архивные материалы и установивший публикование учетных данных, Богдан Петричейку Хашдэу (1876—1900 гг.) — известный филолог, историк, исследователь и литератор, профессор Димитрие Ончул (1900—1923 гг.) — выдающийся историк. На этом посту находились затем академик Константин Мойсиу (с 1923 по 1928 г.), профессор Аурелиан Сагердоцяну (1938—1953 гг.) и доцент Василе Мачу, которые во многом способствовали развитию архивного дела в той степени, которая была возможна в условиях прошлых лет. В настоящее время Главное управление государственных архивов Румынской Народной Республики возглавляет автор этого обозрения — Ион Параскив.

Хотя в настоящее время в каждой области имеется отделение государственных архивов и по сравнению с 1944 г. число сотрудников увеличилось в семь раз, все же приходится привлекать к работе внештатных работников.

Вопрос о подготовке архивистов со специальными знаниями ставился уже давно, но только 28 ноября 1924 г. впервые открылись курсы «Практической школы архивариусов-палеографов» при Главном управлении государственных архивов. Последнее предоставило школе помещение, библиотеку и необходимые учебные пособия [10]. В 1931 г. это заведение было преобразовано в Высшую школу архивного дела и палеографии. С 1931 по 1936 г. государство не отпускало никаких фондов для этой школы и преподаватели работали здесь безвозмездно. 11 октября 1941 г. эта школа была закрыта на несколько месяцев и лишь студенты 2-го курса продолжали заниматься на филологическом факультете Бухарестского университета в качестве особой группы. В 1942 г. при Школе архивного дела был создан Научно-исследовательский институт архивистики. Он начал издавать свой печатный орган «Hrisovul» (за период с 1942 по 1947 г. было выпущено в свет 7 томов).

После реформы народного образования, проведенной в РНР в 1948 году, Школа архивистики превращается в Архивный институт, просуществовавший недолго: 9 сентября 1950 г. он был упразднен. В настоящее время подготовкой кадров занимается архивное отделение исторического факультета Бухарестского университета имени К. И. Пархона.

Вопрос об архивохранилищах является одной из самых мрачных страниц прошлых лет истории румынских архивов. В XIX в. архивы Молдавии и Валахии не имели своих постоянных помещений, материалы часто перебрасывали из одного места в другое, что наносило вред сохранности документов и мешало работе с ними. Государственный архив Валахии с момента своего образования несколько раз перемещался с места на место: из резиденции митрополита, где архив занимал несколько комнат и сводчатых помещений, архив был переведен в монастырь Михай-Водэ (1837 г.), а затем часть материалов была доставлена в неподходящие комнаты и подвалы монастыря св. Антима (1839 г.). Прошло несколько лет, и в 1843 г. «в кратчайший срок» материалы из Михай-Водэ перемещаются в монастырь Котрочень, а в 1848 г. часть материалов из монастыря св. Антима и из резиденции митрополита была перевезена в подвалы Административной палаты. В 1850 г. их снова переводят в помещение при резиденции митрополита.

В сентябре 1851 г. после того, как турецкие солдаты покинули монастырь Раду-Водэ, здесь были отведены помещения для архива. Однако переезды на этом не кончились: архиву пришлось вновь перебираться в монастырь св. Антима. Эта «Одиссея» продолжалась до 1900 г., когда руководителю архива Димитрие Ончулу удается получить целиком в распоряжение государственного архива монастырь Михай-Водэ и реставрировать его здания. Реконструкция этого здания закончилась в 1916 г. Здесь находится и в настоящее время Главное управление государственных архивов.

В свое время ряд знаменитых зодчих составлял проекты «дворца архивов» (Бларемберг — 1832 г., Вилакрос — 1850 г., Бениш — 1862 г.), но ни один из них не был осуществлен [11].

В Молдавии с помещениями государственного архива дело обстояло не лучше. Вначале он ютился в сводчатых комнатах Дома боярина Алеку Балш, но вскоре перебрался в помещение при монастыре Трех иерархов, в здание духовной школы. Одновременно в их распоряжение отдается и новое крыло больницы св. Спиридона, а в 1856 г. архив переезжает в дом банкира Мишеля Даниела. Так продолжается до 1911 г., когда архиву был предоставлен монастырь Голиа в Яссах, где и сейчас находится Ясский филиал Государственного архива [12].

Только после установления народной власти были приняты все меры для того,

---

[10] «Mon of»., № 153 от 15 июля 1925 г.

[11] A. Sacerdoţeanu. Proiecte pentru palatul Archivelor Statului. (*Проекты Дворца государственных архивов*), Bucureşti, 1940, стр. 11, 12.

[12] S. Zotta. Ук. соч., стр. 215.

чтобы обеспечить Государственный архив необходимыми помещениями. Так, например, в Бухаресте, помимо хранилищ в здании Генерального управления государственных архивов, оборудованы еще 7 больших хранилищ. На местах, для ранее существовавших и для вновь учрежденных отделений Государственного архива, были расширены или заново построены помещения [13].

Как же решались вопросы комплектования архива?

Вскоре после учреждения Государственного архива начали поступать различные материалы.

Вслед за материалами Исполнительного собрания, переданных в Валахии Государственному архиву, в 1831—1835 гг. сюда поступили материалы от различных ведомств. Дела принимались по инвентарной описи, представлявшейся в двух экземплярах: один — оставался в архиве, а другой — возвращался Департаменту внутренних дел, через который поступали материалы.

Необходимость упорядочить принятые на хранение архивные материалы привела к созданию инструкции, которая была опубликована в «Журнале Административного совета» под названием: «Правила, которых следует придерживаться при ведении архива».

Инструкции, появившиеся в сентябре 1831 г., содержат указания относительно учета классификации и обработки архивного материала. Регламент 1840 г. подробно рассматривал порядок оформления дел, поступавших в Государственный архив, и основания их классификации.

В Молдавии также прилагалось немало усилий для того, чтобы упорядочить хранение материалов. Георге Асаки, стремившийся обеспечить сохранность для грядущих поколений всех ценных материалов, предложил, чтобы и частные лица были обязаны сдавать в архив материалы, представляющие определенную ценность. Конечно, это предложение не могло быть тогда осуществлено.

Постепенно в обоих княжествах — в Валахии и Молдавии — были последовательно разработаны правила принятия и классификации материалов. Однако некоторые из них оказались неприемлемыми и от них пришлось отказаться. Так, например, в Яссах был предложен метод алфавитной классификации, но он просуществовал недолго. Ныне мы имеем точные правила принятия материалов на хранение, инструкции для ведения учета, обязательные для всех отделений Государственного архива, а также для учреждений, которые имеют собственные архивы. Строгое соблюдение этих правил и инструкций обеспечит, без сомнения, точный и разносторонний учет всех документальных материалов.

Вначале, после создания Государственного архива, отбор материалов для хранения представлял огромную трудность, ибо они поступали в большом количестве, а размеры хранилищ были недостаточны. Поэтому было сделано множество предложений, цель которых состояла в том, чтобы сократить до минимума количество папок и дел. Такие предложения делались начиная с 1842 г., но долгое время не был найден разумный выход, поскольку многие из этих предложений за единственную категорию отбора брали практическую, а не научную ценность материала. Следует только радоваться, что подобные предложения не были приняты, ибо их осуществление привело бы к уничтожению значительной части материалов.

Так, в 1843 г. в Валахии были разработаны правила Административного совета об уменьшении количества бумаг и делении архивных дел «на нужные и ненужные». Через десять лет в Молдавии появился закон «о способе отбора документов, находящихся в Государственном архиве» (опубликован в 1855 г.) [14]. И то, и другое положение не учитывали научной ценности документальных материалов, но к счастью на практике они не применялись. Лишь в 1924 г. была установлена такая система отбора материалов для уничтожения, при которой в качестве критерия ценности документов было принято их значение в качестве документальных источников, а не практическое значение, как это было раньше.

[13] S. Zotta. Ук. соч., стр. 84.
[14] «Buletinul, foaia publicaţiilor oficaial», № 57, 1855.

Закон 1925 г. запрещал отчуждение архивных материалов в какой бы то ни было форме без разрешения Государственного архива [15], однако и после этого в системе отбора материалов было еще много недочетов.

В настоящее время Государственный архив разработал специальные инструкции по отбору материалов. Они обязательны для всех учреждений и организаций страны, имеющих свои архивы, что исключает возможность передачи или утери материалов, имеющих документальную ценность. При отборе архивных материалов большую помощь оказывает типовой перечень сроков хранения дел, появившийся 27 ноября 1957 г.

Наряду с вопросом отбора материалов для уничтожения вопросы реставрации и создания наилучших условий для хранения материалов составляют наиболее трудные задачи современной архивистики. Вопросы обеспечения сохранности и реставрации документов занимали румынских архивистов еще с 1848 г., а в августе 1864 г. начальник архивов Чезар Болиак предложил конкретные меры «для реставрации поврежденных документов».

В 1907 г. Государственный архив приобрел специальные несгораемые шкафы фирмы «Вертгейм». Позже была создана лаборатория, оборудованная прибором для репродукции и чтения документов, текст которых был поврежден временем [16]. Но лишь в 1954 г. при Главном управлении государственных архивов было создано специальное отделение режима хранения и реставрации, переименованное позже в технический отдел, в составе которого имеются химическая лаборатория, фотолаборатория и переплетная мастерская, оснащенная новейшими приборами и аппаратами. Есть все основания полагать, что в будущем этот отдел добьется больших успехов в своей работе.

Как и в других странах, архивный материал румынских архивов использовался в практических и научных целях. Вначале использование материалов было ограниченным и лишь со временем расширилось. В Валахии еще в 1831 г. было установлено, что «всякий раз, когда это потребуется, может быть выдана копия, заверенная архивариусом» [17]. В Молдавии в 1832 г. в связи с одной научной работой архив выдал «Заметки о рудниках Молдавии», а два года спустя была составлена статистическая сводка по вопросам сельского хозяйства [18].

В различных законах и регламенте, о которых упоминалось выше, имелись указания и по вопросу использования документальных материалов. Они действовали до образования Государственного архивного фонда в 1957 г., причем в одном из параграфов соответствующего декрета указывалось: «Документальные материалы Государственного архивного фонда могут быть использованы для научно-исследовательской деятельности, в целях документации, информации, а также в целях культурно-массовой и воспитательной работы. Разрешается опубликование различных копий и выдача таковых, а также выписок и удостоверений для вышеуказанных целей, в соответствии с инструкциями Главного управления государственных архивов» [19].

Все наши областные и районные архивные отделения имеют специальные читальные залы, в которых научные работники могут заниматься изучением необходимых документальных материалов. В 1956 г. эти читальные залы посетили 1158 научных работников, которым были выданы для изучения 40385 ед. хр. На основании материалов было написано и появилось в печати большое число работ по истории Румынии.

В настоящее время в целях широкого использования архивных документов мы должны закончить основной учет всех хранящихся у нас материалов. Необходимо также использовать те технические средства, которыми мы располагаем для того,

---

[15] «Mon of.», № 153 от 15 июля 1925 г.

[16] «Revista arhivelor», т. 4, 1940, стр. 140—143.

[17] C. M o i s i l. Arhivele statului şi Regulamentul Organic (*Государственные архивы и «Органический регламент»*), стр. 283.

[18] S. Z o t t a. Ук. соч., стр. 216—217, 240—242.

[19] «Buletinul Oficial» al RPR, № 19 от 26 июля 1957 г.

чтобы составить копии и репродукции материалов, чтоб сократить в дальнейшем выдачу оригиналов, что способствует их износу. Важной задачей является составление тематических указателей и справочников, облегчающих наиболее полное использование архивных фондов.

В прошлом румынские архивисты наиболее тщательно разрабатывали древние материалы. Меньше уделялось внимания материалам нового времени.

Это сказалось и на тематике публикаций, предпринятых Государственным архивом, который издал целый ряд ценных сборников документов эпохи феодализма: P. Teulescu. Dokumente istorice. Seria 1, Bucureşti, 1860; Nic. Densuşeanu. Monumente pentru istoria Ţării Făgăraşului (*Памятники истории земли Фэгэраша*). Bucureşti, 1885; I. Bianu, N. Cartojan. Album de paleografie romînească (scriere chirilică) (*Альбом румынской палеографии, кириллица*). Bucureşti, 1926 (Переиздавалось в 1929 и 1940 гг.); A. Sacerdoţeanu. Transcrierea textelor chirilice (*Транскрипция кирилловских текстов*), f. 1, 1947; D. P. Bogdan. Caracterul limbii textelor slavo-romîne (*Особенности языка славяно-русских текстов*), Bucureşti, 1946, и т. д.

Ряд сборников факсимиле был издан в Бухаресте в качестве пособий для занятий по палеографии в Архивной школе: A. Sacerdoţeanu. Seria romînă. 1942; A. Sacerdoţeanu, M. Holban. Seria latină, 1942; A. Sacerdoţeanu, M. G. Regleanu. Seria greacă 1943; A. Sacerdoţeanu, D. P. Bogdan. Seria slavă. 1943; H. Dj. Siruni. Seria turcă 1943, и др.

Издавались также каталоги и описи Государственного архива [20], сборники архивных инструкций [21]. В 1956 г. вышли из печати лекции по архивоведению, прочитанные в 1955—1956 гг. В следующем году был издан сборник «125 лет со дня учреждения Государственного архива» («Archivele Statului 125 ani de activitate 1831—1956». Bucureşti, 1957).

Послевоенные годы ознаменовались большим количеством изданий, посвященных материалам провинциальных архивов: «Actele arhivei militare» («*Документы военного архива*», т. I, 1724—1800; т. 2, 1801—1815. Bucureşti, 1952—1955), «Catalogul documentelor romîneşti din Archivele Statului de la oraşul Stalin» («*Каталог румынских документов архива г. Сталина*», т. I, 1521—1799. Bucureşti, 1955); «Catalogul documentelor greceşti din Arhivele Statului de la oraşul Stalin» («*Каталог греческих документов, хранящихся в архиве г. Сталина*», т. I, 1577—1854. Bucureşti, 1958) и т. д.[22]

Важную роль играет «Buletinul informativ» — Информационный бюллетень Государственного архива МВД. До начала 1958 г. вышло девять номеров этого издания.

В заключение статьи необходимо остановиться на перспективах развития архивного дела в РНР.

Как уже указывалось выше, в нашей стране в условиях строительства социализма уделяется большое внимание развитию всех областей культуры. Учитывая огромную роль документальных материалов для развития культуры, партия и правительство оказывают Государственному архиву необходимую помощь. Румынские архивисты отлично отдают себе отчет в том, что в их работе еще имеются недостатки и решительно борются за устранение этих недостатков.

После того, как делегация румынских архивистов посетила государственные архивы Москвы и Ленинграда, нам стали особенно ясны недостатки в организации нашей работы. В первую очередь нужно было создать специальный государственный архив кино-фото-фонодокументов.

В целях улучшения подготовки кадров архивистов мы намереваемся создать

---

[20] Например: A. Sacerdoţeanu. Inventarul Arhivelor Statului: Bucureşti Cernăuţi, Chişinău, Cluj, Craiova, Jaşi, Năsăud, Timişoara, Braşov (Описи архивов городов). Bucureşti, 1939.

[21] Его же. Instrucţiuni arhivistice. Bucureşti, 1948, и ряд других.

[22] В 1954 г. в Крайове опубликованы документы о народном восстании под руководством Тудора Владимиреску, в 1947—1956 гг. в Бухаресте издано два тома путеводителя по Ясскому государственному архиву, в 1950 г. — обзор («конспект») архивных материалов Баната и т. д.

среднюю архивную школу, выпускники которой могли бы стать архивариусами или продолжать свое образование в архивном отделении при историческом факультете университета, для того чтобы в дальнейшем стать высококвалифицированными специалистами-архивистами, научными работниками, библиотекарями, работниками музеев или преподавателями.

В дальнейшем намечается строительство специальных зданий для архивов в Бухаресте и других городах.

Историки нашей страны развернули в последние годы плодотворную научную деятельность. Ими разрабатываются различные темы, которые потребуют изучения новейших материалов.

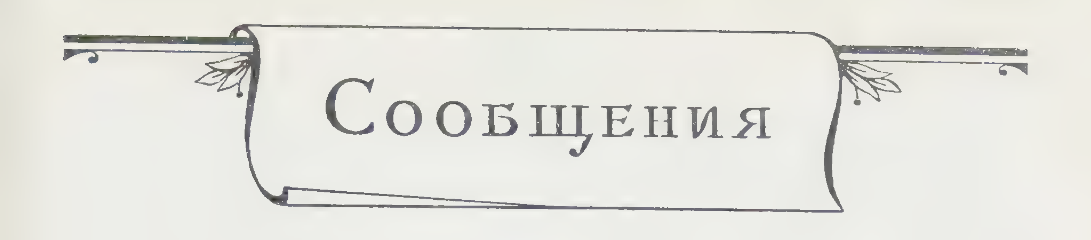
К сожалению, многие из этих материалов еще не поступили в Государственный архив, а те, что уже находятся в нашем распоряжении, трудно использовать — на них еще не составлен справочный аппарат. Историки обратили наше внимание на эти недостатки, и мы преисполнены решимости приложить все усилия для того, чтобы устранить их в кратчайший срок. Для этой цели будет проведено инвентарное описание всего материала наших хранилищ и будут разработаны соответствующие справочники. Этой же цели послужит и возобновление после десятилетнего перерыва выпуска архивного журнала «Revista Arhivelor», который будет органом Главного архивного управления Румынской Народной Республики.

Мы уже отметили, что в прошлом государственные архивы издавали сборники документов. К сожалению, эта традиция не была продолжена; некоторое время наши архивисты ограничивались лишь разработкой вспомогательных рабочих справочников, а изданием документов занялись историки. Мы пришли к заключению, что необходимо возобновить издание сборников документов, а историкам должна принадлежать задача научной интерпретации и анализа этих сборников. В этом направлении ценным опытом служит для нас пример советских архивистов, которые, как известно, развивают многостороннюю деятельность в области различных публикаций. Мы намереваемся также сотрудничать с советскими архивистами и предоставлять им копии документов, которые необходимы для разработки тем, запланированных ими. Кстати, такой материал мы предоставляем и сейчас нашим советским друзьям и пользуемся этим случаем, чтобы с радостью отметить, что в свою очередь советские архивисты очень охотно предоставляют нам материалы советских архивов, относящиеся к истории нашей Родины. Мы также стремимся углубить и расширить сотрудничество с другими соседними странами народной демократии в целях взаимного использования архивных материалов.

Одной из наших первоочередных задач, представляющих особую трудность, является расширение возможностей реставрации и хранения архивного материала. Плохие условия, в которых еще недавно хранилась часть документальных материалов, пагубно отразились на их состоянии и поэтому, наряду с обеспечением в дальнейшем соответствующих условий хранения, необходимо срочно наладить реставрацию поврежденных материалов.

В выполнении этих ответственных задач мы в первую очередь опираемся на помощь, которую нам постоянно оказывают партия и правительство, заботящиеся о культуре нашей Родины вообще и о развитии архивного дела, в частности. Мы опираемся также на сознательное отношение к труду наших архивистов и на ценнейшую помощь советских архивов. Не так давно мы получили от Главного архивного управления СССР из Москвы целый ряд методических пособий по различным проблемам архивного дела.

Все эти благоприятные условия вселяют в нас уверенность в том, что мы сумеем обеспечить дальнейшее развитие архивного дела в нашей стране, содействуя таким образом развитию социалистической культуры румынского народа в целом.



ОБЗОР ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КОНСТИТУЦИИ СССР 1936 г.

Советская общественность проявляет большой интерес к изучению истории создания Конституции СССР 1936 г.— первой в истории человечества конституции победившего социализма. Однако до настоящего времени этот вопрос не получил в нашей исторической и юридической литературе серьезного научного освещения.

В значительной степени это объясняется неразработанностью архивных материалов по этой теме.

Основными документальными источниками по истории создания Конституции СССР 1936 г. являются документы фонда Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР (ЦГАОР СССР, фонд 3316). Это — дела Конституционной комиссии (оп. 40, 138 ед. хр.), материалы по обсуждению проекта Конституции СССР 1936 г. (оп. 41, 206 ед. хр.) и дела Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов (оп. 8, 250 ед. хр.). Всего здесь 594 дела, которые содержат интересные и во многом малоизвестные или совсем не известные исследователям материалы. Кроме того, отдельные весьма ценные материалы находятся и в других единицах хранения названного фонда, например в делах Секретариата Президиума ЦИК СССР (оп. 29, дд. 644, 793, 795, 806).

Подготовка проекта Конститутции СССР 1936 г. осуществлялась Конституционной комиссией, избранной, в соответствии с решением VII съезда Советов, на первой сессии ЦИК СССР VII созыва 7 февраля 1935 г. О деятельности Конституционной комиссии в нашей литературе имеется крайне мало сведений, а между тем дела Конституционной комиссии дают возможность в значительной степени восполнить этот пробел и осветить ряд не известных ранее моментов ее работы.

Имеющиеся архивные документы свидетельствуют, что деятельность Конституционной комиссии и ее подкомиссий по подготовке первоначального текста проекта Конституции СССР охватывала период с 7 июля 1935 г. по 15 мая 1936 г. Особый интерес представляют протоколы Конституционной комиссии и ее подкомиссий. Так, например, протокол № 1 заседания Пленума комиссии от 7 июля 1935 г. показывает, что на этом заседании были решены основные вопросы ее организации и дальнейшей работы. Пленум наметил заместителей председателя и секретаря комиссии, создал 12 подкомиссий (по общим вопросам Конституции, экономическую, финансовую, правовую, по избирательной системе, судебных органов, центральных и местных органов власти, народного образования, труда, обороны, внешних дел и редакционную в составе председателей всех подкомиссий), утвердил состав их председателей, образовав тем самым редакционную подкомиссию, установил сроки представления каждой подкомиссией первых набросков проектов в своей области (оп. 40, д. 81, лл. 1—3). В этом же деле находятся протоколы редакционной подкомиссии от 15—21 июля 1935 г., которыми были утверждены представленные председателями одиннадцати подкомиссий списки их членов (там же, лл. 4—5).

В состав подкомиссий вошли: И. А. Акулов, А. С. Бубнов, Б. М. Волин, К. Е. Ворошилов, А. Я. Вышинский, Я. Б. Гамарник, А. А. Жданов, М. И. Калинин, С. В. Косиор, Г. М. Кржижановский, Н. В. Крыленко, М. М. Литвинов, С. А. Лозовский, Л. З. Мехлис, А. И. Микоян, Г. К. Орджоникидзе, Е. Б. Пашуканис, Г. И. Петровский, И. В. Сталин, Е. Д. Стасова, А. И. Стецкий, В. Я. Чубарь, Н. М. Шверник, И. Э. Якир и другие. По своему количественному составу подкомиссии были различны. Подкомиссия по общим вопросам Конституции состояла из 10, экономическая — из 17, финансовая — из 11, правовая — из 9, по избирательной системе — из 12, судебных органов — из 9, центральных и местных органов власти — из 10, народного образования — из 9, труда — из 13, обороны — из 11 и внешних дел — из 6 человек. Полный состав членов подкомиссий, разрабатывавших соответствующие разделы проекта Конституции СССР, представляет значительный интерес для исследователей, изучающих историю Конституции СССР 1936 г.

Подготовка соответствующих разделов проекта Конституции СССР, начавшаяся в подкомиссиях вскоре после их утверждения, составила следующий этап работы комиссии. Наиболее полное представление о деятельности и характере выработанных подкомиссиями документов могут дать материалы, относящиеся к работе подкомиссии центральных и местных органов власти (там же, дд. 26—32). Протоколы и другие материалы этой подкомиссии, показывают, что она проделала большую работу по подготовке соответствующего раздела проекта Конституции СССР. В составе подкомиссии были созданы три бригады, занимавшиеся разработкой отдельных вопросов (там же, д. 26, лл. 12—19).

Значительную помощь в разработке проекта Конституции СССР оказали советские юристы-ученые и работники государственного аппарата, привлеченные к участию в сборе и обобщении подготовительных материалов.

Документальные материалы ЦГАОР СССР показывают, что подкомиссии в своей работе по подготовке отдельных разделов проекта Конституции СССР широко изучали практическую деятельность органов Советского государства и систематизировали важнейшие акты законодательного и директивного характера. Решению многих серьезных вопросов в значительной степени способствовало участие в работе подкомиссий представителей советской общественности, широкое обсуждение отдельных положений проектов разделов Конституции СССР.

После подготовки отдельных разделов в подкомиссиях и их обобщения были разработаны черновые наброски проекта Конституции, которые в феврале 1936 г. поступили в секретариат Конституционной комиссии (там же, д. 4). Как свидетельствуют архивные материалы, усиленная работа по подготовке текста первоначального проекта развернулась в апреле 1936 г. В течение четырех дней — 17, 18, 19 и 22 апреля под председательством И. В. Сталина состоялись совещания, посвященные рассмотрению черновых набросков проекта, представленных тт. Яковлевым, Стецким и Талем (там же, дд. 5—7).

Выступления участников этих совещаний не стенографировались. В архивных фондах имеются материалы каждого из этих совещаний, представляющие собой напечатанные слева текст черновых набросков проекта Конституции СССР и справа этот текст с поправками, внесенными на совещаниях. Сопоставление обоих текстов дает возможность выяснить характер поправок, внесенных на этих совещаниях. Большие трудности исследования, связанные с отсутствием стенограмм, в некоторой степени восполняют обнаруженные нами черновики с рукописными записями поправок и дополнений, внесенных на этих совещаниях (там же, д. 2, лл. 29—65; д. 5, лл. 176—202; д. 6, лл. 117—141 и 202—244).

Черновые наброски проекта Конституции СССР, положенные в основу обсуждения на совещаниях в апреле 1936 г., представляли собой единый правовой акт, в котором были обобщены результаты деятельности подкомиссий по подготовке отдельных разделов проекта Конституции СССР. Черновые наброски проекта состояли из разделов, статьи каждого из которых имели свою нумерацию. Они насчитывали 107 статей, объединенных в 9 разделов.

На совещаниях, посвященных обсуждению черновых набросков проекта Конституции СССР, было решено снять разбивку проекта Конституции на разделы и установлено, что он будет состоять из ряда глав. Была введена единая нумерация для всех статей проекта.

Документальные архивные материалы показывают, что на совещании 17 апреля 1936 г. были рассмотрены I—V разделы черновых набросков проекта Конституции СССР и внесены соответствующие поправки и дополнения. 18 апреля 1936 г. совещанием были еще раз просмотрены статьи, подвергшиеся исправлению 17 апреля 1936 г., и рассмотрены разделы VI и VII. 19 апреля 1936 г. совещание рассмотрело разделы VIII и IX черновых набросков проекта Конституции СССР, а также повторно просмотрело разделы I—VII. Совещание, состоявшееся 22 апреля 1936 г., было посвящено тщательному рассмотрению, исправлению и редактированию всех глав и статей черновых набросков проекта Конституции. Архивные материалы свидетельствуют, что в ходе работы совещаний не только изменялось содержание статей и наименования глав черновых набросков проекта Конституции СССР, но и была произведена значительная перестановка статей. Некоторые из них в целях большей стройности и последовательности проекта были по-иному расположены внутри глав, а ряд статей был перенесен из одних глав в другие.

В результате работы совещаний, состоявшихся в апреле 1936 г., был создан документ, получивший название: «Первоначальный проект Конституции СССР», который существенно отличался по ряду принципиальных вопросов от черновых набросков проекта Конституции СССР. Если черновые наброски проекта Конституции СССР насчитывали 107 статей, то первоначальный проект состоял из 137 статей.

Вскоре после завершения работы совещаний, посвященных рассмотрению черновых набросков проекта Конституции СССР, в конце апреля 1936 г. состоялось заседание редакционной подкомиссии Конституционной комиссии. Редакционная подкомиссия тщательно рассмотрела первоначальный проект Конституции СССР и внесла в него на основе коллективного обсуждения ряд серьезных дополнений, изменений и редакционных уточнений (там же, д. 6, лл. 94—151). После рассмотрения проекта в редакционной подкомиссии число статей в нем увеличилось со 137 до 146. Проект Конституции СССР был дополнен десятью новыми статьями и одна статья была исключена.

После одобрения редакционной подкомиссией проект Конституции СССР был представлен на рассмотрение Конституционной комиссии. 30 апреля 1936 г. он был разослан членам Политбюро ЦК ВКП(б) и членам Конституционной комиссии, заседание которой назначалось на 15 мая (там же, д. 2, л. 1). На этом заседании проект Конституции СССР подвергся тщательному рассмотрению и обсуждению. В ходе работы Конституционной комиссии в проект Конституции СССР были внесены многочисленные поправки и дополнения. Изменениям подверглись 38 из 146 статей (там же, д. 2, лл. 2—28 и 66—93). Конституционная комиссия установила окончательный текст проекта Конституции СССР и постановила внести его на рассмотрение ближайшей сессии ЦИК СССР.

Затем на состоявшемся 1—4 июня 1936 г. Пленуме ЦК ВКП(б) проект Конституции СССР подвергся рассмотрению и обсуждению. Пленум Центрального Комитета партии одобрил в основном проект Конституции СССР и предложил ввиду особой важности вопроса считать целесообразным созыв Всесоюзного съезда Советов для рассмотрения проекта Конституции СССР [1].

Представленный Конституционной комиссией проект в соответствии с решением июньского Пленума Центрального Комитета партии 1936 г. получил одобрение Президиума ЦИК СССР, который постановил созвать 25 ноября 1936 г. для его рассмотрения и утверждения Всесоюзный съезд Советов и опубликовать проект Конституции СССР для всенародного обсуждения [2].

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 7, ч. III. Госполитиздат, 1954, стр. 289.

[2] СЗ СССР,1936, № 33, ст. 299.

Документальные материалы Конституционной комиссии убедительно показывают коллективный характер разработки проекта Конституции СССР, который был подготовлен на основе обобщения опыта многомиллионных народных масс широким кругом руководящих работников. Факты свидетельствуют, что разработка проекта Конституции СССР проходила под непосредственным руководством Коммунистической партии и ее Центрального Комитета.

Ценнейшие сведения по истории создания Конституции СССР 1936 г. содержат документальные материалы по обсуждению ее проекта; они во многом дополняют сведения, имевшиеся по этому вопросу в периодической печати того времени.

После одобрения проекта Конституции СССР июньским Пленумом ЦК ВКП(б) Президиум ЦИК СССР постановил всенародно обсудить его и созвать для его рассмотрения и утверждения Всесоюзный съезд Советов (оп. 41, д. 173, л. 144).

Опубликование 12 июня 1936 г. проекта Конституции СССР всеми газетами, передача его текста по радио положили начало его всенародному обсуждению.

Документальные материалы ЦГАОР СССР свидетельствуют, что сразу же после опубликования проекта Конституции СССР вопрос об организации его подлинно всенародного обсуждения был поставлен в порядок дня партийных и советских органов по всей стране.

Документальные материалы содержат много ценных сведений, показывающих повседневную заботу руководящих партийных и государственных органов о вовлечении во всенародное обсуждение широчайших народных масс. В этом отношении особый интерес представляет до сих пор не опубликованная телеграмма Председателя ЦИК СССР М. И. Калинина от 14 августа 1936 г., направленная на места в связи с тем, что в конце июля 1936 г. в ряде районов страны было ослаблено руководство советских органов по проведению всенародного обсуждения и учету поправок и предложений трудящихся.

Телеграмма гласит:

«Всем председателям ЦИК союзных и автономных республик, краевых и областных исполнительных комитетов. Несмотря на исключительную активность широких масс трудящихся, проявленную при обсуждении проекта Конституции СССР, многие советы и исполнительные комитеты плохо помогают, не содействуют всенародному обсуждению, не обеспечили обсуждение проекта Конституции национальными меньшинствами на их родном языке, не организовали учета, обобщения поступающих предложений и дополнений.

Такое положение является нетерпимым. Председатели Советов и исполкомов обязаны обеспечить подлинное обсуждение проекта Конституции всеми гражданами СССР на их родном языке, организовать тщательное обсуждение проекта Конституции на пленумах Советов, в секциях и депутатских группах с привлечением массового актива Советов; организовать повседневный учет и обобщение поступающих предложений и дополнений к проекту Конституции; систематически заслушивать на заседаниях исполкомов Советов информацию о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции.

Дважды в месяц информируйте Президиум ЦИК СССР о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции, а также присылайте сводки вносимых предложений и дополнений.

Председатель ЦИК СССР Калинин»[3]

Указания Президиума ЦИК СССР и телеграмма М. И. Калинина оказали значительную помощь в выявлении и устранении имевшихся недостатков в организации всенародного обсуждения, в изучении и популяризации проекта Конституции СССР среди широких народных масс. В информационных сводках, докладах, отчетах и бюллетенях о ходе всенародного обсуждения, находящихся в материалах, объединенных описью № 40, содержатся сведения, характеризующие широкий размах, творческую инициативу и самодеятельность трудящихся.

---

[3] ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 8, д. 222, л. 36.

Среди материалов всенародного обсуждения находятся ценные информационные сведения о ходе всенародного обсуждения в Белорусской ССР, Азербайджанской ССР, Грузинской ССР, Армянской ССР, Туркменской ССР, Узбекской ССР и Киргизской ССР (оп. 40, дд. 174—184), в автономных республиках (там же, дд. 144—157) и автономных областях (там же, дд. 158—166). Интересные данные о ходе всенародного обсуждения содержат материалы по РСФСР и УССР, непосредственно поступавшие в Президиум ЦИК СССР от исполнительных комитетов краевых и областных Советов.

Документальные материалы, объединенные описью № 40 фонда ЦИК СССР, показывают, что проект Конституции СССР отвечал коренным интересам всего советского народа, горячо одобрившего его и проявившего невиданную активность в ходе его обсуждения. Многочисленные факты свидетельствуют, что обсуждение проекта Конституции СССР носило действительно массовый, подлинно всенародный характер. Так, например, в Одесской области состоялось 5293 собрания с участием 1 307 000 граждан (из 1 310 395 избирателей), причем 31 510 из них выступили (там же, д. 171, л. 23). В Алтырском районе Чувашской АССР из 14 722 избирателей во всенародном обсуждении приняло участие 14 700 чел. (там же, д. 105, л. 141). В Сталинграде к 5 октября 1936 г. проект Конституции обсудило 80% трудящихся (там же, д. 137, л. 19). В Черниговской области было проведено 1723 пленума Советов и исполкомов и 2335 заседаний секций и депутатских групп, число присутствовавших на которых достигло 174 539 чел. На 12 854 общих собраниях участвовало в обсуждении 953 175 чел., или 95% всех трудящихся области (там же, д. 142, л. 39).

Большую творческую активность в ходе всенародного обсуждения проявили трудящиеся всех национальностей, населяющих нашу страну. Лишь по далеко неполным данным отчетности двадцати двух автономных республик и областей, составленный Организационным отделом Президиума ВЦИК, проект Конституции СССР в этих республиках и областях обсуждался на 46 875 общих собраниях трудящихся, в которых приняло участие 7 038 952 чел. Этому же вопросу было посвящено 7843 пленума Советов и исполкомов с участием 304 398 чел., из которых 135 749 — депутаты Советов и члены исполкомов (там же, д. 105, л. 145).

По неполным данным, полученным Президиумом ЦИК СССР на 10 ноября 1936 г. и охватывающим около 60% местных Советов, проект Конституции СССР обсуждался на 48 189 пленумах Советов и исполкомов, на 79 294 заседаниях секций и депутатских групп, на 411 100 собраниях трудящихся (там же, д. 189, л. 7). По нашим подсчетам, основанным на статистических материалах, хранящихся в ЦГАОР СССР, во всенародном обсуждении проекта Конституции СССР приняло участие не менее 75 млн. человек, или около 80% взрослого населения Советского Союза. В процессе всенародного обсуждения трудящиеся не только одобряли проект Конституции СССР, но и вносили многочисленные замечания, предложения, поправки и дополнения. Среди документальных материалов всенародного обсуждения (оп. 41) 76 томов содержат вырезки из газет и сводки с предложениями к проекту, а 22 тома — письма граждан с предложениями.

Указанные материалы были собраны Организационным отделом Президиума ЦИК СССР, который производил их учет и обобщение на основе изучения:

а) 500 газет, издававшихся в союзных и автономных республиках, краях, областях и промышленных центрах страны;

б) информационных сводок, регулярно присылаемых центральными исполнительными комитетами союзных республик, исполнительными комитетами краевых и областных Советов, а также высказываний граждан, опубликованных в центральных газетах;

в) многочисленных писем, поступавших непосредственно в адрес Президиума ЦИК СССР и Конституционной комиссии (оп. 8, д. 222, л. 25).

Для систематизации материалов всенародного обсуждения Орготдел Президиума ЦИК СССР составлял информацию о его ходе, а также сводки о поправках и допол-

нениях, вносимых трудящимися к проекту Конституции СССР (оп. 41, дд. 93—99, 102, 103, 105, 106, 109). Как свидетельствуют архивные материалы, поправки и дополнения трудящихся относились ко всем без исключения главам и статьям проекта Конституции. На основе поступавших с мест сведений Орготдел Президиума ЦИК СССР систематизировал и сгруппировал 43 427 поправок и предложений, которые в основном правильно отражали общее направление всех выдвинутых в ходе всенародного обсуждения поправок и дополнений (оп. 8, д. 222, лл. 156—158).

Интересны таблицы, составленные Орготделом Президиума ЦИК СССР. Они показывают отношение трудящихся нашей страны к отдельным главам и статьям проекта Конституции. Несомненно, внимание исследователей должна привлечь следующая таблица, отражающая распределение глав проекта Конституции СССР по количеству поступивших поправок и дополнений (см. там же, л. 159):

Глава	X.	Основные права и обязанности граждан	23098	поправок	и	дополнений
»	XI.	Избирательная система	6369	»	»	»
»	I.	Общественное устройство	3412	»	»	»
»	IX.	Суд и прокуратура	3210	»	»	»
»	V.	Органы государственного управления Союза Советских Социалистических Республик	1243	»	»	»
»	III.	Высшие органы государственной власти Союза Советских Социалистических Республик	1214	»	»	»
»	VIII.	Местные органы государственной власти .	953	»	»	»
»	XII.	Герб, флаг, столица	903	»	»	»
»	II.	Государственное устройство	675	»	»	»
»	IV.	Высшие органы государственной власти союзных республик	146	»	»	»
»	XIII.	Порядок изменения Конституции	70	»	»	»
»	VI.	Органы государственного управления союзных республик	39	»	»	»
»	VII.	Высшие органы государственной власти автономных советских социалистических республик	42	»	»	»
		Не распределено по главам	2073	»	»	»
		Итого:	43427	»	»	»

Как показывает эта таблица, советских людей больше всего интересовали вопросы, связанные с правовой регламентацией основных прав и обязанностей граждан, избирательной системой и общественным устройством. К этим трем главам относится почти 75% всех внесенных поправок и дополнений. Вместе с тем материалы фонда ЦИК СССР показывают, что поправки и дополнения не распределялись равномерно и внутри самих глав проекта. К отдельным статьям граждане проявляли наибольший интерес, внося особенно много поправок и дополнений. Более 60% всех поправок и дополнений (27 363) относилось к десяти статьям проекта Конституции СССР. Поправки и дополнения распределялись следующим образом (там же, л. 160).

Статья	120.	Право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности	4666	поправок	и	дополнений
»	135.	Принцип всеобщности избирательного права	4716	»	»	»
»	119.	Право на отдых	4060	»	»	«
»	121.	Право на образование	3400	»	»	»
»	127.	Неприкосновенность личности	3218	»	»	»
»	132.	Всеобщая воинская обязанность	2416	»	»	»
»	109.	Порядок образования народных судов . .	1551	»	»	»
»	142.	Об отчетах депутатов и праве их отзыва	1048	»	»	»
»	8.	О закреплении за колхозами земли навечно	1026	»	»	»
»	131.	Об обязанности граждан беречь и укреплять общественную социалистическую собственность	942	»	»	»

Документальные материалы всенародного обсуждения проекта Конституции СССР дают возможность установить, что в процессе его проведения трудящиеся нашей страны внесли более 2,5 миллиона различных поправок, дополнений, предложений и замечаний. Среди них имелось большое количество однородных по своему характеру пожеланий, что демонстрировало единство интересов и стремлений многих тысяч и десятков тысяч трудящихся в различных концах страны. 12—15% из них имели прямое отношение к проекту Конституции СССР. Остальные поправки и дополнения касались текущего законодательства, носили характер программных положений и исторических справок.

Изучение в настоящее время этих поправок и дополнений, обобщивших огромный опыт, накопленный народными массами в области государственного строительства, может оказать значительную помощь в деле кодификации и систематизации законодательства СССР и союзных республик, в работе по подготовке законопроектов, которая возложена ныне в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров от 30 мая 1956 г. на Юридическую комиссию при Совете Министров СССР.

Большой интерес для исследователей истории Конституции СССР представляют факты, содержащиеся в информационных сводках с мест о ходе всенародного обсуждения и характеризующие широкое проявление инициативы народных масс во всех областях жизни.

Как свидетельствуют документы, в процессе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР повсеместно возросла производственная активность трудящихся. Так, например, крупнейший в стране Новороссийский цементный завод «Пролетарий» за 10 месяцев 1936 г. выпустил 493 тыс. тонн цемента, что составило 90% годового плана. Это на 49 тыс. тонн цемента больше, чем было изготовлено за весь прошлый год (оп. 41, д. 105, л. 132). В Ленинграде на таких промышленных предприятиях, как завод «Русский Дизель», «Красный Треугольник», Кировский завод, завод имени Орджоникидзе и другие, было организовано более 100 стахановских бригад (там же, д. 126, л. 1). В Краснодоне депутатская группа шахты 3-бис добилась того, что план угледобычи перевыполнялся депутатами на 150—200% (там же, д. 138, л. 33). Увеличилось вступление в колхозы единоличных хозяйств. Лишь в одном Мегежекском районе Якутской АССР было организовано 6 новых колхозов и принято в существующие колхозы 101 единоличное хозяйство (там же, д. 105, л. 136). Заметно увеличилось количество заявлений с ходатайствами о принятии в советское гражданство (оп. 8, д. 217, л. 59).

Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР характеризовалось улучшением работы Советов, их массовых органов и депутатов. Большой интерес в этом отношении представляют сведения, поступавшие в период отчетности Советов и их депутатов, о росте советского актива, о развитии критики и самокритики, усилении контроля избирателей за выполнением их наказов. Лишь в Днепропетровской области за время всенародного обсуждения состав секций и депутатских групп увеличился более чем на 10 тыс. активистов, в Харьковской области — на 6 тыс., в Винницкой — на 1300 чел. и т. д. (оп. 41, д. 189, л. 25). О высокой требовательности избирателей к своим депутатам, проявленной в период их отчетности, наглядно свидетельствует тот факт, что в РСФСР по данным 21 края, области и АССР было отозвано 14 953 депутата (д. 105, л. 111).

Таким образом, на основе приведенных, далеко не исчерпывающих данных можно сделать вывод, что документальные материалы описи № 41 содержат многочисленные сведения, представляющие несомненный интерес и для изучения истории создания Конституции победившего социализма.

О заключительном этапе процесса создания Конституции СССР, обсуждении и утверждении ее проекта на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, открывшемся 25 ноября 1936 г. в Москве, ценные сведения можно получить из обширных материалов, объединенных описью № 8.

Кроме опубликованного в печати Постановления ЦИК СССР «О VIII съезде Советов Союза ССР и о порядке выборов и созыва съездов Советов на местах» от 2 ав-

густа 1936 г.[4], для изучения демократического порядка формирования Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов большое значение имеют также неопубликованные Постановления ЦИК СССР «О количестве делегатов на Чрезвычайный VIII съезд Советов Союза ССР и о порядке их выборов» от 2 августа 1936 г. (оп. 8, д. 143, л. 20) и утвержденное 8 августа 1936 г. Постановлением Президиума ЦИК СССР Постановление Президиума ВЦИК от 5 августа 1936 г. «О сроках созыва съездов Советов в национальных округах и районах Крайнего Севера» (там же, л. 45). Эти постановления высших органов государственной власти СССР явились правовой основой для всей практической деятельности по подведению итогов всенародного обсуждения на местах, они установили целый ряд юридических норм, обеспечивших формирование Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов — верховного представительного органа советского народа, призванного окончательно утвердить проект Конституции СССР.

Среди этих документов находятся все протоколы (подлинные) и постановления Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, а также постановления президиума съезда (оп. 8, дд. 1, 4). Большой интерес для исследователя представляют протоколы (подлинные) заседания Совета старейшин и совещания беспартийных делегатов Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, а также стенограмма совещания беспартийных делегатов. Как показывают эти архивные материалы, предметом обсуждения заседания Совета старейшин и совещания беспартийных делегатов, состоявшихся накануне съезда, были вопросы о времени открытия съезда, о порядке дня и регламента, о составе президиума съезда, о мандатной комиссии и редакционной комиссии по установлению проекта окончательного текста Конституции СССР (там же, дд. 5—9).

Обширные материалы мандатной комиссии свидетельствуют, что состав делегатов, избранных на съезд, явился наглядным выражением широкого представительства интересов трудящихся нашей многонациональной Родины (там же, дд. 81—85). Среди них особый интерес представляют протоколы заседания мандатной комиссии (подлинные), материалы к ним и другие статистические данные. О характере выступлений делегатов съезда полное представление дают стенограммы заседаний съезда (там же, дд. 10—21).

Ценнейшие сведения о результатах всенародного обсуждения текста Конституции СССР содержатся в материалах редакционной комиссии (там же, д. 3). На основе поправок и дополнений, предложенных трудящимися, Редакционная комиссия съезда внесла в первоначальный текст проекта 48 поправок и дополнений, касавшихся 38 статей (там же, д. 3, лл. 2—15). Без изменения осталось 108 из 146 статей. Таким образом, почти каждая четвертая статья проекта Конституции СССР подверглась тому или иному изменению. Из 48 принятых поправок и дополнений 20 имели существенное, принципиальное значение, а остальные 28 — в основном носили редакционный характер и были направлены на уточнение ряда положений и формулировок.

Приведенные в этом обзоре данные свидетельствуют о том, что в фонде ЦИК СССР содержатся материалы, представляющие несомненный интерес для всех изучающих историю Советской Конституции. В них нашел отражение богатый и разносторонний опыт практической деятельности широчайших народных масс. Ввести в научный оборот документальные материалы по истории Конституции СССР 1936 г., сделать их достоянием широких кругов научной общественности — такова важнейшая задача наших исследователей.

З. С. Богатыренко

* * *

Опубликование в июне 1936 г. проекта Конституции СССР вызвало большой интерес со стороны трудящихся нашей страны. На заводах, различных предприятиях, в колхозах и т. д. проходило горячее обсуждение этого проекта.

---

[4] СЗ СССР. 1936. № 44. ст. 374.

В октябре 1936 г. Институт советского строительства и права с целью подведения итогов всенародного обсуждения проекта Конституции 1936 г. разослал письмо в центральные исполнительные комитеты республик, облисполкомы, райисполкомы с просьбой прислать материалы, характеризующие отношение населения нашей страны к проекту, о том, как проходит обсуждение, какие вносятся поправки и дополнения.

В результате в архиве Института права АН СССР отложилась коллекция документальных материалов (99 ед. хр.), отражающих ход всенародного обсуждения проекта Конституции СССР.

Документальные материалы архива охватывают десять союзных республик: Азербайджанскую, Армянскую, Белорусскую, Грузинскую, Казахскую, Киргизскую, РСФСР, Туркменскую, Узбекскую и Украинскую. Шире всего отражено обсуждение проекта Конституции в РСФСР. Имеются сведения почти из всех автономных республик, автономных областей, краев и областей РСФСР. Союзные республики прислали значительно меньше материалов: от одной до четырех единиц хранения на республику. Это отчеты, протоколы, информационные сводки облисполкомов, райисполкомов, горсоветов, сельсоветов, собраний граждан, списки поправок и дополнений к проекту, вырезки из газет и другие документальные материалы. И даже по этим, небольшим по количеству, материалам можно судить, насколько широко было охвачено население обсуждением, об огромном интересе граждан нашей страны к новой Конституции.

Различные республики и области отличаются не только количеством присланного материала, но и его содержанием. В некоторых случаях присылали только списки предложений и дополнений к проекту Конституции, внесенных гражданами в процессе обсуждения (оп. 2, дд. 16, 21), или вырезки из газет о ходе обсуждения проекта Конституции СССР (оп. 2, д. 19). В других случаях сведения более обширны. Например, из Грузинской ССР прислали копии отчетов Аджарского ЦИК, протокол XII съезда Советов Аджарской АССР от 10 ноября 1936 г. (оп. 2, д. 5). В отчетах рассказывается о подготовке обсуждения, о выступлениях депутатов на собраниях граждан. Подчеркивается некоторая специфика проведения обсуждения в этой республике. Так как женщины не приходили на общие собрания, то для них организовывались собрания отдельно.

Из Армянской ССР были присланы копии отчетов ЦИК Армении. В них часто приводятся целиком выступления отдельных граждан. К отчетам приложены статистические таблицы по районам, в которых отражено количество проведенных собраний, охват населения и количество внесенных дополнений (оп. 2, д. 2).

Во многих отчетах были сведения не только по обсуждению проекта Конституции СССР, но отражены и итоги социалистического строительства к 1936 г. На собраниях граждане вносили предложения не только к проекту, но и конкретные пожелания по социалистическому строительству в данном районе, области и т. д.

В целом из документов видно, что обсуждение проекта Конституции СССР носило действительно всенародный, массовый характер. На собраниях горячо обсуждался проект, вносились ценные поправки и дополнения. Особенно много внимания при обсуждении уделялось вопросам о праве на отдых, образование, социальное обеспечение, об обороне нашей страны и др.

Это обсуждение вызвало и усиление трудовой активности. По всей стране на предприятиях, на заводах, в колхозах трудящиеся брали на себя трудовые обязательства к VIII Чрезвычайному всенародному съезду Советов и с честью выполняли их (оп. 2, д. 1).

И можно сказать, что несмотря на сравнительно небольшой объем, эти архивные материалы могут быть очень интересны для разработки вопросов истории создания Конституции 1936 г.

Н. П. Савина

ДОКУМЕНТЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ПЕКИНСКОМ АРХИВЕ ДРЕВНИХ АКТОВ

Документальные источники, раскрывающие в той или иной степени связи и отношения русского и китайского народов, постоянно вызывают живой интерес как в СССР, так и в Китае и представляют определенную ценность не только для специалистов, но и для широких кругов читателей.

В Государственном архиве древних актов в Пекине, на территории бывшего Зимнего дворца, хранятся 19 дел и более трех десятков документов на русском языке с XVII по первую половину XIX в. в пакетах[1].

Документальные материалы, входящие в состав 19 дел, ранее не публиковались. Они представляют собою копии (на русском языке) с русских подлинников[2], присылавшихся из России в Китай; имеются также переводы (тоже на русском языке) документов, отправлявшихся из Палаты внешних сношений правительства Цинов в Петербург.

В делах №№ 1—9 и 19 собраны документы с 1740 по 1799 г. Часть из них касается торговли России с Китаем. Имеются письма «директоров над российскими торговыми караванами» на имя Палаты внешних сношений в Пекин и пограничных властей в Монголии с просьбами об оказании помощи в продвижении торговых караванов, затрагиваются вопросы о взаимных расчетах купцов обеих сторон за продаваемые и покупаемые товары.

В письме Сената Палате внешних сношений от 21 декабря 1756 г. затронут вопрос о судоходстве по р. Амуру. В нем отмечается, что русские крепости и остроги, особенно Охотский острог, расположенные по берегам Охотского моря, и живущее здесь население испытывают острую нужду в хлебе и других съестных припасах; «они (т. е. гарнизоны крепостей и острогов и прибрежное население.— *М. С.)* за недостатком хлеба принуждены больше звериною и рыбною ловлею питаться» (д. 19, л. 6), часты случаи голода и смертности. Доставка в эти места продовольствия из внутренних частей Сибири сухим путем очень трудна и обходится дорого. Поэтому решено хлеб и другие съестные припасы доставлять из Нерчинского уезда по рекам Ингода, Шилка, Аргунь, Амур «и далее тамошним морем около берегов проходить и с собою хлеб и другие припасы возить» (там же). Сенат обращается к Палате внешних сношений «изходатайствовать позволение и указ его богдыханова величества... управителям и обывателям в городах и местах около помянутой реки Амура обретающимся, дабы, когда случится нашим российским судам сею рекою проходить, оныя без помешательства и остановки пропускаемы и в их пути по возможности способствованы были» (там же, л. 6, об.). Далее в документе сообщается о строительстве по рекам, впадающим в Амур, судов для перевозки хлеба и других предметов потребления к берегам Охотского моря.

Ряд документов касается пограничных дел (дд. 3, 6). Значительное место занимают материалы, связанные с деятельностью русской духовной миссии в Пекине, учрежденной после заключенного в 1728 г. Кяхтинского договора. Русская духовная миссия отчасти выполняла дипломатические функции и одновременно была торго-

---

[1] При любезном содействии сотрудников Государственного архивного управления КНР, преподавателей Историко-архивного факультета Народного университета Китая и работников Государственного архива древних актов нам представилась возможность ознакомиться с указанными документами.

Как правило, документы в пакетах представляют собой подлинники и относятся ко второй половине XVII и первой половине XVIII в. Бо́льшая часть их опубликована в вышедшем в 1936 г. в Бейпине сборнике «Архивные материалы на русском языке из бывшего Пекинского императорского дворца. Письма, полученные из России в годы царствований Кан-си и Цянь-лун» и в журнале «Исторический архив», № 3 за 1957 г. Поэтому в настоящем сообщении мы не касаемся их.

[2] Самих подлинников в архиве обнаружить не удалось.

вым представительством. Вместе с тем в XVIII в. она являлась важным источником научных знаний о Китае в России.

В делах имеются письма Сената и старших священников миссии на имя Палаты внешних сношений, письма иркутских губернаторов «ургинским пограничным управителям» о деятельности и нуждах миссии, а также ответы Палаты внешних сношений на письма Сената. Большое внимание в переписке уделено вопросу обучения русских учеников при миссии китайскому и маньчжурскому языкам. Так, в письме Сената на имя Палаты от 21 декабря 1756 г. отмечается, что люди, знающие китайский и маньчжурский языки, нужны не только для нормального поддержания связей между обоими государствами, но и для обучения этим языкам в России других, «мы желаем,— говорится в письме,— увеличить в России число людей, знающих китайский и маньчжурский языки» (д. 19, лл. 3—4).

Два документа (письмо Сената от 29 мая и письмо иркутского вице-губернатора от 18 сентября 1740 г. в Палату внешних сношений) касаются поездки и пропуска калмыкской свиты в Тибет для поклонения лхасским святыням (д. 1).

Дела №№ 9—18 включают документы за период с 1801 по 1846 г.[3]. В них имеется переписка Сената с Палатой внешних сношений и иркутских губернаторов с «ургинскими пограничными управителями», в которой нашли свое отражение вопросы экономических и политических взаимоотношений между Россией и Китаем за указанный период. В частности, затрагиваются вопросы сухопутной торговли. Из письма иркутского вице-губернатора «ургинским пограничным управителям» от 5 марта 1821 г. видно, что в 1807 г. в Кяхте между представителями иркутского губернатора, с одной стороны, и представителями пограничных маньчжурских властей и китайскими купцами, с другой, был заключен контракт на поставку купцами города Синина в российскую казну ревеня, употреблявшегося для лечебных целей. Ввиду истечения срока, 28 июля 1820 г. контракт на поставку ревеня был возобновлен вновь, сроком на 10 лет. Копия этого контракта (д. 15) содержит сведения о ценах на товары, которые являлись объектом торговли России с Китаем в начале XIX в.

Наряду с сухопутной торговлей Россия пыталась наладить торговлю с Китаем морским путем. Имеются рапорты от 7 декабря 1805 г. капитана «Невы» Ю. Лисянского и капитана «Надежды» И. Крузенштерна на имя генерал-директора Кантонской таможни о прибытии в порт судов с товарами, а также переписка Палаты внешних сношений с Сенатом в связи с пребыванием указанных судов в Кантоне (д. № 12). Следует также упомянуть письмо Сената Палате внешних сношений от 1 мая 1841 г., в котором сообщалось, что русским купцам строго запрещено торговать опиумом. Этим, как указывается в документе, Россия желает проявить свое уважение к Китаю, она не желает нарушать указы богдыхана о запрещении ввоза опиума в Китай (д. 18, лл. 49—50).

Ряд документов касается миссии графа Ю. А. Головкина, посланного в 1805 г. Александром I к богдыхану. Имеются письма Сената Палате внешних сношений, иркутского губернатора и главы миссии Головкина «ургинским пограничным управителям» о поездке миссии к богдыхану, списки миссии (дд. 11 и 12).

Среди документов за XIX в. по-прежнему значительное место занимает переписка о деятельности русской духовной миссии в Пекине.

Документы на русском языке, хранящиеся в Государственном архиве древних актов в Пекине, несмотря на известную их неполноту, несомненно помогут более глубоко и всесторонне изучить развитие китайско-русских экономических, политических и культурных отношений в XVIII и первой половине XIX в.

М. С. Селезнев

---

[3] Дело № 9 включает документы за 1795—1799, 1801 гг.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О С. СЕРАКОВСКОМ

В довольно обширном перечне имеющейся литературы о выдающемся деятеле революционно-демократического движения 50—60-х годов XIX в. Сигизмунде Сераковском до сих пор нет биографического исследования, основанного на документальных материалах. Работы о нем, изданные до 1917 г., не имели научного характера: они являлись либо публицистическими выступлениями [1], либо мемуарами [2], либо произведениями беллетристического жанра [3]. В советский период появились единственная пока специальная статья о Сераковском [4] и ряд работ, в которых освещались отдельные факты, относящиеся к его биографии [5]. Из того, что имеется в научном обороте, только комментарий М. К. Лемке к называвшейся уже статье А. И. Герцена о Сераковском и появившееся недавно сообщение М. М. Ткаченко об отношениях между Т. Шевченко и С. Сераковским основаны на архивных источниках [6]. Однако первый из указанных авторов ограничивается знакомством с двумя следственными делами на Сераковского в III Отделении собственной е. и. в. канцелярии, а второй — анализом двух писем Сераковского к Т. Г. Шевченко.

Между тем, в советских архивах сохранилось значительное количество документов, освещающих жизнь и деятельность Сераковского. Многие из них находятся в фондах ЦГВИА, ЦГИАМ, ЦГИАЛ и Отдела рукописей Государственной библиотеки Союза ССР им. Ленина. В этих фондах обнаружены: увольнительное свидетельство об окончании Сераковским житомирской гимназии, несколько экземпляров его офицерских формулярных списков, командировочные предписания, собственноручные рапорты об отъезде и прибытии из командировок, ряд текстов о Сераковском в воспоминаниях Д. А. Милютина, донесения о его участии в восстании 1863 г., материалы об аресте и ходе следствия, письмо матери Сераковского с ходатайством о смягчении участи сына, конфирмация его смертного приговора и некоторые другие документы. Обнаруженные материалы позволяют значительно дополнить и уточнить имеющиеся в литературе сведения о Сераковском.

В настоящее время можно встретить по меньшей мере пять различных вариантов даты рождения Сераковского (1816, 1826, 1827, 1828, 1836 гг.) [7]. Сохранившиеся

---

[1] А. И. Герцен. Сигизмунд Сераковский. Соч. под ред. М. К. Лемке, т. XVI, Пг., 1920, стр. 407—409; Н. И. Цылов. Сигизмунд Сераковский и его казнь с предшествовавшими польскими манифестациями в Вильне в 1861—1863 гг. Вильно, 1867; (Анонимное). Сигизмунд Сераковский — предводитель мятежнических шаек в Ковенской губернии. «Вестник Западной России», 1864, т. 5, стр. 159—170.

[2] Struś (И. Ф. Савицкий). Ludzie i wypadki z 1861—1865. Lwow, 1894, ч. I, стр. 124—160; W. Koszczyc. Zygmunt Sierakowski — naczelny wódz Zmudi w r. 1863. Lwow, 1891; (Анонимное). Виленские очерки 1863—1865. Воспоминания очевидца. «Русская старина», 1884, № 1, стр. 48—59; Н. К. Имеретинский. Воспоминания о графе Муравьеве. «Исторический вестник», 1892, т. 50, стр. 603—643.

[3] Н. Г. Чернышевский. Пролог. М., 1957 (впервые издан в 1877 г.).

[4] Д. Файнгаузас. Общественно-политические взгляды и революционная деятельность С. Сераковского. Ученые записки Института истории Литвы, т. I. Вильнюс, 1951, стр. 154—180 (на литовском языке).

[5] См., например, Ю. Ковальский. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. в Польше. М., 1953, стр. 105—109; М. М. Ткаченко. Т. Шевченко и С. Сераковский. «Вестник АН УССР», 1957, № 3, стр. 22—25 (на украинском языке); М. К. Лемке. Комментарий к упоминаемой статье Герцена о Сераковском (А. И. Герцен, Соч., т. XVI, Пг., 1920, стр. 410—420); П. Н. Сурпенинов. Русская революционная демократия и польское революционное движение в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. Автореферат. Киев, 1956, стр. 9, 15 и др.

[6] Некоторые из реакционных публицистов и мемуаристов дореволюционного периода, в частности, упоминавшийся уже Н. И. Цылов, бывший членом Виленской следственной по политическим делам комиссии, имели возможность пользоваться архивными источниками. Однако они обращались к ним редко, а обращаясь, тенденциозно искажали содержащиеся в них факты.

[7] См. Воспоминания Н. Д. Новицкого. В кн.: Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов. 1928, стр. 297; Русский биографический

документы позволяют доказать ошибочность наиболее распространенных из имеющихся вариантов и точно назвать эту дату: 26 мая 1826 г.[8]. Родители Сераковского были бедными дворянами Луцкого уезда Волынской губернии. Вместе с сестрой и братом Сигизмунд рано остался без отца, погибшего во время восстания 1830—1831 гг.; его мать, с молодых лет оставшись вдовой, собственными трудами содержала свою старушку мать и троих детей[9]. До 12 лет Сераковский воспитывался дома, затем — в житомирской гимназии, которую окончил в 1843 г. с серебряной медалью. В 1845 г. он был зачислен «казенно-коштным» студентом на первый курс Петербургского университета по разряду математических наук. Через полтора года Сераковский был по воле начальства «смещен с казенного содержания», а «по собственному желанию перечислен... на 1-й курс разряда камеральных наук»[10]. Вынужденный покинуть университетский пансион, Сераковский поселился на Васильевском острове, где его квартира стала местом политических и литературных дискуссий революционно настроенного студенчества, объединившегося в Союз литовской молодежи. Некоторое представление о круге интересов Сераковского в этот период дает сохранившийся список принадлежавших ему книг, в котором фигурируют: Данте, Байрон, Мильтон, Шиллер, Мишле, поэма Э. Желиговского «Иордан», французский перевод «Корана» и др.

Весной 1848 г., вскоре после того, как слухи о революционных событиях в Европе достигли России, Сераковский решил установить связь с повстанцами в австрийской части Польши. Воспользовавшись письмом матери, приглашавшей его съездить к престарелому дядюшке в Херсонскую губернию, чтобы собрать документы о дворянском происхождении и похлопотать о наследстве, он получил отпуск, и 31 марта выехал из Петербурга[11]. 21 апреля того же года он был арестован вблизи русско-австрийской границы, в м. Почаеве, Кременецкого уезда, Волынской губернии. В доносе, послужившем причиной ареста, говорилось, что Сераковский расспрашивал о том, как можно пробраться через границу, и предлагал деньги тому, кто сможет помочь ему в этом. При обыске у него были найдены пистолет и шпага. Обвинение в намерении перейти границу Сераковский категорически отвергал, но подозрений рассеять не смог и был препровожден в столицу, в III Отделение. Хотя никаких улик для обвинения Сераковского не оказалось, там пришли к выводу, что «обстоятельства дела навлекают на него некоторое подозрение, а потому надлежит принять в отношении его меры осторожности». Он был отчислен из университета и определен на военную службу «на правах по происхождению», с тем чтобы «ближайшему начальству поручено было обратить на него... особенное внимание». При определении места службы Сераковский просился в артиллерию, начальник III Отделения граф Орлов предлагал один из армейских пехотных полков на Кавказе, но Николай I собственноручно написал на всеподданнейшем докладе: «В Оренбургский корпус». 31 мая 1848 г. Сераковский под конвоем жандармского поручика был доставлен в Оренбург, где получил назначение рядовым во второй полубатальон 1-го Оренбургского линейного батальона, находившийся в Ново-Петровском укреплении на полуострове Мангышлак. В связи с расстроенным здоровьем он несколько задержался в Оренбурге и только 18 июля отправился к месту назначения — за «800 верст сухим путем..., пешком по этапу».

Имеющиеся документы содержат совершенно определенные указания относитель-

---

словарь, т. Суворов — Ткачев, стр. 239; БСЭ, изд. II, т. 38, стр. 53; Д. Файнгауз. Ук. соч., стр. 154; Ю. Ковальский. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. в Польше. М., 1953, стр. 105; Энциклопедический словарь «Брокгауза и Ефрона», т. 63, стр. 380.

[8] ЦГВИА, ф. 395, оп. 206/501, д. 527, л. 15; там же, ф. 38, оп. 10/259, 1859 г., д. 267, л. 147.

[9] ЦГИАМ, ф. 109, 1-я эксп., 1848 г., д. 190, л. 14.

[10] Там же, л. 13.

[11] О событиях, связанных с попыткой Сераковского перейти границу, см.: ЦГИАМ, ф. 109, 1-я эксп., 1848 г., д. 190, лл. 1—9, 23—24, 60—42 и др.; ЦГВИА, ф. 395, оп. 206/501, д. 527, лл. 1—7 и др.

но дальнейшей службы Сераковского в Оренбургском корпусе [12]. Из Ново-Петровского укрепления его перевели в г. Уральск, где он находился до августа 1852 г. и был произведен в унтер-офицеры. После этого до мая 1854 г. он служил во 2-м Оренбургском линейном батальоне (г. Оренбург), а затем до февраля 1856 г.— в одной из рот 4-го Оренбургского линейного батальона, занимавшей форт Перовский (Ак-Мечеть) на Сыр-Дарьинской укрепленной линии. За все это время Сераковский в отпусках и командировках не бывал, за пределы Оренбургского генерал-губернаторства не отлучался, а вне расположения соответствующих гарнизонов мог бывать только во время перемещения из одного в другой.

Располагая документально обоснованными данными о местонахождении Сераковского в период с июня 1848 г. по февраль 1856 г., можно существенно уточнить некоторые имеющиеся в литературе представления о его знакомстве с Т. Г. Шевченко и Н. Г. Чернышевским. Известно, что наличие близких дружеских отношений между Сераковским и Шевченко в этот период неопровержимо доказывается эпистолярными источниками и свидетельствами мемуаристов. Из документов же явствует, что, находясь в Оренбургском корпусе, они никогда не служили одновременно в одном и том же гарнизоне, а находились в гарнизонах, удаленных друг от друга не менее, чем на несколько сот километров. Следовательно, не прибегая к натяжкам, мы имеем право говорить применительно к оренбургскому периоду только о заочном знакомстве между Шевченко и Сераковским [13]. Вероятность личных встреч, разумеется, не исключена, но все предположения на этот счет не могут считаться исторически достоверными, пока не получат прочного документального обоснования [14]. Что касается первой встречи Сераковского с Чернышевским, то она обычно датируется 1855 г. Эта датировка основывается на воспоминаниях Н. В. Шелгунова, в которых утверждается, будто Сераковский присутствовал на публичном диспуте по магистерской диссертации Чернышевского, состоявшемся 10 мая 1855 г. в Петербурге [15]. Документальные данные, приводившиеся выше, опровергают это утверждение.

Как уже указывалось выше, Сераковский был определен в военную службу «на правах по происхождению». Однако получить документы, подтверждающие принадлежность к дворянскому роду, ему не удалось, а его намерению получить личное дворянство, сдав университетские экзамены, категорически воспротивилось III Отделение [16]. В результате до производства Сераковского в первый офицерский чин прошло почти восемь лет. Только 18 февраля 1856 г. он был произведен в прапорщики с зачислением в Брестский пехотный полк [17], зимние квартиры которого находились в Екатеринославе. Сераковский задержался с отъездом к новому месту службы на несколько месяцев, а выехав, отправился не в Екатеринослав, а через Москву в Петербург [18].

Еще перед отъездом Сераковский подал рапорт с просьбой о прикомандировании его к одной из частей столичного гарнизона для подготовки к поступлению в военную академию, но получил отказ, поскольку не имел необходимой в таких случаях двухлетней выслуги в офицерских чинах. В Петербурге ему удалось добиться прикомандирования к части, расквартированной в окрестностях столицы, а затем — приказа

---

[12] См. формулярные списки и краткие записки о службе: ЦГВИА, ф. 38, оп. 10/259, 1861 г., д. 52, лл. 60—63; там же, 1859 г., д. 267, лл. 147—152; ф. 725-л, 1858 г., д. 126, лл. 349—354; 1859 г., д. 127, лл. 758—763.

[13] Между тем, некоторые авторы нередко идут гораздо дальше. См., например, работы: М. Поляков. Тарас Григорьевич Шевченко. М., 1954, стр. 38; Т. Беисов. Т. Г. Шевченко в Казахстане. Алма-Ата, 1952, стр. 17.

[14] Одно из такого рода предположений высказано М. М. Ткаченко, который считает, что Шевченко и Сераковский познакомились осенью 1849 г. в Оренбурге (М. М. Ткаченко. Т. Шевченко и С. Сераковский. «Вестник АН УССР». 1957, № 3, стр. 20).

[15] Н. В. Шелгунов. Соч., т. II, 1891, стр. 727—728.

[16] ЦГВИА, ф. 395, оп. 206/501, д. 527, лл. 7—33; ЦГИАМ, ф. 109, 1-я эксп., 1848 г., д. 190, лл. 36, 37, 48—50, 68—72, 83—85.

[17] ЦГВИА, ф. 725-л, 1858 г., д. 126, л. 350.

[18] М. М. Ткаченко. Ук. соч., стр. 21—22.

об определении старшинства в чине прапорщика с августа 1852 г. Таким образом препятствия были устранены, и в августе 1857 г., успешно сдав вступительные экзамены, Сераковский был зачислен в Академию Генерального штаба. Проучившись около двух лет и став поручиком, он в декабре 1859 г. окончил Академию по первому разряду, т. е. с производством за отличные успехи в науках в чин штабс-капитана, и был прикомандирован к Департаменту Генерального штаба, где в 1861 г. был произведен в следующий чин, получив право именоваться «капитаном Генерального штаба»[19]. В этом чине он оставался до конца своей службы в русской армии, хотя в некоторых мемуарных источниках, а вслед за ними и в литературе ему ошибочно иногда приписывается чин полковника[20].

Во время службы в Департаменте Генерального штаба (1860—1863 гг.) Сераковский занимался вопросами, связанными с подготовкой буржуазных реформ русского военно-уголовного законодательства, пользуясь там авторитетом одного из видных специалистов и практических деятелей в этой области[21]. Будучи в это время активным участником русских и польских подпольных революционных организаций, имевших целью насильственное ниспровержение царизма[22], Сераковский, тем не менее, использовал каждую представлявшуюся ему легальную возможность, чтобы добиться улучшения положения солдатской массы и отмены телесных наказаний в армии. При этом он рассматривал отмену шпицрутенов и розог как часть более широких демократических преобразований.

Одним из служебных поручений, выполненных Сераковским, являлась его поездка за границу для изучения военно-уголовного законодательства европейских стран и для участия в Международном статистическом конгрессе в Лондоне (1860 г.). В архивах обнаружено предписание Департамента Генерального штаба Сераковскому, подробно излагающее задачи командировки[23], а также переписка и отчет об участии в работах Конгресса русской делегации во главе с академиком И. В. Вернадским[24]. Порядок дня статистического конгресса включал ряд академично поставленных вопросов, один из которых назывался: военная статистика. Сераковский же, по словам Герцена, тотчас по приезде в Лондон «втеснил свой вопрос о телесных наказаниях солдат, потребовал цифры, процессы и все подробности». Затем он провел целую пропагандистскую кампанию и добился того, что Конгресс, правда, в неофициальном порядке, присоединился к его выводу о необходимости повсеместной отмены телесных наказаний для военнослужащих[25]. Подлинного отчета Сераковского об изучении им иностранного военно-уголовного законодательства пока не обнаружено. Опубликованные извлечения из этого отчета показывают, что Сераковский не трактовал вопрос отвлеченно, а прежде всего старался использовать свои специальные изыскания для того, чтобы склонить общественное мнение России к отмене телесных наказаний в армии и на флоте[26].

За время пребывания в Западной Европе с июня 1860 г. по май 1861 г. Сераков-

---

[19] ЦГИАМ, ф. 109, 1-я эксп. 1848 г., д. 190, лл. 87, 90; ЦГВИА, ф. 725-л, 1858 г., д. 126, л. 350; ф. 38, оп. 9/258, 1857 г., д. 431, л. 2; оп. 10/259, 1859 г., 267, лл. 61, 64, и 1861 г., д. 52, лл. 62—63.

[20] Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, стр. 163; «Воспоминания» Д. А. Милютина, Отд. рукописей ГБЛ, ф. 169, 14/2, л. 149.

[21] Эта сторона деятельности С. Сераковского освещается в имеющейся литературе почти исключительно по печатным источникам.

[22] Подробнее см. об этом: Р. А. Таубин. Роль Н. Г. Чернышевского в создании революционной партии. «Исторические записки», т. 39, стр. 59—98; История Польши, т. 2, М.— Л., 1955, стр. 104, 105, 114, 126; М. В. Нечкина. «Земля и Воля» 1860-х годов (по следственным материалам). «История СССР», 1957, № 1, стр. 104—114.

[23] ЦГВИА, ф. 38, оп. 10/259, 1860 г., д. 205, лл. 1—2.

[24] ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 3, 1859 г., д. 32, лл. 15—25.

[25] А. И. Герцен. Соч., под ред. М. К. Лемке, т. XVI. Пг., 1920, стр. 407—408.

[26] С. С. Извлечение из писем о военно-уголовных законодательствах и военных учреждениях главнейших европейских государств. «Морской сборник», 1862, №№ 1—4.

ский побывал в Англии, Франции, Пруссии и Австро-Венгрии [27]. В Лондоне Сераковский неоднократно бывал у Герцена и сблизился с ним. В Пруссии он встречался с польскими революционерами Дзялыньским, Неголевским, Либельтом, Гуттри и приобрел знакомых, которых впоследствии называл друзьями и братьями [28], в Париже виделся с Л. Мерославским и В. Миловичем, в Вене — со Смолькой [29]. Во время командировки Сераковский познакомился также с М. А. Бакуниным и Косиловским [30].

По возвращении в Россию Сераковский занимался устройством военно-дисциплинарных учреждений, которыми предполагалось заменить телесные наказания после их отмены. С целью осмотра военно-арестантских рот он выезжал из Петербурга в июле 1861 г. в район дислокации I армии, а в сентябре того же года в крепость Динабург [31]. В январе 1862 г. Сераковский составил записку о предполагаемом преобразовании военно-арестантских рот [32], которая обсуждалась специальной комиссией вместе с проектом нового устава о воинских преступлениях и была одобрена военным министром [33]. Для составления соответствующих законодательных предложений было признано необходимым подробно изучить устройство западноевропейских военных тюрем, для чего Сераковский был вторично командирован за границу. Он выехал из Петербурга 2 июля, а возвратился 24 декабря 1862 г. [34]. Во время командировки Сераковский, по-видимому, большей частью находился в Париже [35]. Кроме этого, он посетил также Лондон, побывал в Алжире, а на обратном пути заезжал в Варшаву и Вильно.

Участие в подготовке реформы русского военно-уголовного законодательства не было единственной из легальных форм деятельности Сераковского. Он использовал публицистические выступления в подцензурных изданиях и устную пропаганду революционных идей в различных ученых и иных собраниях. Публицистическая деятельность Сераковского началась в «Современнике», для которого он, по поручению Н. Г. Чернышевского, составлял «иностранные известия» [36]. Крупнейшим его публицистическим выступлением явились уже упоминавшиеся «Извлечения из писем» [37]. Есть достаточные основания предполагать, что были и другие печатные выступления Сераковского, хотя обнаружить их пока не удалось [38]. Примером того, как Сераковский устно пропагандировал революционные идеи, может служить его выступление на диспуте по магистерской диссертации Б. Калиновского зимой 1860 г. Затронув весьма далекие от темы диспута правительственные проекты крестьянской реформы, Сераковский говорил о них так, что благонамеренный председательствующий, по свидетельству одного из очевидцев, заболел и «недолго спустя умер» [39].

---

[27] См. ЦГВИА, ф. 38, оп. 10/259, 1860 г., д. 205, л. 4; ф. 431, оп. 1, д. 14, л. 19; «Морской сборник», 1862, № 1, стр. 238; № 2, стр. 307; № 3, стр. 161; № 4, стр. 350.

[28] ЦГИАМ, ф. 109, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 206, л. 23.

[29] Там же.

[30] «Летопись марксизма», 1928, № 5, стр. 62.

[31] ЦГВИА, ф. 38, оп. 10/259, 1861 г., д. 3, лл. 183, 198.

[32] ЦГВИА, ф. 9-л, оп. 77, 1861 г., д. 228, л. 6.

[33] Исторический очерк деятельности военного управления в царствование Александра II. т. IV. СПб., 1880, стр. 451.

[34] ЦГВИА, ф. 9-л, оп. 77, 1861 г., д. 228, лл. 23—24; ф. 38, оп. 10/259, 1862 г., д. 100, лл. 4, 9.

[35] А. И. Герцен. Соч., под ред. Лемке, т. XVI, стр. 408; «Летопись марксизма», 1928, № 5, стр. 62.

[36] «Литературное наследство», т. II, М.—Л., 1928, стр. 345.

[37] «Извлечения из писем о военно-уголовных законодательствах и военных учреждениях главнейших европейских государств» подписаны инициалами «С. С.». Авторство Сераковского подтверждено Н. П. Глиноецким (см. его «Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба», СПб., 1882. Особое приложение № 4, стр. 45).

[38] Сохранилась, например, переписка о том, что Сераковскому было разрешено опубликовать составленные им извлечения из своих замечаний на проект морского суда (ЦГВИА, ф. 9-л, оп. 77, 1860 г., д. 172, л. 60).

[39] Л. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. СПб., 1905, стр. 128.

Среди текстов, принадлежность которых Сераковскому уже установлена, особое место занимает написанная в 1862 г. записка по польскому вопросу [40]. Подлинник ее пока не найден. Одна из писарских копий с нее находится в настоящее время в следственном деле на В. Д. Спасовича и др. под названием: «Статья бывшего капитана Сераковского „Вопрос польский“». Из документов явствует, что с черновым вариантом записки автор знакомил либерала Спасовича, а с беловым экземпляром — вице-директора Аудиториатского департамента Томсена и, возможно, генерал-аудитора Философова. После этого записка представлялась Петербургскому генерал-губернатору А. А. Суворову, который не счел возможным дать ей дальнейший ход и возвратил ее Сераковскому [41]. Все это говорит о том, что записка не носила программного характера и не предназначалась для подпольных революционных организаций. Она должна рассматриваться как служебный документ, рассчитанный на продвижение по официальным каналам, или как статья, предназначенная для подцензурной печати.

В конце марта 1863 г. Сераковский, взяв отпуск по службе, выехал в Литву, чтобы в соответствии с решением Польского Национального Комитета возглавить начавшееся там повстанческое движение. Ф. Энгельс, внимательно следивший за событиями 1863 г., отмечал, что в северной части Литвы восстание приобретало «прямо аграрный характер» [42]. Именно в этом районе руководство им осуществлял Сераковский. В сохранившихся документах воинских частей и штабов царской армии, подавлявших восстание, участие в нем крестьян сознательно преуменьшается. Однако в текстах этих документов нередко встречаются факты, опровергающие фальсификаторские утверждения их авторов. Так, в одном из документов имеется свидетельство, что только в местечке Поседель Поневежского уезда к отрядам Сераковского в первый же день присоединилось «до 100 чел. крестьян (казенных собственников)» [43].

Общий стратегический план первого этапа восстания, разработанный Сераковским, заключался в том, чтобы, двигаясь по районам наиболее острых аграрных противоречий и поднимая на борьбу крестьянские массы литовцев и латышей, прорваться к Балтийскому побережью, а затем, получив возможность, использовать морские коммуникации для снабжения повстанческой армии оружием и боеприпасами, повернуть на восток и подать руку повстанческому движению во внутренних губерниях [44]. Д. А. Милютин в своих «Воспоминаниях» писал об этом следующее: «...По плану, предложенному руководителям мятежа Сераковским, имелось в виду овладеть крепостью Динабургом и, утвердившись в ней, действовать оттуда в Ковенскую губернию, подать руку ожидавшемуся десанту и вместе с ним идти на Вильну. Для завладения Динабургом предполагалось... прибегнуть к хитрости: под предлогом постройки католического костела ввести туда достаточное количество поляков под видом рабочих» [45]. Примерно так же излагается план Сераковского в журнале военных действий Виленского военного округа, хранящемся в ЦГВИА. Из этого документа видно, что Сераковский придавал большое значение обучению повстанцев, четкой организации своего отряда и продуманной тактике, соответствующей условиям местности и боевым качествам противника. В короткое время он, по свидетельству документов, успел «правильно организовать» свой отряд, разбив его на батальоны и роты, которые регулярно обучались боевому мастерству «по печатному уставу на польском языке». В отряде были назначены: начальник штаба, начальник кавалерии и начальник артиллерии. Сераковский отчетливо видел сильные и слабые стороны повстанческих отрядов как боевых единиц и считал необходимым применение партизанской тактики: обходов, засад, демонстраций и т. д. Для

[40] «Русская старина», 1884, № 1, стр. 48—60.

[41] ЦГИАМ, ф. 95, оп. 1, 1863 г., д. 109, лл. 3, 7—18; ф. 109, 1-я эксп. 1863 г., д. 23, ч. 206, л. 1.

[42] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 1-е, т. XXIII, стр. 142.

[43] ЦГВИА, ВУА, д. 1311, ч. 4, л. 186.

[44] История Польши, т. II, М.—Л., 1955, стр. 101—136.

[45] ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 169, д. 14/3, л. 103.

характеристики этой тактики интересен отвлекающий маневр отряда Сераковского из леса Кнебье на Дебейку, получивший высокую оценку даже у составителей журнала военных действий Виленского военного округа. Интересно также свидетельство этого журнала о том, что Сераковский, известный среди повстанцев под именем Доленго, будучи одним «из главных агитаторов Литвы, успел в короткое время приобрести огромное влияние на всю революционную партию», что «личность его сделалась обаятельною» [46].

Учитывая все это, царские каратели спешным порядком сосредоточили против отрядов Сераковского около трех тысяч пехоты с артиллерией и до 200 казаков. Сохранилось значительное число документов, содержащих описание ряда боевых столкновений, которые происходили 25—27 апреля 1863 г. и закончились поражением отряда Сераковского [47]. Как известно из опубликованных источников, днем 26 апреля, во время упорного боя, продолжавшегося около четырех часов в густом лесу у фольварка Гудишки, Сераковский был ранен «в спину пулей навылет», а в ночь на 27-е захвачен карателями вместе со своим штабом [48].

Доставленный в Вильно в первых числах мая, Сераковский был помещен в отдельную комнату военного госпиталя, охранявшегося караулом лейб-гвардии Павловского полка. Несмотря на ранение Сераковского, сразу же начались допросы, в ходе которых следователи тщетно пытались получить от него интересующие их сведения. В дневнике члена Виленской следственной комиссии генерала Цылова отмечается, например, что 12 июня он и его коллеги, пробыв у Сераковского два часа, «ничего не могли от него добиться, кроме его ученых прений; но весьма любопытно слышать и видеть его энергию, с которой он стремился добиться гласного над собой суда» [49]. Мать Сераковского, узнав о его аресте, обратилась с прошением на «высочайшее имя», в котором писала, что не смеет просить о помиловании сына, а лишь умоляет отложить решение до тех пор, пока его жена, находящаяся на шестом месяце беременности, не разрешится от бремени [50]. В журнале, где зарегистрировано это прошение, имеется пометка, что в соответствии с резолюцией царя оно оставлено без последствий [51].

Слухи о затянувшемся следствии над раненым Сераковским будоражили общественное мнение не только в России, но и за границей. Это пугало озверевших карателей во главе с М. Н. Муравьевым и заставляло их спешить с расправой [52]. «Сераковский,— говорится в одном из документов,— был судим в военном отделении госпиталя» [53] военным судом и, разумется, без гласного разбирательства. С подсказанной начальством поспешностью суд вынес смертный приговор, который был немедленно одобрен М. Н. Муравьевым, а несколько позже конфирмован царем [54]. Казнь состоялась 15 июня 1863 г. в Вильно, на базарной площади Лукишки. В секретном донесении об этом, представленном в III Отделение жандармским штаб-офицером, говорится: «При чтении ему сентенции на месте казни все, что клонилось в его пользу, Сераковский утверждал словом „так“, все же, клонившееся к обвинению его, он отвергал словами: „неправда, протестую“. Наконец, когда кончилось

---

[46] ЦГВИА, ВУА, д. 1311, ч. 4, лл. 190, 192—194.

[47] ЦГВИА, ф. 484, д. 77, л. 1; д. 135, ч. 1, лл. 168—169; ВУА, д. 1311, ч. 4, лл. 186—194 и др

[48] «Русский инвалид», 1863, № 106; «Русский архив», 1899, № 7, стр. 397.

[49] «Русский архив», 1906, № 10, стр. 258.

[50] Само прошение пока не обнаружено, но его содержание выясняется письмом Ф. Сераковской к А. А. Суворову и его надписью на нем, адресованной Д. А. Милютину (см. ГБЛ, отдел рукописей, ф. 169, 41/37, л. 1).

[51] ЦГВИА, ф. 9-л, оп. 2, 1863 г., д. 400, запись № 303.

[52] «Русский архив», 1899, № 7, стр. 405—406.

[53] ЦГИАМ, ф. 109, 1-я эксп., д. 23, ч. 206, л. 17.

[54] ЦГВИА, ф. 9-л, оп. 37, 1863, д. 84. Имеющиеся документы начисто опровергают распространявшуюся некоторыми из дореволюционных авторов «верноподданническую» легенду о том, что М. Н. Муравьев утвердил смертный приговор Сераковскому без ведома царя.

чтение, он обратился к народу со словами: „Господа, протестую перед всем миром и Европою...", далее разобрать его за барабанным боем и звуками рожков было невозможно» [55].

Такова краткая сводка наиболее важных сведений, содержащихся в выявленных материалах о Сераковском. Общее количество обнаруженных дел и документов уже сейчас настолько велико, что полностью аннотировать их в настоящем сообщении оказалось невозможным, хотя розыски производились лишь в нескольких архивах и охватили далеко не все хранящиеся в них фонды. Это говорит о том, что в будущем можно рассчитывать на новые ценные находки, которые введут в научный оборот значительное число неизвестных документов. Они позволят проверить, уточнить и дополнить имеющиеся свидетельства мемуарных и эпистолярных источников и вместе с ними послужат надежной основой для биографического исследования о Сераковском, нужда в котором давно ощущается.

В. А. Дьяков

ИЗ ИСТОРИИ АРХИВА ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ [1]

Коллекция документов XVII—XVIII вв., известная под названием «Архива Оружейной палаты», представляет огромную научную ценность. Она является не только одной из самых цельных, но и одной из разнообразных по составу и содержанию архивных коллекций, относящихся к этой эпохе.

Архив Оружейной палаты сложился постепенно, путем объединения ряда дворцовых приказов с их архивами и текущим делопроизводством в первой четверти XVIII в., начиная с указов 29 июля 1699 г. о слиянии Государевой и Царицыной мастерских палат и указа 19 января 1700 г. о слиянии приказов Золотого и Серебряного дела с Оружейной палатой. Этот процесс закончился полным объединением в 20-х годах XVIII в. Оружейной палаты, Мастерской палаты, Казенного приказа и Конюшенной казны в одно учреждение, получившее наименование «Мастерской Оружейной палаты»; все эти учреждения к этому времени почти совершенно утратили свое оперативное и производственное значение и превратились в закрытые дворцовые казнохранилища.

В своем настоящем виде Архив Оружейной палаты состоит из двух частей: коллекции столбцов (насчитывающей более 53 000 номеров за 1613—1705 гг.) и коллекции книг (приходно-расходных, описных и т. п.) Казенного приказа, Оружейной и Мастерской палат, насчитывающей 1200 номеров [2]. К этим основным коллекциям примыкает собрание (около 1500 номеров) документов Мастерской Оружейной палаты, относящихся к XVIII—XIX вв. (до 1831 г., когда было ликвидировано самостоятельное «присутствие» Оружейной палаты).

Настоящая статья ставит своей целью воссоздать основные вехи истории Архива Оружейной палаты в XVIII—XIX вв. и этим несколько восполнить пробел, касающийся вообще наших знаний об истории отдельных, наиболее крупных и ценных архивных собраний.

---

[55] ЦГИАМ, ф. 109, 1-я эксп., д. 23, ч. 206, л. 18.

[1] Автор приносит глубокую благодарность сотрудникам ЦГАДА А. П. Гудзинской и Т. С. Ивановой за помощь, оказанную ими при подготовке настоящей статьи.

[2] Эта коллекция полностью описана А. Е. Викторовым в его известном труде «Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов» (М., 1877—1883), продолжением которого является работа А. И. Успенского «Записные книги старинных дворцовых приказов» (М., 1906). Оба эти издания являются доныне действующей описью коллекции книг Архива Оружейной палаты (оп. 2, ч. 1—2).

23 декабря 1726 г. состоялся указ Верховного тайного совета Сенату о слиянии Оружейной палаты, Мастерской палаты, Казенного приказа и Конюшенной казны в единое учреждение — «Мастерскую Оружейную палату», главной задачей которого было хранение государственной вещевой казны. Вслед за этим канцелярии ликвидированных учреждений были объединены, а «приказным и прочим служителям» было велено, «*забрав из оных мест всякие приказные дела* (подчеркнуто нами.— *Г. Б.*), перейтить и сидеть и отправлять дела в Оружейной палате» [3]. Так объединение текущего делопроизводства и архивных фондов бывших дворцовых приказов положило основу коллекции, составившей нынешний «Архив Оружейной палаты».

В первый период объединение это оставалось чисто формальным. Утрата дворцовыми приказами своего былого значения, резкое сокращение объема их деятельности привели к тому, что документы, связанные главным образом с этой производственной деятельностью, также утратили свое прежнее значение. Не сохранилось никаких свидетельств об их обработке, приведении в порядок или использовании в этот период.

«Архив со старыми делами», бывший в ведении канцеляриста Ивана Кононова, помещался в это время в подклети церкви Петра и Павла за Золотой решеткой в Кремле. В мае 1754 г. он был перенесен в две палаты на «Казенном дворе» (находившемся между Архангельским и Благовещенским соборами) [4].

Первая попытка приведения в порядок архива Мастерской Оружейной палаты относится к 1750-м годам. Поводом к разборке архива было «доношение» Синода в Сенат (23 ноября 1749 г.) о том, что в Оружейной палате находится много «древних книг, грамот и историй», относящихся к духовному ведомству; Синод требовал, чтобы эти материалы были выбраны и переданы ему.

18 января 1750 г. Сенат постановил составить этим документам опись. Однако выполнение этого решения натолкнулось на серьезное затруднение: общей описи делам архива не существовало, а столбцы и книги не были разобраны и заполняли восемь шкафов, четыре сундука и четыре «коробьи». Людей, которых можно было бы выделить для трудоемкой разборки архива, в штате Палаты также не было [5].

Следует упомянуть, что именно в это время, в 1750 г., в одном из железных сундуков на Казенном дворе был неожиданно обнаружен столбец с подлинным текстом Уложения 1649 г. Эта находка несколько подтолкнула решение вопроса о приведении в порядок архива вообще. Надежды на то, что среди дел Оружейной палаты могут быть найдены и другие ценные и важные документы, были подкреплены также и сохранившимися до наших дней описями приходо-расходных, переписных и других книг архива за 1665—1749 гг., составленными тогда же подканцеляристом Матвеем Медведевым. Работа Медведева положила начало приведению в порядок документов Архива Оружейной палаты. 31 октября 1751 г. состоялся сенатский указ об осмотре и описи старинных столбцов и грамот этого архива. Для осуществления этой задачи «в крайней скорости» к Оружейной палате временно прикомандировывались секретарь Ревизион-коллегии Александр Карпов (вскоре его сменил секретарь Егор Фехтенберг) и четыре канцеляриста из Московской сенатской конторы [6]. Как ни старались эти лица форсировать темпы, но выполнить эту задачу в короткий срок оказалось невозможным, и 8 августа 1755 г. Сенат, опять в строгом «понуждении», требовал скорейшего завершения описи столбцов [7].

Яркий свет на состояние Архива Оружейной палаты в этот период проливают интереснейшие документы, связанные с миссией Аргамакова.

Сенатским указом 29 августа 1754 г. Алексею Аргамакову (вскоре он был назначен первым директором создаваемого тогда Московского университета) было предложено всесторонне изучить состояние Мастерской Оружейной палаты и со-

---

[3] ЦГАДА, ф. 396, Книги Оружейной палаты, оп. 2, ч. 3, д. 1345, лл. 42—43.
[4] Там же, оп. 2, ч. 4, д. 2299.
[5] Там же, оп. 2, ч. 3, д. 1478.
[6] Там же, д. 1476, л. 80 об.
[7] Там же, д. 1480, л. 124.

ставить для нее «пункты» (то есть исходные положения для устава). Аргамаков ознакомился с работой архива и состоянием его материалов [8] и в декабре того же года сообщил Сенату, «о беспорядочном и неисправном во оной палате и в архиве содержании вещей и дел». Следствием этого рапорта была резолюция Сената (28 февраля 1755 г.) о приведении всех вещей и дел Мастерской Оружейной палаты в порядок и об «имении тому всему исправных реестров и описей» [9].

Но еще до сенатского определения «доношение» Аргамакова было сообщено в палату, где оно вызвало целую бурю и породило очень красноречивый и характерный оправдательный документ, адресованный Сенату (11 января 1775 г.).

Оправдываясь, чиновники палаты писали, что Аргамаков «доклад чинил токмо одними догадками, а не самим делом, не смотря и не рассуждая», имея «скоровидное посмотрение, а не прилежный труд», что документы «не так в неисправности находятся, как в докладе его, Аргамакова, представлено, будто бы архива не разобрана и реестра нет, а в той архиве книги положены порядочно в шкафах и разбор столбцам чинится... а в той архиве столбцы находятся от 130 (1622.— *Г. Б.*) году и старее и чрез такое многое прошедшее время поныне им, яко тленной вещи, более 130-летнего времени лежащим, от тления сохраниться и без повредности быть никак нельзя, а какие из них повреждены,— оные до вступления его, Аргамакова, по силе определения той конторы (Московской сенатской конторы.— *Г. Б.*) апреля 7 дня 1752 г. отбираются особо» [10]. «Кои же столпцы повредности не имеют,— говорилось далее,— оные определенными в силу правительствующего Сената указа от Сенатской конторы секретарем и приказными служителями всегда разбираются и переклеиваются и над каждым столпом, о чем который и коих годов, месяцев и чисел, подписывается порознь, которых поныне уже переклеено и разобрано и надписано близ 10 тысяч».

Однако положение архива на самом деле было все же далеко не так благополучно, как это пытались представить чиновники палаты. Лишь к ноябрю 1751 г. были в основном окончены разборка и описание 11 433 столбцов, 182 тетрадей и 268 книг; еще 80 книг были дополнительно описаны в период между 3 декабря 1761 г. и 29 апреля 1762 г. [11]. В марте 1767 г. руководитель палаты М. М. Собакин сообщал, что «письменные дела архива разбираются, но еще не разобраны» [12].

К сожалению, все эти описи Архива Оружейной палаты до нас не дошли, и мы не имеем возможности судить ни о тогдашнем составе архива, ни о принципах его разборки и описания.

Впервые вопрос об использовании архивных документов в текущей работе палаты поставил М. М. Собакин в «промемории», поданной 26 марта 1767 г. в Комиссию для сочинения нового уложения. Собакин писал:

«О самых лучших многих, примечания достойных древних вещах в тех описях, откуда они присланы или инако вошли и при котором государе, не означено. Сие известие для порядочной описи весьма необходимо... Из того архива прилежно выписать, откуда древние вещи пришли и со обстоятельством по летам и государствованиям, к кому присланы, изъяснить. Чему в архиве Мастерской оружейной конторы не найдется известия, о том из Коллегии иностранных дел архива нечто найдется...». Он считал необходимым «дела архива описать и содержать оный в порядке настоящем и иметь тое архиву за замком и печатью регистратора или, в небытность его,— канцеляриста» [13].

Как это ни парадоксально, составление первых описей Архива Оружейной палаты, помимо своего положительного значения, имело и свою отрицательную оборотную сторону. «Приведение в известность» богатств архива послужило причиной многочисленных изъятий документов в другие учреждения, значительно обеднив-

[8] ЦГАДА, ф. 396, Книги Оружейной палаты, д. 1480, л. 113.
[9] Там же, л. 124.
[10] Там же, д. 1480, лл. 125—126.
[11] Там же, д. 1478.
[12] Там же, д. 1480, лл. 289—310.
[13] Там же.

ших коллекцию палаты. Еще раньше из этой коллекции были взяты находившиеся в ней летописи (в 1730—1732 гг.), переданные в «Кабинет ее императорского величества» [14]. 30 апреля 1767 г. на основании указа Екатерины II из Архива Оружейной палаты была изъята значительная по объему и очень ценная по содержанию коллекция писем времени Петра I на разных языках. Эти документы были переданы генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому. Тогда же в Коллегию иностранных дел из Оружейной палаты было передано большое количество столбцов 1653—1688 гг. о дипломатических отношениях России с иностранными государствами, а также дипломатические документы за период 1697—1698 гг., чертежи и пр.

В 1775 г., когда во главе палаты стоял Г. А. Потемкин, из ее архива были изъяты и отправлены в Петербург 141 старопечатная и рукописная книга, а также ряд грамот и чертежей. В 1776 г., из архива «для взноса в комнаты» Екатерины II вновь был взят ряд ценных документов [15].

В этот период материалы архива были разбросаны по разным помещениям в Кремле. В 1770 г., в связи с подготовкой к строительству Большого кремлевского дворца по проекту В. И. Баженова, здание «галереи Мастерской Оружейной палаты» между Архангельским и Благовещенским соборами, построенное лишь в 1756—1764 гг. по проекту Д. И. Ухтомского, было снесено. Вещевые коллекции были перемещены в различные помещения (главным образом в третий ярус Теремного дворца), а документы архива разместились частично в «палатах под набережным садом», частично в Потешном дворце, частично — в комнатах второго яруса Теремного дворца [16].

Как раз в этот период намечается явление, характерное для истории этого архива на протяжении почти целого столетия, вплоть до середины XIX в.: работа ведется в основном по приведению в порядок и изучению рукописных книг, в то время как коллекции столбцов оказывается значительно меньше внимания.

В 1784 г. выяснилась необходимость составления новой, более полной описи рукописных книг. Такая опись была составлена коллежским асессором Новоселовым и охватывала в хронологическом порядке 1103 книги за 1589—1722 гг. [17] (напомним, что опись М. Медведева охватывала лишь книги за 1665—1722 гг., а опись, составленная в 1761—1762 гг., насчитывала всего 348 книг).

В 1792 г. известный собиратель памятников древнерусской письменности А. И. Мусин-Пушкин был допущен в хранилища Оружейной палаты, где осматривал вещи, описи, книги и «состоящие в столбцах дела» [18]. Каковы были результаты этих занятий нам неизвестно, но факт допуска Мусина-Пушкина к занятим в Архиве Оружейной палаты является первым известным нам примером подобного рода.

Следующим лицом, получившим разрешение на изучение документов архива палаты, был Н. М. Карамзин. В начале апреля 1806 г. начальнику Экспедиции Кремлевского строения (в состав которой входила палата) П. С. Валуеву было сообщено, что Александр I разрешил «доставить свободный вход в Оружейную палату для работы в архиве» надворному советнику Карамзину.

И тут оказалось, что архив палаты находится в столь неупорядоченном состоянии, что заниматься в нем невозможно [19]. Сведений о большой работе Н. М. Карамзина над документами Архива Оружейной палаты обнаружить не удалось [20].

---

[14] ЦГАДА, ф. 396, Книги Оружейной палаты, оп. 2, ч. 2, д. 1490, л. 453.

[15] Там же, лл. 78, 87, 88, 453.

[16] Там же, д. 1488, л. 93; д. 1490, лл. 78, 87.

[17] Эта опись хранится в ф. 396, оп. 2, ч. 2, под № 1294 (98л.).

[18] ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 3, д. 1490, л. 456.

[19] ЦГАДА, Дворцовый отдел, д. 5571, лл. 42 об.—43. Еще 24 августа 1805 г. С. П. Валуев в письме к Н. Н. Бантыш-Каменскому сетовал на неразобранность и неупорядоченность Архива Оружейной палаты, на то, что многие столбцы сгорели, истлели от небрежения чиновников и т. д. Там же, д. 5567, л. 140.

[20] В сентябре 1806 г. Валуев послал Карамзину несколько столбцов, «заслуживающих внимательного любопытства» и обещал по мере разборки документов присылать наиболее интересные из них «для прочтения или для списания». Там же, д. 5571, л. 79 об.

В 1812 г. сокровища Оружейной палаты были эвакуированы из Москвы, но о спасении архива никто не позаботился. В переписке, связанной с эвакуацией палаты, архив ни разу не упоминается, как будто его и не существовало.

Известно, что громадное количество ценнейших документов различных кремлевских архивов погибло от рук неприятельских солдат в 1812 г. Один из чиновников Оружейной палаты обнаружил в начале 1813 г., что книги и столбцы из архива были разбросаны по разным теремам, по лестницам и даже по двору. Часть документов была использована наполеоновскими солдатами для набивки тюфяков [21]. По словам П. С. Валуева, еще в феврале 1813 г. в Кремле «на площадях, улицах, во рвах и зданиях по сие время лежат кипы из разных присутственных мест дел и документов, перемешанных с замерзшею соломою, картофелем и капустой» [22].

Лишь весной 1813 г. правителю канцелярии Оружейной палаты И. Дмитриеву с двумя-тремя чиновниками было поручено «разобрать и привести в порядок» дела архива. Тогда же архив был перемещен из Теремного дворца в особую комнату в новом здании Оружейной палаты, оконченном строительством в 1812 г.

Но «разборка» архива, произведенная И. Дмитриевым, была поверхностной и, в сущности, нисколько не уменьшила хаоса, царившего здесь. Даже в январе 1816 г. новый правитель канцелярии палаты И. Галанин вынужден был доносить: «Имея вход в Палатский архив для случающихся выправок с делами, там сохраняющимися, усмотрел я, что разного рода дела, сей архив составляющие, находятся от происшествий, в 1812 году случившихся, в величайшем беспорядке и смешенности, почему и приискание их сопряжен с величайшим неудобством и затруднением».

На сей раз руководители палаты отнеслись к делу более серьезно. 12 января 1816 г. чиновникам А. Малову и М. Величкину были поручены разборка и описание архива «с тем, дабы он, Малов, составленную им обстоятельную опись всякого рода делам, в архиве сохраняющимся, представил в палату» [23].

Но деятельность А. Малова на этом поприще не дала ощутимых результатов, и документы продолжали оставаться в хаотическом беспорядке до тех пор, пока за их разборку не принялся прапорщик ведомства Экспедиции Кремлевского строения воспитанник Московского университета Павел Иванович Соколов.

В августе 1819 г. главноначальствующий Кремлевской экспедиции Н. Б. Юсупов приказал прикомандировать П. И. Соколова к Оружейной палате «для разборки хранящихся там древних манускриптов». Было приказано спешно и тщательно «привести архив в совершенный порядок».

Соколов трудился над составлением описей архива Оружейной палаты в течение почти семи лет (по март 1826 г.) и составил шесть томов описи столбцов и один том описи книг [24].

Сюда были включены описные книги царской и патриаршей казны и платья, приходо-расходные, «кроильные» и «выходные» книги и пр. Опись столбцов включает документы за 1611—1706 гг. и насчитывает 8132 «столпа» и отдельных «столбца»; все эти документы были соединены в 779 связок [25].

Проведенная П. И. Соколовым работа позволила работникам архива с большей уверенностью ориентироваться в составе материалов Оружейной палаты и создала предпосылки для некоторого усиления их использования. Так, уже в 1827 г.

---

[21] Чтения в ОИДР, 1882 г., т. 1, отд. II, стр. VIII.

[22] ЦГАДА, Дворцовый отдел, д. 5019, л. 31.

[23] ЦГАДА, ф. 396, Книги Оружейной палаты, оп. 2, ч. 3, д. 2818, лл. 1—2.

[24] Там же, д. 3209. Описи Соколова дошли до нас. См. ЦГАДА, ф. 1448, оп. 759 (№ 335); ф. 396, оп. 2, ч. 2, д. 1295, ч. 1—6. (А. И. Успенский ошибочно отнес эту опись к концу XVIII в.)

[25] Если сопоставить эти данные с данными о предыдущей описи столбцов, осуществленной в 1752—1761 гг. и включавшей, как уже указывалось, 11 433 «столпа» и «столбца», то можно установить, что за период между 1760 и 1820 гг. в результате различных изъятий, событий 1812 г. и других причин состав Архива Оружейной палаты уменьшился более чем на 3200 дел. Необходимо учесть, что П. Соколов описывал столбцы в их старом состоянии, до расклейки на отдельные «ставы». После этой расклейки архив стал насчитывать около 50 тысяч единиц хранения.

некоторые документы (в частности, подлинник Уложения 1649 г.) были использованы Комиссией М. М. Сперанского для работы над Полным собранием законов [26].

В том же году на страницах «Вестника Европы» была опубликована статья Д. Зубарева «Краткое описание примечательных книг и рукописей, находящихся в архиве при Мастерской Оружейной палате» — первая серьезная работа на эту тему, привлекшая внимание общественности к документам Оружейной палаты [27].

28 августа 1831 г. в связи с преобразованием Экспедиции Кремлевского строения в Московскую дворцовую контору, Архив Оружейной палаты, «заключающий в себе,— как сказано в указе,— многие важные и редкие рукописи и документы», было решено присоединить к Общему архиву Московской дворцовой конторы [28].

Столбцы Архива Оружейной палаты были впервые вывезены за пределы Кремля, в помещение так называемого Запасного дворца у Красных ворот. Здесь они находились в течение 14 лет, оставаясь для архива Дворцовой конторы, к которому были искусственно присоединены, совершенно инородным телом. Коллекция книг по-прежнему хранилась в помещении палаты. В 30—40-е годы XIX в. в связи с общим подъемом археографической работы в России материалы Оружейной палаты начинают интересовать историков.

В мае 1834 г. академик И. Х. Гамель, работавший над «составлением подробного описания московской рукодельной промышленности», обратился в Московскую дворцовую контору с просьбой допустить его к изучению столбцов Оружейной палаты.

Своими занятиями в Архиве Оружейной палаты академик Гамель и его технические сотрудники оставили в истории архива печальную память. Для собственного удобства они расклеили столбцы на отдельные ставы, разложив последние по темам своей работы. В результате многие листы оказались перемешанными, ряд документов разрознен, а описи П. И. Соколова в ряде случаев перестали соответствовать действительному состоянию архива.

За пять месяцев Гамель и его помощники «развернули» и «просмотрели» большинство столбцов. 22 октября 1834 г. ему было разрешено «выбрать все нужное для его сведения из этих бумаг» [29].

Забегая несколько вперед, скажем, что Гамель не довел до конца ни своего широко задуманного труда, ни своих занятий в Архиве Оружейной палаты. Документы, ранее составлявшие более 200 связок, были им расклеены и остались в беспорядке, в стопах, переложенные только газетной бумагой.

Осенью 1834 г. приступил к занятиям в Архиве Оружейной палаты П. М. Строев. Из его письма С. Уварову от 17 октября 1834 г. мы узнаем не только о занятиях главы Археографической экспедиции в Архиве Оружейной палаты, но и о состоянии самого архива: «Столбцы, в нем находящиеся, не приведены в порядок. На сие требуется несколько месяцев, иначе невозможно знать, что там любопытства заслуживает. Академик Гамель, занимающийся сим архивом, сказал мне, что сии столбцы важны только в техническом отношении, будут им все прочтены и он охотно принимает на себя труд отделять такие акты, кои важны для археологии вообще». В этот год Строев провел в архиве только общее ознакомление с материалами Оружейной палаты и убедился в том, что «пересмотр этих бумаг знатоками опытными — необходим» [30].

Следующий этап работы П. М. Строева над документами Оружейной палаты относится к 1839 г. [31]. На этот раз он интересовался коллекцией книг. В 1839—1840 гг. им были подготовлены к изданию так называемые «выходные книги» (подробные

---

[26] ЦГАДА, Дворцовый отдел, д. 5710, лл. 62—63.
[27] «Вестник Европы», 1827, №№ 14—16.
[28] ЦГАДА, Дворцовый отдел, д. 11449.
[29] Там же, д. 11492.
[30] Н. П. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, стр. 275—279, 398.
[31] ЦГАДА, Дворцовый отдел, д. 1149.

описания всех царских «выходов»), представляющие немалый интерес для истории государственного быта, типографии Москвы и Кремля и т. д. (После 1812 г. из огромного количества таких книг, хранившихся ранее в Архиве Оружейной палаты, осталось только 15.) «Выходные книги», подготовленные П. Строевым, были изданы Археографической комиссией [32].

Одновременно с «выходными книгами» П. М. Строев намеревался подготовить издание выписок из дворцовых разрядных книг с соответствующим комментарием [33].

Вместе с тем состояние материалов Архива Оружейной палаты в этот период было поистине плачевным. И. Е. Забелин (начавший свою работу в архиве в 1839 г.) писал в своих воспоминаниях: «Архив помещался в нижнем этаже, в угольной от парадной лестницы небольшой комнате... Полки из простого теса, выкрашенные клеевой сероватой краской, были устроены в вышину на 3 сажени... Книги, придвинутые на полках к самой стене, весной оттаивали и мокли (в старом здании Оружейной палаты вообще не было печей, отапливалась лишь комната канцелярии.— *Г. Б.*), а летом просыхали— и то, если вспоминали отворять форточку. В трех местах комнаты архива под потолком были птичьи гнезда...» [34].

Свои самостоятельные занятия в архиве И. Е. Забелин начал с внешнего приведения книг в порядок. Читая сначала описные книги царской казны, а затем и приходо-расходные книги дворцовых приказов, он делал различные выписки, использованные позже в ряде исследований. На основании документов архива им были написаны все его ранние работы, начиная с первой статьи о царских «троицких походах» [35].

В 1845 г., по просьбе директора Оружейной палаты М. Н. Загоскина (известный исторический беллетрист), Московская дворцовая контора возвратила хранящиеся у ней столбцы. Таким образом книги и столбцы Оружейной палаты были вновь объединены [36].

Следующим важным событием в истории архива была его реорганизация, проведенная под руководством Г. В. Есипова в 1864—1869 гг., в результате которой документальные материалы архива были приведены в тот порядок и систему, в котором они хранятся до сих пор. Поскольку обстоятельства и приемы этой работы Г. В. Есипова ныне почти неизвестны, коротко остановимся на них.

В декабре 1869 г. состоялось решение о создании в Москве отделения Архива Министерства императорского двора для хранения документов до 1800 г., т. е. намечалось объединение московских дворцовых архивов. Работа требовала тщательной и длительной подготовки, и тематическое выявление документов в разных архивах было поручено Г. В. Есипову.

Впоследствии, в статье (она осталась в рукописи) «Вопрос о нравственной ответственности перед обществом по Архиву Оружейной палаты», Г. В. Есипов писал, что, начав занятия в этом архиве, он обнаружил дела, хранящиеся без всякого порядка в разрозненном виде, что картоны, в которых лежали столбцы, размещались без системы прямо на полу, что старые описи никогда не проверялись и не сверялись с наличностью, а составленные до расклейки столбцов (произведенной, как сказано выше, И. Х. Гамелем) описи перестали соответствовать содержанию.

Г. В. Есипов решил привести столбцы Оружейной палаты в порядок и составить к ним новые описи и указатели.

Все столбцы прочитывались и помещались в отдельные обертки с ярлыками, а затем без какого-либо определенного принципа складывались в картоны. Количест-

---

[32] Выходы государей, царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича всея Руссии самодержцев (с 1632 по 1682 год). М., 1844.

[33] Н. П. Барсуков. Указ, соч., стр. 391—394.

[34] ГИМ ОПИ, ф. 440, «И. Е. Забелин», д. 12, л. 129.

[35] Е. И. Забелин. Троицкие походы русских царей. М., 1947; его же. О металлическом производстве в России. «Записки имп. Русского Археологического общества», т. 5, 1853 и др.

[36] ЦГАДА, Дворцовый отдел, д. 11592.

во столбцов в каждом картоне было неопределенным. Несколько картонов, в которых находилось ровно 1000 номеров столбцов, объединялись в «литеру», имевшую буквенное обозначение (например, «А», «ЕЕ», «К», «О» и т. д.). Всего было 203 картона, из которых 196 были объединены в 43 литеры (43 000 документов). Столбцы 1699 г., неизвестных годов, отрывочные листы и сильно поврежденные столбцы составляли 197—203 картоны. Остальные столбцы (впоследствии названные «вторым разрядом» архива) сохранялись в 85 вязках. Литеры и номер столбца внутри этой литеры являлись шифром хранения данного столбца.

Одновременно с этим заполнялись специальные карточки, в которых указывалась точная дата документа, давалась его краткая аннотация и шифр. Дальнейшая работа проводилась уже только с этими карточками, составившими, по выражению Г. В. Есипова, «подвижную опись» архива. Расположенные в строгом хронологическом порядке, эти карточки были переписаны в 32 книги. Так были созданы описи столбцов, которыми пользуются до сегодняшнего дня.

В описях документ, помимо шифра хранения, получал свой порядковый номер, причем документы каждого года нумеровались с 1 октября. (Существующая ныне погонная нумерация всей коллекции столбцов введена значительно позднее.)

Отрыв системы хранения (в основу которой, как мы видели, был положен примитивный количественный принцип) от хронологического порядка, в котором материал располагался в описях, составлял существенный недостаток новой организации Архива Оружейной палаты. Этот недостаток был устранен лишь по прошествии почти 40 лет.

Отметим также, что Г. В. Есипов разделил столбцы на два разряда «по главному их содержанию»: в первый разряд (37 381 документ по описям 1—23) им были «отобраны столбцы со сведениями о царском хозяйстве»; во второй (11 824 документа по описям 24—30) — следственное делопроизводство дворцовых приказов XVII в.[37]

Одновременно с приведением в порядок столбцов и составлением описей Г. В. Есипов лично составил алфавитно-предметные указатели к этой коллекции. Однако указатели эти были «слепыми», примитивными по структуре и по характеру систематизации. Всю эту грандиозную работу, основная часть которой была проделана им лично, Г. В. Есипов окончил в декабре 1867 г.

Итак, Архив Оружейной палаты после многократных переустройств, мытарств и испытаний наконец получил «надлежащее устройство». Отныне использование его документов уже не представляло непреодолимых трудностей, как это было раньше.

Деятельность Г. В. Есипова по разборке Архива Оружейной палаты и выявлению в других архивах документов, относящихся к истории дворцового хозяйства, была лишь подготовкой к осуществлению реформы придворных архивов, намеченной в 1863 г.

В 1869 г. архивы Оружейной палаты (находившийся в самой палате) и Московской дворцовой конторы (остававшийся по-прежнему в Запасном дворце) были слиты в единый «Общий архив Министерства императорского двора», заведующим которым был назначен Г. В. Есипов. Для размещения этого архива предназначалась Троицкая башня Кремля[38].

В конце 1869 г. материалы Архива Оружейной палаты были перемещены в новое помещение в Троицкой башне. Здесь они оставались в течение почти 50 лет.

Последующий период в истории Архива Оружейной палаты не богат событиями, но характеризуется неуклонным ростом научного интереса к этой коллекции и все более широким ее использованием. Огромную роль в деле ознакомления ученых-историков с богатствами этого архива сыграло издание «Описания записных книг

---

[37] ЦГАДА, ф. 1448, Архив Московского архива Дворцовой конторы, оп. 757, д. 14 и др.

[38] ЦГИАМ, ф. 926, «Г. В. Есипов», д. 35, л. 183; д. 30, л. 53; ГБЛ, Рукоп. отд., ф. 51, «А. Е. Викторов», к. 29, дд. 43, 44.

старинных дворцовых приказов» А. Е. Викторова [39], которое было окончено составлением в 1872 г., а вышло в свет в 1877—1883 гг.

Широко использовались отдельные документы архива и в процессе многолетней работы по составлению генеральных описей вещевых коллекций Оружейной палаты. Осенью 1874 г. из архива в Оружейную палату по просьбе ее директора С. М. Соловьева «для исторического определения вещей» были переданы описные книги XVII и XVIII вв. В 1886 г. в Общий архив поступили столбцы Аптекарского приказа, присоединенные к коллекции столбцов Оружейной палаты, после чего размеры этой коллекции достигли 52 000 документов, насчитывавших в общей сложности 364 406 листов (cставов) [40].

Последние десятилетия перед Октябрьской революцией в Архиве Оружейной палаты работали, очень многое сделав для его упорядочения, А. И. Успенский и Б. С. Пушкин. А. И. Успенский — автор фундаментального труда об иконописцах и живописцах XVII в. [41], целиком построенного на материалах Архива Оружейной палаты, в 1906 г. издал продолжение «Описания» Викторова (355 номеров) [42], а затем предпринял издание полных описей столбцов Архива Оружейной палаты (в течение трех лет вышли три выпуска, в которых помещены столбцы №№ 1—1500) [43]. С А. И. Успенским и Б. С. Пушкиным связана предпринятая в 1899 г. большая работа по реставрации столбцов, продолжавшаяся более пяти лет.

После Великой Октябрьской социалистической революции Архив Оружейной палаты в составе других коллекций Московского отдела Архива Министерства императорского двора был передан в состав 1 секции Единого государственного архивного фонда. В течение 1921 г. документы этого архива были перевезены из Кремля в здание б. Московского архива Министерства юстиции, в то помещение, которое ныне занимает ЦГАДА СССР.

В последние годы в Центральном государственном архиве древних актов проведена большая работа по выявлению фондов, входящих в состав этой коллекции и упорядочению ее. Документы, входящие в состав коллекции Оружейной палаты, впервые оказались в полном объеме доступными для изучения.

С каждым годом расширяется их использование исследователями — историками и искусствоведами. К сожалению, изучение материалов Архива Оружейной палаты идет пока что лишь по побочным направлениям, в то время как «профилирующая» тематика материалов Оружейной палаты: история культуры, промышленности, государственного аппарата остается в стороне. Все более настоятельной становится задача их использования для монографического исследования при решении узловых, кардинальных вопросов социально-экономической истории и истории культуры.

Было бы чрезвычайно полезно подготовить и издать подробный аннотированный указатель фондов тех учреждений, документы которых ныне находятся в составе коллекции Оружейной палаты. Подобное издание оказало бы нашим историкам неоценимую помощь.

Г. А. Богуславский

---

[39] А. Е. Викторов в 1868 г. был назначен заведующим Архивом Оружейной палаты, а после образования Общего архива Министерства имп. двора вплоть до 1880 г. руководил отделением этого архива.

[40] ЦГАДА, ф. 1448. Архив Московского архива Дворцовой конторы, оп. 757, д. 36, лл. 1, 4 и др.; д. 130, л. 1.

[41] А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь, М., 1910.

[42] Александр Успенский. Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов. Документы XVIII—XIX вв. бывшего Архива Оружейной палаты. М., 1906; А. И. Успенский. Столбцы бывшего Архива Оружейной палаты. Вып. 1—3, М., 1912—1914.

[43] ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 7, д. 174; Г. А. Дремина. Центральный государственный архив древних актов СССР. «Труды Московского Государственного историко-архивного института», т. XI, М., 1958, стр. 329.

Заметки архивиста

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОД «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ»

11 октября 1875 г. при обыске у Н. И. Кибальчича был обнаружен список «Манифеста Коммунистической партии». Факт этот в литературе известен. Еще в 1929 г. Р. М. Кантор опубликовал доклад III отделения Александру II, в котором указывается, что у Кибальчича обнаружен «рукописный манифест коммунистической партии». Об этом упоминает также и автор новейшей работы «„Манифест Коммунистической партии“ в России» Л. А. Левин [1].

Однако никто из них не ставит вопроса о том, что представляет собой обнаруженный у Кибальчича перевод, вероятно, молчаливо предполагая, что речь может идти лишь о бакунинском переводе «Манифеста» 1869 г. Недавно в делах фонда Особого присутствия правительствующего Сената [2] нам удалось найти упомянутый список «Манифеста Коммунистической партии». Прежде всего оказалось, что это не рукописный экземпляр «Манифеста», а сравнительно небольшой отрывок — перевод «Введения» и части первой главы «Манифеста», написанный чернилами на трех страницах среднего формата. Анализ текста показал, что мы имеем дело не с копией бакунинского перевода, а с совершенно новым, до сих пор неизвестным переводом «Манифеста».

Что же представляет собой найденный перевод? Сопоставление его с текстами перевода Бакунина и современного перевода свидетельствует о преимуществе найденного перевода по сравнению с переводом Бакунина:

1. Вместо ошибочных, сомнительных формулировок «сословие», «сословные различия», «сословная борьба» в обнаруженном тексте даны правильные переводы: «классы», «классовая рознь», «классовые противоположности», «классовая борьба».

2. Вместо неопределенного термина «деление работы» применяется точно соответствующая оригиналу формулировка «разделение труда».

3. В переводе Бакунина говорится о «переворотах в способах производства и сообщения». Здесь сразу допущены две ошибки. Говоря о перевороте в «способах производства» (во множественном числе), Бакунин противоречил марксистскому пониманию этого социально-экономического явления. Явно искажена мысль авторов «Манифеста» и переводом слова «обмен» словом «сообщение». Как известно, в этом тексте Маркс и Энгельс указывают на «перевороты в способе производства и обмена». Из приведенной таблицы видно, что в тексте, найденном у Кибальчича, это положение переведено в основном правильно.

---

[1] Кантор Р. О процессе Н. И. Кибальчича. 1875—1878. «Каторга и ссылка», 1929, № 8—9, стр. 239; Левин Л. А. «Манифест Коммунистической партии» в России. М., 1956, стр. 10.

[2] ЦГИАМ, ОППС, Вещественные доказательства по процессу «193-х», бумаги Н. И. Кибальчича.

	Перевод Бакунина 1869 г.	Перевод, найденный у Кибальчича в 1875 г.	Современный перевод ИМЛ (изд. 1958 г.)
1	История общества до сих пор была историей *сословной борьбы*[3].	Вся прошлая история есть история *классовой борьбы.*	История всех до сих пор существовавших обществ была историей *борьбы классов.*
2	в средние века — феодальных властителей, вассалов, цеховых мастеров, подмастерий, крепостных, почти каждое из этих *сословий* имело еще множество подразделений.	в средние века — феодалов, вассалов, цеховых подмастерьев; крепостных; но и этим дело еще не кончается; в каждом из этих *классов* мы опять таки встречаем свою особую иерархию.	в средние века — феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих *классов* — еще особые градации.
3	Возникшее на развалинах феодального общества новое *гражданское* общество не уничтожило *сословных различий.* Оно только заменило старые сословия, старые условия угнетения, старые приемы борьбы новыми. Впрочем наша эпоха, эпоха буржуазии, сумела упростить *междусословные различия.* Все общество более и более распадается на два большие враждебные лагеря, на два большие непосредственно противостоящие друг к другу *сословия* — буржуазию и пролетариат.	Современное *буржуазное* общество, возникшее на развалинах феодализма, не уничтожило этой *классовой розни.* Оно породило только новые *классы,* создало новые условия эксплуатации, новые формы борьбы. Но наша эпоха эпоха буржуазии, отличается однако тем, что упростила *классовые противоположности.* Теперь общество все более и более разделяется на два больших, враждебных лагеря, на два больших, прямо противоположных друг другу *класса:* класс буржуазии и пролетариата.	Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное *буржуазное* общество не уничтожило *классовых противоречий.* Оно только поставило новые *классы,* новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила *классовые противоречия:* общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие стоящие друг против друга *класса* — буржуазию и пролетариат.
4	*деление работы* между различными корпорациями исчезло перед *делением работы* в самой мастерской	*разделение труда* между различными корпорациями исчезло в *разделении труда* в каждой отдельной мастерской.	*разделение труда* между различными корпорациями исчезло, уступив место *разделению труда* внутри отдельной мастерской.
5	Тогда пар и машины произвели *переворот* в промышленном производстве.	Тогда на сцену выступают пар и машины и *революционизируют* промышленное производство.	Тогда пар и машина произвели *революцию* в промышленности.
6	по мере того, как развивалась промышленность, торговля, судоходство, железные дороги, росла и буржуазия, увеличивались ее капиталы и она оттесняла на задний план средне-вековые *сословия.*	по мере того, как расширялась промышленность, торговля, мореплавание и железные дороги, развивалась и буржуазия; она увеличивала свои капиталы и заставила стушеваться *классы,* завещанные ей средними веками.	в той же мере, в какой росли промышленность, торговля, мореплавание, железные дороги, развивалась буржуазия, она увеличивала свои капиталы и оттесняла на задний план все *классы,* унаследованные от средневековья.

[3] Курсивом отмечены наиболее существенные разночтения с текстом перевода Бакунина и совпадения с текстом перевода ИМЛ.

Продолжение

	Перевод Бакунина 1869 г.	Перевод, найденный у Кибальчича в 1875 г.	Современный перевод ИМЛ (изд. 1958 г.)
7	И так, современная буржуазия, как мы видим, сама — продукт медленного хода развития, ряда переворотов в *способах производства* и *сообщения.*	Таким образом, мы видим, что современная буржуазия есть продукт длинного процесса развития целого ряда революций в *производстве и обращении.*	Мы видим, таким образом, что современная буржуазия сама является продуктом длительного процесса развития, ряда переворотов в *способе производства и обмена.*

Важно отметить, что текст перевода, найденный у Кибальчича, в ряде случаев почти дословно совпадает с современным переводом «Манифеста Коммунистической партии».

Таким образом, переводчику этого небольшого отрывка удалось избежать ряда существенных ошибок, допущенных М. А. Бакуниным.

Мы имеем теперь документ, представляющий собой первую известную нам попытку правильного перевода «Манифеста Коммунистической партии» и предшествующую переводу Г. В. Плеханова 1882 г.

Кто же был автором этого перевода?

Как известно, перевод «Манифеста Коммунистической партии» представляет значительные трудности. «Переводить „Манифест",— писал Энгельс,— дьявольски трудно» [4]. Переводчик должен не только хорошо знать язык, но и быть подготовленным к пониманию социально-экономической терминологии основоположников научного коммунизма.

Думается, что автор рассматриваемого нами перевода отвечает этим требованиям. Как уже выяснено, перевод был сделан очень квалифицированно. На следствии Кибальчич, естественно, отрицал принадлежность ему отрывка из «Манифеста». Но тем не менее естественно предположить, что автором перевода мог быть сам Кибальчич. Он владел немецким, английским и французским языками [5]. Представляется важным и то обстоятельство, что при втором аресте Кибальчича (17 марта 1881 г.) у него был вновь найден список «Манифеста Коммунистической партии» [6]. Вместе с тем мы не можем безоговорочно утверждать, что самому Кибальчичу принадлежит этот перевод. Прежде всего, сравнение почерка текста перевода и автографов Кибальчича вызывает ряд сомнений. Кроме того, если бы даже мы установили полную идентичность почерка, то и тогда не могли бы окончательно доказать, что именно ему принадлежит перевод, так как Кибальчич мог переписать этот текст.

Оставляя открытым вопрос об авторстве перевода, следует отметить несомненный интерес Кибальчича к марксистской литературе. Об этом, в частности, свидетельствует его статья «Политическая революция и экономический вопрос», напечатанная под псевдонимом «А. Дорошенко» в «Народной воле» (1881 г., № 5), а также и другие материалы. Кроме того, можно сейчас с уверенностью сказать, что между 1869 и 1882 гг. в России делались попытки перевести «Манифест» более совершенно, чем это сделал Бакунин.

Б. С. Итенберг, А. Я. Черняк

---

[4] К. Маркс Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 322.

[5] Необходимо отметить, что перевод, найденный у Кибальчича, не был сделан с английского, так как журнальные публикации «Манифеста» на английском языке, как нам любезно сообщила ст. научный сотрудник ИМЛ при ЦК КПСС Н. И. Белоусова, вышли в 1850 и 1871 гг. под заглавием: «Манифест немецкой коммунистической партии», что не соответствует переводу отрывка, найденного нами.

[6] К сожалению, этот список нам не удалось обнаружить.

МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Европе грозит один призрак,— призрак коммунизма. На борьбу с этим призраком соединились все силы старой Европы, папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полициисты. Нет такой оппозиционной партии, которую ее противники не упрекали бы в коммунистических тенденциях, нет такой оппозиционной партии, которая в свою очередь не бросала бы в лицо своим противникам, лицам и более ее прогрессивным и реакционерам, этого позорного упрека в коммунизме.

Отсюда можно сделать два вывода:

Все европейские державы признали за коммунизмом силу.

Настало время, когда коммунисты открыто, перед целым миром, могут изложить свои воззрения, свои тенденции, указать те цели, к которым они стремятся, и сказке о чудовище-коммунизме противопоставить манифест партии.

На этот конец, коммунисты различных национальностей собрались в Лондоне и составили следующий манифест, который является в свет одновременно на английском, французском, немецком, датском, фламандском и итальянском языках.

Буржуа и пролетарий

Вся прошлая история есть история классовой борьбы. Свободный и раб, патриций и плебей, барон и крепостной человек, цеховой и подмастерье,— одним словом, эксплуататор и эксплуатируемый,— составляли вечную противоположность друг другу, вели беспрерывную, явную или тайную борьбу, борьбу, которая всегда кончалась или революционным переворотом в целом обществе, или же общею гибелью борющихся классов.

В более ранние исторические эпохи мы почти всюду встречаем полное разделение общества на различные сословия и самую разнообразную иерархию общественных положений. Так в древнем Риме мы имеем патрициев, всадников, плебеев, рабов; в средние века — феодалов, вассалов, цеховых подмастерьев, крепостных; но и этим дело еще не кончается: в каждом из этих классов мы опять таки встречаем свою особую иерархию.

Современное буржуазное общество, возникшее на развалинах феодализма, не уничтожило этой классовой розни. Оно породило только новые классы, создало новые условия эксплуатации, новые формы борьбы.

Но наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается однако тем, что упростила классовые противоположности. Теперь общество все более и более разделяется на два больших, враждебных лагеря, на два больших, прямо противоположных друг другу класса: класс буржуазии и пролетариата.

Из крепостных людей средних веков вышли посадские первых городов, а из этого посадничества развились первые элементы буржуазии.

Открытие Америки и морского пути вокруг Африки дали нарождающейся буржуазии новую почву. Ост-Индский и Китайский рынок, колонизация Америки, меновая торговля с колониями, увеличение орудий обмена и товаров вообще сообщили торговле, мореходству и промышленности неизвестное до тех пор развитие, а с тем вместе ускорили и развитие революционного элемента в разлагавшемся феодальном обществе.

Теперь феодальное или цеховое промышленное производство не соответствовало уже потребностям, расширявшимся с каждым новым рынком. Его место заступала мануфактура. Вместо сословия цеховых мастеров явилось промышленное среднее сословие, и разделение труда между различными корпорациями исчезло в разделении труда в каждой отдельной мастерской.

Но рынки все растут и растут, а вместе с ними растут и потребности: мануфактура в свою очередь оказывается несостоятельной. Тогда на сцену

выступают пар и машины и революционизируют промышленное производство. Вместо мануфактуры появляется современная крупная индустрия, и вместо промышленного среднего сословия — промышленники миллионеры, шефы целых промышленных армий, современные буржуа.

Крупная промышленность создала всесветный рынок, который предуготовило уже открытие Америки, и тем самым сообщила громадное развитие торговле, мореплаванию, сухопутной коммуникации, а это в свою очередь оказало влияние на размеры промышленности, а по мере того, как расширялась промышленность, торговля, мореплавание и железные дороги, развивалась и буржуазия; она увеличивала свои капиталы и заставила стушеваться классы, завещанные ей средними веками.

Таким образом, мы видим, что современная буржуазия есть продукт длинного процесса развития, целого ряда революций в производстве и обращении.

Каждый шаг в этом развитии буржуазии сопровождался соответствующим прогрессом и в ее политическом значении. В эпоху феодализма мы видим ее то как угнетенное сословие, то как коммуну вооруженных и самоуправляющихся ассоциаций, здесь она устраивает независимые градские республики, там является в роли податного сословия монархии; затем, в эпоху мануфактуры, она составляет... [7]

[7] На этом текст документа обрывается.

Критика Библиография

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ[1]

История Российско-Американской компании представляет большой научный интерес. Изучение этой темы позволяет осветить важные вопросы, связанные с освоением русскими Аляски и соседних с ней островов в северной части Тихого океана в конце XVIII — первой половине XIX в. Торгово-промышленные операции компании, распространявшиеся на обширную территорию, были весьма значительны. Широкие права, «высочайшее» покровительство ставили Российско-Американскую компанию в особое, привилегированное положение. Известно, что многие выдающиеся географические открытия русских на Тихом океане прямо или косвенно имели отношение к ее деятельности. Наконец, первые русские кругосветные плавания опять-таки теснейшим образом связаны с Российско-Американской компанией. Следовательно, научная актуальность исследований по истории компании не подлежит сомнению. Однако количество работ по данной теме (как дореволюционных, так и советских) крайне невелико. Достаточно сказать, что от большого двухтомного сочинения П. Тихменева[2] нас отделяет почти столетие, а единственное значительное советское исследование о Российско-Американской компании вышло уже 20 лет назад[3].

Не лучше обстояло дело с изданием источников. Кроме очень ценных документальных приложений к работе Тихменева, а также опубликованных записок современников (В. М. Головнина, К. Т. Хлебникова и др.), помещенных в «Материалах для истории русских заселений по берегам Восточного океана» (вып. I—IV, СПб., 1861. Приложение к «Морскому сборнику») вплоть до 40-х годов нашего столетия не печатались документы о Российско-Американской компании. Появление в советское время подготовленных под редакцией А. И. Андреева сборников документов «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв.» (М.— Л., 1944) и «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.» (М., 1948) существенным образом пополнило количество введенных в научный оборот исторических известий о Российско-Американской компании. Тем не менее круг опубликованных и приведенных в известность источников оставался довольно узким. Такое положение объясняется, прежде всего, состоянием источниковедческой базы, разобщенностью и слабой изученностью архивных материалов по теме, недостаточной обследованностью наших архивохранилищ, в первую очередь, находящихся на местах.

Архив Главного правления Российско-Американской компании в Ново-Архангельске, которым пользовался П. Тихменев, после продажи Аляски попал в США. Оставшиеся в России документы частью оказались рассеянными в архивах различных царских учреждений и ведомств, с которыми по роду своей деятельности вела переписку Российско-Американская компания (Сенат, Государственный совет, Морское министерство и др.), частью остались на руках отдельных деятелей компании. Если материалы дореволюционных учреждений после Октября были включены в состав новых советских государственных архивов и стали доступны для научных исследований, то в ином положении

---

[1] К истории Российско-Американской компании (Сборник документальных материалов). Красноярский краевой государственный архив. Красноярский государственный педагогический институт. Редакционная коллегия: Блинов А. И., Кураева И. М., Мухина О. Н., Павлов П. Н. (ответственный редактор). Красноярск, 1957, 182 стр.

[2] П. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени, чч. 1—2, СПб., 1861—1863.

[3] С. Б. Окунь. Российско-Американская компания, М.— Л., 1939.

очутились те документы, которые находились в частных руках. Они не сразу могли быть разысканы и учтены.

Тем не менее в советской литературе предпринимались опыты реконструкции состава архива Российско-Американской компании [4]. В 30-х годах благодаря энергичной работе С. Н. Маркова по разысканию в различных местах Советского Союза архивов «Колумбов Российских» и активному содействию со стороны научной общественности, энтузиастов-краеведов были выявлены ценнейшие первоисточники, относящиеся к Российско-Американской компании. Многие из вновь открытых документов оставались неизвестными науке, о некоторых думали, что они бесследно исчезли. Находки были совершены в Вологде, Кунгуре, Красноярске и др. местностях страны [5]. О них было сообщено в печати.

Однако по-настоящему к научной разработке и опубликованию этих документов до сих пор не приступлено. Поэтому можно только приветствовать инициативу научных работников Государственного архива Красноярского края и Красноярского педагогического института, взявших на себя задачу опубликования рецензируемого сборника документов.

Сборник включает документы, характеризующие деятельность Российско-Американской компании и промышленных компаний, ей предшествовавших. Материалом для издания послужили документы из коллекции Г. В. Юдина. Библиофил и собиратель рукописей Г. В. Юдин (1840—1912) приобрел через антикваров и книготорговцев бумаги из личного архива М. М. Булдакова, одного из первых директоров Российско-Американской компании, зятя Г. И. Шелихова, а также часть рукописей, принадлежавших Н. П. Резанову — начальнику кругосветной экспедиции 1803—1806 гг. и послу в Японии (Резанов умер в Красноярске в 1807 г.). Вместе со своей знаменитой библиотекой Г. В. Юдин продал в США и часть документов представителей Российско-Американской компании. Но большинство рукописей и эпистолярных материалов осталось у Юдина в Красноярске на его загородной даче, откуда его коллекция незадолго до Великой Отечественной войны поступила в Государственный архив Красноярского края. Именно благодаря сообщению научного сотрудника этого архива С. Мамеева (ныне покойного) С. Н. Марков узнал о существовании в составе коллекции Г. В. Юдина интереснейших материалов Российско-Американской компании и оповестил о них научную общественность сначала через журнал «Омская область», а позже и в центральных изданиях [6]. Такова в самых общих чертах история тех документов, которые были в распоряжении составителей и редакторов сборника. Следует подчеркнуть, что знакомство с напечатанными в нем источниками с полной очевидностью свидетельствует о том, что «заочный» интерес, проявленный к этим документам, был не напрасным.

Перед нами действительно чрезвычайно ценные документы, рисующие самые различные стороны начальной истории Российско-Американской компании и ранее не видавшие (в своем подавляющем большинстве) печатного станка. Хронологически сборник ограничен 1793—1809 гг. Исключение составляет «Исторический календарь Российско-Американской компании», который датируется 1817 г. Таким образом, документы охватывают кроме первых лет функционирования собственно Российско-Американской компании также ее предысторию, связанную с деятельностью других компаний, из которых выросла Российско-Американская. Всего печатается 23 документа.

Сборник открывается документом сводного характера — «Историческим календарем Российско-Американской компании»,

---

[4] А. И. Андреев. Об архиве Российско-Американской компании. «Известия Всесоюзного географического общества», 1943, № 3, стр. 61—62; его же. Материалы о Российско-Американской компании (Рукописное отделение Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде). Там же, № 5, стр. 55—57.

[5] С. Н. Марков. Клады «Колумбов Российских». Документы о русской морской славе. «Морской сборник», 1944, №№ 8—9, стр. 76—81; № 10, стр. 81—88; А. И. Андреев. Русские открытия на Тихом океане в XVIII в. (Обзор источников и литературы). Сб. «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.», М.— Л., 1948, стр. 33—34. Плодотворную работу над материалами личного фонда К. Т. Хлебникова, хранящегося ныне в Государственном архиве Пермской области, ведет Б. Н. Вишневский. Им опубликованы исследования как о самом К. Т. Хлебникове, так и о его архиве (см. Б. Н. Вишневский. Путешественник Кирилл Хлебников, Пермь, 1957; его же, Путешественник Кирилл Хлебников и его культурное наследие. Сб. «На Западном Урале», 1956, стр. 119—134).

[6] С. Н. Марков. Архивы «Колумбов Российских» (Еще о библиотеке Г. В. Юдина). «Омская область», 1940, № 7, стр. 45—47. Здесь и в № 10 «Морского сборника» за 1944 г. С. Н. Марков дает обзор интересующих нас документов Красноярского краевого архива. (см. также «Наука и жизнь», 1944, № 1—2, стр. 26). Жаль, что составители и редакторы в предисловии к сборнику или в комментариях не выразили своего отношения к сообщенным С. Н. Марковым сведениям.

состоящим из 16 глав, названия которых дают представление о содержании календаря в целом. Так, глава I именуется «О начале Российской промышленности от Камчатки и далее по островам» (содержатся сведения о 41 компании промышленных людей, отправлявших свои суда для добычи пушнины на тихоокеанские острова и Аляску в течение 1741—1803 гг.) [7]. Глава II рассказывает «Об одобрении правительства промышленности русских по островам», глава III — «О начале компании, из которой существует нынешняя Российско-Американская» (излагает историю начинаний Г. И. Шелихова и И. Голикова). Глава V названа «Какими местами и островами владеет компания, где есть ее селения», глава VI — «О количестве судов сей компании». Специальные главы посвящены капиталу компании и ее прибылям (гл. VII и VIII), управлению и штатам (глава IX), количеству промышленных людей (гл. XI), ассортименту и ценам добываемых мехов (гл. XIII). Есть глава «О местах, где компания сбывает свои товары» (гл. XIV), о мореходах, состоящих на службе у компании (гл. XV), и «Об учреждениях, служащих к просвещению американских народов» (гл. XVI). Безусловно этот источник имеет большой интерес [8].

Привлекают внимание документы Г. И. Шелихова (№ 2 — прошение Г. И. Шелихова, поданное генерал-губернатору иркутскому и колыванскому И. А. Пилю в 1793 г. с жалобой на действия камчатского городничего В. Н. Воеводского и № 3 — предписание Г. И. Шелихова и А. Е. Полевого правителю компании И. Ф. Попову от 1794 г.). Последний документ дает дополнительные сведения о создании Северо-Американской компании — главной предшественницы Российско-Американской — и свидетельствует о широких замыслах Г. И. Шелихова по освоению земель в северной части Тихого океана. Четко проведена мысль о неоспоримых заслугах русских людей в открытии новых островов этого района (стр. 56). Свежий материал содержат документы, отражающие положение промышленных людей компании. Этот вопрос в известных источниках был освещен весьма недостаточно. Прошение промышленных людей А. А. Баранову от 1795 г. с изложением жалобы на приказчиков Г. И. Шелихова (док. № 5), вопросные пункты А. А. Баранова по этой жалобе и ответы на них приказчика И. Г. Поломошнова (док. № 6), а также резолюция А. А. Баранова (док. № 7) вводят в ту обстановку, в которой приходилось работать рядовым промышленникам, будучи на службе у компании. Некоторый свет проливают документы сборника и на вопрос об организации продовольственного, а также вещевого снабжения промышленных людей Российско-Американской компании в начале XIX в. (док. № 21 — ведомость требуемого количества товаров и продуктов на каждого человека в год по Кадьякскому и Уналашкинскому отделам от 1805 г. на 470 чел.). Любопытно письменное «условие» (док. № 23) группы промышленных людей, намеревавшихся расправиться с А. А. Барановым, захватить корабль и бежать «в южное море для приискания себе безопасного жилища» (1809 г.). Это — свидетельство развивавшегося в среде работников компании недовольства установившимися порядками. Расширяются наши знания также о взаимоотношениях компании с коренными жителями Аляски и островов и о проводимой в этом вопросе политике. Несмотря на то, что в наставлении А. А. Баранова В. Г. Медведникову предписывалась необходимость «ласкового» обращения с туземным населением (док. № 8), это не избавило последнее от злоупотреблений. Эксплуатация туземцев компанией, а также подстрекательство со стороны англичан (см. док. № 13) привели к тому, что в 1802 г. Ново-Архангельск был разгромлен. Обстановка этого столкновения с местными племенами обрисована в док. № 9 (донесение И. Кускова А. А. Баранову от 1 июля 1802 г.). О затруднениях компании вследствие этих событий и о мерах, принятых для удержания промышленных людей на службе, а акционеров в составе компании, рассказывает предложение А. А. Баранова в 1803 г. (док. № 10). Ценные данные о ходе промысловой деятельности компании заключают ведомости учета добытой пушнины по Кадьякскому и Уналашкинскому правлениям с мая 1803 г. по май 1805 г. (док. № 20).

Другие документы сборника знакомят с вопросами отправки и прибытия судов (док. №№ 16—19 — переписка А. А. Баранова и Н. А. Хвостова за 1805 г.). Имеется список экипажа корабля «Надежда» на выдачу жалованья и столовых денег в 1804 г., подписанный И. Ф. Крузенштерном (док. № 12).

Итак, даже краткий обзор вошедших в сборник документов позволяет судить об их немалом научном значении. Наши сведения о начальном этапе существования Российско-Американской компании расширяются и уточняются благодаря выходу в

---

[7] Этот раздел календаря близок по содержанию уже опубликованным ранее документам. См. В. Н. Берх. Хронологическая история открытия Алеутских островов, СПб., 1823 (приложения) и «Материалы для истории заселения...», вып. IV (приложения).

Более полные сведения о русских экспедициях в этом районе собраны Р. В. Макаровой, см. «Вопросы географии», сб. 17. М., 1950, стр. 23—42.

[8] Ср. А. И. Андреев. Материалы о Российско-Американской компании..., стр. 58.

свет этого издания. Ценны опубликованные документы и с точки зрения пополнения биографических данных о Г. И. Шелихове, А. А. Баранове, И. Кускове и др. Необходимо подчеркнуть, что из 23 документов 22 представляют собой или подлинники (7), или современные событиям копии (15). Только один документ напечатан по машинописной копии (кстати, не дано пояснения, чем вызвано исключение).

К сожалению, сборнику присущи значительные недостатки. Нам представляется, что составители и редакция допустили в своей работе весьма серьезные просчеты по части отбора материала для сборника. Отбор произведен на уровне, который приходится признать ниже имевшихся возможностей. За пределами сборника остались очень важные и интересные документы коллекции Г. В. Юдина, относящиеся прямо к теме и заслуживающие опубликования (в частности, и те, на которые было указано в статьях С. Н. Маркова). Правда, как можно заключить из предисловия, в задачу сборника не входило издание всех наличных источников о Российско-Американской компании. Там следующим образом определена задача подготовки сборника: «Подбор их (документов для публикации.— *А. П.*) обусловлен как целью издания — стремлением дать исследователям, а также студентам исторических факультетов разносторонний материал по начальной истории компании,— так и возможностями архива, располагающего ограниченным количеством документов. В сборник не включены документы, не содержащие никаких новых фактических данных» (стр. 4—5). Заметим, что сам путь, избранный для подготовки сборника в полухрестоматийном стиле, противоречит другой посылке издателей — ограниченности документальной базы архива по теме. По-видимому, у составителей и редакторов сборника не был четко продуман вопрос о целевом назначении издания. Если же мысль заключалась в том, чтобы дать своего рода хрестоматию для учебных занятий в вузах по начальной истории компании, то следовало бы привлечь и ранее опубликованные источники. Заявляя о том, что печатаются только документы, имеющие новые фактические данные, составители и редакторы все остальные документы архива о Российско-Американской компании заведомо отнесли к числу малоинтересных и не заслуживающих опубликования. В действительности дело обстоит далеко не так, если более внимательно просмотреть документы коллекции Г. В. Юдина. Оказывается, в числе документов, «не содержащих никаких новых фактических данных», можно легко обнаружить источники первостепенного значения. Среди них мы находим как подлинники и современные копии, так и скопированные в начале нашего века Г. В. Юдиным документы, оригиналы которых часто отсутствуют в коллекции и, возможно, находятся в Библиотеке конгресса США. По своему характеру все эти источники могут быть разделены на две группы. К первой — относятся официальные документы, ко второй — обширный круг эпистолярных материалов. Из документов общего характера (в подлинниках и современных копиях) назовем наставления «Американской компании господ Голикова и Шелихова правителя Баранова служителю Егору Пуртову» и рапорты последнего (1793—1794 гг.), приказ о посылке судна под начальством Острогина на остров Афогнак (около 1795 г.); обстоятельную инструкцию Кадьякской конторы акционеру И. А. Кускову (1803 г.). Есть также донесение Иркутской конторы Российско-Американской компании губернскому правлению в Иркутске о количестве умерших и погибших людей компании в 1803 г.[9]. Очень интересен «список акционерам» начала XIX в., в который занесено 162 чел. с указанием количества акций у каждого[10]. Состав акционеров очень слабо изучен, а их списки не публиковались. Не будем умножать примеров не включенных в сборник подлинных или в современных копиях официальных материалов.

Группа эпистолярных источников совершенно обойдена в сборнике. В руках составителей находилось большое количество писем, полученных Г. И. Шелиховым, среди авторов которых были ответственные лица компании, сподвижники и помощники Г. И. Шелихова (Е. Ларионов, П. Лебедев-Ласточкин, Г. Ловцов, М. Лопатин и др.). Свыше 90 дел, содержащих сотни писем на имя М. М. Булдакова, освещают историю Российско-Американской компании за 1798—1818 гг. Среди корреспондентов М. М. Булдакова — А. А. Баранов, Е. И. Деларов, А. Юдин и многие другие[11]. На основании богатого материала всех этих писем получает более яркое и выпуклое отображение повседневная жизнь промышленных людей на Тихом океане. Географические рамки корреспонденции очень велики, что также является достоинством этого источника.

Необходимо упомянуть и о документах, которые представлены позднейшими копиями (рукописными и машинописными). Эта категория материалов столь же интересна. Здесь мы встречаем находившуюся у Г. И. Шелихова на корабле «Три святителя» книгу, в которую записывались «соделанные усердные к пользе компании похвале и награде достойные дела...» (1783 г.). За 1789—1790 гг. сохранились ведомости

---

[9] ГАКК, Коллекция Г. В. Юдина, оп. 46, д. 49; оп. 52, д. 52; оп. 91, д. 103; оп. 96, д. 5.

[10] Там же, оп. 102, д. 1, лл. 53—54 (в списке указаны только акционеры, имевшие по 10 и более акций).

[11] Там же, оп. 91, дд. 4 7, 8, 10, 12, 18, 19 и др.; оп. 28, дд. 1—91.

отпуска «разных американских и прочих пышных товаров» из Охотска, Якутска и Иркутска в Москву. Укажем еще на «мнение» М. М. Булдакова по поводу поданного группой акционеров прошения о переводе главного правления Российско-Американской компании вновь из Петербурга в Иркутск, а также на записи допросов алеутов в связи с их жалобой на злоупотребления ватаг промышленных людей [12]. Этим не исчерпывается данная категория материалов, но не наша задача давать здесь их подробный перечень.

Таким образом, сборник страдает неполным охватом имеющихся в архиве материалов по теме. Если же при подготовке сборника перед инициаторами его создания стояли затруднения, вызванные ограниченными издательскими возможностями, не позволявшими увеличить объем книги, об этом следовало бы поставить в известность читателя. Кроме того, можно было более строго подойти к отбору документов для печати. В частности, вызывает сомнение целесообразность опубликования записки И. Баннера «О колюжских народах» (которая почему-то составителями громко озаглавлена как «сочинение». Если это и сочинение, то далеко не в лучшем смысле этого слова). Записка Баннера малосодержательна, в ней нет ничего сколько-нибудь ценного и нового для историка и этнографа. Ее автор, ограниченный чиновник, дышит злобой и нескрываемым презрением к туземному населению и пытается всячески очернить быт и нравы коренных жителей Русской Америки. По мнению Баннера, вид тлинкитов («колошей», «колюжей») «показывает нечто омерзительное», пляска их «заключает страшное и неприятное»; произношение — «до крайности грубо», а весь народ он именует «убийственным и злым», отказываясь признать в туземцах людей и ставя вопрос: «божескими ли они сотворены руками?» Записка Баннера не идет ни в какое сравнение с опубликованными ранее источниками о коренном населении, в том числе и тлинкитах. Сошлемся хотя бы на действительно значительное в научном отношении описание «колошей», оставленное К. Т. Хлебниковым [13].

Не всегда удовлетворяет передача текста документов. Так, на стр. 10 (пункт 5) читаем: «Компания купцов московского, рыбинского, ярославского Тырина с товарищи...» Не говоря уже о том, что ярославский купец Тырин разом пожалован здесь одновременно и в московские, и в рыбинские купцы, составители и редакторы сборника приняли фамилию московского купца Рыбинского за географическое понятие. На стр. 95 (док. № 8) неправильная расстановка знаков препинания (точка вместо запятой) привела к тому, что отрывок, начинающийся словами: «Зная Ваше ревностное ко всему тому усердие», оказался искусственно превращенным в самостоятельное предложение. В результате предыдущая фраза получилась лишенной смысла и незаконченной, тогда как соответствующее место текста должно было выглядеть так: «...а потому и не настоит надобности, зная Ваше ревностное...» и т. д. Составители применяют недопустимые приемы «исправления» оригинала и модернизируют язык того времени («аглицкое» переделано в «английское», «присвояют» — в «присваивают», «коварной» — в «коварный» и т. п.). Унификация принятых сокращений проведена недостаточно последовательно. Поскольку по техническим причинам квадратные скобки оригинала заменены всюду круглыми, необходимо было в нужных случаях оговорить, когда читатель имеет дело со скобками самого подлинника, а когда — с археографической работой по восстановлению текста (особенно если те и другие скобки стоят рядом и по смыслу трудно установить различие — см. стр. 61 и др.).

Датировка документов не вызывала серьезных затруднений при работе над сборником. Но в одном случае, нам думается, попытка исправить ошибочную дату документа привела к другой ошибке. Справедливо указав на неточность обозначения года (1806) в документе № 22 (распоряжение А. А. Баранова лейтенанту Л. А. Гагемейстеру), составители сборника (стр. 160, прим. 1) считают, что этот документ относится к концу 1808 г. (не ранее ноября). Мотивом служили два соображения: 1) в документе упоминается о «разрыве мирных с Англией постановлений», декларация о котором была опубликована в октябре 1807 г. 2) в документе говорится о мае «будущего 1809 г.», что дает как будто бы право полагать временем составления этого документа предыдущий 1808 год. Однако знакомство с содержанием полученных Гагемейстером инструкций в Ново-Архангельске показывает, что речь идет об отправке корабля «Нева», которая имела место не в 1808, а в 1807 году [14]. В ноябре 1808 г. «Нева» была уже на Сандвичевых островах [15]. Далее, в тексте упомянуто о прибытии в Ново-Архангельск «Юноны». Об этом судне известно, что, будучи куплено в США в 1807 г., оно в 1808 г. погибло у берегов Камчатки (см. стр. 22). Наконец, свидетельство Баранова

[12] ГАКК, Коллекция Г. В. Юдина, оп. 91, дд. 40, 42, 90—95.

[13] К. Т. Хлебников. Записки об Америке. «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», вып. III, СПб., 1861, стр. 30—40. Очерк исследовательской работы по изучению этнографии народов Русской Америки см. в статье М. В. Степановой («Советская этнография», 1947, № 3).

[14] П. Тихменев. Ук. соч., ч. 1, стр. 165.

[15] Русский биографический словарь, том «Ганг—Гербель», М., 1914, стр. 97.

об «отзывах корабельщика Свифта» также заставляет принять 1807 г., так как последняя встреча Баранова с ним относится к этому году[16]. Представляется более правильным датировать документ концом 1807 г. Что же касается «будущего 1809 г.», то это выражение не в меньшей мере может быть связано с 1807 г.

Документы сборника нуждались в более широком комментировании, при котором с успехом могли бы быть использованы не вошедшие в его состав источники. Имеющиеся пояснения очень редки и случайны. Например, почему-то повезло дикому кипарису (стр. 99, прим. 1), между тем как другие более важные и существенные для понимания документов термины не объяснены.

Именной и географический указатели облегчают пользование сборником, но они также не лишены недостатков. В частности, Макарьев монастырь, у которого проходила ежегодная знаменитая ярмарка (позже Нижегородская) именуется почему-то городом (стр. 176). Наряду с Алеутскими островами в указатель отдельно включена «Алеутская гряда» (стр. 175), тогда как на соответствующей странице текста совершенно ясно указано, что речь идет о тех же Алеутских островах («Алеутская гряда островов» — стр. 61). Нет сведений, что разумеется под географическими названиями Кекур, Нутка, Тугадак, Харчин.

Какой же общий вывод вытекает из рассмотрения рецензируемого сборника?

Несомненно, что опубликованные в этом издании документы в подавляющем большинстве представляют значительный научный интерес и поэтому появление сборника следует расценить как положительный факт.

Однако при подготовке сборника была допущена излишняя поспешность, в результате которой немало ценных документов по теме осталось неиспользованными для издания, что, разумеется, снижает качество работы, выполненной составителями и редакторами книги.

А. А. Преображенский

[16] П. Тихменев. Ук. соч., ч. 1, стр. 171.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ СССР В 1958 г.[1]

Произведения В. И. Ленина и документы о его жизни и деятельности

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е, т. 1, 1893—1894. XXIV, 662 с. с илл.; 5 л. илл. М., Госполитиздат, 1958. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Ленин В. И. Документы В. И. Ленина: Замечания на отзыв Е. А. Преображенского о тезисах В. И. Ленина по национальному и колониальному вопросам.— Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами. [Окт. 1920 г.] Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б). [15 окт. 1921 г.] С предисл. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Публикацию подгот. Д. Л. Кудрячина.— «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2, с. 15—17.

Ленин В. И. Документы В. И. Ленина периода «Искры»: Письмо В. П. Ногину. [5 февр. 1901 г.] — Закон о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев. Статья, опубликованная в газ. «Искра» № 47, 1 сентября 1903 г. С предисловием Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Документы подготовили к печати М. В. Стешова и А. П. Трошина. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 3, с. 4—11. То же — «В помощь полит. самообразованию», 1958, № 6, с. 4—11.

Ленин В. И. Записки В. И. Ленина по продовольственному вопросу: 1. А. И. Свидерскому. 2. О. Ю. Шмидту. 3. Тов. Брюханову или его заместителю. 1918 г. С предисловием Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. «Новые документы В. И. Ленина». «История СССР», 1958, № 2, с. 3—12.

Ленин В. И. Записи В. И. Ленина по докладу А. В. Луначарского на III сессии ВЦИК 7-го созыва. «Народное образование», 1958, № 4, с. 18—25. О деятельности Наркомпроса. Сентябрь 1920 г.

Ленин В. И. Новые документы В. И. Ленина: Добавления и поправки В. И. Ленина к первоначальному проекту декрета Совета народных комиссаров о потребительских коммунах. [Март 1919 г.] Письмо В. И. Ленина Тамбовскому губисполкому. [Апрель 1919 г.] С предисловием Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 1, с. 100—107; то же, «Коммунист Эстонии», 1958, № 4, с. 20—27.

Ленин В. И. Новые документы В. И. Ленина [Письма к М. Н. Покровскому, освещающие историю написания и издания труда «Империализм как высшая стадия капитализма» 1916—начало 1917 г.]. Публикацию подготовили А. Ф. Бессонова и А. П. Смирнова. План и наброски тезисов о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата.— Предисловие к английскому изданию брошюры «Пролетарская революция и ренегат Каутский». С предисловием Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 4, с. 30—36.

[1] В библиографию не включены публикации журнала «Исторический архив».

Ленин В. И. Новые документы В. И. Ленина. [Письма к М. Н. Покровскому, освещающие историю написания и изданий труда «Империализм как высшая стадия капитализма». 1916 — начало 1917 г.]. С предисловием Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Публикацию подготовили А. Ф. Бессонова и А. П. Смирнова. «В помощь политическому самообразованию», 1958, № 8, с. 6—9.

Ленин В. И. Новые документы В. И. Ленина: План речи на совещании членов немецкой, польской, чехословацкой, венгерской и итальянской делегаций III Конгресса Коминтерна. [1921, июль не позднее 11]. Речь на совещании членов немецкой, польской, чехословацкой, венгерской и итальянской делегаций III Конгресса Коминтерна 11 июля 1921 г. Публикация документов из подготовленного к печати XXXVI «Ленинского сборника». С предисловием Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 5, с. 13—17.

В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. М., АН СССР, 1958, 432 с. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР).

Ленин и Красная Армия. М., Госполитиздат, 1958, 88 с.

Ленин В. И. О войне, армии и военной науке. Сборник. В 2-х томах. Т. 1—2, М., Воениздат, 1958, т. 1, 615 с. 1 л. портр., т. 2, 704 с.

Ленин В. И. О государстве и праве. Сборник произведений и документов. Сост. В. Н. Авилин, А. А. Липатов, В 2-х т. М., Госюриздат, 1958. Т. 1—659 с., 1 л. портр., т. 2—847 с.

Ленин В. И. О международной политике и международном праве. [Сборник]. М., Изд-во Ин-та международных отношений, 1958, 775 с. 1 л. портр.

Ленин В. И. О международном рабочем и коммунистическом движении. [Сборник]. М., Госполитиздат, 1958, 351 с.

В. И. Ленин о советской армии. (Сборник высказываний). М., Воениздат, 1958, 80 с.

Ленин В. И. О советской социалистической демократии. [Сборник]. М., Госполитиздат, 1958, VIII, 120 с.

Ленин В. И. О социалистической законности. (1917—1922 гг.). [Сборник]. Составители А. К. Гончаров, И. А. Дорошенко, А. А. Стручков и др. М., «Сов. Россия», 1958, 720 с., портр. (ГАУ МВД СССР).

Ленин В. И. О социалистической собственности. [Сборник]. М., Госполитиздат, 1958, 336 с.

Ленин В. И. О тактике партии в Октябрьской революции и социалистическом строительстве. (Статьи и речи). М., Госполитиздат, 1958, 327 с.

Ленин В. И. О товарном производстве и торговле в период строительства социализма. [Сборник]. М., Госполитиздат, 1958, 326 с.

Ленин В. И. О VI («Пражской») Всероссийской конференции РСДРП. (Сборник), М., Госполитиздат, 1958, 119 с.

Ленин В. И. Об электрификации. 2-е переработанное и дополненное издание. М., Госэнергоиздат, 1958, 383 с., 1 л. портр.

Ленин В. И. План тезисов «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики». [28 декабря 1921 — 4 января 1922 г.]. С предисловием Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «Новые документы В. И. Ленина». «Партийная жизнь», 1958, № 7, с. 3—7; то же. «В помощь политическому самообразованию», 1958, № 5, с. 10—14; то же. «Коммунист Эстонии», 1958, № 5, с. 8—12.

Ленин В. И. Против ревизионизма. [Сборник]. М., Госполитиздат, 1958, XX, 584 с. 1 л. портр. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Встречи и переписка М. Ф. Андреевой с В. И. Лениным. Из сборника «М. Ф. Андреева». Публикация А. Григорьевой и С. Щириной — «Театр», 1958, № 4, с. 123—127.

Из беседы В. И. Ленина с японским корреспондентом Кацучжи Фусе, представителем газет «Осака Майници» и «Токио Ници — Ници» 4 июня 1920 г. «Советское востоковедение», 1958, № 2, с. 13—15.

Новые документы Карла Маркса и В. И. Ленина. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 3, с. 3—11. Письмо К. Маркса П. Имандту. Документы В. И. Ленина периода «Искры». Материалы Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Зорин Б. Волнующие кадры. К публикации редких кадров из документальной кинохроники о В. И. Ленине. «Смена», 1958, № 7, с. 7.

Меркулов В. Л. Конспект одной речи о Ленине (из архива акад. А. А. Ухтомского).— «Вестник АН СССР», 1958, № 4, с. 81—83. Конспект речи А. А. Ухтомского, произнесенной 21 ноября 1941 г. на заседании Ученого совета Ленинградского университета, посвященного 50-летию присуждения В. И. Ленину университетского диплома.

Народ и Ленин. Письма В. И. Ленину от рабочих, крестьян и красноармейцев. 1920—1923. Документы Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Публикацию подготовили В. А. Астапенков, Р. А. Лавров и И. И. Миронова. С предисловием ред. «Дружба народов», 1958, № 4, с. 3—21.

Страницы жизни. Публикация Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. «Юность», 1958, № 4, с. 3—7. Документы и фотографии, отражающие отдельные периоды жизни В. И. Ленина.

Публикация документов по истории КПСС

Большевики Западной Сибири в период первой русской революции 1905—

1907 гг. Документы и материалы. Предисловие М. Шорникова. Новосибирск, Кн. изд., 1958, 589 с. (Парт. архив Новосибирского обкома КПСС, Гос. архив Новосибирской области).

Большевистские военно-революционные комитеты. Сборник документов. Предисловие Г. Костомарова. М., Госполитиздат, 1958, 567 с. (Ин-т истории партии МК и МГК КПСС — филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Бородин А. Первый съезд КП(б)У. «Коммунист Украины», Киев, 1958, № 6, с. 32—41. Резолюции I съезда КП(б)У, с. 42—43.

Воровский В. В. Наши задачи.— «Вопросы истории КПСС», 1958, № 4, с. 154—157. Публикация статьи, написанной для нелегальной большевистской газеты «Рабочий», изд. в Одессе. Январь 1910 г. С предисловием Н. Ф. Пияшева «Неизвестная статья В. В. Воровского».

Вьюнова Н. М., Каряева Т. Ф. и Чижова Л. М. Партия — организатор Вооруженных сил Советского государства. (Обзор документов ЦГАКА. Октябрь 1917 г.— март 1919 г.).— «Вопросы истории КПСС», 1958, № 3, с. 85--95.

26 бакинских комиссаров. Баку, Азернешр, 1958, 444 с. с илл. 13 л. портр. (Ин-т истории партии при ЦК КП Азербайджана — Филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). На азербайджанском языке. Сборник документов, статей и воспоминаний, 1918—1958.

Джапаридзе П. А. Избранные статьи, речи и письма. 1905—1918 гг. М., Госполитиздат, 1958, 343 с с илл., 1 л. портр.

Дзержинский Ф. Дневник.— Письма к родным. Перевод с польского. Составитель и предисловие С. Дзержинской. 2-е исправленное и дополненное издание. М., «Молодая гвардия», 1958, 268 с., 9 л. илл.

Дзержинский Ф. Дневник и письма. Предисловие С. Дзержинской. Баку, Детюниздат, 1958, 215 с., 5 л. портр. На азербайджанском языке.

Документы Института истории партии при ЦК КП Молдавии. «Коммунист Молдавии», 1958, № 2, с. 63—70. Публикация документов 1918—1919 гг. Подготовил к печати И. И. Довгополый.

Документы о коммунистическом движении в Бессарабии (1919—1920 гг.). С предисловием Ин-та истории партии при ЦК КП Молдавии — Филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Публикацию подготовил А. С. Есауленко. «Коммунист Молдавии», 1958, № 7, с. 66—77.

Документы революционных дней: Призыв организационного комитета Валкского Совета рабочих депутатов без промедления избрать Совет рабочих депутатов г. Валки. Резолюция собрания рабочих Риги, требующая передать всю власть в Латвии Советам. Подготовлено к печати Ин-том истории партии при ЦК КП Латвии. «Коммунист Советской Латвии», 1958, № 10, с. 23—24. Из сборника документов и материалов «Коммунистическая партия Латвии в 1918—1919 годах».

Документы революционных дней. «Коммунист Советской Латвии», 1958, № 11, с. 17—22. Публикация документов из сборника «Коммунистическая партия Латвии в 1918—1919 гг.». Подготовлено к печати Ин-том истории партии при ЦК КП Латвии.

Из писем Секретариата ЦК РСДРП(б) на места в дни борьбы за Брестский мир. Публикацию подготовили А. Н. Соколова, Р. Я. Цивлина и А. П. Якушина. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 6, с. 68—77.

Коммунистическая партия Киргизии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов обкома и ЦК. 1924—1957, ч. I, 1924—1936. Фрунзе, Киргосиздат, 1958, 603 с. (Ин-т истории партии при ЦК КП Киргизии — филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

КПСС о Вооруженных силах Советского Союза. Сборник документов. 1917—1918. Составители В. Н. Малин и В. П. Московский. М., Госполитиздат, 1958, 420 с.

Комуністична партія України в резолюціях і рішенях з'їздіз і конференцій. 1918—1956.— Кiев, Держполітвидав УРСР, 1958, 703 с. (Ін-т історії партії ЦК КП України — Филиал Ін-ту марксизму-ленінізму при ЦК КПРС).

Листовки пермских большевиков 1901—1917 гг. Документы и материалы по истории Пермской организации КПСС. Пермь, Кн. изд., 1958, 583 с. с илл. (Парт. архив Пермского обкома КПСС).

Московская парторганизация в период создания Красной Армии. (Документы). Подготовлено к печати Ин-том истории партии при МК и МГК КПСС. «Московский пропагандист», 1958, № 2, с. 24—27.

Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти (март 1917 г.— май 1918 г.). Сборник документальных материалов. Омск. Областное книжное издательство, 1958. 277 с. (АО УВД и Госархив Омской обл., Парт. архив Омского обкома КПСС).

Посланцы партии. Публикацию подготовили А. Кладт и В. Кондратьев.— «Новый мир», 1958, № 2, с. 4—9. Из неопубликованных архивных материалов о деятельности военных комиссаров в первые годы строительства Красной Армии.

РСДРП(б). Конференция 7-я. Петроград. 1917. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель, 1917 г. Протоколы. М., Госполитиздат, 1958, XII, 423 с. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций

Коммунистической партии Советского Союза).

Р С Д Р П. Съезд I, Минск, 1898. Документы и материалы. М., Госполитиздат, 1958. XX, 336 с. 2 л. илл. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. Первый съезд РСДРП. Март 1898).

Р С Д Р П. Съезд VI, Петроград. 1917. Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 г. Протоколы, М., Госполитиздат, 1958, XII, 487 с. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Протоколы и стенографические отчеты съезда и конференций КПСС).

Р С Д Р П (б). ЦК. Протоколы... Август 1917 — февраль 1918 гг. Ред. М. Д. Стучебникова и Н. И. Шатагин. Переработанное и дополн. изд. М., Госполитиздат, 1958, VIII, 307 с. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

С п а н д а р я н С. С. Статьи, письма и документы. Составитель и вступительная статья Г. С. Акопяна. М., Госполитиздат, 1958, 359 с. 1 л. портр.

Ф е д о с е е в Н. Статьи и письма. М., Госполитиздат, 1958, 356 с., портр.

Ш а у м я н С. Г. Письма из тюрьмы. Комментарии и публикация С. С. Шаумяна. С предисловием Е. С. Григорян. «Молодая гвардия», 1958, № 10, с. 218—220.

Публикация документов по истории ВЛКСМ

К П С С о К о м с о м о л е и молодежи. Сборник резолюций и решений съездов, конференций и постановлений ЦК. 1917—1958. Изд. 2-е, доп. М., Молодая гвардия, 1958, 382 с.

А д р е с красному партизану Арсению Ивановичу Волкотрубу. 1919 г. «Юность», 1958, № 10, с. 102—106. С послесловием Ю. Максимова «Сорок лет спустя».

В п е р е д, заре навстречу! Молодежь Воронежской губернии в революционном движении 1903—1920 гг. (Сборник документов и материалов). Предисловие Г. Антюхина. Воронежское книжное издательство, 1958, 219 с. с илл. (Парт. архив Воронежского обкома КПСС). О деятельности Воронежской губернской организации РКСМ.

К о л в а н А. Говорят документы минувших дней. «Молодой коммунист», 1958, № 1, с. 95—96. О деятельности в 1917 г. кружка сельской молодежи «Новая сила» в Рауне.

К у й б ы ш е в В. Задачи комсомола в хозяйственном строительстве. С предисловием А. Ивановой «Слово друга». «Молодая гвардия», 1958, № 6, с. 182—184. Публикация статьи, хранящейся в ЦПА Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Н и ж е г о р о д с к а я организация РКСМ в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Составители В. А. Козаков, М. А. Рубцова, И. В. Трущенко. Горький, Кн. изд., 1958. 544 с. с илл. 1 л. портр. (партийный архив Горьковского обкома КПСС).

Н о в ы е документы об Иване Туркениче. «Молодая гвардия», 1958, № 11, с. 224—227. Предисловие В. Гапонова и В. Пережогина. Публикация документов об одном из руководителей Краснодонской подпольной организации «Молодая гвардия».

Р о ж д е н и е комсомола Семиречья (1918—1920). Сборник документов, материалов и воспоминаний. Ч. I. Составители Н. Д. Митропольская и др. Под редакцией П. М. Пахмурного. Алма-Ата, Казгосиздат, 1958, 288 с.

С л а в н ы е традиции. Сборник документов, очерков, воспоминаний. М., Молодая гвардия, 1958, 406 с. с илл. 13 л. илл. К 40-летию ВЛКСМ.

С т р а н и ц ы славного сорокалетия (Цифры, факты, документы). «Молодой коммунист», 1958, № 10, с. 84—97.

Публикация документов по истории СССР с древнейших времен до 1917 г.

А з б е л е в С. Н. Отрывок славянской служебной минеи XI—XII вв. Публикация. «Труды» ОДРЛ (Ин-т русской литературы АН СССР), т. 15, 1958, с. 432—435, с табл.

В а л и х а н о в Ч. Ч. Западный край Китайской империи и город Кульджа. (Дневник путешествия 1856 года).— «Дружба народов», 1958, № 12, с. 156—183. Подг. к печати академиком Акад. наук Казахской ССР А. Маргуланом.

Г а р м и з а В. В. Из истории разработки закона о введении земства в России. «Вестник Моск. ун-та. Серия экономики, философии, права», 1958, № 1, с. 131—145. Публикация записки Н. А. Милютина «Соображения по проекту о земских учреждениях» от 22 мая 1862 г.

Г е й м а н В. Г. Материалы по истории русской соляной промышленности (Тотемский соляной промысел Спасо-Прилуцкого монастыря в 1622—1623 гг.). «Труды» Гос. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. 5 (8), 1958, с. 71—104: Прил.: Приходорасходная книга Тотемского соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря за 7131 (1622—1623) г., с. 90—104.

Г е й м а н В. Г. Письмо подьячего В. И. Торокана из осажденного Смоленска в Москву в 1609 г. «Труды» ОДРЛ, т. 14, 1958, с. 275—277.

Д о к у м е н т ы о признании Россией норвежского независимого государства в 1905 г. Публикация. С предисловием В. В. Похлебкина. «Новая и новейшая история», 1958, № 4, с. 130—141.

Д о к у м е н т ы по истории Удмуртии XV—XVII вв. Сост. П. Н. Луппов. Ижевск, Удмурт. кн. изд., 1958, 419 с. (Удмурт.

НИИ истории, экономики, литер. и языка при Совете Министров Удмуртск. АССР). На переплете заглавие: Удмурты в XV—XVII вв.

Кобрин В. Б. Несколько документов по истории феодального землевладения XVI в. в Юрьев-Польском уезде. «Археографический ежегодник» за 1957 г. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., АН СССР, 1958, с. 467—477.

Корецкий В. И. Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря. «Археографический ежегодник» за 1957 г. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., АН СССР, 1958, стр. 437—450.

Материалы по истории крестьян в России XI—XVII вв. (Сборник документов). Подготовили к печати З. М. Андросенкова и Н. Н. Кононова. Под ред. В. В. Мавродина. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1958, 171 с.

Мкртчян Л. К. Письмо министра иностранных дел Бирмы армянскому католикосу Георгу IV (публикация). «Ист.-филол. журн.», Ереван, 1958, № 1, с. 268—270. На арм. яз. Резюме на русск. яз. Первая половина XIX в.

Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина (1618—1619 гг.). Публикация и вступит. статья В. С. Мясникова. «Сов. китаеведение», 1958, № 1, с. 146—152. Резюме на кит. и англ. яз.

Описание о братских татарах, сочиненное Морского корабельного флота штюрманом ранга капитана Михаилом Татариновым. Подгот. к печати, введ. и примеч. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ, 1958, 78 с. (Бурят-Монг. науч.-исслед. ин-т культуры). Публикация рукописи 1765 г., хранящейся в ЦГАДА.

Признание Россией норвежского независимого государства. (Сборник документов). Сост. и автор вступительной статьи В. В. Похлебкин. М., Соцэкгиз, 1958. 106 с.

Розвіток профспілкового руху на Полтавщині (1905—1920 роки). Упорядкували: П. І. Бойко и А. Момонт. Полтава, Обл. вид-во, 1958, 88 с. (Парт. і держ. архіви Полтав. обл., Полтав. обл. рада профспілок).

Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. (Документы и материалы). Сост. Р. Г. Марпіаев. Махачкала, Дагкнигоиздат, 1958, 336 с. (Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, языка и литературы).

Свешников Н. Из писем Н. Н. Раевского периода Отечественной войны 1812 года. Публикация. — «Сиб. огни», 1958, № 7, с. 160—161.

Смбат Спарапет. Судебник. Сост. текста, пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А. Г. Галстяна, Ереван, Айпетрат, 1958, 208 с. 3 л. илл. Библиогр. с. 189—193. Текст парал. на древнеарм. и русск. яз. Резюме на арм. и франц. яз.

Юлдашев М. Ю. Некоторые документальные данные о связях Средней Азии с Россией (XVI—XVII вв.).— «Известия АН Уз. ССР». Серия обществ. наук, 1958, № 4, с. 17—29. Резюме на узбекск. яз.

Публикация документов по истории революционного движения

В Казанском кружке. Публикация и комментарии Г. Е. Хаит.— «Новый мир», 1958, № 4, с. 189—193. Материалы о деятельности и составе революционного кружка в Казани, участником которого осенью 1887 г. был В. И. Ленин.

Восстание декабристов. Документы. Под ред. М. В. Нечкиной. М., Госполитиздат, 1958 (ГАУ МВД СССР, ЦГИАМ). Т. 7. «Русская правда» П. И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие. К печати подготовил А. А. Покровский. Вступительные статьи М. В. Нечкиной и А. А. Покровского. 692 с., 17 л. илл. и карт.

Герцен А. И. Письма к Аврелию Саффи (1852—1856). Публикация и комментарии Н. Д. Эфрос. Предисловие Н. Е. Застенкера.— «Лит. наследство», т. 64, 1958, с. 319—358. На франц. и русск. яз.

Герцен А. И. Письма к Астраковым (1832—1851). Публикация Е. Л. Рудницкой при участии Л. Р. Ланского.— «Лит. наследство», т. 64, 1958, с. 461—538.

Герцен А. И. Письма к Георгу и Эмме Гервегам (1848—1850). Публикация и комментарии Л. Р. Ланского. Предисл. Я. Е. Эльсберга. С примеч. ред.— «Лит. наследство», т. 64, 1958, с. 9—318. Прил.: письма А. И. Герцена к Гервегам. Обзор. Л. Р. Ланского. На англ. и русск. яз.

Герцен А. И. Письма к дочери Тате (1867—1869). Публикация Л. Я. Гинзбург.— «Лит. наследство», т. 64, 1958, с. 595—684.

Герцен А. И. Письма к Луиджи Пианчини (1853—1859). Публикация и коммент. Н. Д. Эфрос. Предисл. Н. Е. Застенкера.— «Лит. наследство», т. 64, 1958, с. 359—418. На франц. и русск. яз.

Герцен А. И. Письма к Огареву (1868—1869). Публикация и комментарии Л. И. Матюшенко. Предисл. Ш. М. Левина.— «Лит. наследство», т. 64, 1958, с. 685—748.

Герцен А. И. Письма к Агостино Бертани, Джузеппе Гарибальди, Джузеппе Гверцони, Эдуарду Дантю, Отто Корвину, Микель-Анджело Пинто, Филиппу Фору, Шарлю-Эдмону Хоецкому и редактору «Opinion Nationale». Публикация Л. Р. Ланского.— «Лит. наследство», т. 64, 1958, с. 439—458.

Герцен А. И. Письма к сыну Александру (1858—1869). Публикация Л. И. Матюшенко.— «Лит. наследство», т. 64, 1958, с. 539—594. Прил.: 1. Письмо Н. П. Огарева к А. А. Герцену с припиской Герцена. 2. Письмо Герцена к членам своей семьи.

Герцен и венгерская революционная эмиграция. Письма А. И. Герцена к Ференцу и Терезе Пульским и Дюле Танарки (1854—1863). Публикация Д. Белиа и

К. Ч. Гардони (Будапешт).— «Лит. наследство», т. 64, 1958, с. 419—438. На франц. и русск. яз.

К истории красноводской забастовки моряков Каспийского торгового флота в 1907 г. (Публикация). Вводная статья Г. Б. Акопова. «Труды» Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР. Ашхабад, 1958, т. 4, с. 208—256.

Крестьянские волнения в Эстонии в 1858 г. Документы и материалы. Сост. О. Варес, В. Файнштейн и Х. Пийрилияэ. Таллин. Эстгосиздат, 1958, 569 с., 1 л. карт. (ЦГИА Эст. ССР. Ин-т истории АН Эстонск. ССР). На эстонск. яз.

Манифест Емельяна Пугачева. Июль 1773 г. Публикация и коммент. Т. Тургеневой.— «Москва», 1958, № 6, с. 221.

Ноябрьско-декабрьская забастовка 1905 г. на Среднеазиатской железной дороге. (Публикация). Вводная статья Б. Курбанова.— «Труды» Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР, Ашхабад, 1958, т. 4, с. 111—207.

Паина Э. С. Из письма А. А. Кропоткина П. Л. Лаврову. Дек. 1874 г. «История СССР», 1958, № 2, с. 144—145. Письмо близкого к народникам Александра Алексеевича Кропоткина в связи с арестом его брата революционера анархиста Петра Кропоткина.

Публикация документов по истории культуры

Арешян С. Г. Армянская печать и царская цензура. Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1957 г., вып. дан 1958, 515 с., 11 л. илл. (АН Арм. ССР. Ин-т литературы им. М. Абегяна). На с. 379—501 — документы.

Домбаев Г. Творчество Петра Ильича Чайковского в материалах и документах. Под ред. Гр. Бернандта.— М., Госмузгиз, 1958, 636 с.

Короленко В. Г. Неопубликованные письма В. Г. Короленко И. В. Лучицкому, Ф. Г. Мищенко и Б. Д. Гринченко. 1889—1905 гг. Публикация и коммент. З. Кирилюка. Подгот. к печати при участии Н. П. Визирь.— «Сов. Украина», 1958, кн. 1, с. 157—162.

Ладыженский А. М. Неопубликованное письмо В. Г. Короленко. К публикации письма В. Г. Короленко М. Р. Попову от 17 сент. 1905 г.— «Дон», 1958, № 1, с. 143—146.

Новые документы о дружеских связях ученых России и Египта.—«Звезда», 1958, № 8, с. 182—183. Материалы ГИАЛО, относящиеся к 70—80 гг. XIX в.

Публикация документов по истории советского общества

Борьба трудящихся Буковины за социальное и национальное освобождение и воссоединение с Украинской ССР. 1917—1941. Документы и материалы. Ред. коллегия: М. Д. Гаврилюк, Н. Д. Фесенко (отв. ред.) и др. Черновцы, Обл. изд., 1958. 450 с. (Черновиц. гос. ун-т, Госархив Черновиц. обл. К 40-летию Коммунист. партии Украины). Украинский язык.

Восстановление народного хозяйства Армянской ССР. (Материалы и документы за 1921—1928 гг.). Под ред. А. О. Марухяна. Ереван, АН Арм. ССР, 1958, 514 с. (АН Арм. ССР. Ин-т экономики АУ МВД Арм. ССР).

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1957 годы. Сборник документов. Сост. В. Н. Малин и А. В. Коробов. М., Госполитиздат, 1958. Т. 3. 1946—1952 гг. 704 с. Т. 4. 1953—1957 годы. 864 с. Тематический и алфавитно-предметный указатель к 1—4 тт.— с. 825—857.

Документы внешней политики СССР. Комиссия по изданию дипломатических документов: А. А. Громыко (пред.) и др. Т. 2, 1 января 1919 г.— 30 июня 1920 г. Ред. коллегия: Г. К. Деев и др. М., Госполитиздат, 1958, 803 с., 1 л. карт.

Дубровский В. А. Конституция Тувинской народной республики. Публикация.— «Ученые записки» Тувинского науч.-исслед. ин-та языка, лит-ры и истории, вып. 6, Кызыл, 1958, с. 276—304.

Из истории советско-турецких отношений. Публикация документов 1920—1921 гг.— «Международные отношения», 1958, № 2, с. 151—158.

Калинин М. И. Речи М. И. Калинина на Дальнем Востоке. Вступ. статья Н. Матвеева. Чита, Кн. изд., 1958. 138 с., 2 л. илл. (Июль — август 1922 г.).

Крупская Н. К. Н. К. Крупская — работницам фабрики «Сокол». Публикация Н. Наумова.— «Москва», 1958, № 4, с. 213. Текст письма к работницам Вологод. бумажной фабрики. 1930 г.

Культурное строительство Адыгеи (1922—1937 гг.). Сборник документов и материалов. Сост. Н. Ф. Ковальская, А. О. Хоретлев, Л. А. Подгайчук. Под ред. и с введ. А. О. Хоретлева, Майкоп. Адыг. кн. изд., 1958, 380 с., 9 л. карт и илл. (Госархив Адыг. А. О. Адыг. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории).

Курдюков И. Ф. Из истории советско-китайских отношений (1920—1921 гг.).— «Сов. китаеведение», 1958, № 1, с. 141—146. Публикация документов.

Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924). Ред. Н. В. Матковский. М., «Сов. Россия», 1958, 560 с. (ГАУ СССР, ЦГАОРиСС СССР. Из истории международной пролетарской солидарности. Документы и материалы, Сб. 2).

Сборник действующих постановлений пленума Верховного суда СССР. 1924—1957 гг. Под ред. Н. К. Морозова. М., Госюриздат, 1958, 279 с.

Сборник законов Казахской ССР и

указов Президиума Верховного Совета Казахской ССР (1938—1957). Алма-Ата, Казгосиздат, 1958, 670 с.

Сборник законов Киргизской ССР и указов Президиума Верховного Совета Киргизской ССР. 1938—1955 гг. Фрунзе, Верховный Совет Кирг. ССР, 1958. 291 с. На кирг. яз.

Тагор Рабиндранат. Два письма Рабиндраната Тагора. От 7 июля 1937 г. и 25 авг. 1939 г. Из архива ВОКС. Публикация.— «Современный Восток», 1958, № 2, с. 62—63.

Публикация документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны

Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917—1920 гг.). Документы и материалы. Ред. коллегия: Б. Н. Бабин (отв. ред.) и др. Ч. 1. Установление Советской власти и начало гражданской войны в Астраханском крае (Март 1917 — ноябрь 1918 гг. Сост. И. И. Парфентьев, В. П. Орлов, Л. Н. Слободских). Астрахань, Газ. «Волга», 447 с. 10 л. илл. 1958 (Архивный отдел УВД Астрах. обл. исполкома. Госархив Астрах. обл.).

Борьба за победу Советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917—1921 гг.).— Тбилиси, «Сабчота Сакартвело», 1958. 787 с. (АН Груз. ССР. Груз. филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, АУ МВД Груз. ССР).

Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Введ. Е. П. Киреева. Сост. Киреев Е. П., Мануйленко Л. Ф. Грозный, Чечено-Ингуш. кн. изд., 1958. 265 с. (АО УВД при оргкомитете по ЧИАССР. Парт. архив Чечено-Ингуш. обкома КПСС).

Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг. Сборник документов и материалов. Ред. коллегия: Г. А. Аликберов, Г. А. Даниялов (отв. ред.) и др. М., Изд. АН СССР, 1958, 539 с. (Ин-т истории, языка и литературы Дагест. филиала АН СССР, Ин-т истории партии при Дагестанском обкоме КПСС — Филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, АО МВД ДАССР).

Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии. (Сборник документов и материалов). Сост.: Тебекин Д. А. и Николаева В. В. Ч. I, кн. 2. 148 с. с факс.; Якутск. Кн. изд., 1958. (АН СССР. Якут. Филиал. Ин-т языка, литературы и истории ЦГА ЯАССР, Парт. архив Якут. обкома КПСС).

Великий Октябрь и борьба за Советскую власть в Азербайджане. Сборник документов, воспоминаний и статей Ред. И. А. Гусейнов и др. Баку, Изд. АН Аз.ССР, 1958, 503 с. (АН Аз. ССР. Ин-т истории). Текст на русск. и азерб. яз.

Гражданская война в Оренбуржье (1917—1919 гг.). Документы и материалы. Введ. А. Я. Борисова. Оренбург, Кн. изд., 1958, XX, 384 с. (Госархив Оренбургской обл.).

Документ III Всероссийского съезда китайских рабочих.— «Сов. китаеведение», 1958, № 1, с. 140. Резюме на китайск. и англ. яз. Телеграмма-обращение китайских рабочих-эмигрантов в России к соотечественникам 25 июня 1920 г. Публикация на русск. яз. и вступит. статья Ю. М. Гарушянца.

Документы и материалы по истории Литовской ССР. Т. 3. Борьба литовских трудящихся за власть Советов в 1917—1919 гг. Отв. ред. Жюгжда. Вильнюс, Госполитнаучиздат, 1958, 327 с. (АН Литов. ССР. Ин-т истории). На литов. яз.

З історії утворення Комітетів незаможних селян на Україні в 1920 р. (Документи).— «Укр. іст. журн.», Київ, 1958, № 4, с. 116—128.

Из документов революции. К 40-летию первой пролетарской революции в Литве. 1918—1919 гг.— «Коммунист» (Вильнюс), 1958, № 3, с. 34—37.

Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917—1921 гг. Сборник документов. Ред. коллегия: Г. А. Белов, А. Н. Куренков, А. И. Логинова и др. М., Госполитиздат. 1958. 511 с.

К истории отделения церкви от государства и школы от церкви в СССР. Документы и материалы. Публикация М. М. Персица.— В кн.: «Вопросы истории религии и атеизма». Сб. статей. Т. 5. М., АН СССР, 1958, с. 50—63.

Кино- и фотодокументы по истории Великого Октября. 1917—1920. [Каталог]. Отв. ред. Н. П. Абрамов и В. П. Михайлов. М., 1958. 355 с. с илл. (АН СССР. Ин-т истории искусств, ЦГА КФФД СССР).

Комитеты бедноты Белоруссии. Сборник документов и материалов. Ред. А. И. Азаров и др. Минск, Изд-во Акад. наук БССР, 1958. 651 с. (Ин-т истории АН БССР, АУ МВД БССР).

Комитеты бедноты в Коми крае. (1918). Сборник документов. Под ред. П. Е. Куклева. Сыктывкар. Коми кн. изд., 1958. 308 с. (ЦГА Коми АССР. К сорокалетию Великого Октября).

Крупская Н. К. Тезисы Н. К. Крупской о политехнической школе. (К первому партийному совещанию по народ. образованию в дек. 1920 г.). Публикация 2-го варианта тезисов. С примеч. ред.— «Политехн. обучение», 1958, № 3, с. 3—5.

Первая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Документы 1918 г. Публикация подгот. В. Ф. Кондратьевым.— «Новый мир», 1958, № 11, с. 169—177.

Первый ревком Чукотки. (1919—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Сост. Жихарев Н. А. — Магадан. Кн.

изд., 1957 [вып. дан 1958]. 133 с., 3 л. илл. На чукот. яз.

Революционное движение в России в апреле 1917 г. (Апрельский кризис). Под ред. А. С. Гапоненко (отв. ред.) и др.— М., АН СССР, 1958. XX, 935 с. (АН СССР, Ин-т истории, Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ГАУ МВД СССР, ЦГАОР СССР, ГАОРМО, ГАОРЛО. Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Главн. ред. А. Л. Сидоров).

Строки из окопов. Письма времен гражданской войны. «Урал», Свердловск, 1958, № 2, с. 98—105.

Тверская губерния в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.). Сборник статей и документов. Калинин. Кн. изд., 1958. 112 с., 1 л. карт. (АО УВД Калин. облисполкома, Госархив Калин. обл., Калин. краевед. музей).

Трудящиеся Владимирской губернии в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). Сборник документов. Владимир, Кн. изд., 1958. 300 с. (Парт. архив Владимирского обкома КПСС и АО УВД Владимирского облисполкома).

Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии. Документы и материалы. Под общ. ред. Г. Д. Костомарова. М., «Моск. рабочий», 1958, 524 с. (Ин-т истории партии МК и МГК КПСС — филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. ГАОРМО).

Цветет Беларусь. «Сов. отчизна», 1958, № 6, с. 99—103. Документы и материалы из истории Белорусс. ССР. К 40-летию республики.

Эстляндская трудовая коммуна. Сборник документов и материалов. Сост. Х. Хартман. Таллин, Эстгосиздат, 1958, 183 с., 1 л., с илл. (Ин-т истории партии при ЦК КПЭ — филиал Ин-та марксизма-ленинизма ЦК КПСС). На эстонск. языке.

Ярослав Гашек в Красной Армии.— «Огонек», 1958, № 17, с. 25. К публикации документа, свидетельствующего об участии Я. Гашека в формировании чешского отряда Красной Армии. 1918 г.

Публикация документов по истории Великой Отечественной войны Советского Союза

В дни великого сражения. Сборник документов и материалов о Сталинградской битве. Сталинград, Кн. изд., 1958. 266 с. с илл.

Вишневский В. Слово писателя — в боевом арсенале народа.— «Новый мир», 1958, № 2, с. 236—242. Неопубликованные документы из архива писателя.

Герои и подвиги. Советские листовки Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сост. В. Н. Евстигнеев, С. М. Кляцкин, В. Г. Вержбицкий и др. М., Госполитиздат, 1958, 563 с. с илл. (Акад. наук СССР. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Гос. музей революции СССР. Центр. музей Советской Армии). В сборник включены публикации листовок партийно-политических органов Советской Армии и Флота.

Дмитриева К. Выступление СССР в защиту Швеции от гитлеровской агрессии.— «Международная жизнь», 1958, № 3, с. 107—109. Из архивных материалов.

Из истории советско-югославских отношений в период второй мировой войны. Документы.— «Международная жизнь», 1958, № 8, с. 154—157.

Сибирская добровольческая. Сборник. Сост.: А. Никульков, А. Ширяев. Новосибирск. Кн. изд., 1958, 307 с. с илл., 4 л. схем. Воспоминания и документы о сибиряках в Великой Отечественной войне.

Научная информация

К ИСТОРИИ ОБОРОНЫ ПЕТРОПАВЛОВСКА-НА-КАМЧАТКЕ В 1854 г.

Аннотация

По истории событий на Дальнем Востоке в период Крымской войны имеется значительная литература, основанная на воспоминаниях участников и на известном рапорте военного губернатора Камчатки, командовавшего обороной Петропавловска, В. С. Завойко генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву об одержанной победе [1]. Однако большое количество документальных материалов, хранящихся в Центральном государственном архиве военно-морского флота в Ленинграде и в Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока в г. Томске, позволяет уточнить некоторые события этой героической страницы истории нашей Родины, а также ввести в научный оборот много нового фактического материала по данной теме.

В числе этих документов имеется приказ военного губернатора Камчатки и командира Петропавловского порта В. С. Завойко от 29 мая 1854 г., в котором излагался приказ командующего Тихоокеанской эскадрой Путятина от 26 февраля 1854 г. о приведении в боевую готовность судов эскадры в связи с возможностью «скорого разрыва России с Англией и Францией». Далее Путятин доводил до сведения моряков эскадры о блестящей победе Черноморского флота под Синопом, в результате которой турецкому флоту было нанесено жестокое поражение. Сообщая об этом, В. С. Завойко отдавал распоряжение об укреплении обороноспособности порта «на случай нападения на оный английских и французских судов» [2].

В дополнение к этому приказу Завойко приказом от 14 июля намечал ряд мер для предотвращения внезапного нападения на порт, и сообщал, что получено от генерального консула США «последнее известие из Европы от 10 апреля..., что между Россией, Англией и Францией объявлена война, что находящиеся здесь порты наши велено иметь в блокадном состоянии...» [3].

Особый интерес представляет рапорт В. С. Завойко управляющему Морским министерством великому князю Константину Николаевичу, направленный 18 июля 1854 г. [4]. В нем Завойко сообщает о получении писем от министра иностранных дел королевства Гавайских островов г. Виллье и от исправляющего должность Российского генерального консула на Сандвичевых островах г. Грейча с официальным извещением об объявлении войны.

Далее в рапорте приводятся сведения о мерах, принятых для укрепления обороноспособности Петропавловска, указывается количество и месторасположение пушек для действия против неприятельских судов и против десанта. Но в распорте отмечалось явно недостаточное количество орудийной прислуги, насчитывавшей вместе «с мастеровыми, мастерами и престарелыми инвалидами — 231 человек», для укомплектования которой были привлечены писаря морского ведомства. Также было недостаточно людей «для отражения десанта в тех местах, на которые орудия не могут действовать, и для прикрытия пушек, назначенных против десанта». Чтобы ликвидировать нехватку людей, В. С. Завойко сообщал в рапорте о необ-

[1] См. «Исторический архив», т. VII, изд. АН СССР, М., 1951, стр. 96—118.

[2] ЦГА РСФСР Дальнего Востока, ф. 1005, оп. 1, д. 102, лл. 3—4.

[3] Там же, лл. 4—5.

[4] Подлинник этого рапорта хранится в ЦГАВМФ — ф. 410, оп. 2, д. 1221, лл. 1—6, а отпуск в ЦГА РСФСР Дальнего Востока — ф. 1005, оп. 2, д. 102, лл. 10—13.

ходимости создания отряда волонтеров «под начальством из среды их, который будет получать приказания непосредственно от меня».

Обращение В. С. Завойко к жителям Петропавловска с призывом записываться в отряды волонтеров было выпущено 20 июля [5]. Отметив успехи русских войск в Крыму, нанесших поражения турецким армиям и флоту, и вступление в войну Англии и Франции, в обращении указывалось, что «чиновники морского и гражданского ведомства (кроме медиков, имеющих особые обязанности) должны явиться в штаб, а прочие жители — к полицмейстеру и записаться в списки». Записавшиеся в отряд волонтеров до появления неприятеля продолжают свои занятия. Они могут получить оружие и патроны и до появления неприятеля должны приготовить безопасные места для укрытия женщин и детей. В заключение В. С. Завойко выражал уверенность, что «флаг Петропавловского порта будет свидетелем подвигов чести и русской доблести».

Появление англо-французской эскадры, обстрел Петропавловска, высадка десанта и его поражение уже нашли отражение в упоминавшемся выше рапорте В. С. Завойко Н. Н. Муравьеву от 7 сентября 1854 г. Следует отметить, что подлинник рапорта (он был опубликован по копии, хранящейся в госархиве Красноярского края) находится в ЦГАВМФ [6]. Эти же события нашли свое отражение и в целом ряде других документов, как, например, в рапорте В. С. Завойко Николаю I [7] и в рапорте Камчатского окружного стряпчего Говорова министру юстиции В. Н. Панину [8], направленных 6 сентября 1854 г. Очень ценным источником для изучения истории обороны Петропавловска безусловно является шканечный (вахтенный) журнал фрегата «Аврора» [9], прибывшего 14 июня 1854 г. в Петропавловск для усиления Тихоокеанской эскадры. Почасовые записи в этом журнале помогут исследователям не только полностью ознакомиться с участием экипажа этого корабля, командиром которого был капитан-лейтенант И. Н. Изыльметьев, и всей Тихоокеанской эскадры в Петропавловской обороне, но также более полно понять борьбу участников обороны на берегу, о действиях которых в шканечном журнале содержатся значительные сведения.

Следует еще отметить докладную записку генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева управляющему Морским министерством великому князю Константину Николаевичу [10], которая, очевидно, являлась своего рода препроводительным документом к рапорту В. С. Завойко от 7 сентября. В этой записке Н. Н. Муравьев указывал на возможность награждения Георгиевскими флагами Петропавловского порта, 47-го флотского экипажа и фрегата «Аврора».

Для характеристики героизма солдат и матросов-участников обороны — большой интерес представляет составленный В. С. Завойко «Список нижним чинам, кои достойны награждения знаком отличия военного ордена за подвиги, оказанные в сражении в Петропавловском порту в 1854 году» [11].

Документальные материалы архивов свидетельствуют и о проведении больших работ по переустройству оборонительных сооружений Петропавловска после отражения нападения англо-французской эскадры. О проделанной работе было подробно изложено в рапорте В. С. Завойко управляющему Морским министерством от 3 ноября 1854 г. [12]. 15 ноября Завойко написал обращение к населению Камчатской области с призывом быть готовым к отражению нового нападения врага, в заключение которого он призывал всех «кто из желающих помоложе да поздоровей» явиться в Петропавловск для усиления гарнизона порта [13]. О явной недостаточности численности гарнизона Петропавловска и о необходимости усиления его за счет создания отрядов волонтеров говорится в рапорте В. С. Завойко Н. Н. Муравьеву от 17 ноября 1854 г. [14]. Подобные сведения об изменении численности гарнизона Петропавловска за 1854 г. содержатся в годовом рапорте В. С. Завойко, составленном в начале 1855 г. [15].

О том, какой отклик нашла победа под Петропавловском у жителей Сибири, свидетельствует сообщение Н. Н. Муравьева В. С. Завойко от 19 ноября 1854 г., что «многие лица, проживающие в г. Иркутске, не исключая и бедных людей, а также Александровского винокуренного завода и находящиеся там для работ каторжане» собрали для защитников Петропавловска добровольные пожертвования на сумму 7250 руб. 19 коп. серебром [16].

Обороне Петропавловска, участию в нем местного населения уделено значительное место и в отчете В. С. Завойко, как Кам-

---

[5] ЦГА РСФСР Дальнего Востока, ф. 1005, оп. 1, д. 102, лл. 18—20.

[6] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1221.

[7] Там же, ф. 909, оп. 3, д. 14, лл. 340—341.

[8] ЦГА РСФСР Дальнего Востока, ф. 1053. оп. 1, д. 10, лл. 9—11.

[9] ЦГАВМФ, ф. 870, д. 7207.

[10] Там же, ф. 410, оп. 2, д. 1221, лл. 7—8.

[11] Там же, ф. 238, оп. 3, д. 5432, лл. 7—18.

[12] ЦГА РСФСР Дальнего Востока, ф. 1005, оп. 1, д. 97, лл. 40—53.

[13] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 3, д. 14, лл. 370—371.

[14] Там же, лл. 366—367.

[15] ЦГА РСФСР Дальнего Востока, ф. 1005, оп. 1, д. 96, л. 65.

[16] Там же, д. 128, лл. 3—4.

чатского военного губернатора[17] за 1854 г.

Имеются документы и о предпринятой в мае 1855 г. Англией и Францией новой попытке уничтожить русский военный флот на Тихом океане и укрепиться на Дальнем Востоке, которая, как известно, также окончилась неудачей.

Документальные материалы по истории обороны Петропавловска в период Крымской войны, хранящиеся в Центральном государственном архиве военно-морского флота и в Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока, далеко не ограничиваются перечисленными выше документами. Цель настоящего сообщения привлечь внимание исследователей к разработке архивных материалов по данной теме, чего безусловно заслуживает эта героическая страница нашей истории.

Б. И. Мухачев, Д. Т. Субботин, В. А Шарапов

[17] ЦГАВМФ, ф. 1177, д. 8.

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА ХАРЬКОВЩИНЫ

(август 1943 — май 1945 гг.)

Аннотация

В партийном архиве Харьковского обкома КП Украины и в архиве Харьковского облисполкома хранится большое количество документальных материалов, показывающих как Харьковская областная партийная организация под руководством и с помощью ЦК ВКП(б) и Советского правительства мобилизовывала трудящихся на восстановление промышленности и сельского хозяйства области.

Среди документов, свидетельствующих об огромном материальном ущербе, нанесенном хозяйству Харьковщины немецко-фашистскими захватчиками, имеется справка секретаря Харьковского горкома КП(б) Украины В. Чураева, подготовленная для секретаря ЦК КП(б)У Н. С. Хрущева, о состоянии промышленности, коммунального хозяйства и транспорта г. Харькова на 1 сентября 1943 г.[1], в которой говорится о состоянии харьковских заводов: тракторного, турбогенераторного, электромеханического, велосипедного, «Свет шахтера» и «Серп и молот», о положении легкой, местной, кустарно-кооперативной и пищевой промышленности и т. д. В справке Харьковской областной комиссии об ущербе, причиненном фашистскими оккупантами гражданам, колхозам, государственным предприятиям, учреждениям и организациям Харьковской области, составленной в августе 1944 г., указывалось, что общий итог ущерба, по неполным данным, составлял 33 523 924 тыс. руб.[2]. Здесь же указывался ущерб по отраслям народного хозяйства, а также ущерб, нанесенный отдельным гражданам. Той же комиссией были составлены сведения по ущербу, понесенному каждым отдельным предприятием в области и г. Харькове[3]. Кроме того, были составлены обобщенные сведения об ущербе, причиненном зерновым и животноводческим совхозам Харьковского треста, исчислявшемся в 324 812 371 руб.[4], по 64 машинно-тракторным станциям ущерб составлял 125 275 110 руб.[5].

Документальные материалы показывают, что восстановление народного хозяйства Харьковщины осуществлялось по плану, в основу которого были положены решения ЦК ВКП(б) и Советского правительства. В этой связи следует указать на постановления бюро Харьковского горкома партии от 23 сентября 1943 г. о восстановлении производственной деятельности заводов «Свет шахтера» и «Красный Октябрь»[6] и от 23 октября 1943 г. о ходе выполнения решения Государственного Комитета Обороны от 11 сентября 1943 г. о восстановлении Харьковского электромеханического завода[7]. 29 ноября 1943 г. исполком Харьковского областного комитета Совета депутатов трудящихся и бюро обкома КП(б)У приняли постановление о первоочередных мероприятиях по восстановлению Харьковского тракторного завода[8], в котором очень подробно изложены план ввода в строй цехов завода, вопросы организации освоения и выпуска заводом продукции, обеспечения его рабочей силой и т. д. В архиве обкома КП(б)У хранится протокол общего собрания рабочих

[1] Партархив Харьковского обкома КПУ, ф. 69, оп. 1, д. 429, лл. 35—40.

[2] Там же, ф. 2, оп. 14, д. 2, л. 1.

[3] Там же, ф. 69, оп. 1, д. 483, лл. 10—11.

[4] Там же, ф. 2, оп. 14, д. 19, лл. 240—242.

[5] Там же, лл. 263—264.

[6] Там же, ф. 69, оп. 1, д. 423, лл. 68—69.

[7] Там же, лл. 122—124.

[8] Там же, ф. 2, оп. 1, д. 622, лл. 118—123.

ХТЗ, которое 22 ноября 1943 г. обратилось к рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим Алтайского тракторного завода, возникшего на основе ХТЗ и на котором работало много бывших работников Харьковского тракторного завода, за помощью в более быстром восстановлении завода. «Мы ждем от Вас,— писали харьковчане,— помощи квалифицированными рабочими, мастерами; нам необходимы ИТР — руководящие работники, знающие наш ХТЗ и могущие легче вести работы по восстановлению завода; нам нужно оборудование» [9].

25 апреля 1944 г. постановлением исполкома Харьковского областного Совета депутатов трудящихся был утвержден план развития народного хозяйства Харьковской области на 1944 г. [10].

Материалы Харьковского обкома КП(б)У характеризуют развертывание партийно-политической работы в области и восстановление партийных органов и парторганизаций [11]. Авангардная роль коммунистов в работе на предприятиях Харькова очень ярко видна из справки оргинструкторского отдела Харьковского горкома КП(б)У о работе партийных групп завода транспортного машиностроения от 26 февраля 1945 г. [12] и из доклада заместителя секретаря парторганизации Харьковского турбогенераторного завода на заседании партбюро об успехах передовиков производства [13]. Участие комсомольцев и молодежи в восстановлении промышленности Харькова нашло отражение в отчете Харьковского обкома ЛКСМУ «Комсомол Харьковщины в 1941—1945 гг.», составленном в 1945 г. [14].

Из документов видно, что трудящиеся Харьковской области оказывали помощь другим районам страны, пострадавшим от оккупации. Так, например, в ответ на телеграмму секретаря ЦК КП(б)У Н. С. Хрущева и председателя СНК УССР Л. Р. Корнийца от 25 января 1944 г. об оказании помощи строительству моста через р. Днепр у г. Киева [15], промышленность Харькова предоставила для этого строительства необходимые материалы. 11 ноября 1944 г. исполком Харьковского городского Совета депутатов трудящихся принял постановление о мобилизации рабочих на предприятия угольной промышленности [16]. Донбассу в 1944—1945 гг. было поставлено харьковскими заводами большое количество необходимого оборудования [17].

В указанных архивах хранится и большое количество документальных материалов, отражающих ту большую работу, которая была проделана по восстановлению сельского хозяйства Харьковщины. Среди них отметим обращение колхозников сельскохозяйственной артели им. Г. К. Орджоникидзе Лозовского района от 10 октября 1943 г. ко всем колхозникам, рабочим и служащим МТС и совхозов области с призывом включиться в предоктябрьское социалистическое соревнование [18].

Многие документы свидетельствуют о той большой помощи машинами, зерном, скотом, которую колхозы и совхозы Харьковской области получали из различных районов страны. 15 декабря 1943 г. исполком Харьковского Совета депутатов трудящихся принял постановление о завозе крупного рогатого скота и овец из Воронежской и Курской областей и о распределении их между районами области [19], а 15 мая 1944 г. постановление о возвращении из других областей страны эвакуированного скота колхозам области [20].

25 декабря 1943 г. Харьковский облисполком и бюро обкома КП(б)У в постановлении о восстановлении машинно-тракторных станций и ремонтных заводов области отмечали присылку из Казахской ССР и из Горьковской области 562 трактора и 370 тракторных плугов [21]. Еще 100 тракторов и 50 плугов были получены в июне 1944 г. из Саратовской области [22]. Для проведения весеннего сева на Харьковщине Советским правительством была выделена семенная ссуда в размере 4600 центнеров, которая постановлением облисполкома от 15 мая 1944 г. была распределена между колхозами области [23].

Харьковский облисполком в своем постановлении от 25 ноября 1944 г. поддержал почин ногинских колхозников Московской области о восстановлении МТС методом народной стройки и рекомендовал его для повсеместного распространения в области [24].

Для усиления работы в колхозах, туда выезжали рабочие, проводили беседы, оказывали материальную и техническую помощь, помогали в проведении ремонта тракторов и других сельскохозяйственных

[9] Партархив Харьковского обкома КПУ, ф. 26, оп. 1, д. 48, лл. 45—46.

[10] Архив Харьковского облисполкома, протокольная часть, оп. 3, д. 161, лл. 138—139.

[11] Партархив Харьковского обкома КПУ, ф. 2, оп. 1, д. 619, лл. 27—35.

[12] Там же, ф. 69, оп. 1, д. 565, л. 86.

[13] Там же, ф. 25, оп. 1, д. 115 лл. 71—74.

[14] Там же, ф. 14, оп. 1, д. 127, лл. 38—42.

[15] Там же, ф. 69, оп. 1, д. 476, л. 16.

[16] Госархив Харьковской области, ф. 408, оп. 10, д. 42, лл. 25—26.

[17] Партархив Харьковского обкома КПУ, ф. 2, оп. 5, д. 468, л. 16.

[18] Там же, ф. 81, оп. 1, д. 123, л. 3.

[19] Архив Харьковского облисполкома, протокольная часть, оп. 2, д. 18, л. 205.

[20] Там же, д. 165, лл. 24—25.

[21] Партархив Харьковского обкома КПУ, ф. 2, оп. 1, д. 624, лл. 177—179.

[22] Архив Харьковского облисполкома, протокольная часть, оп. 2, д. 170, л. 15.

[23] Там же, д. 165, л. 76.

[24] Там же, д. 69, л. 48.

машин. В этом отношении очень интересна справка секретаря Харьковского горкома партии об оказании помощи предприятиями и организациями г. Харькова сельским районам области, составленная 25 октября 1945 г.[25].

О проделанной работе по восстановлению промышленности и сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны был составлен в 1945 г. уполномоченным Госплана СССР по Харьковской области статистический сборник «Два года работы по возрождению Харьковщины»[26], в котором нашли отражение почти все вопросы восстановления народного хозяйства на Харьковщине.

[25] Партархив Харьковского обкома КПУ, ф. 69, оп. 1, д. 673, л. 12.

[26] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 489.

Н. К. Калюжная, Л. Ф. Майстренков, Е. И. Пахнин, Г. М. Склядне,

НА КАФЕДРЕ АРХЕОГРАФИИ МГИАИ

В Московском государственном историко-архивном институте 7 октября 1958 г. состоялось расширенное заседание кафедры археографии с участием сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Института истории АН СССР, Главного архивного управления МВД СССР, Архивного управления МВД РСФСР и государственных архивов г. Москвы. На заседании были подняты некоторые вопросы публикации документов в связи с обсуждением статей по археографии, опубликованных в исторических журналах к 40-летию Ленинского декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР».

Во вступительном слове заведующий кафедрой археографии МГИАИ *М. С. Селезнев,* охарактеризовав вышедшие статьи по археографии в целом, отметил большое значение статьи А. А. Новосельского и В. А. Кондратьева «О публикации исторических источников в СССР за 40 лет» («История СССР», 1958, № 3), в которой не только дан обзор достижений советской археографии по историческим этапам, но и подвергнуты справедливой критике существенные недостатки в теории и практике публикации источников, приведены ценные соображения о задачах советской археографии. В статье В. И. Шункова «Издание исторических источников в СССР в 1957 г.» («Исторический архив», 1958, № 3) подведены итоги публикаторской деятельности наших учреждений за 1957 г., определено значение вышедших изданий, поставлены важные вопросы в области археографии, ждущие своего разрешения. В статье М. С. Селезнева «О публикации документальных материалов по истории советского общества» («Вопросы истории», 1958, № 6) подведены итоги публикации документов по истории советского общества за последние годы.

М. С. Селезнев предложил участникам заседания высказаться по ряду важных вопросов археографии: о выявлении и отборе документов для печати, о видах и формах публикации документов, о «регестах», о повторности публикации документов, о передаче текста исторических источников, о периодизации истории советской археографии. Деловое всестороннее обсуждение этих и ряда других вопросов археографии, серьезная аргументация, говорит М. С. Селезнев, помогут внести ясность в их понимание не только при разработке теоретических и практических проблем, но и в борьбе с выпадами зарубежных реакционеров и всякого рода ревизионистов в адрес советской археографии.

М. Н. Черноморский (МГИАИ) в своем выступлении предлагает производить наиболее полный отбор документов для издаваемых сборников, подобно тому как это делалось в сериях сборников «Международные отношения в эпоху империализма». Историк должен быть уверен, что археограф целиком освоил фонды документов по данной теме и не испытывать необходимости обращаться к архиву. В предисловии необходимо сообщать сведения о принципах комплектования и подбора документов для сборника.

П. А. Ивницкий (ред. журнала «Исторический архив») отметил, что хотя историк безусловно заинтересован в издании сборников, включающих все относящиеся к теме документы, но, как правило, осуществить это невозможно, в виду большого количества сохранившихся материалов, что обусловливает их «выборочность». Целесообразно было бы сопровождать также издания перечнями выявленных, но не публикуемых документов. Такие перечни облегчат получение неопубликованных документов в архивах. В целях опубликования наибольшего количества новых источников следует отказаться от повторной публикации ранее издававшихся документов.

Что касается периодизации развития советской археографии, которая предлагается в статье А. А. Новосельского и В. А. Кондратьева, то она не может быть принята, так как периодизация определяется

не только и, пожалуй, не столько количеством опубликованных сборников документов, сколько содержанием и направлением публикаций, изменением методов и форм изданий и т. п.

В. М. Хевролина (ГАУ МВД СССР) считает, что изданные тематические сборники не всегда полностью отвечают поставленной теме, поэтому следует продумать вопрос о разработке других форм публикаций документов. Более полному раскрытию темы сборника может служить расширение состава научно-справочного аппарата, отражающего большинство выявленных, но не включенных в сборник документов (перечни, обзоры и справки о выявленных, но не вошедших в сборник документах, таблицы, разного рода списки и т. д.).

Она поставила также вопрос о правильном издании мемуарных источников, публикация которых должна сопровождаться тщательным изучением времени их создания, авторства и т. д., а также вопрос о публикации иностранных текстов, в издании которых существует разнобой.

В. М. Хевролина отметила также, что вина в недостатках передачи текста документов, изданных за последние годы сборников частично лежит и на кафедре археографии института, которая недостаточно остро ставила вопросы о тщательном сохранении текста подлинника и уважении к нему.

Б. Г. Литвак (ред. журнала «Исторический архив») отметил, что причина серьезных недочетов ряда сборников в субъективном подходе составителей к отбору документов, в стремлении к иллюстративности, в слабом обобщении опыта предыдущих публикаций по аналогичной теме. В связи с этим целесообразно было бы кафедре археографии заняться изучением серийных изданий («Великая Октябрьская социалистическая революция» и др.). Важно пересмотреть методы отбора документов, шире практиковать публикацию отдельных разновидностей источников. Так, например, полезно было бы издать протоколы ВСНХ и СНК, отчеты различных министерств за ряд лет, а также целиком опубликовать наиболее интересные фонды. Такого рода материалы являются ценнейшими источниками для широких научных обобщений; они свободны от узких тематических рамок и исключают возможность субъективизма публикатора.

Б. Г. Литвак коснулся также вопроса о необходимости более широкого освещения в печати огромной работы по ленинской текстологии, что особенно важно в связи с подготовкой к изданию полного собрания сочинений В. И. Ленина.

Чем ближе к нашему времени, говорит Б. Г. Литвак, тем больше документов находится в распоряжении исследователя, иногда массовый источник буквально подавляет исследователя. В этих случаях вполне резонно пользование таким приемом передачи текста, каким являются «регесты». Комиссия по истории земледелия и крестьянства АН СССР готовит к изданию уставные грамоты крестьянской реформы 1861 г., предполагая опубликовать «сердцевину» этого документа — цифровой материал. Такой метод может быть применен и к изданию других документов с четко обозначенным формуляром. Нужно разрабатывать приемы изданий такого рода, конкретно изучая каждую разновидность документов и изыскивая возможности их публикации. Думаю, что настало время дополнить общие правила издания документов серией частных правил по изданию отдельных видов документов, по применению отдельных приемов издания. Нельзя просто отмахнуться от «регест».

Т. В. Ивницкая (МГИАИ) выступила по вопросу об археографии фотодокументов. Она сообщила о том, что на кафедре археографии представлена первая дипломная работа в виде самостоятельного альбома фотодокументов. Члены кафедры проводят работу по разработке принципов популяризации документов, не включенных в состав издания (использование их в примечаниях, перечнях и обзорах). Эти вопросы разбирались также в ряде студенческих дипломных работ. Кроме того, коллектив кафедры обсуждал вопросы об издании текстов протоколов и наиболее важных небольших фондов, как, например, фонды Военно-революционного комитета, Центрального совета фабзавкомов Петрограда и других.

Т. В. Ивницкая напомнила также о том положении вещей до XX съезда КПСС, когда институт, так же как и другие учреждения, следовали в своей работе духу времени. В статье А. А. Новосельского и В. А. Кондратьева, подводящей итоги 40-летнего развития советской археографии, основные задачи ее намечены недостаточно широко и полно. В вопросе о сокращенной передаче текста рассматриваются лишь «регесты», между тем не менее важен вопрос о разработке методики издания других видов сокращенной передачи текста, в частности передачи текста в извлечениях. Периодизация истории советской археографии, до того как вопрос о ней был поднят в статье А. А. Новосельского и В. А. Кондратьева, впервые предложена в программе курса археографии МГИАИ. Эта работа продолжается и будет усилена в связи с разработкой проекта учебника по истории археографии. Периодизация дана в указанной статье почти без обоснований. В частности, нельзя согласиться с выделением в особые периоды 1920—1924 гг. и 1925—1928 гг.

К. Г. Митяев (МГИАИ) отметил, что между стремлением историков получить возможно большее количество опубликованных источников и возможностью осуществить эти пожелания имеется противоречие, поскольку применяющиеся несовершенные приемы археографической ра-

боты не позволяют включить в широкий научный оборот массу архивных материалов. На помощь исследователю должна прийти новая техника — микрофильмирование. Недооценивается у нас и фотодокументация. В сборниках, наряду с обычными делопроизводственными документами, должны использоваться и фотодокументы. Кроме того следует применять метод «регест», посредством которого можно публиковать такие первоклассные экономические источники, как документация бухгалтерского учета, которую иным путем издавать технически невозможно.

Возражая К. Г. Митяеву по вопросу о включении в публикации фотодокументов, *А. Е. Шнейдер* (ЦГВИА) сказал, что в сборниках должны помещаться материалы одного плана и сравнимого качества. Нельзя наряду с делопроизводственными документами помещать фотографии (а также мемуары и воспоминания). В противоположность М. Н. Черноморскому А. Е. Шнейдер полагает, что никакой сборник документов по той или иной теме не может заменить собою целиком архива. Исследователям всегда придется пользоваться архивами, но сборник даст исследователю комплекс основных источников по теме, поможет ему разобраться в архивных материалах. Только сплошное микрофильмирование и фотокопирование может дать адекватный архиву материал.

А. Е. Шнейдер не согласен с Н. А. Ивницким по вопросу о повторности издания документов, он считает, что некоторые, ранее опубликованные материалы. если они «надежно забыты» и выпали из научного оборота, заслуживают повторного опубликования.

Многие выступающие поддержали мысль о целесообразности применять в публикациях «регесты». С другой стороны *М. С. Селезнев* (которого в этом отношении поддержала Е. М. Тальман) квалифицировал «регесты» как особый род научно-справочного аппарата, призванный знакомить исследователей с документальными богатствами архивов. «Регестры», сказал он, не являются формой публикации документов; при посредстве «регестов» текст источников не сможет быть передан, так как в них изложено лишь содержание документов.

Методика применения «регестов» у нас еще не разработана, а заграничный опыт нуждается в критическом осмысливании и его не следует применять механически. По этому вопросу, так же как и по вопросу о том, каким категориям и комплексам документов следует в первую очередь применять «регесты», необходимо специальное обсуждение.

М. С. Селезнев отмечает как положительный факт заострение в обсуждаемых статьях вопроса о передаче текста документов, к решению которого, до настоящего времени, в ряде случаев, наблюдается неправильный подход. Даже в последних юбилейных публикациях по истории Великой Октябрьской социалистической революции встречаются существенные недочеты в воспроизведении текста: замена одних слов в документах другими, редакционная правка части текста документа (в сборниках «Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти», «Установление Советской власти в Мордовии», «Установление Советской власти в Ярославской губернии»). В некоторых сборниках выдержки из одного документа публикуются в виде самостоятельных документов. Такой «метод» приводит к нарушению связи части с целым, к неправильному представлению о происхождении публикуемой части документа, к выпадению подписей под документами.

Причины такого рода археографических ошибок кроются в том, что в ряды публикаторов влились новые люди, особенно на местах, не имеющие достаточной источниковедческой и археографической подготовки и историко-архивного образования (окончили педагогические, юридические, литературоведческие, экономические и сельскохозяйственные учебные заведения). В связи с этим встает вопрос о повышении квалификации этих сотрудников. Нужно подготовить доступные пособия по археографии. Эта задача ложится на МГИАИ, ГАУ МВД СССР, Институт истории АН СССР и другие научные учреждения.

Сказывается также неправильное представление о том, будто критический подход к источникам дает право публикатору свободно вмешиваться в текст, исправлять «ошибки» документов. Одно дело, когда устраняются явные описки в тексте, другое — когда начинается замена слов (да еще без оговорок). Это уже не критический подход к изданию, а извращение этого подхода. За последнее время научная общественность подняла этот вопрос в центральной научной печати, но в республиканских и областных научных органах печати, украинских, белорусских, грузинских изданиях эти вопросы почти не ставятся.

Преподаватели археографии МГИАИ учат студентов, что в изданиях для специалистов текст может воспроизводиться типографским способом буквально, со всеми погрешностями. Такие издания, вышедшие до революции и в советское время, уже сыграли свою положительную роль в научной работе. Но все-таки их надо анализировать еще глубже, ибо текстологическая работа там также отражается в примечаниях, в предисловиях. Эти издания представляют интерес и в других отношениях. В течение определенного времени такие издания скорее служили предметом критики, нежели всестороннего и глубокого анализа. Студенты сейчас получают и в еще большей степени должны получать знания о том, как могут применяться разные методы в издании документов, в зависимости от их назначения.

Отмечая важность постановки вопроса о периодизации истории советской археографии, М. С. Селезнев говорит, что некоторые из периодов, указанных в статье А. А. Новосельского и В. А. Кондратьева, являются вполне обоснованными; например, выделение периода с 1917 по конец 1920 г., имеющего ряд специфических черт и в отношении направленности изданий, и в отношении методов издания источников и т. д. Не вызывает сомнений период с 1941 по 1945 г., то есть период Великой Отечественной войны. Что касается периодов с 1921 по 1924 г., с 1925 по 1928 г. и других, то эти хронологические рамки нуждаются в значительном уточнении. Например, в отношении периода 1925—1928 гг. в указанной статье отмечено, что в это время издание сборников в массе своей было приурочено к 10-летию Великого Октября (23 сборника), к 20-летию Первой русской революции 1905—1907 гг. (26 сборников) и к 100-летию восстания декабристов. Конечно, юбилеи оказывают определенное влияние на развитие археографии, но в первую очередь на тематику издания. В основу периодизации советской археографии следует, очевидно, положить иные критерии, которые находились бы в определенной связи с периодизацией развития советской исторической науки, учитывали бы методологические и методические изменения в издании источников, изменения в издании документов в национальных республиках и другие моменты.

В дальнейшем обмен мнениями по вопросам периодизации истории советской археографии следует продолжать.

С. О. Шмидт (ред. журнала «История СССР») рекомендовал при решении вопроса о типах изданий документов, учитывать круг читателей, на который они рассчитаны. «Для меня,— говорит он,— совершенно ясно, что исследователь не сможет ни при каких условиях обойтись без изучения архивных материалов». В то же время огромной массе преподавателей, учащихся и, наконец, читателей, интересующихся историей (которых не следует забывать), необходимы тематические сборники. Поэтому значение последних нельзя отрицать. В обсуждаемых статьях по археографии интересы массового читателя остаются вне поля зрения. С. О. Шмидт присоединяется к мысли о том, что многие недочеты изданных сборников документов вытекают из чрезвычайной спешки в их подготовке и, вследствие этого, из неполноты выявления материалов. Так, в ряде случаев составители базируются исключительно на документах столичных архивов, забывая о фондах периферийных хранилищ. С. О. Шмидт частично ответил на вопрос о том: как следует поступать с публикацией документов, написанных на иных языках, чем основная масса документов сборника. Он считает, что в случаях, когда сборник издается в национальных республиках, документы следует публиковать только на языке оригинала.

С таким мнением, однако, согласиться нельзя, так как эти документы не будут доступны лицам, не знающим этого языка. Вернее будет одновременно печатать перевод документа на русском языке.

Е. М. Тальман (МГИАИ) отмечает, что причина неудовлетворительного состава ряда сборников заключается в слабой организации работы по их подготовке, в спешке, в слабом знании темы публикации и самих архивных материалов. Глубокое овладение марксистско-ленинской теорией, на которой основывается метод отбора документов, обеспечивает объективность, научность осуществления этого важного вида работы и исключает субъективный подход к нему. При этом партийный подход не противоречит, а предполагает объективность в решении вопроса об отборе документов для печати.

Публикации определенных видов источников безусловно важны, но противопоставлять их тематическим сборникам, которые в значительной степени освобождают исследователей от работы в архивах, не следует; особенный интерес они представляют для массового читателя. Кроме того, и издание целого фонда немыслимо без отбора документов, без отсева мелкой делопроизводственной переписки, препроводительных бумаг и т. п.

Е. М. Тальман считает, что позиция товарищей, склонных отказаться от публикации документов в извлечениях, неверна. Например, в тематическом сборнике могут быть опущены те части публикуемых протоколов, которые не имеют прямого отношения к теме сборника. Можно исключать и из других документов места, содержащие сведения, освещенные более подробно в других документах сборника. Уставные грамоты целесообразнее подвергнуть статистической обработке и публиковать в виде таблиц, а не «регест», чтобы избежать повторений. В большей мере «регесты» могут быть применены в примечаниях, перечнях, обзорах.

В статье А. А. Новосельского и В. А. Кондратьева содержится тезис о том, что ошибки в публикациях исторических источников в некоторой степени определялись недостатками в преподавании археографии («в послевоенные годы... преподавание вопросов передачи текста документов велось упрощенно, с упором на разного рода приемы исправления и уточнения текста документов»). На это Е. М. Тальман возражает, что и при буквальных приемах передачи текста документов возможно плохое качество передачи текста. Корень зла не в приемах передачи текста, а в тех кадрах, которые не умеют их научно применять.

И. И. Корнева (МГИАИ) выражает свое удовлетворение четкой постановкой вопро-

сов в статье В. И. Шункова, в противоположность которой статья А. А. Новосельского и В. А. Кондратьева, хотя и задуманная широко, не осветила всех поставленных вопросов. Так, в ней не содержится характеристики тех правил публикации документов, о которых упоминают авторы.

Положительной чертой статьи М. С. Селезнева является критика недостатков, имеющих место при передаче текста документов.

По мнению И. И. Корневой, при публикации текстов подлинников нельзя устранять погрешности, допущенные автором — они должны оговариваться в примечаниях. Устранять их следует при передаче текстов машинописных копий.

В. А. Кондратьев (ГАУ МВД СССР) говорит о необходимости заострить внимание на методологических положениях советской археографии, особенно по вопросу об отборе документов для печати. При публикации следует давать источники в их совокупности таким образом, чтобы они отражали картину реальной действительности.

Следует практиковать и пофондовые публикации, но всегда нужно исходить из состава и содержания материалов каждого конкретного фонда, отмечает В. А. Кондратьев. Критикуя серийные издания за их неполноту (издания 1925—1926 гг. о стачечном и крестьянском движении, о Советах рабочих депутатов, о профессиональном движении и т. д.), он высказывается за продолжение изданий тематических сборников, вполне оправдавших себя. Их нужно снабжать обзорами или перечнями выявленных, но не включенных в книгу документов, без чего представление о документальной базе будет недостаточным.

В. А. Кондратьев отмечает, что вопросы периодизации развития советской археографии безусловно требуют дальнейшей разработки. В статье, помещенной в журнале «История СССР», сделаны в этом отношении лишь первые попытки. Так, наиболее четко определены только отдельные периоды: октябрь 1917 г.— сентябрь 1920 г., сентябрь 1920 г.— 1925 г., 1941—1945 гг., 1946—1955 гг.; начало нового периода относится к 1956 г.

В. В. Максаков (МГИАИ) предлагает отказаться от многотомных серийных сборников документов, в материалах которых тонут важные события. Ими трудно пользоваться. Это особенно неподходящая форма издания для массового читателя. В то же время следует поставить вопрос об издании сборников документов определенного типа по истории советского общества. Конечно, необходимы и тематические однотомники, составленные из наиболее ценных документов. В отдельных случаях имеет смысл опубликование целиком важных архивных фондов, но в принципе издание целого фонда без отбора маловажного материала совершенно исключается.

Касаясь вопроса об угрозе субъективного подхода к выбору документов тематического издания, В. В. Максаков отметил, что эта опасность не страшна: археограф, беря на себя ответственность за включение или невключение тех или иных источников в публикацию, обязан глубоко изучить проблему, над которой он работает. Далее В. В. Максаков остановился на вопросе — о едином руководстве археографической деятельностью. Вопрос о создании Археографической комиссии, как единого руководящего центра, был поставлен давно. При рассмотрении его следует исходить из нового «Положения о Государственном архивном фонде Союза ССР», в котором сказано о необходимости координированного планирования археографической работы учреждений и участии в этом деле Московского государственного историко-архивного института.

И. А. Кудрявцев (МГИАИ) обратил внимание участников обсуждения на необходимость учесть ошибки, допущенные в планировании издания документов: нельзя по-прежнему преобладающее место отводить местным изданиям. Очень много средств и сил было потрачено на подготовку местными архивами сборников, посвященных 40-летию Октября, но тем не менее многие из них нельзя считать научными. Об имеющихся в них недостатках много говорилось и на этом заседании, и раньше, много писалось в журнальных рецензиях. Такие сборники быстро утрачивают свое значение.

Вообще, подчеркивает И. А. Кудрявцев, следует отказаться от чрезмерного увлечения тематическими изданиями. Архивам необходимо поставить вопрос о широком издании отдельных видов документов, например, протоколов СНК, различных министерств, Госплана и т. д., интереснейшие материалы которых послужат источником для исследования в течение ряда лет.

Большую пользу исследователям приносят обзоры фондов, говорит в заключение И. А. Кудрявцев. Каждым таким обзором историки пользуются многие годы, чего нельзя сказать, однако, о тематических обзорах — своего рода тематических справках, имеющих в большей мере преходящее значение.

Подводя итоги состоявшемуся обсуждению статей по археографии, *М. С. Селезнев* оценивает его как положительный факт. Высказанные соображения являются ценным материалом по ряду важных и мало или вовсе не освещенных вопросов археографии (вопросы типа публикаций, текстологии, применение «регест», периодизации истории советской археографии и др.). Это поможет кафедре археографии, а также научным учреждениям, занимающимся изданием исторических документов, в дальнейшей разработке этих проблем.

Большие и сложные задачи, стоящие ныне перед советской исторической наукой, требуют всестороннего развития теории, методики и практики археографии. Эта задача, в свою очередь, обязывает все заинтересованные учреждения (МГИАИ, Археографическую комиссию при Отделении исторических наук АН СССР, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Главное архивное управление МВД СССР и др.) теснее объединить свои силы.

Е. М. Тальман

ЗАСЕДАНИЕ НАУЧНОГО СОВЕТА ПО ВОПРОСУ О СОСТАВЛЕНИИ ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ

24 декабря 1958 г. в Архивном управлении МВД РСФСР было проведено заседание Научного совета по вопросу «Об организации и методике подготовки путеводителей по фондам государственных архивов РСФСР».

В своем докладе начальник отдела Управления *И. Д. Анашкин* отметил, что, выполняя Постановление Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 г., архивные учреждения РСФСР значительно активизировали подготовку путеводителей по государственным архивам.

В настоящее время 53 государственных архива Российской Федерации совместно с научно-исследовательскими учреждениями ведут эту работу. Издание путеводителей в основном планируется на 1960—1961 гг. В 1958 г. шесть путеводителей были сданы в издательства, путеводители по Центральному государственному архиву Дагестанской АССР и Государственному архиву Курской области уже изданы, четыре путеводителя находятся в наборе, государственные архивы Татарской АССР, Ивановской, Ростовской, Владимирской, Тюменской и др. областей завершают их подготовку.

Однако есть еще государственные архивы, которые недооценивают этот важный участок работы и до сих пор не приступили к составлению путеводителей. Ряд государственных архивов ведет эту работу очень медленно.

Далее в докладе на решение научного совета были поставлены следующие организационные вопросы: включать ли материалы филиалов госархивов в состав путеводителя по крайоблгосархиву или готовить путеводители раздельно, задерживать ли подготовку путеводителя до полного завершения комплектования госархивов, целесообразно ли включать в путеводитель сведения о непрофильных фондах и, наконец, издавать ли в отдельных случаях путеводители не типографским путем.

Затем в докладе были освещены некоторые вопросы методики составления путеводителей.

По государственным архивам областей, краев и автономных республик, сказал докладчик, могут быть выработаны и рекомендованы примерные схемы построения путеводителей. В основу построения большинства схем путеводителей по фондам государственных архивов Российской Федерации принята действующая структура архива.

После издания в 1957 г. приказа ГАУ МВД СССР некоторые государственные архивы в основу построения схем положили принцип историзма. Внутри основных разделов фонды группируются по производственно-отраслевому принципу. По разделам и подразделам схем фонды распределяют с учетом функций фондообразователей, масштабов их деятельности, характера производства и т. д. Исторические справки государственные архивы составляют кратко, но без ущерба полноты передачи основных данных о деятельности фондообразователя. Сведения о составе и содержании фондов располагаются в основном или по вопросно-тематическому признаку, или по структурным частям фондообразователя.

В докладе был поставлен вопрос о целесообразности составления библиографии к фонду.

В заключение докладчик выразил уверенность, что с поставленной задачей архивные учреждения РСФСР вполне справятся.

М. С. Селезнев (МГИАИ) сказал, что ознакомление с уже изданными путеводителями позволяет высказать ряд замечаний и пожеланий. В предисловии к путеводителям желательно отражать состояние документальных материалов, давать сведения о движении фондов и степени использования документов. Большое внимание следует уделять фондам низовых учреждений, важность которых часто недооценивается и подобные фонды не поступают на хранение в наши архивы.

М. С. Селезнев остановился на комплектовании государственных архивов личными фондами. В Курском путеводителе, сказал он, имеются личные фонды только за дореволюционный период. Это указывает на недостаток работы архивных учреждений Курской области по комплектованию архива личными фондами Советского периода. Нельзя согласиться с тиражом Курского путеводителя (тираж в 1000 экз. очень мал).

М. А. Ильин (АО УВД Калининского облисполкома) отметил, что в докладе мало сказано о библиографии к фонду. Библиографию лучше помещать в предисловии к путеводителю.

Большое внимание следует уделять включению в путеводитель иллюстративного материала. М. А. Ильин не согласен с мнением докладчика о привлечении специалистов к составлению путеводителей. В архивах достаточно квалифицированных кадров, способных провести редактирование путеводителя. В докладе, сказал он, хотелось бы услышать, как осуществляется подготовка путеводителей в странах народной демократии.

АУ МВД РСФСР должно воздействовать на государственные архивы, которые не приступили к составлению путеводителей или ведут эту работу очень медленно.

Н. А. Малеванов (ГИАЛО) отметил, что вопрос об организации и методике подготовки путеводителей поставлен своевременно.

Затем он остановился на комплектовании госархивов, считая, что этот вопрос решен не до конца. Принцип географического комплектования порождает искусственный разрыв материалов. Он пожелал АУ МВД РСФСР обобщить опыт работы по составлению схем путеводителей.

Работе над историческими справками помогли бы справочники по истории государственных учреждений, но их не составляют.

Л. А. Ефремова (АО УВД Курского облисполкома) в своем выступлении остановилась на вопросе о научно-справочном аппарате путеводителя. Новый путеводитель по Госархиву Курской области снабжен предметным, именным и географическим указателями. Эти указатели составлялись путем разработки текста на карточки, затем была проведена их систематизация. В приложении к путеводителю дан список фондов, на которые не составлены характеристики. Он составлен в соответствии со схемой построения характеристик путеводителя. К путеводителю приложен список фондов, относящихся к профилю Государственного архива Белгородской области. Справка об административно-территориальном делении, включенная в путеводитель, помогает в работе не только исследователям, но и архивистам в деле публикации и наведении справок.

Далее Л. А. Ефремова затронула важные практические вопросы успешного распространения путеводителя.

В. В. Максаков (МГИАИ) отметил, что за 40 лет деятельности архивных учреждений РСФСР издание всего лишь нескольких путеводителей является крайне недостаточным.

При аннотировании документальных материалов составителям необходимо знать роль учреждений, существовавших в тот или иной период, и дать оценку материалам, насколько они отражают деятельность учреждения. Архивисты должны знать историю своего края и правильно отражать события в путеводителе. В этих целях ГАУ СССР и АУ РСФСР следует подготовить краткий справочник по истории госучреждений.

В. В. Максаков поддерживает предложения об иллюстрировании путеводителей, о подготовке путеводителей до окончательного завершения комплектования госархивов и раздельной подготовки путеводителей по архивам и их филиалам, но возражает против составления групповых характеристик.

А. В. Белинская (АО УВД Ленинградского облисполкома) подвергла резкой критике правила комплектования государственных архивов, изданные в 1957 г., и считает неправильным решение о передаче фондов периода Временного правительства из архивов Октябрьской революции в исторические архивы. Изучение истории советского общества всегда начиналось с Февральской буржуазно-демократической революции. После Февральской революции возник ряд новых учреждений, отличных по своей сущности от органов власти, существовавших при царизме. Эти учреждения иногда продолжали свою деятельность и после Октябрьской революции и их материалы составляют единые фонды, исторически сложившиеся в силу единой системы делопроизводства. Неправильным положением, наносящим вред сохранности документальных материалов, является и положение о передаче материалов из архива в архив в связи с административно-территориальными изменениями. Перемещение ряда фондов из одних архивов в другие затруднит использование документальных материалов и вызовет неминуемую путаницу в археографической работе. Это мнение разделяют и многие исследователи [1].

Далее А. В. Белинская остановилась на контрольно-справочном аппарате путеводителя по ГАОР и СС Ленинградской области.

Л. И. Буханова (АО УВД Ростовского облисполкома) рассказал об опыте работы по подготовке путеводителя по Государственному архиву Ростовской области и его филиалам.

Одна из старейших архивистов *О. Е. Карноухова* не согласилась с мнением о ненужности библиографии. Библиография необходима — она повышает культуру издания путеводителей, облегчает труд исследователя, отражает интерес, который был проявлен в прошлом к данному фонду. Она предложила составить примерную схему путеводителя. Разработка общей схемы возможна, так как нет таких специфических учреждений, которые нельзя отразить в общей схеме.

---

[1] См. выступление ст. научного сотрудника Института истории АН СССР В. Е. Полетаева при обсуждении макета путеводителя по ГИАМО. «Исторический архив», 1958, № 4, стр. 243.

В заключение О. Е. Карноухова остановилась на качестве аннотирования документальных материалов в путеводителях по государственным архивам РСФСР. Прежде всего необходимо указать на объективизм некоторых формулировок и не всегда правильную трактовку исторической обстановки. Общим недостатком при аннотировании содержания фондов является скрытие конкретных разновидностей документов за обобщенным понятием «материалы». Есть государственные архивы, которые впадают в другую крайность, ограничиваются лишь перечислением видов документов в ущерб раскрытию их содержания. Следует отметить и такой неправильный прием аннотирования документальных материалов, когда составители стремятся перечислить всех корреспондентов, опять-таки не раскрывая содержания переписки. Необходимо также уделять больше внимания статистическим материалам.

В. В. Лебедева (Госархив Рязанской области) в своем выступлении поделилась опытом работы по составлению характеристик путеводителя по Госархиву Рязанской области. На однотипные по составу и содержанию фонды, сказала она, составлялись групповые характеристики. Подведомственность учреждений сообщалась в исторической справке, а их функции указывались только тогда, когда они не ясны из названия фондообразователя, при этом, если сообщались функции губернских, областных учреждений, то для однотипных уездных — этого не делалось. Это же касается и политической оценки. Аннотирование документальных материалов проводилось по видам документов, а не по их тематике (за исключением фондов с устойчивой структурой). В приложениях к путеводителю дали именной (глухой) и географический указатели. В заключение В. В. Лебедева выразила желание чаще проводить методические совещания при АУ МВД РСФСР.

Л. Л. Смоктунович (ГАУ МВД СССР) не согласился с выступлением А. В. Белинской. ГАУ МВД СССР, сказал он, считает необходимым передать фонды учреждений Временного правительства из архивов Октябрьской революции в исторические архивы, поскольку учреждения-фондообразователи сосуществовали с царскими учреждениями и разделили их судьбу. Это мнение поддерживается и другими научно-исследовательскими учреждениями. Не согласился Л. Л. Смоктунович также с В. В. Лебедевой в отношении аннотирования документальных материалов по их видам.

Одним из лучших путеводителей, отметил он, является путеводитель по Государственному архиву Курской области.

В. Н. Самцова (АО УВД Калужского облисполкома) пожелала АУ МВД РСФСР обобщить опыт работы государственных архивов по подготовке путеводителей, упрекнув МГИАИ в том, что институт все еще уделяет мало внимания изучению истории государственных учреждений.

Подводя итоги обсуждения, *П. В. Ильин* (нач. АУ МВД РСФСР) сказал, что Архивное управление примет все необходимые меры по оказанию помощи архивным учреждениям Российской Федерации по подготовке путеводителей. Материалы научного совета будут обобщены и опубликованы в «Информационном бюллетене» АУ МВД РСФСР. Также будут опубликованы и рецензии на изданные путеводители.

Научный совет одобрил в целом работу государственных архивов по подготовке путеводителей и считает необходимым для обобщения положительного опыта по составлению путеводителей подготовить АУ МВД РСФСР обзор. К составлению путеводителей привлекать местные научные силы. Рекомендовать госархивам, имеющим филиалы, готовить путеводители совместно с филиалами, но в исключительных случаях — раздельно. Обращать более серьезное внимание на разработку схем, политически правильное аннотирование документальных материалов, составление предисловий и указателей.

А. Г. Кузьмина

КОНФЕРЕНЦИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»

12 декабря 1958 г. состоялась конференция читателей журнала «Исторический архив», организованная редакцией журнала и дирекцией Государственной публичной исторической библиотеки.

В работе конференции приняло участие свыше 120 чел., среди них большая группа старых большевиков, научные сотрудники, преподаватели, работники государственных архивов, учителя и студенты.

В своем вступительном слове главный редактор журнала проф. *В. И. Шунков* осветил основные направления в работе «Исторического архива» в 1955—1958 гг. и обратился к читателям с просьбой высказать свои замечания и пожелания в адрес редакции.

В выступлении *С. М. Кляцкина* (Ин-т истории АН СССР) было отмечено, что «Исторический архив» — полезное издание

для научных работников, преподавателей и аспирантов. Слабым местом журнала является недостаточное отражение в нем материалов послевоенного периода.

Далее т. Кляцкин выразил сожаление в связи с тем, что до сих пор в журнале не помещено рецензии на капитальный труд археографов Института истории АН СССР, Главного архивного управления и государственных архивов по изданию документов Октября.

С. М. Кляцкин предложил организовать на страницах журнала дискуссию во вопросам источниковедения, архивоведения и археографии. В заключение он отметил, что журнал сделал большие успехи; повысилось качество публикуемых материалов, расширилась тематика.

М. С. Селезнев (МГИАИ) отметил, что в «Историческом архиве» помещен ряд важных обзоров и публикаций документов — преимущественно по истории советского общества. Нужно приветствовать также публикацию статей по теории и практике архивного дела и археографии.

Касаясь разделов журнала «статьи» и «сообщения» М. С. Селезнев высказал пожелание об увеличении дискуссионных статей по вспомогательным историческим дисциплинам, в частности, по археографии, и предложил продолжить и подвести итог начатой дискуссии по вопросам экспертизы научной и практической ценности документальных материалов, привлекая к этому наиболее квалифицированных авторов. Целесообразно опубликовать статьи по метрологии, хронологии, геральдике и т. д.,— работы такого рода в советской историографии насчитываются единицами, однако в них ощущается практическая необходимость. Преподаватели МГИАИ могут взять на себя написание ряда таких статей.

С большим интересом было воспринято выступление генерал-лейтенанта *А. И. Тодорского*. В начале своего выступления он дал положительную оценку журнала, с удовлетворением отметив, что почти в каждом номере публикуются материалы по истории гражданской войны и ее героях, многие из которых незаслуженно забыты. Однако не со всеми оценками активных деятелей гражданской войны можно согласиться. В №№ 1 и 2 за 1958 г. опубликован доклад главнокомандующего всеми военными силами республики И. И. Вацетиса В. И. Ленину. Во вводной статье о самом Вацетисе (а имя его давно не упоминалось в нашей печати) сказано, что он «ослаблял Восточный фронт своими противоречивыми директивами» и был освобожден от занимаемой должности. Это — далеко не полная оценка Вацетиса — одного из первых офицеров Генерального штаба, перешедших на сторону Советской власти и с винтовкой в руках отстаивавшего ее. «Исторический архив» допустил ошибку, опубликовав в № 4 за 1958 г. послужной список начдива В. М. Азина. В. М. Азин — легендарный герой гражданской войны, но опубликованный документ вызывает серьезные возражения. Нельзя на основании послужного списка опровергать год рождения, национальность и т. п. сведения, особенно те, которые уже установлены в литературе. Для этого необходимо привлечь такие документы, как выписки из метрической книги и др., и только после этого делать категорические выводы [1].

В. Е. Полетаев (Институт истории АН СССР) отметил, что несмотря на то, что «Исторический архив» стал выходить почти через 15 лет после прекращения выхода журналов «Красный архив», который публиковал исторические документы, и «Архивное дело», где помещались статьи по вопросам архивоведения, он унаследовал профиль этих журналов. Журнал стремится удовлетворить интересы и историков-исследователей и историков-архивистов. И тех и других не удовлетворяет объем публикуемого материала по интересующим их вопросам, но объем журнала (15 печ. листов) не может вместить необъятного. Почему в 1940 г. в нашей стране можно было издавать два архивных журнала и почему сейчас мы в этом отношении не можем достичь довоенного уровня?

Ценным является публикация на страницах журнала материалов по истории советского общества и стремление опубликовать новейшие материалы по Отечественной войне, о бухенвальдском сопротивлении и послевоенном строительстве.

Хотелось бы, чтобы к журналу были шире привлечены авторы (в том числе архивные работники) с периферии. В заключение В. Е. Полетаев присоединился к предложениям С. М. Кляцкина и М. С. Селезнева об организации дискуссий на страницах «Исторического архива». Следует обсудить особенности публикации документов по истории Советского общества: в этом вопросе существует разнобой; иногда документы публикуются в настолько «обработанном» виде», что они теряют всякое научное значение.

В. А. Черных (ГАУ МВД СССР) в своем выступлении останавливается на проблемах методики архивного дела. Он отмечает, что в журнале статьи по этим вопросам занимают меньше трети общего объема. В настоящее время ГАУ МВД СССР издает свой «Информационный бюллетень», но он имеет узкий круг читателей. Поэтому хотелось бы, чтобы в журнале публиковалось больше материалов по архивоведению.

На дискуссии об экспертизе научной и практической ценности документальных материалов была организована неудовлет-

---

[1] От редакции. Редакция журнала «Исторический архив» считает замечание А. И. Тодорского серьезным, заслуживающим особого внимания. См. также газету «Красная звезда» от 18 января 1959 г.

ворительно. В № 2 за 1958 г. была опубликована ценная статья А. Елпатьевского, а в следующем — статья К. Г. Митяева, в которой многие вопросы освещались с других позиций[2]. Однако дискуссии не получилось, и до сих пор редколлегия не высказалась по существу вопроса.

«Исторический архив» читают не только в СССР, но и за рубежом, и по журналу зарубежный читатель будет судить о современном уровне развития советского архивоведения. Но целый ряд вопросов не нашел отражения на страницах этого единственного в стране архивоведческого журнала (микрофильмирование документальных материалов, история архивного дела в СССР и дореволюционной России, научная классификация материалов Государственного архивного дела и т. п.). Было бы целесообразно увеличить удельный вес методических статей за счет перемещения обзоров документальных материалов в раздел «документы».

Ленинградский исследователь *П. Н. Михрин* останавливается на вопросе о публикации в журнале документов о В. И. Ленине. Журнал положил хорошее начало, опубликовав воспоминания М. В. Фофановой (№ 4, 1956), в которых поднят вопрос о дате возвращения В. И. Ленина из Финляндии в Петроград. М. В. Фофанова указывает, что это было не 7 октября 1917 г., как принято сейчас считать, а 22 сентября. Внесение ясности в этот вопрос имеет большое значение, поскольку в этот период между В. И. Лениным и большинством ЦК были разногласия в коренном вопросе — о сроках вооруженного восстания.

Тов. Михрин на основании изучения ряда источников пришел к выводу, что В. И. Ленин вернулся в Петроград в сентябре 1917 г., только это произошло 29, а не 22 числа. Это дискуссионный и важный историко-партийный вопрос; редакции необходимо уточнить вопрос об этой великой дате в жизни и деятельности В. И. Ленина.

Старый коммунист *М. И. Мухтар-Лондарской* останавливается на некоторых проблемах, которые должны найти место в документальных публикациях журнала. Это — роль В. И. Ленина в организации и восстановлении народного хозяйства, подготовка кадров в годы гражданской войны, организация культурных учреждений. Положительную оценку он дает публикации «К истории написания В. И. Лениным статьи „Маленькая картинка для выяснения больших вопросов"» (№ 4, 1958).

За четыре года существования журнала редакция «Исторического архива» проделала большую и полезную работу, говорит *А. А. Преображенский* (Институт истории АН СССР). Очень хорошо, что журнал повернулся лицом к публикации документов советской эпохи. В то же время наблюдается постоянная тенденция к сокращению объема материалов по истории феодализма (за 4 года было помещено всего 13 публикаций, не считая сообщений и «заметок архивиста»).

Наряду с этим необходим более строгий контроль качества публикуемого материала. Так, например, публикация о русско-китайских отношениях в XVII в. (№ 3, 1957) безусловно не отвечает тем требованиям, которые предъявляются к публикациям документов на такую важную тему. До сих пор, отмечает А. А. Преображенский, в «Историческом архиве» не нашла отражения история сельского хозяйства, история развития промышленности, мало документов о классовой борьбе, о жизни и быте народных масс в феодальную эпоху. Следует усилить критический отдел журнала — печатать библиографический материал.

В. И. Вяликов (МГИАИ) высказывается за привлечение в качестве авторов публикаций специалистов из союзных республик, работников крупных областных и краевых государственных архивов.

С большим интересом я узнал, говорит он, о наличии документов о П. И. Багратионе, М. И. Кутузове и М. Б. Барклае де Толли в Государственном архиве Финляндии (№ 4, 1958).

Останавливаясь на опубликованных в 1958 г. в «Историческом архиве» статьях о состоянии архивного дела в союзных республиках, В. И. Вяликов отмечает, что научный уровень ряда из них невысок.

Автор воспоминаний о работе Весьегонского Совета в 1917—1918 гг. (№ 4, 1958) *И. Е. Мокин*, в прошлом типографский рабочий, сейчас пенсионер. «Мне 72 года, и никогда в жизни я нигде не печатался,— говорит тов. Мокин,— теперь мои воспоминания опубликованы на страницах этого журнала». Далее И. Е. Мокин высказал ряд критических замечаний в связи с некоторыми неточностями, допущенными при редактировании его воспоминаний.

К. Г. Митяев (МГИАИ) отмечает, что после прекращения издания «Архивного дела» в 1941 г., вопросы теории архивоведения долгое время почти не находили своего отражения в печати. Теперь эту функцию выполняет «Исторический архив». Редакции следует более широко ставить теоретические проблемы архивоведения (документоведение, классификация, комплектование, описание, вопросы археографии и т. д.), а также освещать историю нашей отрасли науки. Только в этом случае будет создана база, опираясь на которую мы сможем решать стоящие перед нами задачи. К. Г. Митяев подчеркивает международное значение «Исторического архива» в качестве трибуны передового советского архивоведения.

---

[2] В № 1 «Исторического архива» за 1959 г. опубликованы еще две статьи по вопросам экспертизы (см. стр. 172—181).

Интересные соображения о работе журнала представил *Ф. А. Александров* (Моск. институт стали). Он с удовлетворением отмечает, что в 23 номерах журнала помещено около 150 публикаций документов, статей, обзоров, рецензий и заметок, посвященных истории КПСС; около 40% из них посвящено периоду Октябрьской революции и революции 1905—1907 гг. Жаль, что здесь нашли отражение только три съезда партии — III, VI и VII. Опубликование источников о X и XV съездах партии не менее интересно, особенно в свете постановления июньского Пленума ЦК КПСС 1957 г. об антипартийной группе. Ценным было бы издание документов о борьбе большевиков с попытками ревизии марксизма в годы столыпинской реакции. В заключение Ф. А. Александров выразил благодарность сотрудникам редакции журнала за внимательное отношение к нему как автору [3].

Выступивший с заключительным словом *В. И. Шунков* ответил на вопросы, затронутые участниками обсуждения.

Многие читатели выступили с рекомендациями о расширении той или иной тематики в деле публикации исторических источников. М. С. Селезнев предлагал печатать статьи по ряду вспомогательных исторических дисциплин (а не только по архивоведению), но эта область науки скорее относится к профилю других журналов. Наконец, В. Е. Полетаевым было высказано предложение о разделении «Исторического архива» на два журнала. Это предложение заслуживает внимания.

В заключение В. И. Шунков от имени редколлегии поблагодарил собравшихся и выступавших на конференции.

В. А.

[3] В редакцию поступило много откликов на разосланную «Анкету читателя». Выражая благодарность товарищам, приславшим отзывы, редакция сообщает, что предложения читателей будут использованы в дальнейшей работе журнала.

ЗАМЕТКИ ОБ АРХИВАХ И ДОКУМЕНТАХ

I

В Государственном историческом архиве Ленинградской области обнаружены новые документы о ранних годах (1879—1887 гг.) жизни и учебы выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства Надежды Константиновны Крупской. Из этих документов (адресные книги и зачетные ведомости гимназисток, опекунское дело Н. К. Крупской, заведенное после смерти ее отца, и др.) явствует, что после получения домашнего начального образования Н. К. Крупская 1 сентября 1879 года поступила в Екатерининскую женскую гимназию, которая помещалась в доме № 107 по набережной реки Фонтанки в собственном доме Бруни (позже гимназия была переведена в дом № 29 на Измайловском проспекте) (ф. 311, оп. 1, д. 16, лл. 68—69.)

В адресной книге учениц этой гимназии имеется помета, что Н. К. Крупская вместе со своей матерью Елизаветой Васильевной в это время проживала в г. Петербурге по Усачеву переулку (ныне пер. Макаренко), в доме № 11, кв. 1 (там же).

В июне 1880 года она перешла в 5-й класс Литейной гимназии (Бассейная ул., дом № 15— ныне улица Некрасова) и проживала уже по новому адресу: в доме № 2/28 на углу Надеждинской улицы (ныне Маяковского) и Баскова переулка в квартире № 42 (по другим документам — в квартире № 45 (ф. 271, оп. 1, д. 113, л. 22 об.; д 70, лл. 209 об. —210; ф. 268, оп. 2, д. 303, л. 1.)

Как видно из опекунского дела, на 14-м году жизни Надежду Константиновну постигло большое горе —24 февраля 1883 года от туберкулеза легких умер ее отец. Семья осталась почти без средств к существованию. Экономические условия жизни были и в дальнейшем довольно затруднительными, так как жить приходилось лишь на проценты от оставшегося неполученным жалования Константина Игнатьевича. Никаких других доходов и имущества не было, а учеба Надежды Константиновны и плохое здоровье Елизаветы Васильевны, ее поездки на Старорусские минеральные воды для лечения требовали больших расходов (ф. 268, оп. 2, д. 303, лл. 4, 5, 21). Стесненное материальное положение вынудило искать более дешевую квартиру. В декабре 1883 года они переехали на Малую Итальянскую улицу (ныне улица Жуковского) в дом № 28, кв. 47 (там же, л. 8).

Пропустив один учебный год в связи с болезнью и смертью отца, Надежда Константиновна Крупская с 1 сентября 1883 г. продолжала свое образование в частной женской гимназии княгини Оболенской (Малая Итальянская улица, дом № 14—16). После окончания седьмого класса педагогический совет гимназии в своем заседании от 11 октября 1886 года вместе с аттестатом присудил ей вторую золотую медаль (ф. 323, оп. 1, д. 11, лл. 63—65 и 85—86; д. 7, лл. 49—50).

В течение 1886/87 учебного года Н. К. Крупская отлично закончила 8-й дополнительный педагогический класс со

специализацией по математике и русскому языку и 14 ноября 1887 года на Охте получила диплом за № 163 на звание домашней наставницы (там же).

Как отмечается в документах, уже в процессе освоения курса 8-го класса у нее проявился незаурядный талант педагога. В течение последующих двух лет (1887/88 и 1888/89 учебных годов) Надежда Константиновна очень много работала над своим самообразованием и вела вечерние занятия с десятью ученицами-пансионерками гимназии Оболенской, в течение которых ее педагогические способности развивались и совершенствовались. Оценивая результаты этой практической деятельности Н. К. Крупской, педагогический совет гимназии в своем заседании от 20 мая 1889 года единодушно признал, что «успехи ее учениц свидетельствуют о выдающихся педагогических способностях ее, основательности ее познаний и крайне добросовестном отношении к делу» (там же, оп. 1, д. 20, л. 132).

Живой и постоянно стремящийся к новому ум Н. К. Крупской привел ее в ряды пропагандистов Коммунистической партии, где ее выдающимся педагогическим способностям предоставлено было широкое поле деятельности. В фонде Смоленских вечерне-воскресных классов для рабочих в журналах заседаний за 1891—1896 гг. имеются сведения о приеме на курсы Надежды Константиновны педагогом с 29 августа 1891 г. (по рекомендациям Е. Н. Ростиславлевой и М. В. Величко). А с 29 августа 1893 г. она была избрана заведующей вечерними занятиями Первой мужской школы (ф. 997, оп. 1, д. 11, л. 48).

В журнале заседания от 29 августа 1896 года имеются также сведения о выбытии Надежды Константиновны из Смоленских классов совместно с 23-мя другими педагогами (там же, л. 94).

Судя по отчетам Надежды Константиновны, вся ее работа в Смоленских вечерне-воскресных классах для рабочих как педагога-организатора и пропагандиста была подчинена главным целям политической и общетеоретической подготовки будущих славных отважных борцов за осуществление грядущей, первой в мире пролетарской социалистической революции.

А. И. Давиденко

II

Архивные материалы, хранящиеся в Центральных государственных исторических архивах Армянской ССР и Грузинской ССР, содержат сведения о получении в Армении «Искры» и ее изданий из-за границы. Так, в августе 1902 г. в почтово-телеграфном отделении Еленовки было задержано письмо, полученное из-за границы на имя жителя села Еленовки Нор-Баязетского уезда Тимофея Афониева. В письмо была вложена вышедшая в издании «Искры» брошюра под названием «Памятка солдата». 29 сентября того же года в Еленовке был конфискована революционная литература, присланная из-за границы на имя жителя села Семеновки Ивана Нехорошего, среди которой были обнаружены брошюры «Русский ткач Петр Алексеевич Алексеев» и «Как попы поработили народ учением Христа» (ЦГИА ГССР, ф. 39, д. 556, л. 1.).

Начальник почтово-телеграфного отделения Эривани доносил 10 февраля 1903 г. эриванскому губернатору, что на имя гражданки Натальи Петровой получено 4 письма, в которые вложено несколько номеров Российской социал-демократической газеты «Искра» (ЦГА Арм. ССР, ф. 122, д. 3, л. 71). Вслед за этим по адресу Петровой были высланы из Австрии №№ 32, 33, 35, 37 «Искры» (там же, лл. 52, 53, 59, 62, 69).

Конечно, эти сведения относятся к тем пересланным в Армению номерам «Искры», которые были обнаружены почтой. Несомненно, что многие номера газеты не были задержаны царскими агентами и дошли до социал-демократических организаций.

В 1901—1903 гг. ленинская «Искра» и ее издания были получены и распространены в Эривани, Александрополе, Джалал-Оглы, Карсе и других местах.

В Джалал-Оглы газеты «Искра», а в последующем «Вперед» и «Пролетарий», а также другая марксистская литература получались по адресу Арона Исаакяна (Исаков), а в Александрополе и в Карсе через подпольные военные социал-демократические организации (ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 20, д. 34403).

В нелегальных библиотеках большевистских организаций Армении наряду с другой марксистской литературой хранились и номера газеты «Искра». В апреле 1905 года царская жандармерия обнаружила нелегальную большевистскую библиотеку Александропольской военной организации РСДРП, в которой, кроме номеров «Искры», было также много революционных социал-демократических брошюр, как, например, «Памятка солдата», «Речь Гольдбальда», «Манифест Коммунистической партии», «Кто должен победить?» и др. (архив Арм. филиала ИМЛ, ф. 33, д. 169).

Приведенные архивные документы свидетельствуют о том, что ленинская «Искра» и ее издания пересылались в Армению, что сыграло неоценимую роль в деле распространения идей марксизма среди армянских трудящихся.

Х. А. Барсегян

III

В фондах Казанского губкома, Чистопольского, Тетюшского, Елабужского уездных комитетов РКП(б), хранящихся в партийном архиве Татарского обкома

КПСС (ТОПА), в фондах Казанского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Отдела управления Казанского губернского и городского исполкома, хранящихся в Центральном государственном архиве Татарской АССР, имеется значительное количество документов, повествующих о начале, развитии и ходе коммунистических субботников в Татарии, которая первой из национальных районов страны поддержала почин московских рабочих.

Первый Коммунистический субботник в Казани состоялся 31 мая 1919 года. С этого времени субботники стали распространяться по всему городу. Решающую роль в их распространении играли коммунисты. Казанская уездная конференция РКП(б), заслушав 28 июня 1919 г. вопрос о субботниках, постановила: «Напрячь все силы для организации субботников-воскресников как в городе, так и на фабриках, заводах, волостях и деревнях» (ТОПА, ф. 868, д. 90, л. 280).

Только в одном Железнодорожном районе г. Казани со 2 августа по 28 декабря 1919 г. в субботниках участвовало 5295 коммунистов и 598 беспартийных (там же, д. 179, л. 29). Они погрузили и выгрузили свыше 200 вагонов дров, очистили 3340 погонных сажен железнодорожного пути, убрали разрушенные вагоны весом до 10 тысяч пудов, заготовили дров для крупнейшего в Казани текстильного комбината, погрузили 1950 мотков колючей проволоки, подняли 3 свалившихся паровоза, перенесли в дровяные склады 320 погонных сажен дров, вывезли 24 вагона снега и т. д. (там же, л. 106).

Казанский губком РКП(б), подводя итоги коммунистическим субботникам, на первом этапе в директивном письме всем уездным и районным комитетам партии в декабре 1919 г. писал: «Все волостные и сельские ячейки должны быть втянуты в эту работу. Очистка железнодорожных путей от снежных заносов, ремонт паровозов и вагонов (для ячеек, примыкающих к железнодорожным станциям), помощь семьям красноармейцев, заготовка дров для школ и больниц, вывоз дров к железнодорожным станциям, заготовка их в лесу (для волостных и сельских ячеек) — вот работа субботников в деревне» (там же, ф. 1223, д. 71, л. 54).

В апреле 1920 г. в стране проводились субботники «Неделя трудового фронта». В течение недели с 1 апреля 1920 г. в субботниках по восстановлению транспорта в Казани участвовало 11412 человек (там же, ф. 868, д. 611, лл. 124—125). В последующие дни в Казани продолжались субботники по восстановлению транспорта. Так 12—13 апреля в субботниках на станции Казань работало 1633 человека, 18 апреля —1275 человек, с 21 по 27 апреля —9675 человек (там же, д. 606, л. 10). В уездах Татарии при отсутствии объектов железнодорожного и водного транспорта субботники «Недели трудового фронта» проводились по ремонту грунтовых дорог, мостов, запашке земель красноармейцев.

Еще большего размаха коммунистические субботники достигали в Татарии в день 1 мая 1920 г.

Казанский губисполком в своем постановлении от 16 апреля 1920 г. вменял в обязанность волостным и сельским комиссиям по проведению первомайского субботника в день 1 мая привлечь все трудоспособное население для ремонта дорог, мостов, колодцев, для оказания помощи семьям красноармейцев в ремонте сельхозинвентаря, жилищ, запашки земель.

Широкая по своему размаху и глубокая по идейному содержанию подготовка к субботнику дала замечательные результаты. В Казани в Первомайском субботнике участвовало свыше 35 тысяч человек. Они закрепляли Первомайскую дамбу, связывающую центральные районы города со слободами, грузили и разгружали вагоны, баржи. Из числа участников субботника 15 тысяч школьников под руководством тысячи учителей озеленяли площади, скверы (там же. д. 363, лл. 363—364).

На Казанской железной дороге в субботнике участвовало 7 тысяч человек. За день они выпустили из капитального и среднего ремонта 35 паровозов, 198 вагонов. На станции Свияжск 285 человек подняли путь на расстоянии 330 погонных сажен, собрали 250 штук шпал, заложили фундамент средней школы и детского сада. В Алатыре 2100 участников субботника заложили здания литейной мастерской, бани, сложили каменную пристройку для механического отделения, нагрузили 55 вагонов шпалами (ЦГА ТАССР, ф. 98, оп. 1, д. 239, л. 53). В уездном городе Елабуге работали 1485 человек (там же, л. 27). В городе Арске 750 человек заложили два сада, городской сквер, детскую площадку, ясли в селе Рыбная Слобода, мост через реку Мешу, начали укреплять 76 оврагов по уезду, запахали все школьные огороды (там же, лл. 43—44). В 17 селениях Ромодановской волости, Спасского уезда в день 1 мая работали 1854 человека, 476 крестьян вышли на субботник с лошадьми. За день было запахано для семей красноармейцев и бедняков 179 десятин земли, срублено и вывезено 60 возов хвороста на плотину, сооружены два новых моста, прорыта канава к реке Ахтаю длиной в один километр, очищено 150 дворов (ТОПА, ф. 868, д. 609, лл. 26—29).

Коммунистические субботники имели большое значение в деле укрепления союза рабочего класса и трудового крестьянства. Особенно больше значение в укреплении смычки города с деревней имели субботники, проводившиеся в «Неде-

лю крестьянина», летом и осенью 1920 г.

Казанский губком РКП(б) в своей телеграмме уездным комитетам партии и исполкомам о проведении «Недели крестьянина» предлагал в каждом уезде починить не менее десяти мостов, десятки мельничных плотин, водяных и ветряных мельниц, до 800 штук сельхозинвентаря, направить на уборку урожая все сельхозмашины. Губком РКП(б) требовал привлечь к широкой культурно-политической работе всех коммунистов и школьных работников, проводить в деревнях митинги, беседы, лекции, открыть не менее 5—6 детских садов, клубов, народных домов (там же, д. 593, л. 13).

В «Неделю крестьянина» города посылали в деревню целые бригады из квалифицированных рабочих с необходимыми материалами для ремонта сельхозинвентаря. Казань направила большие группы рабочих во многие уезды губернии. Так, группа казанских рабочих из 16 человек, работая в Кляушинской волости, отремонтировала 13 телег, обтянула 110 колес, отбила 250 сошников. В общей сложности 16 казанских рабочих отремонтировали крестьянам Кляушинской волости до 2000 предметов мелкого хозяйственного инвентаря. В докладе Кляушинской волости о проведении «Недели крестьянина» говорилось: «Крестьяне были очень рады посланным рабочим из Казани и просили остаться поработать еще. Они убедились на факте, что действительно рабочие помогают строительству новой жизни всему трудовому крестьянству» (там же).

В Чистопольском уезде комитет РКП(б) направил в помощь деревне 67 кузнецов, слесарей, молотобойцев, в том числе 19 дорожных и мельничных техников, присланных из Казани, создал и направил 13 отрядов в составе 260 человек по уборке урожая. Кроме этого, уездные органы на местах привлекали к работе 30 кузнецов, 100 плотников, 3810 рабочих, не занятых в сельском хозяйстве. За время «Недели крестьянина» с 13 по 20 августа 1920 г. в уезде было исправлено и починено 118 плугов, 3 жнейки, 3 молотилки, 962 колеса, 82 пожарных машины, отремонтировано 108 и построено вновь 40 мостов, загружено 3 плотины, отремонтировано 28 ветряных и паровых мельниц, выжато 279 десятин хлеба семьям красноармейцев, засеяно озимыми 80 десятин, свезено с полей снопов 369 телег, обмолочено 312 телег хлебов и т. д. По далеко неполным данным, в ходе «Недели крестьянина» по одному Чистопольскому уезду была оказана помощь 2272 хозяйствам бедняков и семей красноармейцев. Стоимость ремонта сельхозмашин и полевых работ составила 6 792 800 руб. (там же, л. 46).

Размах коммунистических субботников в 1919—1920 годах показал, какие огромные возможности подъема производительности труда таятся в творческой инициативе трудящихся масс первого в мире советского государства.

С. П. Люшин

IV

В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде обнаружены новые документы о научной деятельности крупного слависта и видного общественного и государственного деятеля Болгарии, профессора Харьковского университета Мариана Степановича Дринова.

Среди них документы о его научной командировке в Болгарию и другие славянские страны в 1875—1876 гг. В своем прошении историко-филологическому факультету Харьковского университета о командировании его в Болгарию Дринов писал в начале 1874 г.: «Из всех славянских наречий и литератур наименее исследованы и изучены наречие болгарское и его литература. Какой важный пробел вследствие этого остается в славянской науке, было бы излишне доказывать. Желая по силе возможности содействовать восполнению этого пробела, я избрал предметом для моей докторской диссертации историю болгарского языка» (ф. 733, оп. 148, д. 52, л. 1).

В инструкции, данной Дринову Советом Харьковского университета, говорилось, что главным предметом его занятий заграницей должно быть изучение болгарского языка в его современном состоянии и в его историческом развитии, а также выяснение отношения болгарского языка к церковнославянскому. В инструкции указывалось также, что, кроме Болгарии, он должен посетить Белград, Загреб, Любляну, Прагу, Вену, Краков и Львов для ознакомления с хранящимися там собраниями болгарских рукописей (там же, лл. 14—15).

Имеются отзывы Ученого комитета Министерства народного просвещения об отчетах М. С. Дринова о его научной работе во время этой заграничной командировки. В отзыве Ученого комитета от 23 февраля 1876 г. подчеркивалось: «...Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, несмотря на вынужденную кратковременность своего пребывания в Болгарии, г. Дринов успел собрать немало новых материалов для истории славянской письменности, на которые и делает краткие указания в своем отчете, и новых данных о народных говорах и диалектах славян македонских и фракийских» (там же, л. 21).

Научная деятельность М. С. Дринова была прервана русско-турецкой войной 1877—1878 гг. Он плодотворно работал на посту министра народного просвещения при временном Русском гражданском управлении в Болгарии.

В архиве находятся документы о награждении его в 1878 и 1879 гг. «За отлично-усердную службу и особые труды по Граж-

данскому управлению в Болгарии» русскими орденами (там же, оп. 121, д. 363).

Научная деятельность Дринова заслужила признание и со стороны ряда иностранных научных учреждений. Имеются документы об избрании в 1901 г. профессора Харьковского университета М. С. Дринова членом-корреспондентом Краковской академии наук (там же, оп. 122, д. 1716).

В документальных материалах архива содержатся сведения о награждении его в 1899 г. болгарским орденом. В связи с этим награждением в своем рапорте ректору Харьковского университета от 23 сентября 1902 г. Дринов сообщал, что 23 апреля 1899 г. в Софии девятнадцать разных научных и литературных обществ и кружков. вместе с Высшим Болгарским училищем отпраздновали 30-летний юбилей со дня опубликования его первых трудов по истории Болгарии. Празднование этого юбилея и явилось поводом к награждению его в 1899 г. «Народным Болгарским орденом за гражданскую заслугу 1-й степени». Далее он приводит текст телеграммы, которую прислали ему в день празднества присутствовавшие на нем болгарские министры. В телеграмме сообщалось, что в честь М. С. Дринова болгарское правительство учредило стипендию его имени для лиц, оканчивающих Высшее училище и «отправляемых за границу для усовершенствования в исторической науке», а городской Совет Софии назвал именем Дринова одну из городских улиц (там же, оп. 123, д. 31, л. 57).

Его научная деятельность получила высокую оценку также со стороны русских ученых. Так, в представлении Историко-филологического факультета Харьковского университета на имя ректора университета об оставлении Дринова сверхштатным профессором при факультете в конце 1903 г. указывалось: «Имя профессора М. С. Дринова пользуется среди славистов всех стран широкою и почетною известностью, доставившею ему звание члена-корреспондента как С.-Петербургской, так и всех славянских академий (Загреб, Краков, Прага). Удержание при факультете такого авторитетного и заслуженного ученого само по себе весьма желательно» (там же, оп. 151, д. 514, л. 118).

Вновь обнаруженные документы раскрывают более полно некоторые стороны деятельности этого выдающегося ученого и общественного деятеля Болгарии и России.

С. А. Виноградов

V

В ЦГАДА обнаружены материалы о крупном изобретателе XVIII в. Леонтии Лукьяновиче Шамшуренкове. В фонде Правительствующего Сената хранится дело «О выдаче города Еранского, деревни Большепольской, крестьянину Леонтью Шамшуренкову денег 3 рублей на дело модели для подъема большого колокола» (д. 46). Речь идет о работе над созданием подъемного механизма для поднятия «Царь-колокола» в 1736 г. на колокольню. В документе от 2 сентября 1736 г. говорится о подготовке к подъему «нововылитого большого успенского колокола» (л. 5), т. е. колокола для Успенского собора в Кремле. Просьба о выдаче трех рублей денег на сооружение модели подъемного механизма свидетельствует о простоте изобретения и о необычайной скромности изобретателя из народа. Из «доношения» от 23 августа 1736 г., мы узнаем, что Шамшуренков — выходец из Казанской губернии и раньше бывал в Москве, в частности в 1731 г., где, очевидно, он и смог познакомиться с достижениями техники своего времени.

Новый материал дает нам возможность судить о возрасте изобретателя, о его родственных связях, ибо в справке дворцовой канцелярии от 25 августа 1736 г. упоминается, что «в деревне Большепольской написан Сергей Лукьянов з детьми, у Сергея брат Леонтей тридцати осми лет» (л. 3).

После переписки и наведения справок Сенатская контора согласилась отпустить Шамшуренкову три рубля, но эти деньги были выданы не изобретателю, а вахмистру Петру Мосееву. Последний сам должен был делать покупки для созидателя «снаряда». В деле прилагается выдержка из «репорта» сенатского вахмистра Мосеева, в которой точно приводятся интересные данные о материалах, приобретенных для постройки модели. Тут же отмечается, что «октября 20-го дня вышеписанной Шамшуренков оную модель в конторе объявил» (л. 8). Иными словами к 20 октября 1736 г. модель была готова. Как известно, изобретение Шамшуренкова блестяще выдержало испытание.

А. Д. Вейсман

VI

В Государственном архиве Иркутской области хранится личный фонд сибирского историка, писателя и общественного деятеля иркутского уроженца Всеволода Ивановича Вагина (1823—1900 гг.).

По окончании уездного училища В. И. Вагин служил в Главном управлении Восточной Сибири в Иркутске, затем был учителем, адвокатом, членом городской думы. Его литературная деятельность началась с 1847 г. Первоначально он сотрудничает в петербургских газетах: «Голос», «Век», «Северная пчела», «Петербургские ведомости». С 1874 по 1877 г. Вагин редактировал и издавал в Иркутске газету «Сибирь», а в дальнейшем сотрудничал в газете «Восточное обозрение», работал в Восточно-Сибирском отделе русского географического общества. Им написано свыше двухсот работ по истории Сибири, о состоянии сибирской промышленности, сельского хозяй-

ства, о городском управлении, по вопросам переселения (в частности, о заселении р. Амура) и др.

Личный фонд В. И. Вагина насчитывает 113 ед. хр., в том числе 35 пачек писем. В фонде имеются рукописи сочинений В. И. Вагина, официальная переписка, связанная с его деятельностью; отдельно выделены письма.

Некоторые рукописи Вагина представляют собой черновики его опубликованных работ, например «Николаевский железоделательный завод», «Сороковые годы в Иркутске» и др. Однако при изучении опубликованных работ и сравнении их с черновиками обнаруживается, что в черновиках имеются и материалы, не появившиеся в печатном виде. К таким относится, в частности, рукопись статьи «Щаповы».

Большинство рукописей фонда не опубковано; из них наиболее значительны следующие:

1. Черновики работ, посвященных состоянию золотой промышленности в Сибири и положению рабочих на приисках: «Новые законы о сибирской золотопромышленности», 1870 г.; «Три докладные записки по вопросу о положении рабочих на золотых приисках Восточной Сибири», 1870 г. (одна докладная записка представляет мнение Вагина).

2. Рукописи работ с материалами о поездках В. И. Вагина по различным районам Сибири, в них содержатся ценные сведения по этнографии, о народонаселении, экономическом состоянии районов и перспективах их развития, о социальных отношениях в городе и деревне. Это — «Приангарские впечатления», 1836 г.; «Амурский вопрос и Забайкалье», 1890 г.; «На горькой линии», 1890 г. (черновые заметки о поездке в казачьи станицы Западной Сибири); «С берегов Байкала», 1893 г.

3. Рукописи автобиографического характера: «Мои воспоминания», 1883 г. (воспоминания В. И. Вагина, начиная с детских лет и кончая 1841 г.— временем службы в Главном управлении Восточной Сибири); «Открытие Забайкальской области (1851—1871 гг.)», 1889 г. (о создании Забайкальской области, основания г. Читы, своей службе в Управлении Забайкальской области, об общественной жизни Читы). В последней работе мы встречаем краткую характеристику декабриста Д. Г. Завалишина и сведения о его влиянии на общественную жизнь Читы.

4. Рукописи статей, посвященных деятельности сибирского генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского: «Муравьевское время в Сибири», 1890 г.; «К биографии гр. Н. Н. Муравьева-Амурского», 1899 г. и др. В них освещается деятельность Муравьева, связанная с присоединением к России Амурского края: военные экспедиции в устье р. Амура, дипломатические сношения с Китаем и содержатся сведения о состоянии присоединенного края. Характеризуя Н. Н. Муравьева как человека, В. И. Вагин отмечает не только его положительные черты, но и отрицательные: «честолюбие, поверхностное образование, вспыльчивость до бешенства, деспотичность и мстительность, пристрастие к своим любимцам».

В фонде имеется много рукописей литературных рассказов, критических статей, заметок о книгах, обширная официальная переписка.

Эпистолярный материал фонда относится к 1871—1900 гг. Особого внимания заслуживают письма редактора журнала «Дело» Г. В. Благосветлова; писателя С. С. Шашкова (Серафимовича); А. М. Сибирякова — организатора исследовательских экспедиций в Северном море в 70—80 гг. XIX в. (в письме от 6 февраля 1877 г. А. М. Сибиряков сообщает краткие сведения о предполагаемой в 1878 г. экспедиции шведского исследователя проф. Норденшильда в район устья р. Лены, которой он оказывал содействие), писателя М. В. Загоскина; писателя Н. М. Ядринцева; письмо этнографа Г. Н. Потанина (без даты) с просьбой оказать содействие историку В. И. Семевскому в его исследованиях о положении рабочих на золотых приисках в Сибири, письмо этнографа В. С. Арефьева, письмо иркутского городского головы В. П. Сукачева из Франции от 30 июля 1900 г. (о подготовительных работах по организации в г. Иркутске картинной галереи и постройке для нее здания).

Глубокое изучение архивных материалов, составляющих фонд В. И. Вагина, дает возможность осветить ряд вопросов по истории Сибири середины и второй половины XIX в.

А. П. Мещерский

Содержание

ДОКУМЕНТЫ

ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ

СТАТЬИ

СООБЩЕНИЯ

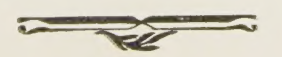
ЗАМЕТКИ АРХИВИСТА

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Аннотации

CONTENTS



К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Исторический архив» просит:

1. Рукописи присылать в редакцию обязательно в двух экземплярах, перепечатанными на пишущей машинке на одной стороне листа через два интервала.

2. Все архивные материалы должны быть заверены соответствующим архивом, из которого извлечены документы, проверены на опубликованность и обработаны согласно правилам издания исторических документов.

3. Текстуальные примечания (сноски) даются в конце каждой страницы через два интервала. Нумерация — постраничная. Реальные примечания даются в конце подборки. Нумерация — сквозная. В отличие от сносок цифра к реальным примечаниям дается со скобкой — 1).

4. Легенды к документам даются в одну строку в конце каждого документа.

5. К каждой статье должен быть приложен список употребляемых сокращений.

6. Оригинал должен быть подписан автором с указанием, что цитаты, а также приводимые им в статье фактические материалы, сверены.

7. Иллюстрации и фотодокументы следует представлять в двух экземплярах, в пригодном для воспроизведения в печати виде.

8. **Статьи и архивные материалы, не принятые к опубликованию, авторам не возвращаются.**

ПОПРАВКА

В журнале «Исторический архив» № 4, 1958 г. на стр. 83, примечание 6, 26 строка снизу

напечатано	*следует читать*
Казарновский И. Ш.— скульптор	Казарновский В. М. (р. 1899).

В № 1, 1959 г. на стр. 232, левый столбец, 29 строка снизу:

напечатано	*следует читать*
Барту)	Думера)